

ДЖУДИТ
МАКНОТ

РАЗ
И
НАВСЕГДА

Annotation

О Джейсоне Филдинге шла дурная слава – он был привлекателен, как грех, и казался столь же порочным. Мало кто знал, какая рана кровоточила в душе этого зеленоглазого аристократа. Лишь одной женщине удалось коснуться сердца Джейсона – хрупкой и прелестной Викторией, юной девушке, только-только делающей первые шаги в жестоком мире лондонского высшего света. Но призраки прошлого возвращаются, чтобы разрушить счастье настоящего...

- [Джудит Макнот](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Джудит Макнот

Раз и навсегда

© Judith McNaught, 1987

© Перевод. Е. С. Шерр, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Моему отцу, который всегда давал мне понять, что гордится мной, и моей матери, которая помогала мне добиваться того, что он гордился мной. Какую прекрасную команду вы вместе составляете!

Глава 1

Англия, 1815 год

– А вот и ты, Джейсон! – воскликнула черноволосая красавица, заметив отражение своего супруга в зеркале над туалетным столиком.

Ее взгляд неспешно скользнул по его высокой статной фигуре; затем она вновь принялась рассматривать содержимое раскрытых перед ней шкатулок с драгоценностями. От волнения у нее дрогнула рука, и улыбка осветила лицо, когда она достала из шкатулки изумительное бриллиантовое кольцо и протянула супругу.

– Помоги мне, пожалуйста, надеть его.

При виде ожерелий с мерцающими рубинами и чудесными изумрудами, уже украшавших шею и полную грудь жены над чересчур смелым вырезом платья, на лице мужа появилось пренебрежительное выражение.

– Тебе не кажется несколько вульгарным выставять напоказ телеса и драгоценности для женщины, которая собирается изображать из себя гранд-даму?

– Да что ты в этом понимаешь? – презрительно возразила Мелисса Филдинг. – Это платье – писк моды. – И высокомерно добавила: – Оно пришлось по вкусу барону Лакруа. Он специально просил меня прийти в нем на сегодняшний бал.

– И несомненно, ему не доставит удовольствия возиться со столькими застежками, когда он будет снимать его с тебя, – саркастически заметил супруг.

– Конечно. Он француз, и к тому же ужасно пылкий.

– К несчастью, без пенни за душой.

– Он считает, что я красавица, – усмехнулась Мелисса, и в тоне ее послышалось едва скрываемое раздражение.

– Он прав. – Ироническим взглядом Джейсон Филдинг скользнул по ее прелестному алебастрово-белому лицу, слегка выпуклым зеленым глазам и полным алым губам, затем по ее пышным, волнующе подрагивающим грудям, отчетливо выделявшимся в глубоком вырезе розового бархатного платья. – Ты красивая, аморальная, жадная... ведьма.

Повернувшись, он направился к двери, но вдруг остановился. В его ледяном тоне послышалась неумолимая властность:

– Перед уходом зайди к нашему сыну и пожелай ему доброй ночи. Джейми слишком мал, чтобы понимать, что ты собой представляешь, и тоскует, когда тебя нет. А я в ближайший час отбываю в Шотландию.

– Джейми! – возмущенно зашипела женщина. – Ты только о нем и думаешь...

Не удосужившись возразить ей, Филдинг направился к двери, и ярость Мелиссы удвоилась.

– По приезде из Шотландии ты меня уже здесь не застанешь! – пригрозила она.

– Дай-то Бог, – не останавливаясь, резюмировал муж.

– Мерзавец! – бросила она ему вдогонку, едва подавляя ярость. – Я расскажу всему свету, кто ты такой, а потом брошу тебя. И никогда не вернусь. Никогда!

Взявшись за ручку двери, Джейсон повернулся; на его лице застыло жесткое, презрительное выражение.

– Вернешься, – усмехнулся он. – Вернешься, как только останешься без пенса в кармане.

Дверь за ним закрылась, и Мелисса победоносно поджала губы.

– Я никогда не вернусь, Джейсон, – громко объявила она опустевшей комнате, – потому что никогда не останусь без денег. Ты обеспечишь меня всем, чего я ни пожелаю...

– Добрый вечер, мой господин, – странно напряженным шепотом произнес дворецкий.

– Счастливого Рождества, Нортроп, – машинально отвечал Джейсон, стряхивая снег с ботинок и отдавая слуге намокший плащ. В его мозгу всплыла последняя, двухнедельной давности, сцена с Мелиссой, но он выбросил ее из головы. – Из-за непогоды поездка заняла у меня лишний день. А что, сын уже лег спать?

Дворецкий застыл на месте.

– Джейсон... – В дверном проеме гостиной, расположенной за мраморной приемной залой, появился крупный мужчина средних лет с обветренным лицом бывалого моряка. Он жестом пригласил Джейсона пройти в гостиную.

– Что ты здесь делаешь, Майк? – спросил Джейсон, озадаченно наблюдая, как моряк аккуратно закрывает за ними дверь.

– Джейсон, – скорбно проговорил Майк Фаррел, – Мелисса уехала. Как только ты отбыл в Шотландию, она вместе с Лакруа отплыла на Барбадос. – С минуту он ждал какой-то реакции, но когда ее не

последовало, глубоко и прерывисто вздохнул. – Они забрали Джейми с собой.

Глаза Джейсона вспыхнули дикой яростью, казалось, вот-вот они извергнут пламя.

– Я убью ее за это! – бросил он, направляясь к двери. – Я найду ее и убью...

– Слишком поздно. – Глухой голос Майка остановил Джейсона на полпути. – Мелисса уже мертва. Их судно попало в шторм и затонуло через три дня после выхода в море. – Он отвел взгляд от болезненно искаженного лица Джейсона и монотонным голосом добавил: – Спасти никого не удалось.

Онемевший от горя, Джейсон стремительно подошел к столику для закусок и достал хрустальный графинчик с виски. Плеснув немного в стакан, он разом проглотил всю порцию, затем, глядя перед собой невидящим взором, вновь наполнил его.

– Она оставила для тебя вот это. – Фаррел протянул два письма со вскрытыми печатями. Джейсон не шевельнулся. Майк тихо пояснил: – Я уже прочитал их. В одном, адресованном тебе и оставленном Мелиссой в твоей спальне, речь идет о выкупе. Она собиралась вернуть тебе Джейми за выкуп. Во втором письме содержатся обвинения против тебя; она отдала его лакею, поручив доставить в «Таймс» после своего отъезда.

Однако когда Флосси Уильсон обнаружила исчезновение Джейми, она незамедлительно опросила слуг о том, что происходило накануне вечером, и лакей отдал письмо ей, вместо того чтобы доставить в «Таймс», как это было ему поручено. Флосси не смогла связаться с тобой, чтобы сообщить о случившемся, и потому послала за мной и передала оба письма. Джейсон, – хрипло добавил Майк, – я знаю, как ты любил мальчика. Соболезную тебе. Так соболезную...

Джейсон горестно взглянул на портрет в золоченой рамке, висевший над каминной полкой. В полном муки молчании он вглядывался в изображение сына – маленького крепыша с улыбкой херувима и любимым деревянным солдатиком в кулачке.

Стакан в руке Джейсона дрогнул. Но глаза его оставались сухими. Детство Джейсона Филдинга было таким, что он давным-давно выплакал все слезы.

Портидж, штат Нью-Йорк, 1815 год

Снег поскрипывал под маленькими ножками Виктории Ситон, когда

она свернула с дорожки и отворила белую деревянную калитку, ведущую в передний дворик скромного маленького дома, где девушка родилась. Ее щеки горели румянцем, а глаза ярко сияли, иногда она останавливалась, чтобы взглянуть на звездное небо; девушка вглядывалась в него незамутненными, восторженными глазами подростка, которому на Рождество исполняется пятнадцать лет. Улыбаясь, она промурлыкала заключительные такты одного из рождественских гимнов, которые весь вечер распевала с подружками, и направилась к домику с затемненными окнами.

Стараясь не разбудить родителей и младшую сестру, она тихонько открыла дверь парадного и скользнула в дом. Повесив на вешалку плащ, Виктория повернулась и, пораженная, застыла. В лунном свете, проникавшем через окно, на верхней площадке лестницы она увидела родителей, стоявших возле самой спальни матери.

– Нет, Патрик! – Мать вырывалась из крепких объятий отца. – Я не могу! Просто не могу!

– Не отказывай мне, Кэтрин, – хриплым умоляющим шепотом просил Патрик Ситон. – Ради бога, не...

– Ты же обещал! – вырвалось у Кэтрин, которая отчаянно пыталась высвободиться из его рук. Он наклонился и поцеловал ее, но она отвернулась и с рыданием выговорила: – В тот день, когда родилась Дороти, ты обещал, что больше не будешь меня просить об этом. Ты же дал слово!

Пораженная и испуганная, Виктория осознала, что еще никогда не видела, чтобы ее родители дотрагивались друг до друга – ни со злостью, ни с нежностью, и сейчас она не могла даже вообразить, о чем отец умолял мать.

Патрик отпустил жену.

– Прости, – сказал он с каменным лицом.

Мать бросилась в свою комнату и закрыла дверь, а Патрик Ситон, вместо того чтобы направиться к себе, повернулся и начал спускаться по узким ступенькам лестницы, пройдя в нескольких дюймах от Виктории.

Виктория вжалась спиной в стену; у нее было такое ощущение, как будто безопасность и покой окружающего ее мира оказались под угрозой от того, что она увидела.

Опасаясь, что, если она попытается подняться по лестнице, отец заметит ее и поймет, что дочь была свидетельницей унижительной интимной сцены, девушка застыла, глядя, как он уселся на софу и устремил взгляд в последние еще тлевшие угольки в камине. Бутылка, годами

пылившаяся на кухонной полке, теперь стояла перед ним рядом с наполовину наполненным стаканом. Когда он наклонился и потянулся за стаканом, Виктория повернулась и осторожно поставила ногу на нижнюю ступеньку.

– Я знаю, что ты здесь, Виктория, – бесстрастным тоном, не оглядываясь, сказал отец. – Нет смысла притворяться, что ты не видела того, что сейчас произошло между твоей матерью и мной. Почему бы тебе не подойти сюда и не присесть у камина? Я ведь не грубое животное, как ты, должно быть, думаешь обо мне.

От любви к отцу у Виктории перехватило горло, и она быстро подошла и села рядом.

– Я вовсе так не думаю, папа. И никогда, даже на минуту, не считала тебя таким.

Отец сделал большой глоток.

– И не осуждай свою мать, – предупредил он, чуть запинаясь, как если бы начал пить еще задолго до ее прихода.

Он взглянул на испуганное лицо дочери и понял, что она взволнована. Успокаивающе обняв ее за плечи, он попытался облегчить ее горечь, но на самом деле его слова стократно усугубили ее.

– Я и твоя мать – оба не виноваты. Просто она не может любить меня, а я не могу перестать любить ее. Вот и вся правда.

Вместо безопасного и тихого пристанища детства Виктория неожиданно оказалась в холодном, ужасающем мире взрослых людей. Округлившимися глазами она уставилась на отца, чувствуя, что мир вокруг нее рушится. Девушка отрицательно покачала головой, пытаясь отмахнуться от высказанных отцом ужасных слов. Не может быть, чтобы мать не любила ее чудесного отца!

– Насильно мил не будешь, – покачал головой Патрик Ситон, констатируя ужасную правду. – Любовь не приходит лишь потому, что тебе этого хочется. Если бы это было так, твоя мать полюбила бы меня. Когда мы обручились, она надеялась, что стерпится-слюбится. И я тоже так считал. Нам *хотелось* верить в это. Позднее я пытался убедить себя, что не играет никакой роли, любит она меня или нет. Я говорил себе, что в браке можно обойтись и без этого. – Следующие вырвавшиеся у него слова были сказаны с такой тоской, что у Виктории оборвалось сердце. – Я был глупцом! Любить кого-то, кто не любит тебя, – все равно что попасть в преисподнюю! Никогда не позволяй убедить себя, что можно быть счастливой с тем, кто тебя не любит.

– Н-не буду, – прошептала дочь, смаргивая подступившие слезы.

– И никогда не люби никого больше, чем он любит тебя, Тори. Не допускай этого.

– Н-не буду, – снова прошептала она. – Обещаю.

И не в состоянии больше сдерживать жалость и любовь, рвавшиеся из ее сердца наружу, Виктория посмотрела на отца сквозь мокрый туман слез и дотронулась своей маленькой ладошкой до его прекрасного лица.

– Когда я выйду замуж, папа, – всхлипнула она, – я выберу того, кто будет *в точности* таким, как ты.

Он мягко улыбнулся, но вместо прямого ответа лишь заметил:

– Понимаешь, не все так уж скверно. У нас есть Дороти и ты, которых мы любим, и эту любовь мы разделяем с твоей матерью.

Заря едва тронула небосклон, когда Виктория выскользнула из дома после бессонной ночи, которую провела, уставившись в потолок над кроватью. Одета в красный плащ и темно-синюю шерстяную юбку для верховой езды, она вывела своего индейского пони из конюшни и легко вскочила в седло.

В полутора километрах от дома она подъехала к ручью, протекавшему вдоль шоссе, которое вело в деревню, и слезла с пони. Понуро пройдя по скользкому заснеженному берегу, девушка уселась на плоский валун. Она задумчиво смотрела на серую воду ручья, неспешно струившегося меж ледяных глыб.

Небо стало желтым, а затем розовым, пока она так сидела, пытаясь вернуть себе тот душевный покой и радость, которые переполняли ее всегда на этом месте в момент зарождения нового дня. Из-за деревьев по соседству шмыгнул кролик; позади нее послышалось тихое посапывание лошади и ее осторожные шаги вниз по крутому склону. Не успела легкая усмешка коснуться губ Виктории, как мимо ее плеча пролетел снежок; она чуть отклонилась.

– Промазал, Эндрю, – не оборачиваясь, проронила она. Затем в ее поле зрения появилась пара блестящих коричневых сапог.

– Рановато ты сегодня поднялась, – сказал Эндрю, ухмыляясь при виде изящной молоденькой красавицы, восседавшей на камне. Рыжие с золотистой искрой волосы Виктории были зачесаны назад, закреплены черепаховым гребешком на затылке и каскадом ниспадали на плечи. Ее ярко-синие, слегка раскосые глаза по цвету напоминали анютины глазки и обрамлялись длинными густыми ресницами. Нос – маленький, абсолютно правильный, аккуратные скулы, цветущие щеки, а в середине подбородка – крошечная, но интригующая ямочка.

Предвестием красоты отдавала каждая линия и каждая черточка лица девушки, но было очевидно, что ее красоте суждено стать скорее экзотической, нежели хрупкой, скорее живой, нежели девственно-чистой, как было очевидно и то, что ее маленький подбородок свидетельствовал об упрямстве, а в ее блестящих глазах постоянно искрился смех. Однако в это утро в ее глазах не было видно обычного блеска.

Виктория наклонилась, зачерпнула ладонью снег и слепила снежок. Эндрю непроизвольно пригнул голову, но вместо того, чтобы запустить снежок в него, как она обычно поступала, девушка бросила его в ручей.

– Что случилось, ясноглазка? – поддел он. – Боишься промазать?

– Конечно, нет, – уныло сказала она.

– Подвинься и дай мне сесть.

Виктория подвинулась, он сел и озабоченно взгляделся в ее опечаленное лицо.

– Что тебя так беспокоит?

Виктория почувствовала самое настоящее искушение довериться ему. Пятью годами старше ее, Эндрю в свои двадцать лет был умен не по возрасту. Он был единственным ребенком самой состоятельной жительницы деревни, вдовы, отличавшейся неважным здоровьем. Она, с одной стороны, как настоящая собственница цеплялась за своего единственного сына, с другой – переложила на него всю ответственность за ведение хозяйства в их огромном доме и управление тысячей акров прилегающей к нему земли.

Приподняв голову Виктории за подбородок, Эндрю встретился с ней глазами.

– Скажи мне, – мягко попросил он.

Перед этой повторной просьбой ее страдающая душа не могла устоять. Эндрю был другом. За то время, что они были знакомы, он научил ее рыбачить, плавать, стрелять из пистолета и жульничать в карточной игре – последнее, по его словам, было необходимо для того, чтобы она могла отличить, когда обманывают ее.

Виктория вознаградила труды друга тем, что научилась лучше его плавать, стрелять и жульничать. Они были друзьями, и она знала, что может доверять ему почти все. Однако она не могла решиться на то, чтобы обсуждать с ним вопросы отношений между родителями. Вместо этого она заговорила о другом, также тревожившем ее, – о предупреждении отца.

– Эндрю, – нерешительно начала она, – как узнать, что тебя любят? Я имею в виду настоящую любовь.

– А кто именно тебя интересуется?

– Тот человек, за которого я выйду замуж.

Будь она малость постарше и чуть более искушена, ей не составило бы труда разгадать выражение, появившееся в золотисто-карих глазах перед тем, как Эндрю быстро отвел взгляд в сторону.

– Тот человек, за которого ты выйдешь, будет любить тебя, – пообещал он. – Ручаюсь за это.

– Но он должен любить меня по крайней мере так же, как я люблю его.

– Так и будет.

– Возможно, но как я смогу *определить* это?

Эндрю бросил на нее острый вопрошающий взгляд.

– А что, какой-то местный парень докучает твоему папе просьбами выдать тебя за него? – чуть ли не разгневанно спросил он.

– Конечно, нет! – усмехнулась девушка. – Мне всего пятнадцать, а папа убежден, что мне следует подождать до восемнадцати, чтобы я могла разобраться в своих чувствах.

Он посмотрел на ее маленький упрямый подбородок и хмыкнул:

– Если доктора Ситона заботит только то, чтобы ты разобралась в своих чувствах, то он мог бы позволить тебе обручиться хоть завтра. Ты научилась разбираться в этом, еще когда тебе было десять лет от роду.

– Ты прав, – призналась она с веселой откровенностью. С минуту помолчав, Виктория беззаботно спросила: – Эндрю, а тебе самому интересно, на ком ты женишься?

– Нет, – ответил он со странной усмешкой, глядя на другую сторону ручья.

– Почему же?

– Потому что я уже знаю это.

Пораженная таким удивительным откровением, Виктория круто повернулась к нему:

– Так ты знаешь? Правда? Скажи мне! Я с ней знакома?

Когда он не ответил, Виктория искоса бросила на него глубокомысленный взгляд и начала энергично лепить твердый шарик из снега.

– Ты собираешься сунуть его мне за шиворот? – весело спросил Эндрю, в то же время настороженно следя за ее действиями.

– Конечно, нет, – ответила девушка, и в ее глазах замерцали задорные огоньки. – Просто я хочу заключить с тобой пари. Если я попаду снежком вон в тот камешек, что лежит на самом дальнем валуне, то ты должен будешь назвать мне ее имя.

– А если попаду я? – бросил он ей вызов.

– Тогда имя может быть вымышленным, – великодушно заявила она.

– Я совершил ужасную ошибку, научив тебя азартным играм, – хмыкнул юноша, но не устоял перед ее обезоруживающей улыбкой.

Снежок Эндрю пролетел буквально в нескольких сантиметрах от далекой мишени. Виктория тщательно прицелилась и бросила свой снежок, который угодил точно в цель с такой силой, что камень скатился с валуна.

– Я также совершил ужасную ошибку, когда научил тебя играть в снежки.

– Я всегда умела в них играть, – нахально заявила девушка, упирая руки в бедра. – Итак, на ком ты собираешься жениться?

Сунув руки в карманы, Эндрю ухмыльнулся, взирая на ее очаровательное личико.

– А как ты, синеглазка, думаешь, на ком?

– Не знаю, – серьезно ответила Виктория, – но надеюсь, она особенная, потому что ты и сам особенный.

– Она и есть особенная, – заверил он ее. – Настолько особенная, что я постоянно думал о ней, когда в зимние месяцы находился далеко отсюда, в школе. По существу, я рад тому, что теперь живу дома, так как могу ее чаще видеть.

– Кажется, она довольно мила, – поджимая губы, допустила Виктория, неожиданно почувствовав безотчетную злость к неизвестной девушке.

– Я бы сказал, что она скорее прекрасна, чем довольно мила. Она нежная и одухотворенная, очаровательная и непринужденная, любезная и упрямая. Каждый, кто знакомится с ней, тут же влюбляется.

– Ну хорошо, тогда объясни мне, ради бога, почему ты не женишься и не решишь этот вопрос раз и навсегда? – мрачно поинтересовалась Виктория.

У Эндрю дрогнули губы, и необычным для него ласковым жестом он дотронулся до ее густых шелковистых волос.

– Потому, – нежно шепнул юноша, – что она еще слишком молода. Понимаешь, отец хочет, чтобы она подождала, пока ей минет восемнадцать лет и она сможет разобраться в своих чувствах.

Огромные синие глаза девушки округлились, когда она вглядывалась в красивое лицо друга.

– Ты имеешь в виду меня? – растерянно пролепетала она.

– Тебя! – торжественно подтвердил он. – И только тебя.

Душевное равновесие Виктории, оказавшееся под угрозой после того, что она видела и слышала накануне вечером, неожиданно восстановилось,

и ей вновь стало безопасно, надежно и тепло.

– Спасибо тебе, Эндрю, – необычайно робко поблагодарила девушка. А затем, как это с ней не раз бывало, молниеносно превратившись из девушки в прелестную, благовоспитанную молодую женщину, мягко добавила: – Как чудесно будет выйти замуж за моего лучшего дорогого друга!

– Мне не следовало бы ставить тебя в известность об этом, не поговорив предварительно с твоим отцом. А этого я не могу сделать еще целых три года.

– Ты ему приглянулся, – заверила девушка. – Когда подойдет срок, он нисколько не будет против. Да и как бы он мог возражать, если вы оба так похожи?

Вскоре Виктория вскочила в седло, чувствуя себя бодрой и радостной, но радость угасла, как только она открыла заднюю дверь дома и вошла в уютную комнатушку, служившую для семьи одновременно и кухней, и гостиной.

Мать склонилась над плитой; ее волосы были стянуты в аккуратный узел, а простенькое платье – чистое и выглаженное. На крючьях над очагом в отменном порядке висели ситечки, половники, терки, ножи и воронки. Все было аккуратным и чистеньким, как всегда у ее матери. Отец уже сидел за столом за чашкой кофе.

Глядя на них, Виктория почувствовала смущение, тоску и обиду на мать за то, что она отказывала ее замечательному отцу в любви, которой он безуспешно добивался и в которой так нуждался.

Поскольку ранние прогулки дочери были довольно обычным делом, ни мать, ни отец не выказали никакого удивления в связи с ее появлением. Оба взглянули на нее, улыбнулись и пожелали доброго утра. Виктория ответила на приветствие отца, улыбнулась младшей сестре Дороти, но не могла заставить себя поднять глаза на мать. Вместо этого она подошла к кухонным полкам, достала посуду и начала по всем правилам сервировать стол – формальность, на которой ее мать – до мозга костей англичанка – твердо настаивала как на «необходимой для цивилизованной обеденной церемонии».

Виктория сновала между полками и столом, чувствуя напряжение и неловкость, но когда заняла свое место, враждебность к матери постепенно начала сменяться жалостью к ней.

Она наблюдала, как Кэтрин Ситон всеми способами старается загладить свою вину перед мужем, весело заговаривая с ним, заботливо обслуживая его, наполняя чашку дымящимся кофе, подавая кувшинчик со

сливками, предлагая добавить свежее испеченных булочек, и все это не останавливаясь ни на секунду и снуя, как челнок, между столом и плитой, на которой готовился его любимый завтрак – вафли.

Виктория поглощала еду без единого слова, чувствуя себя ужасно беспомощной; ее мозг лихорадочно работал в поиске какого-нибудь способа утешить отца в его несчастливом браке.

Решение пришло в тот момент, когда он встал и сообщил, что едет на ферму Джонсона проверить, как заживает сломанная рука маленькой Энни. Виктория вскочила из-за стола.

– Я еду с тобой, папа. Мне давно хотелось попросить, чтобы ты научил тебе помогать.

Родители одновременно удивленно посмотрели на нее, ибо еще никогда она не проявляла ни малейшего интереса к медицине. По существу, до этого дня старшая дочка была хорошеньким беззаботным ребенком, чья жизнь состояла исключительно из веселых забав и эпизодических шалостей. Однако ни один, ни другая не высказали никаких возражений.

Виктория всегда была близка с отцом. Но с этого дня они стали просто неразлучны. Она сопровождала его повсюду, и хотя он категорически не позволял ей помогать при лечении пациентов мужского пола, доктор Ситон был более чем счастлив принимать ее помощь во всех других случаях.

Ни он, ни она никогда не возвращались к печальной теме, которую обсуждали в тот злосчастный рождественский вечер. Вместо этого они заполняли совместное времяпрепровождение приятными беседами и дружелюбным подшучиванием, ибо, несмотря на душевный надлом, Патрик Ситон был человеком, знавшим цену шутке.

Виктория уже в этом возрасте выделялась среди прочих поразительной красотой, унаследованной от матери, и юмором и мужеством, доставшимися от отца. Теперь же она училась у него также умению сострадать и быть верной идеалам.

Еще будучи маленькой, она заслужила любовь жителей деревни благодаря своей красоте и лучезарной улыбке, перед которой невозможно было устоять. Они любили ее, пока она была прелестной беззаботной девчушкой; а теперь, когда она превратилась в прекрасную леди, они обожали ее за то, что она помогала отцу лечить болезни и подбадривала его пациентов.

Глава 2

– Виктория, ты действительно уверена, что твоя мать никогда не упоминала имени герцога Атертона или герцогини Клермонт?

Виктория попыталась сосредоточиться и отогнать от себя мрачное видение похорон родителей. Она устремила взор на пожилого седовласого врача, сидевшего за кухонным столом напротив нее. Будучи старинным другом ее отца, доктор Морисон принял на себя ответственность за устройство девочек и обслуживание пациентов доктора Ситона до прибытия нового врача.

– Все, что мы с Дороти знали, так это то, что мама из Англии и что она отдалилась от своей семьи. Она никогда не говорила о ней.

– Может быть, у папы остались родственники в Ирландии?

– Папа вырос там в сиротском приюте. У него не было родителей. – Она вдруг вскочила. – Можно предложить вам кофейку, доктор Морисон?

– Хватит хлопотать вокруг меня, пойдите-ка вместе с Дороти во двор и посидите на солнышке, – мягко проворчал доктор Морисон. – Ты бледна как полотно.

– Прежде чем я пойду, скажите, может быть, вам что-то нужно? – настаивала Виктория.

– Мне бы нужно сбросить годков этак двадцать, – ответил он с мрачной ухмылкой, затачивая гусиное перо. – Я слишком стар, чтобы справиться с такой нагрузкой – лечением пациентов твоего отца. У себя в Филадельфии я привык частенько посиживать у камина с хорошей книгой в руках, уперев ноги в горячие кирпичи. Не могу даже представить себе, как я буду справляться с этими делами еще в течение целых четырех месяцев до приезда нового врача.

– Я очень сочувствую вам, доктор, – огорченно согласилась девушка. – Знаю, что это крайне тяжело для вас.

– Тебе и Дороти намного тяжелее, – заметил добрый старый врач. – А теперь бегите во двор и прихватите малость тепла от чудесного зимнего солнышка. Ведь это такая редкость, чтобы в январе выдался такой теплый день. А пока вы там будете, я накропаю письма вашим родичам.

Всего неделя прошла с того дня, когда доктор Морисон приехал навестить Ситонов и стал свидетелем несчастного случая: коляска, на которой ехали Патрик Ситон с женой, свалилась с речного обрыва и перевернулась. Патрик погиб на месте, а Кэтрин долго не приходила в

сознание и на отчаянные расспросы доктора Морисона о ее родственниках в Англии успела лишь невнятно прошептать:

– ...Бабушка... герцогиня Клермонт.

А затем, перед самой смертью, она прошептала другое имя: «Чарльз».

Доктор Морисон умолял ее сказать его полное имя, и затуманенные глаза Кэтрин на секунду открылись.

– Филдинг, – выдохнула она. – Герцог... Атертон.

– Кем он вам приходится? – тут же спросил врач.

После долгой паузы она чуть слышно вымолвила:

– Кузен...

Теперь доктору Морисону выпала трудная задача найти адреса и связаться с этими родственниками, чтобы выяснить, желает ли кто-нибудь из них принять на свое попечение Викторию и Дороти. Задача тем более затруднительная, что, насколько понимал старый врач, ни герцог Атертон, ни герцогиня Клермонт не имели ни малейшего представления о существовании девочек. С решительным видом доктор обмакнул перо в чернильницу, проставил дату в верхней части листа и сморщил в раздумье лоб.

– Как следует обратиться к герцогине? – спросил он пустую комнату. После длительных размышлений решение пришло ему на ум, и он начал письмо.

«Уважаемая герцогиня!

Передо мной стоит неприятная задача сообщить Вам о трагической гибели Вашей внучки Кэтрин Ситон, а также о том, что две дочери миссис Ситон – Виктория и Дороти – временно оказались на моем попечении. У меня, к сожалению, нет возможности должным образом позаботиться о двух осиротевших молодых леди.

Перед смертью миссис Ситон упомянула лишь два имени – Ваше и Чарльза Филдинга. Поэтому я пишу Вам и сэру Филдингу в надежде, что кто-нибудь из вас либо вы вместе будете рады приютить у себя дочерей миссис Ситон. Должен сказать, что больше девочкам некуда податься. К сожалению, у них почти не осталось средств, и они крайне нуждаются в устройстве».

Доктор Морисон откинулся на спинку стула и, наморщив лоб, озабоченно перечитал письмо. Раз герцогиня не была осведомлена о существовании девочек, можно предположить, что старая леди не пожелает приютить их у себя, не зная о том, что они собой представляют.

Обдумывая, как получше описать их, он повернулся и посмотрел через

окно на сестер.

Поникшая Дороти неподвижно сидела на качелях. Виктория чертила что-то на листе, видимо, пытаясь рассеять грустные мысли.

Доктор Морисон решил сначала дать описание Дороти, поскольку это было проще.

«Дороти – хорошенькая девушка, у нее соломенно-желтые волосы и синие глаза. У нее мягкий характер, она хорошо воспитана и привлекательна. В свои семнадцать лет она почти созрела для замужества, но не проявляет заметной склонности ни к одному из молодых людей в округе...»

Доктор Морисон сделал паузу и глубокомысленно поскреб подбородок. По правде говоря, многие молодые люди округи влюблены в Дороти. И разве можно их упрекнуть за это? Она миленькая, веселая, добрая. Да у нее просто ангельский характер, решил доктор Морисон, довольный тем, что нашел правильные слова для ее описания.

Но когда он перешел к Виктории, его седые кустистые брови озадаченно сошлись у переносицы, ибо, несмотря на то что она была его любимицей, описать ее было гораздо сложнее. Цвет ее волос не был золотистым, как у Дороти, но, если быть точным, не был и рыжим; пожалуй, он великолепно сочетал в себе то и другое.

Дороти была славной девчушкой, обаятельной, скромной молодой леди, на которую обращивались все местные парни. Из нее вышла бы идеальная жена – добрая, нежная, мягкая и послушная. Короче, она относилась к тому типу женщин, которые никогда не станут перечить или пытаться брать верх над мужем.

Что же касается Виктории, то она проводила уйму времени с отцом и в свои восемнадцать обладала живым, активным умом и поразительной способностью принимать самостоятельные решения.

Дороти станет думать так, как подскажет ей муж, и делать то, что он ей укажет, в то время как Виктория доверится лишь своей собственной голове и поступит так, как сочтет наилучшим сама.

«Дороти ангелочек, – решил доктор Морисон, – зато Виктория... вовсе нет».

Скосив через очки глаза на Викторину, которая решительными движениями набрасывала на листе новый эскиз стены, увитой виноградными лозами, он в который раз оценил ее благородный аристократический профиль и попытался найти подходящие слова для ее

описания.

«Смелая, – решил он, понимая, что она рисует потому, что старается занять себя делом, вместо того чтобы все время думать о печальных событиях. – И умеющая сострадать», – подумал он, вспомнив о ее усилиях утешить и ободрить пациентов отца.

В отчаянии доктор Морисон покачал головой. Будучи пожилым человеком, он наслаждался ее умом и чувством юмора; он обожал ее мужество, бодрость и способность к сопереживанию. Но если бы он подчеркнул эти ее черты в письме к их английским родичам, они наверняка сочли бы, что такая независимая, самостоятельная девица совершенно непригодна для семейной жизни и им никогда не удастся сбыть ее с рук.

Правда, еще была вероятность, что когда через несколько месяцев Эндрю Бэйнбридж вернется из Европы, то официально попросит ее руки, но абсолютной уверенности на этот счет у доктора Морисона не было. Отец Виктории и мать Эндрю договорились, что перед помолвкой молодой пары следует проверить их чувства по отношению друг к другу. Для этого представилась возможность, когда Эндрю был отправлен в шестимесячную поездку по Европе.

Доктор Морисон знал, что привязанность Виктории к Эндрю остается сильной и постоянной, зато чувства Эндрю по отношению к ней, по-видимому, неопределенны. Судя по словам миссис Бэйнбридж, Эндрю сильно увлекся своей кузиной, в семье которой он в данное время гостил в Швейцарии.

Доктор Морисон горестно вздохнул, продолжая наблюдать за девушками, одетыми в простые черные платья; одна блистала золотом волос, локоны другой переливались всеми оттенками меди.

«Несмотря на темные одежды, они являют собой весьма привлекательную картину, – любовно подумал он. – Картина!» Воодушевившись, доктор решил, что лучше всего будет просто приложить к каждому письму миниатюрные портреты девушек.

Затем он закончил первое письмо, добавив просьбу посоветоваться с герцогом Атертоном, который получит идентичное послание, и сообщить, как ему поступить в плане попечения над девушками. Затем он написал аналогичное письмо герцогу и краткую записку своему поверенному в Нью-Йорке с просьбой, чтобы этот досточтимый джентльмен поручил надежному человеку в Лондоне отыскать герцога и герцогиню и вручить им письма. Помолившись Всевышнему, чтобы родственники девушек возместили ему расходы, доктор Морисон поднялся из-за стола и расправил плечи.

А тем временем в саду Дороти, отталкиваясь от земли носком туфли, заставляла качели бесшумно раскачиваться.

– Я все еще не могу поверить в это, – сказала она; в ее голосе слышались одновременно отчаяние и возбуждение. – Мама – внучка герцогини! Что это означает для нас, Тори? Значит ли это, что у нас есть титулы?

Виктория искоса взглянула на нее.

– Да. Это значит, что мы – бедные родственники.

И это было правдой, ибо, несмотря на то что благодарные сельские жители, которых в течение многих лет лечил Патрик Ситон, любили и ценили его, они редко имели возможность расплачиваться деньгами, и он никогда не настаивал на этом.

Вместо этого они платили теми товарами и услугами, которые были им под силу, – мясом, рыбой, дичью для его стола, ремонтом его дома и коляски, свежими булочками и корзинками, полными сочных ягод.

В результате семейство Ситон никогда не испытывало нужды в продуктах, зато денег всегда не хватало, что было заметно хотя бы по тому, что и Дороти, и Виктория носили не единожды штопанные платья нефабричной покраски.

Даже дом, в котором они жили, был предоставлен им местной общиной, так же как дом досточтимого Милби, местного пастора. Жилье предоставлялось им в обмен на медицинские и пасторские услуги.

Дороти проигнорировала резонное замечание Виктории по поводу их статуса и мечтательно продолжала:

– Наш кузен – герцог, а прабабушка – герцогиня! Я все еще не могу в это поверить, а ты?

– Я всегда считала, что с мамой связана какая-то тайна, – отвечала Виктория, удерживая слезы одиночества и отчаяния, туманившие ее синие глаза. – Теперь тайна раскрыта.

– Какая тайна?

Виктория заколебалась; ее карандаш застыл над альбомом.

– Я просто имела в виду, что мама решительно отличалась от всех других женщин, которых я знала.

– Пожалуй, так, – согласилась Дороти и примолкла. Виктория обозревала рисунок в альбоме, лежавшем у нее на коленях, и перед ее затуманенным взором сливались воедино тонкие линии изящно изогнутых роз, которые она рисовала, вспоминая прошедшее лето.

Тайна раскрыта. Теперь объяснялись многие вещи, которые раньше озадачивали и беспокоили ее. Теперь она поняла, почему мать всегда

держалась несколько неестественно при встречах с другими женщинами деревни, почему она всегда разговаривала тоном английской аристократки и упорно настаивала, чтобы Виктория и Дороти делали, хотя бы в ее присутствии, то же самое.

Ее генеалогия объясняет, почему девочки должны были выучиться читать и говорить по-французски. Получила объяснение и ее несовместимая с их жизнью утонченность. Отчасти стало понятно и странное, задумчивое выражение, появлявшееся на ее лице в тех редких случаях, когда Кэтрин Ситон упоминала Англию.

Возможно, происхождением объяснялась и странная сдержанность матери в отношениях с собственным мужем: она относилась к нему с мягкой любезностью, не более того. При этом для постороннего глаза она была примерной супругой. Она никогда не скандалила с мужем, никогда не жаловалась на нужду. Виктория давным-давно простила мать за то, что она не любила отца. А теперь, когда Виктория узнала, что мать, должно быть, росла в роскоши, она даже скорее восхищалась ее безропотностью и силой духа.

Доктор Морисон прошел в сад и одарил девушек обезоруживающей улыбкой.

– Я подготовил письма и отошлю их завтра. Если нам повезет, то месяца через три, а возможно, и раньше, мы получим ответ от ваших родных. – И он снова улыбнулся сестрам, довольный той ролью, которую был призван сыграть в воссоединении их с благородными английскими родственниками.

– Ну и что они могут предпринять, когда получают ваши письма, как вы думаете, доктор? – поинтересовалась Дороти.

Доктор Морисон погладил ее по головке и, прищурив глаза от яркого солнца, напряг свое воображение.

– Полагаю, они будут поражены, но не подадут вида. Я слышал, что в высших слоях английского общества не любят проявлять свои эмоции на людях. Как только они прочитают письма, то, вероятно, пошлют друг другу вежливые весточки, а затем один из них нанесет визит другому, чтобы обсудить вопрос о вашем будущем. Дворецкий принесет чай...

Разрабатывая этот великолепный сценарий, доктор не переставал улыбаться. Мысленно он уже представлял себе двух благовоспитанных английских аристократов – состоятельных добрых людей, которые встретятся в элегантной гостиной, чтобы выпить чаю, принесенного им на серебряном подносе. А уж после займутся обсуждением будущего до той поры неизвестных им, но все равно нежно любимых молоденьких

родственников.

Поскольку герцог Атертон и герцогиня Клермонт являются дальними родственниками Кэтрин, они, безусловно, должны быть друзьями, союзниками...

Глава 3

– Ее светлость вдовствующая герцогиня Клермонт, – величаво провозгласил дворецкий, стоявший у входа в гостиную, где восседал Чарльз Филдинг, герцог Атертон. Дворецкий отступил в сторону и пропустил представительную пожилую особу, за которой следовал обеспокоенного вида поверенный. Чарльз Филдинг посмотрел на гостью, и его пронизательные карие глаза зажглись ненавистью.

– Не трудитесь вставать, Атертон, – иронически бросила герцогиня, пронзив его столь же «доброжелательным» взглядом, когда он преднамеренно с вызывающим видом остался сидеть.

Не пошевелившись, в мертвой тишине, он продолжал смотреть на нее. В свои пятьдесят с лишком Чарльз Филдинг все еще выглядел привлекательным мужчиной с густой шевелюрой с проседью и карими глазами, однако болезнь не прошла для него бесследно. Для своего роста он казался чересчур худым, а лицо его избороздили глубокие морщины, свидетельствовавшие о напряжении и усталости. Не дождавшись на свое появление никакой реакции, герцогиня повернулась к дворецкому.

– Здесь слишком жарко! – заявила она, постучав тростью, отделанной драгоценными камнями, по полу. – Раздвиньте шторы и проветрите комнату.

– Не трогайте! – рявкнул Чарльз; в его голосе кипело отвращение.

Герцогиня бросила в его сторону испепеляющий взгляд.

– Я приехала сюда вовсе не для того, чтобы задохнуться от нехватки воздуха, – зловеще предупредила она.

– Тогда уходите.

Ее тонкая фигура застыла воплощением ярости, вся будто бы состоящая из прямых линий.

– Я прибыла сюда не для того, чтобы задохнуться, – повторила она сквозь плотно стиснутые зубы. – Я приехала, чтобы проинформировать вас о моем решении насчет девочек Кэтрин.

– Вот и сделайте это, – резко сказал Чарльз, – а затем уходите!

Ее глаза от бешеной злобы сузились в щелки, и казалось, даже воздух пропитался ненавистью, но вместо того, чтобы уйти, герцогиня неспешно опустилась на стул.

Несмотря на преклонный возраст, она сидела с абсолютно прямой спиной и имела вид королевы, только вместо короны ее седую голову

украшал пурпурный тюрбан, а в руке вместо скипетра она держала трость.

Чарльз недоумевал и настороженно ждал ее дальнейших действий, так как был уверен, что герцогиня настояла на этой встрече лишь затем, чтобы получить удовлетворение, заявив ему прямо в лицо: устройство дочерей Кэтрин абсолютно его не касается! Но раз она удосужилась присесть, следовательно, собирается сказать что-то еще.

– Вы видели портреты девочек?

Взгляд Чарльза упал на миниатюру, лежавшую у него на ладони, и его длинные пальцы конвульсивно сжались, как если бы он хотел защитить портрет. От невыносимой горечи его глаза потемнели, когда он смотрел на портрет Виктории. Девочка была копией своей матери – его прекрасной возлюбленной Кэтрин.

– Виктория – абсолютная копия своей матери, – неожиданно обронила ее светлость.

Чарльз посмотрел на нее, и лицо его мгновенно ожесточилось.

– Я отдаю себе в этом отчет.

– Хорошо. В таком случае вы поймете, почему я не возьму эту девушку к себе. Я возьму вторую. – Поднявшись со стула, как если бы вопрос был решен, она взглянула на своего поверенного. – Проследите, чтобы доктор Морисон получил банковский чек для возмещения его расходов и еще один чек для оплаты билета на пароход для младшей дочери моей внучки.

– Да, ваша светлость, – поклонился поверенный. – Что-нибудь еще?

– Еще будет масса дел, – отчеканила она напряженно. – Мне предстоит вывести девушку в свет, обеспечить ее приданым. Мне предстоит найти ей мужа, мне...

– А как насчет Виктории? – свирепо прервал ее Чарльз. – Что вы собираетесь предпринять в отношении старшей дочери Кэтрин?

Герцогиня бросила на него сердитый взгляд.

– Я уже сказала – она напоминает мне свою мать, и я не приму ее у себя. Как мне помнится, вам крайне нужна была ее мать. А Кэтрин явно нуждалась в вас – даже будучи при смерти, она произнесла ваше имя. Так что можете приютить у себя хотя бы ее «копию». И если судьба уготовила вам возможность любоваться ее девчонкой, то так вам и надо.

В мозгу Чарльза все еще боролись радость и сомнение, когда старая герцогиня высокомерно добавила:

– Выдайте ее за кого угодно, но только не за своего племянника. Двадцать два года назад я не одобряла союза между моей и вашей семьями, я и теперь против. Я...

Тут она неожиданно замолкла, как будто что-то пришло ей в голову.

Глаза герцогини засветились зловещим триумфом.

– Я выдам Дороти за сына Уинстона! – ликуя, объявила она. – Мне хотелось, чтобы Кэтрин вышла за его отца, но она отвергла его из-за вас. Теперь я выдам Дороти за сына – таким образом я добьюсь наконец союза с Уинстонами! – Недобрая улыбка мелькнула на ее морщинистом лице, когда она увидела страдание, появившееся в глазах Чарльза. – После всех этих лет я все еще собираюсь добиться самой великолепной партии для нашего семейства за целое десятилетие! – С этими словами герцогиня покинула комнату в сопровождении своего поверенного.

Филдинг смотрел ей вслед и испытывал нечто среднее между горечью, ненавистью и ликованием. Старая карга только что нечаянно вручила ему то, что ему хотелось заполучить больше всего на свете, – Викторию, ребенка Кэтрин. И ее точный портрет.

Невыносимая радость переполняла Чарльза, но вместе с тем почти тотчас забурился гнев. Эта коварная, бессердечная старуха собиралась устроить брачный союз с Уинстонами – в точности так, как ей всегда хотелось. Ради этого несусветного союза в свое время она намеревалась пожертвовать счастьем Кэтрин и теперь наконец собиралась добиться своего.

Гнев, овладевший Чарльзом из-за того, что герцогиня была близка к осуществлению давно задуманного плана, чуть не затмил его ликование по поводу Виктории. Затем неожиданно ему в голову пришла мысль...

Прищутив глаза, он обдумывал ее, рассматривал со всех сторон и наконец улыбнулся.

– Добсон, – громко сказал он дворецкому, – принеси перо и пергамент. Я хочу написать объявление о помолвке. Проследи, чтобы его немедленно доставили в «Таймс».

– Да, ваша светлость.

Чарльз поднял глаза на старого слугу, его лицо отражало лихорадочное ликование.

– Она ошиблась, Добсон. Старая карга ошиблась!

– Ошиблась, ваша светлость?

– Да, ошиблась! Ей не удастся заключить самый великолепный брачный союз за последнее десятилетие, потому что это сделаю я!

Это было ритуалом. Каждое утро приблизительно в девять часов дворецкий Нортроп открывал массивную парадную дверь роскошного загородного дворца маркиза Уэйкфилда и получал экземпляр «Таймс» от лакея, доставлявшего газету из Лондона. Так было и на этот раз.

Затем, как обычно, Нортроп пересек отделанную мрамором приемную залу и передал газету другому лакею, стоявшему перед широкой лестницей. – «Таймс» для его милости, – торжественно провозгласил он.

Лакей понес газету через залу в столовую, где, по обыкновению, Джейсон Филдинг, маркиз Уэйкфилд, завершал завтрак и читал почту.

– «Таймс» для вашей милости, – робко пробормотал лакей, положив газету рядом с кофейной чашкой маркиза и забрав пустую тарелку. Не говоря ни слова, маркиз взял газету и открыл ее.

Все эти действия исполнялись с прекрасно отработанной и безупречной точностью, ибо лорд Филдинг был апологетом неукоснительного порядка, требовавшим, чтобы в его поместьях и особняках все действовало, как в хорошо отлаженном механизме. Его слуги испытывали перед ним благоговейный страх, относясь к нему как к пугающе недоступному божеству, которое они отчаянно стремились ублажить.

Страстные лондонские красавицы, которых Джейсон таскал с собой на балы, в оперу, на спектакли – и в постель, относились к нему так же, поскольку он третировал их, как и своих слуг. И тем не менее женщины взирали на него откровенно тоскующими глазами, ибо, несмотря на цинизм, Джейсона, несомненно, окружал ореол мужественности, что приводило женские сердца в трепет. У него были черные как смоль волосы, пронизательные глаза отдавали зеленью индийского гагата, губы одновременно выражали твердость и чувственность.

Все черты его загорелого, цвета бронзы, лица носили отпечаток жесткости и силы, начиная с прямых темных бровей и кончая высокомерно выступающим подбородком. Таким же потрясающе мужественным было и его телосложение – шестифутовый рост, широкие плечи, узкие бедра и мускулистые ноги.

Ехал ли он верхом или танцевал на балу, Джейсон Филдинг был так же привлекателен, как грех, – и, без сомнения, так же порочен. Это суждение разделяли многие, ибо каждый, кому довелось заглянуть в его циничные зеленые глаза, мог без колебаний сказать, что в характере этого человека нет ни капли невинности или наивности.

Несмотря на это – или скорее благодаря этому, – женщины тянулись к нему, как прелестные мотыльки тянутся к убийственному пламени, в неодолимом стремлении испытать жар его страсти или насладиться головокружительным теплом его ленивой улыбки, какой бы редкой она ни была.

Искушенные замужние дамы были готовы на все, лишь бы разделить с

ним ложе; молодые леди брачного возраста мечтали растопить его ледяное сердце и увидеть его перед собой на коленях.

Некоторые более рассудительные представители светского общества отмечали, что у лорда Филдинга имеются все основания быть циничным, когда дело касается женского пола. Всем было известно, что его жена, приехавшая в Лондон четыре года назад, отличалась весьма скандальным поведением.

С того времени прекрасная маркиза Уэйкфилд успела скомпрометировать себя не одной любовной интрижкой. Она многократно наставляла рога своему мужу; и все знали об этом – включая самого Джейсона Филдинга, который делал вид, что его это не трогает...

Лакей стоял возле стула лорда Филдинга, держа в руках затейливый кофейник из чистого серебра.

– Еще кофе, ваша милость?

Его милость отрицательно мотнул головой и обратил взор на следующую страницу «Таймс». Лакей поклонился и отступил. Он и не ожидал иной реакции, ибо хозяин редко достаивал слуг ответом.

Он даже не знал имен большинства из них, как вообще ничего о них не знал и знать не собирался. Но по крайней мере ему не было свойственно устраивать слугам разносы и шумные скандалы, чем отличались многие аристократы.

В случае недовольства в зеленых глазах маркиза, устремленных на виновника, появлялось замораживающее выражение, отчего тот превращался в камень. Еще не было случая, чтобы лорд Филдинг повысил голос, даже если его явно провоцировали на это.

Вот почему пораженный лакей чуть не выронил из рук серебряный кофейник, когда Джейсон Филдинг с размаху ударил кулаком по столу так, что зазвенели и запрыгали тарелки, и рывкнул:

– Ах, сукин сын! – Вскочив на ноги, он снова уткнулся в открытую газету, и на его лице появилось выражение гнева и сомнения. – Этот коварный интриган... Только он мог осмелиться на такое! – Бросив убийственный взгляд на остолебеневшего лакея, маркиз вышел из комнаты, выхватил свой плащ у дворецкого, бурей вылетел из дома и направился напрямик к конюшне.

Нортроп закрыл за ним парадное и бросился через залу так быстро, что фалды его черной ливреи захлопали по спине.

– Что случилось с его милостью? – крикнул он, ворвавшись в столовую.

Лакей с забытым кофейником в руке все еще стоял возле только что

покинутого лордом Филдингом стула, углубившись взглядом в открытую газету.

– Думаю, его милость что-то вычитал в «Таймс», – выдохнул он и тут же указал на объявление о помолвке Джейсона Филдинга, маркиза Уэйкфилда, с мисс Викторией Ситон. – Я не знал, что его милость собирается жениться, – озадаченно добавил лакей.

– Вряд ли об этом было известно и его милости, – выразил вслух свою мысль Нортроп, пораженно перечитывая объявление. И вдруг, сообразив, что забылся настолько, что снизошел до сплетничанья с младшим по рангу, Нортроп схватил газету со стола и сложил ее. – Вас не касаются дела лорда Филдинга, О’Мэлли. Помните об этом, если собираетесь служить здесь и дальше.

А двумя часами позже коляска Джейсона резко остановилась у подъезда лондонской резиденции герцога Атертона. Из парадного выскочил грум, Джейсон бросил ему вожжи, выпрыгнул из коляски и взбежал на крыльцо.

– Добрый день, ваша милость, – произнес Добсон, открывая парадное и отступая на шаг. – Его светлость ждет вас.

– Еще бы! – коротко бросил Джейсон. – Где он?

– В гостиной, ваша милость.

Джейсон пронесся мимо дворцового через залу; его быстрые шаги красноречиво свидетельствовали о чувствах, бурливших в нем, когда он распахнул дверь гостиной и направился к величественному седоволосому джентльмену, расположившемуся у камина.

Без какого-либо предисловия Джейсон отрывисто произнес:

– Я полагаю, это вы состряпали сие возмутительное объявление в «Таймс»?

Чарльз невозмутимо взглянул на гостя:

– Да, это я.

– Тогда вам придется опубликовать еще одно, с опровержением.

– Нет, – неумолимо заявил герцог. – Молодая леди приезжает в Англию, и вы женитесь на ней. Помимо прочего, мне нужен от вас внук, и я хочу подержать его в руках до того, как покину этот мир.

– Если вам требуется внук, – огрызнулся Джейсон, – то вам всего лишь нужно найти кого-нибудь из ваших других незаконных отпрысков. Я уверен, что они уже произвели для вас на свет десятки внуков.

При этих словах Чарльз вздрогнул, но в его голосе послышалась зловещая нотка:

– Мне нужен *законный* внук, которого я мог бы представить свету как

своего наследника.

– Законного наследника, – повторил Джейсон с ледяным сарказмом. – Вы хотите, чтобы я, ваш незаконный сын, произвел для вас законного внука. Скажите-ка мне вот что: если все верят тому, что я ваш племянник, то как же вы рассчитываете узаконить моего сына в качестве своего внука?

– Я представляю его как внучатого племянника, но буду знать, что он мой настоящий внук, а мне только этого и нужно. – Не обращая внимания на беспредельное негодование сына, Чарльз неумолимо заключил: – Мне нужен от вас наследник, Джейсон.

Кровь прилила к голове Джейсона, но он пытался сдержать ярость. Наклонившись, он взялся за ручку кресла отца, и их лица сблизились почти вплотную. Медленно и очень внятно он заявил:

– Я уже говорил раньше и повторяю в последний раз, что не собираюсь больше никогда вступать в брак. Вы понимаете? *Никогда!*

– Почему? – рассердился Чарльз. – Вы же не такой уж женоненавистник. Всем доподлинно известно, что у вас были и бывают женщины и что вы хорошо с ними обращаетесь. По сути, все они, кажется, одна за другой влюбляются и падают в ваши объятия. Очевидно, женщинам нравится бывать в вашей постели, а вам доставляет удовольствие иметь их под боком...

– Замолчите! – взорвался Джейсон.

От болезненного спазма лицо Чарльза скривилось, он поднял руку к груди и длинными пальцами схватился за ворот рубашки.

Затем герцог снова положил руку на колено. Глаза Джейсона сузились, но, несмотря на подозрение, что Чарльз просто симулирует боль, он заставил себя сдержаться, пока отец продолжал говорить:

– Молодая леди, которую я выбрал вам в жены, должна приехать приблизительно через три месяца. В порту ее будет ждать коляска, с тем чтобы она могла отправиться прямо в Уэйкфилд-Парк. Ради приличия я приеду туда к вам и останусь до завершения брачной церемонии. Когда-то я знал ее мать и заметил, как они похожи друг на друга, так что вы не будете разочарованы. – Герцог протянул сыну миниатюрный портрет. – Ладно, Джейсон, – сказал он теперь уже мягким, убеждающим тоном, – разве не любопытно взглянуть на нее?

Попытка Чарльза уговорить его привела к тому, что лицо Джейсона превратилось в гранитную маску.

– Вы зря теряете время. Я не женюсь.

– Женитесь, – пообещал Чарльз, от уговоров перейдя к угрозам. – Потому что если вы не сделаете этого, я лишу вас наследства. Вы уже

потратили полмиллиона фунтов своих денег на реставрацию моих поместий, поместий, которые никогда не будут вашими, если вы не женитесь на Виктории Ситон.

Филдинг-младший отреагировал на угрозу испепеляюще презрительным взглядом.

– Пусть ваши драгоценные поместья сгорят дотла. Мой сын погиб – мне больше не требуется никакого наследства.

Герцог заметил, как при упоминании о маленьком сыне глаза Джейсона потемнели, и, разделяя его горе, смягчил тон:

– Я признаю, что поступил несколько поспешно, объявив о вашей помолвке, Джейсон, но у меня были на то веские причины. Возможно, я не могу принудить вас жениться на Виктории, но по крайней мере не настраивайте себя против нее. Обещаю, что вы не ошибетесь с этим браком. Вот посмотрите: у меня в руках миниатюрный портрет, и вы сами увидите, как прекрасна... – при этом он осекся, так как Джейсон круто повернулся и быстрым шагом вышел из комнаты, с треском захлопнув за собой дверь.

Чарльз сердито посмотрел ему вслед.

– Ты женишься на ней, Джейсон, – сказал он вслух, хотя сын уже ушел. – Тебе придется сделать это, пусть даже под дулом пистолета.

Через несколько минут после этого он поднял голову и взглянул на вошедшего Добсона, который принес серебряный поднос с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

– Я взял на себя смелость выбрать кое-что подходящее к случаю, – доверительно сообщил счастливый Добсон, устанавливая поднос на стол возле Чарльза.

– В таком случае лучше бы ты принес болиголов, – ухмыльнулся Чарльз. – Джейсон уже отбыл.

Дворецкий помрачнел.

– Уже ушел? Но мне не представилось возможности поздравить его милость с предстоящей женитьбой.

– Значит, тебе здорово повезло, – невесело усмехнулся Чарльз. – Боюсь, в противном случае ты недосчитался бы зубов.

Когда дворецкий ушел, Чарльз взял бутылку, открыл ее и наполнил бокал. С улыбкой, выражавшей решимость, он поднял бокал и провозгласил тост:

– За предстоящую женитьбу, Джейсон.

– Подождите меня несколько минут, мистер Боровски, – сказала

Виктория, спрыгивая с повозки, нагруженной вещами.

– У вас достаточно времени, – произнес возница, посасывая трубку и улыбаясь. – Ни я, ни ваша сестра не уедем без вас.

– Поскорее, Тори, – умоляюще попросила Дороти. – Пароход не будет ждать.

– Можете не торопиться, – успокоил ее мистер Боровски. – Я доставлю вас в город и на пристань, к вашему пароходу, еще до ночи, обещаю.

Виктория быстро взбежала на крыльцо весьма внушительного дома, принадлежавшего семье Бэйнбридж и располагавшегося на вершине холма, откуда открывался вид на деревню. Она постучала в тяжелую дубовую дверь.

– Доброе утро, миссис Тилден, – приветствовала она пухленькую домоправительницу. – Вы не могли бы позвать на минутку миссис Бэйнбридж? Я хочу попрощаться с ней и передать письмо для Эндрю, чтобы он знал, по какому адресу писать мне в Англию.

– Я доложу ей о вас, мисс Ситон, – ответила любезная домоправительница, при этом выражение ее лица не было многообещающим, – но сомневаюсь, что она выйдет. Ведь вы знаете, как она себя чувствует, когда ее одолевает приступ болезни.

Виктория понимающе кивнула: она знала все о «приступах болезни» миссис Бэйнбридж. По словам доктора Ситона, мать Эндрю была типичной симулянткой, придумывавшей себе всяческие заболевания, чтобы не делать того, чем ей не хотелось заниматься, и чтобы манипулировать и управлять сыном. Патрик Ситон высказал ей это несколько лет назад прямо в лицо в присутствии дочери, и дама не могла простить его слов им обоим.

Виктория, как и Эндрю, знала, что миссис Бэйнбридж обманщица. По этой причине ее жалобы на учащенное сердцебиение, головокружение, зуд в конечностях оставляли равнодушными представителей семейства Ситон, что – и Виктория это понимала – еще более настраивало женщину против избранницы сына.

Домоправительница возвратилась с мрачным видом.

– Мне очень жаль, мисс Ситон, но миссис Бэйнбридж говорит, что из-за болезни не может повидать вас. Я возьму ваше письмо мистеру Эндрю и передам ей. Она хочет, чтобы я вызвала доктора Морисона, – добавила она с отвращением. – Говорит, что у нее звон в ушах.

– Доктор Морисон бесконечно терпелив с ней, вместо того чтобы сказать: встаньте с постели и займитесь чем-нибудь полезным, – заключила Виктория со сдержанной улыбкой, вручая домоправительнице письмо. Если бы корреспонденция в Европу не была столь дорогой, она могла бы

отправить свое письмо сама, вместо того чтобы передавать через миссис Бэйнбридж. – Думаю, миссис Бэйнбридж больше устраивает отношение к ней доктора Морисона, чем отношение моего покойного отца.

– Если вы спросите меня, – раздраженно сказала миссис Тилден, – то, по-моему, ваш папа даже чересчур ей нравился. Было невыносимо смотреть, как она наряжается перед тем, как послать за ним посреди ночи, но зато ваш папа, дорогой наш доктор, никогда не позволял себе ничего дурного и не поддавался на ее уловки.

Когда Виктория ушла, миссис Тилден понесла письмо наверх.

– Миссис Бэйнбридж, – произнесла она, подойдя к постели вдовы, – вот письмо мисс Ситон для мистера Эндрю.

– Дай его сюда, – сердито сказала миссис Бэйнбридж удивительно громким для немощной больной голосом, – и немедленно пошли за доктором Морисоном. У меня сильно кружится голова. Когда должен приехать новый врач?

– В течение недели, – ответила миссис Тилден, передавая письмо. Когда домоправительница ушла, миссис Бэйнбридж убрала пряди седых волос под кружевной чепец и с гримасой отвращения посмотрела на письмо, лежавшее подле нее на атласном одеяле.

– Эндрю не женится на этой деревенской мышке, – презрительно сказала она горничной. – Она ничего собой не представляет! Эндрю уже писал мне дважды, что его кузина Мадлен в Швейцарии очень симпатична. Я говорила об этом Виктории, но глупая девчонка не обратила на мои слова никакого внимания.

– Значит, вы думаете, что мистер Эндрю привезет мисс Мадлен и женится на ней? – спросила горничная, помогая взбить подушки, на которых возлежала хозяйка.

Худое лицо миссис Бэйнбридж скривилось от злости.

– Не будь душой! У Эндрю нет времени для жены. Я говорила ему об этом. У него и без того полно работы, ему нужно заниматься хозяйством и мной. – Затем она подняла письмо двумя пальцами, как будто оно было заразным, и передала горничной. – Ты знаешь, что с ним следует сделать, – бесстрастно добавила вдова.

– Я даже не представляла себе, что где-нибудь может быть одновременно столько народу и стоять такой дикий шум! – вырвалось у Дороти, когда они оказались на пристани в оживленной гавани Нью-Йорка.

По трапам десятков судов взад и вперед сновали грузчики с чемоданами на плечах; над головой скрипели лебедки, поднимая тяжело

нагруженные сетки с поклажей с деревянного пирса и перенося на палубу судов. Громкие команды судовых офицеров смешивались со взрывами громового хохота матросов и непристойными предложениями вызывающе одетых женщин, поджидавших на пристани выходящих в город моряков.

– Какое захватывающее зрелище! – заявила Виктория, наблюдая, как два могучих грузчика несут пару чемоданов, в которых уместилось все имущество девушек, на борт судна с красивым названием «Чайка».

Дороти согласно кивнула, но ее лицо затуманилось.

– Да, конечно, но я не могу отделаться от мысли о том, что, когда кончится плавание, мы будем разлучены, и все это – по вине нашей прабабушки. О чем она только думала, когда решила отказать тебе в приюте?

– Не знаю, но ты старайся не сосредоточиваться на этом, – с ободряющей улыбкой заметила сестра. – Думай только о приятных вещах. Посмотри на Ист-Ривер^[1]. Закрой глаза и ощути аромат соленого ветра.

Дороти закрыла глаза и сделала глубокий вдох, но тут же сморщила нос.

– Все, что я ощутила, так это запах тухлой рыбы. Тори, если бы наша прабабушка знала тебя лучше, то, я уверена, обязательно захотела бы взять тебя к себе. Она не может быть такой жестокой и бесчувственной, чтобы разлучить нас. Я подробно расскажу ей о тебе и добьюсь, чтобы она переменила свое решение.

– Ты не должна говорить или делать ничего такого, что могло бы ее раздосадовать, – мягко предупредила Виктория. – Пока что и ты, и я целиком зависим от наших родичей.

– Постараюсь по возможности не огорчать ее, – обещала Дороти, – но с помощью различных уловок сделаю так, чтобы ей стало абсолютно ясно: она немедленно должна послать за тобой!

Виктория усмехнулась, но промолчала, и через минуту Дороти вздохнула:

– В том, что мы отбываем в Англию, для меня есть лишь одно утешение: мистер Вильхайм сказал, что если я буду больше практиковаться и усердно работать, то смогу стать концертирующей пианисткой. Он говорил, что в Лондоне есть отличные педагоги, которые смогут обучить меня. Я попрошу, то есть нет, настояю, чтобы наша прабабушка позволила мне сделать карьеру пианистки, – закончила Дороти, проявив такую решимость, о существовании которой у этой милой послушной девушки мало кто мог подозревать.

Виктория не стала указывать сестре на возможные препятствия в осуществлении этого замысла, которые пришли ей на ум. Будучи старшей и более рассудительной, она лишь заметила:

– Не слишком сильно настаивай, любовь моя.

– Я буду осторожна, – согласилась Дороти.

Глава 4

– Мисс Дороти Ситон? – вежливо осведомился джентльмен, отступив в сторону, чтобы пропустить трех здоровенных матросов, нагруженных тяжелыми мешками.

– Да, она самая, – взирая на безупречно одетого седого мужчину, ответила Дороти дрожащим от испуга и волнения голосом.

– Ее светлость герцогиня Клермонт поручила мне проводить вас в ее дом. Где ваши чемоданы?

– Вот они, точнее, один чемодан.

Он покосился через плечо, и два ливрейных слуги соскочили с запяток блестящей черной кареты с золотым гербом на дверце и поспешили взять чемодан.

– В таком случае мы можем отправляться в путь, – сказал незнакомец, когда чемодан погрузили на крышу кареты.

– А как же моя сестра? – упавшим голосом спросила Дороти, в страхе вцепившись в руку Виктории.

– Не сомневаюсь, что люди, встречающие вашу сестру, будут здесь с минуты на минуту. Дело в том, что ваше судно прибыло на четыре дня раньше, чем намечалось по расписанию.

– Не беспокойся обо мне, – утешила ее Виктория, изобразив на лице уверенность, каковой вовсе не испытывала.

– Не волнуйтесь, экипаж герцога сейчас будет здесь. У меня же еще есть дела на судне. Поезжайте.

Дороти крепко обняла сестру.

– Тори, я придумаю что-нибудь, чтобы убедить прабабушку пригласить тебя к ней в дом, вот увидишь. Я так боюсь. Не забывай писать мне. Пиши ежедневно!

Виктория осталась там, где стояла, наблюдая, как Дороти грациозно поднимается в карету с золотым гербом на дверце. Подножка была убрана, кучер щелкнул бичом, и запряженный четверкой лошадей экипаж тронулся, увозя Дороти, прощально махавшую рукой из окошка.

Мимо Виктории, толкаясь, с парохода шли матросы, устремлявшиеся затем на поиски хмельного пива и девочек. Не отрывавшая взгляда от быстро удаляющейся кареты, Виктория еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой и брошенной.

Следующие два дня она существовала в тоскливом одиночестве своей

каюты, если не считать кратких прогулок по палубе и завтраков и обедов с капитаном Гардинером – обаятельным человеком, который, казалось, наслаждался ее компанией и по-отцовски опекал ее. За последние недели Виктория провела с ним в кают-компании немало времени. Он узнал, по какой причине они с сестрой приехали в Англию, и проявлял исключительные доброжелательность и сочувствие.

Когда к утру третьего дня их пребывания в порту за Викторией вновь никто не приехал, чтобы отвезти ее в Уэйкфилд-Парк, капитан Гардинер решил взять это дело в собственные руки и нанял для нее фаэтон.

– Просто мы прибыли в Англию намного раньше установленного срока, что бывает крайне редко, – пояснил он. – Ваш кузен может не догадаться послать за вами людей и прождать еще пару дней. У меня есть дела в Лондоне, и я не могу оставить вас без опеки на борту судна. Вместо того чтобы терять время на уведомление вашего кузена о прибытии парохода, проще отправить вас прямо к нему.

В пути Виктория восхищенно любовалась открывающимся перед ее взором английским ландшафтом во всем его весеннем великолепии. На холмах и в долинах виднелись целые ряды живых изгородей из розовых и белых цветов. Несмотря на тряску, сопровождающую встречу фаэтона с рытвинами и ухабами, с каждой минутой у нее поднималось настроение. Кучер постучал по дверце, и в окошечке появилось его грубоватое лицо.

– Осталось всего около двух миль, мисс, так что, если хотите...

Все произошло совершенно неожиданно. Колесо нырнуло в глубокую яму, фаэтон упал на бок, голова кучера пропала, а Виктория мешком свалилась на пол. Через минуту дверца резко отворилась, и кучер помог ей выбраться наружу.

– Вы не ушиблись? – озабоченно спросил он. Виктория отрицательно покачала головой, но еще до того, как она успела проронить хоть слово, кучер набросился на двух мужчин, одетых в рабочую одежду фермеров, сконфуженно мявших в руках свои шляпы.

– Вы, проклятое дурачье! Как вы можете так ездить по этой дороге! Смотрите, что вы наделали: у моей повозки сломана ось... – Дальнейшая его тирада сопровождалась крепкими словечками.

Деликатно отвернувшись, чтобы не быть свидетельницей шумной перебранки, Виктория отряхнула юбки, безуспешно пытаясь смахнуть с них приставшую грязь. Кучер полез под повозку проверить сломанную ось, а один из фермеров заковылял к Виктории, продолжая мять в руках потрепанную шляпу.

– Мы с Джеком ужасно виноваты, мисс. Мы подвезем вас в Уэйкфилд-

Парк, – то есть если вы не возражаете, чтобы мы уложили ваш чемодан позади, вместе с поросятами?

Благодарная за то, что ей не придется шагать пешком две мили, Виктория охотно согласилась. Она уплатила кучеру из тех денег, которые Чарльз Филдинг прислал ей на путешествие, и вскарабкалась на облучок, усевшись посередине между грузными фермерами. Езда в деревенской повозке, будучи менее престижной, чем в фаэтоне, немногим отличалась по части тряски или комфорта. Свежий ветерок охлаждал лицо, и ничто не мешало ей обозревать прелестный пейзаж.

С обычным своим неподдельным дружелюбием девушка уже вскоре разговорилась со спутниками, расспрашивая о том, как у них идет хозяйство на селе; с этой темой она была немного знакома, и ей хотелось узнать больше. По всей видимости, английские фермеры были решительно настроены против применения машин в сельском хозяйстве.

– Они нас всех оставят без работы, вот какой прок от них, – сказал один из них в конце запальчивой филиппики в осуждение «этих адских штук».

Виктория вряд ли расслышала последнюю фразу, поскольку повозка свернула на мощеную дорогу и проехала в роскошные чугунные ворота, за которыми открывался широкий, казавшийся бескрайним, чуть всхолмленный, ухоженный участок парковой усадьбы с высоченными деревьями. Парк простирался в обе стороны насколько хватало глаз, местами его пересекала извилистая речушка, по берегам которой росли розовые, голубые и белые цветы.

– Да это просто сказка! – громко выдохнула девушка, пораженно озираясь. – Чтобы ухаживать за такой усадьбой, должно быть, требуются десятки садовников.

– Именно так, – ответил Джек. – У его милости их сорок, включая тех, которые ухаживают за *настоящими* садами, – я имею в виду сады вокруг дома. – Они ехали по мощеной дороге еще пятнадцать минут, когда повозка сделала поворот и фермер гордо показал пальцем: – Вот он – Уэйкфилд-Парк. Я слышал, что в этом доме сто шестьдесят комнат.

Виктория задохнулась от увиденного и услышанного; в голове метались беспорядочные мысли, от голода посасывало в животе. Перед ней во всем великолепии высилось трехэтажное здание, по виду превосходившее самые фантастические мечты. Построенное из прочного кирпича, с широкими фасадными крыльями и крутой кровлей, оно возвышалось перед ней – настоящий дворец с широкими ступеньками, ведущими к парадному входу, и солнечными бликами в сотнях окон из

отборного стекла. Они приблизились к подъезду, и Виктория с трудом оторвала взор от этого великолепия.

Один из фермеров помог ей сойти с повозки.

– Благодарю вас, это было крайне любезно с вашей стороны, – сказала она и медленно пошла вверх по ступеням. От страха ноги у нее подкашивались. Между тем ее попутчики подошли к повозке, чтобы достать ее большой чемодан, но когда они открыли дверцу клетки, из повозки выскочили два поросенка, шмякнулись на землю и помчались по лужайке.

Виктория оглянулась на крики фермеров и нервно хихикнула, глядя, как здоровенные мужики ринулись за шустрými поросятами.

В этот момент перед ее носом распахнулась парадная дверь и суровый мужчина, облаченный в зеленую с позолотой ливрею, кинул сердитый взгляд на фермеров, поросят и неопрятную девушку в запыленной одежде, приближающуюся к нему.

– Доставка товаров, – заявил он Виктории громким зловещим голосом, – производится на задний двор. – И, подняв руку, величественно указал на соответствующую дорожку в объезд дома.

Виктория уже было открыла рот, чтобы объяснить, что не везет никаких товаров, но ее внимание отвлек поросенок, который изменил направление своего бега и теперь мчался прямо к ней, преследуемый задыхающимся фермером.

– Забирай свою повозку, этих свиней и убирайся отсюда вместе с ними! – рявкнул мужчина в ливрее.

От смеха на глаза Виктории навернулись слезы, когда она наклонилась и подхватила сбежавшего поросенка. Смеясь, она попыталась объяснить:

– Сэр, вы не по...

Нортроп проигнорировал ее слова и посмотрел через плечо на лакея, стоявшего позади:

– Избавь нас от всей этой компании! Выстави их прочь со двора...

– Какого дьявола, что здесь происходит? – потребовал отчета мужчина лет тридцати, с черными как смоль волосами, появившийся на ступеньках.

Дворецкий с разгневанным лицом указал на Викторию:

– Эта женщина...

– Виктория Ситон, – поспешно вставила она, пытаясь удержать смех, в то время как напряжение, усталость и голод уже грозили превратить его в нервную истерику.

Она увидела изумление на лице темноволосого мужчины при звуке ее имени, и ее тревога обратилась в буйное веселье.

Не в силах более сдерживаться, она повернулась и бросила дико визжащего поросенка в объятия фермера, затем приподняла запылившийся подол юбки и попыталась сделать книксен. Из всех сил удерживая хихиканье, она сказала:

– Боюсь, произошла ошибка. Я приехала...

Не успела она наклониться в полупоклоне, как леденящий голос мужчины остановил ее:

– Вашей главной ошибкой был приезд сюда, мисс Ситон. Однако на дворе уже темнеет, и я не могу вас отправить назад, туда, откуда вы явились. – Он схватил ее за руку и грубо потащил за собой.

Виктория мгновенно отрезвела, ситуация из невыразимо комической становилась ужасающе мрачной. Робко она прошла в отделанную мрамором приемную залу, которая могла вместить весь ее дом в Америке. По обе стороны залы на верхние этажи вели широкие витые лестницы, а сверху, через прозрачный купол крыши, лился яркий солнечный свет. Она запрокинула голову, разглядывая купол. Слезы выступили на ее глазах, и все поплыло перед ней. Больше она не в силах была выдержать. Она оставила позади тысячи миль, плывя по бурному океану, и ожидала, что ее примет к себе доброжелательный джентльмен. И вместо этого ее собираются отправить обратно, разлучая навеки с сестрой. Прозрачный купол вращался перед ее взором в калейдоскопе блестящих расплывающихся цветковых пятен.

– Кажется, она сейчас упадет в обморок, – предупредил дворецкий.

– О, ради бога, только не это! – взорвался темноволосый и подхватил ее на руки. Когда он стал подниматься с ней по ступеням, Виктория начала приходить в себя.

– Дайте мне встать на ноги, – хрипло потребовала она, пытаясь вырваться. – Я абсолютно...

– Успокойтесь! – велел негостеприимный хозяин. На верхней площадке он повернул направо, вошел в комнату и направился напрямик к огромной кровати, со всех сторон завешенной серебристо-голубыми портьерами, подвязанными по углам серебристыми бархатными шнурами. Не говоря ни слова, он бесцеремонно уложил ее на голубое атласное покрывало и удержал за плечи, когда она попыталась встать.

Дворецкий с развевающимися фалдами ливреи быстро вошел в комнату.

– Вот, ваша милость, нюхательная соль, – запыхавшись, выговорил он.

Его милость схватил флакон и приставил к носу Виктории.

– Не делайте этого! – крикнула Виктория, пытаясь увернуться от

ужасного запаха нашатыря, но он удержал ее. В отчаянии она схватила его за запястье, чтобы остановить. – Чего вы добиваетесь? – воскликнула она. – Вы хотите, чтобы я это съела?

– Великолепная мысль, – мрачно ответил он, но хватка его ослабла и он поводит флаконом в нескольких дюймах от ее носа.

Изнуренная и униженная, Виктория повернула голову набок, закрыла глаза и шумно сглотнула, борясь с душившими ее слезами.

– Я искренне надеюсь, – раздраженно протянул мрачный незнакомец, – что вас не стошнит на постель, потому что, предупреждаю вас, убирать за собой вы будете сами.

Виктория Элизабет Ситон – продукт заботливого восемнадцатилетнего воспитания, до этого момента бывшая мягкой, обаятельной молодой леди – медленно повернула голову и устремила на него испепеляюще злобный взгляд.

– Вы Чарльз Филдинг?

– Нет.

– В таком случае уходите вон или позвольте уйти мне!

Его брови сошлись на переносице, когда он смотрел на мятежную сироту, взиравшую на него блестящими синими глазами, метавшими молнии. Ее волосы раскинулись по подушке, как расплавленное золото, буйные завитки обрамляли лицо, подобное фарфоровой скульптуре, вылепленной мастером. Ее ресницы были невероятно длинными, а губы розовыми и мягкими, как...

Мужчина резко поднялся и быстро вышел из комнаты в сопровождении дворецкого. Дверь за ними закрылась, и Виктория осталась одна.

Она неспешно села, спустила ноги с кровати, затем осторожно поднялась, опасаясь, что снова начнется головокружение. От беспросветного отчаяния она вся окоченела, но ноги держали ее, и она огляделась вокруг.

Слева от нее легкие голубые занавеси, густо прошитые серебряной нитью, обрамляли целую стену, состоящую из окон; в дальнем конце комнаты стояла пара канапе с полосатой серебристо-голубой обивкой.

«Безумная роскошь», – мелькнуло у нее в голове. Она вновь попыталась отряхнуть от грязи юбки, но поняла, что попытки тщетны, еще раз оглядела комнату и горестно села на голубое атласное покрывало.

В смятении она положила руки на колени и попыталась придумать, что делать дальше. Все говорило о том, что ее намерены отправить обратно в Нью-Йорк как никому не нужный багаж. В таком случае для чего мамин

кузен, герцог, пригласил ее приехать? Где он? *Кто* этот другой мужчина?

Она не могла поехать к Дороти и прабабушке, ибо герцогиня написала доктору Морисону записку, из которой совершенно определенно следовало, что именно Дороти, одну только Дороти, ждут в ее доме.

Виктория нахмурилась, и от смятения на ее гладком лбу пролегла глубокая складка. Поскольку по лестнице ее нес молодой темноволосый мужчина, то, вероятно, он был слугой, а статный седовласый мужчина, открывший парадную дверь, был герцогом. Первоначально же она приняла его за старшего слугу – вроде миссис Тилден, домоправительницы, которая всегда встречала гостей в доме Эндрю.

Кто-то постучал в дверь, и Виктория виновато вскочила с постели и аккуратно разгладила покрывало, перед тем как отозваться.

– Войдите.

Вошла горничная в накрахмаленном черном платье, белом переднике и белом чепце, с серебряным подносом в руках. За ней, подобно марионеткам, появились еще шесть горничных в такой же черной униформе, с ведрами, полными дымящейся воды. За ними – два лакея в зеленых ливреях с золотыми галунами: они принесли ее чемодан.

Первая горничная поставила поднос на стол между канапе, а остальные исчезли в соседней комнате. Лакеи опустили чемодан возле кровати. Через минуту они все гуськом вышли, напомнив Виктории оживших деревянных солдатиков. Единственная оставшаяся горничная обратилась к Виктории, смущенно стоявшей у кровати.

– Здесь еда для вас, мисс, – сказала она; ее простое лицо было намеренно невыразительным, но голос – робким и приятным.

Виктория прошла к канапе и села; от вида поджаренных хлебцев с маслом и горячего шоколада у нее потекли слюнки.

– Его милость сказали, что вы должны принять ванну, – сообщила горничная и пошла в смежную комнату. Виктория выждала и поднесла чашку ко рту.

– Его милость? – повторила она. – Это тот... джентльмен... которого я видела у парадного? Плотный седой мужчина?

– Бог ты мой, нет! – удивленно ответила горничная. – Это мистер Нортроп, дворецкий, мисс.

Облегчение, которое она почувствовала, было недолгим, так как горничная нерешительно добавила:

– Его милость – высокий мужчина с черными кудрями.

– Так это он сказал, что я должна принять ванну? – сердито спросила Виктория.

Горничная, зарумянившись, кивнула.

– Ладно, мне действительно это нужно, – неохотно согласилась Виктория. Она съела тост, допила шоколад, затем прошла в смежную комнату, где горничная сыпала ароматическую соль в дымящуюся воду.

Медленно снимая запыленное и помятое в путешествии платье, девушка вспомнила о содержании краткой записки, которую прислал ей Чарльз Филдинг, приглашая к себе в Англию. Казалось, он очень заинтересован в этом.

«Приезжайте немедленно, дорогая моя, – писал он. – Вас не просто ждут, но ждут с нетерпением». Тогда, может быть, ее вовсе не собираются отправлять обратно? Возможно, «его милость» что-то напутал?

Горничная помогла ей промыть волосы, затем поднесла мохнатое полотенце и поддержала ее при выходе из ванны.

– Я убрала вашу одежду, мэм, и приготовила постель на тот случай, если вы захотите вздремнуть.

Виктория улыбнулась и спросила ее имя.

– Мое имя? – повторила горничная, удивленная, что это интересует гостью. – Почему вы спрашиваете? Мое имя – Рут.

– Большое спасибо, Рут, – сказала Виктория, – за то, что вы убрали мою одежду.

Краска удовольствия проступила на веснушчатом лице горничной, которая сделала легкий книксен и направилась к дверям.

– Ужин в восемь, – сообщила она на ходу. – В Уэйкфилде его милость редко придерживается принятого здесь расписания.

– Да, Рут, – чувствуя неловкость, спросила Виктория, когда горничная подошла к двери, – здесь что, два... их милости? То есть меня интересует Чарльз Филдинг...

– О, вы говорите о его светлости! – Рут оглянулась, как бы беспокоясь, что ее могут услышать. – Он еще не приехал, но к ночи мы ждем его прибытия. Я слыхала, как его милость велел Нортропу уведомить его светлость о вашем приезде.

– А какой он из себя... м-м... его светлость? – спросила Виктория, чувствуя, как глупо употреблять эти странные титулы. Рут уже было собиралась описать его, но затем передумала.

– Простите, мисс, но его милость не позволяет слугам сплетничать. И нам также не разрешается фамильярничать с гостями. – Она присела в поклоне и удалилась, шурша накрахмаленными черными юбками.

Виктория была поражена тем, что два человека не имеют права поговорить в этом доме только потому, что один – слуга, а другой – гость,

но, вспомнив свое краткое знакомство с «его милостью», она вполне могла представить себе, что он способен дать такое бесчеловечное указание.

Виктория достала из гардероба ночную сорочку, надела ее и забралась в постель. Роскошный шелк простыней ласкал ее кожу, и, засыпая, она молила Всевышнего, чтобы Чарльз Филдинг оказался более доброжелательным человеком, чем другой – его милость. Ее длинные темные ресницы, подрагивая, опустились, прикрыв щеки подобно мягким опахам, и она погрузилась в сон.

Глава 5

Через открытые окна лился солнечный свет, а по комнате гулял легкий ветерок, мягко овеивавший лицо Виктории. Где-то внизу по брусчатке цокали конские копыта, а на подоконник одновременно уселись две птицы, тут же затеявшие шумную ссору. Их раздраженное щебетание постепенно нарушило счастливый сон о родимом доме и пробудило Викторию.

Полусонная, она перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку. Вместо привычной грубоватой ткани домашней наволочки, пахнувшей мылом, ее щека коснулась гладкого шелка. Смутно сознавая, что это не ее постель и что внизу нет мамы, готовящей завтрак, Виктория еще крепче зажмурилась, пытаясь восстановить прервавшийся безмятежный сон, но тщетно. Она неохотно повернулась и открыла глаза.

В ярком утреннем свете она разглядывала серебристо-голубые занавеси, между которыми ее кровать находилась как в шелковом коконе, и вдруг девушка все вспомнила. Она находится в Уэйкфилд-Парке и проспала с вечера до утра.

Убрав пряди волос со лба, она присела и откинулась на подушки.

– Доброе утро, мисс, – приветствовала ее Рут.

Виктория подавила испуганное восклицание: она только сейчас заметила девушку.

– Я не хотела будить вас, – поспешно извинилась маленькая горничная. – Дело в том, что его светлость находится внизу и велел спросить, не соизволите ли вы позавтракать вместе с ним?

Ободренная известием, что герцог желает повидать ее, Виктория откинула одеяло.

– Я погладила вашу одежду, – сказала Рут, открывая шкаф. – Что вы собираетесь надеть?

Виктория выбрала лучший из своих нарядов – мягкое черное платье из муслина с низким квадратным вырезом, украшенное крошечными белыми розанами, аккуратно вышитыми ею на длинных рукавах и кайме во время долгого путешествия.

Отказавшись от услуг Рут, девушка сама натянула платье на нижние юбки и обернула вокруг тонкой талии широкий черный пояс.

Пока горничная застилала постель и убирала и без того опрятную спальню, Виктория присела у туалетного столика и привела в порядок волосы.

– Я готова, – вставая, сказала она; глаза девушки светились в ожидании неведомого, а щеки цвели здоровым румянцем. – Вы не подскажете мне, где я могу найти... м-м... его светлость?

Ноги Виктории утонули в толстом ворсе красного ковра, когда Рут повела ее вниз по спиральной мраморной лестнице, через приемную залу, туда, где два лакея стояли на страже у дверей из красного дерева, украшенных богатой резьбой. Не успела она перевести дух, как лакеи бесшумно и величественно распахнули створки дверей, и Виктория оказалась в зале длиной около девяноста футов^[2]; в центре залы стоял длинный стол красного дерева, над которым висели три гигантские хрустальные люстры. Сначала ей показалось, что в зале никого нет, и она пробежала глазами по обитым золотистым бархатом стульям с высокими спинками, стоявшим по обе стороны огромного стола. Но затем услышала шелест газеты. Не представляя, кто это может быть, она медленно обошла стол и остановилась.

– Доброе утро, – тихо произнесла она.

Чарльз повернул голову и уставился на нее. Лицо его побелело.

– Боже всемогущий! – выдохнул он, медленно поднявшись и устремив взгляд на экзотическую юную красавицу, стоявшую перед ним.

Вылитая Кэтрин, какой она была много лет назад. Как хорошо он помнил и с какой любовью вспоминал это невероятно прекрасное, тонко очерченное лицо с грациозно изогнутым разлетом бровей и длинными густыми ресницами, обрамляющими глаза, напоминающие огромные мерцающие сапфиры! Он узнал этот мягкий смеющийся рот, крошечную очаровательную ямку в центре упрямого подбородка и пышную массу золотисто-рыжих волос, небрежно спадающих на плечи.

Ухватившись левой рукой за спинку стула, чтобы выпрямиться, он протянул ей дрожащую от волнения правую.

– Кэтрин, – прошептал он.

Виктория неуверенно вложила руку в его ладонь, и длинные пальцы Чарльза крепко сжали ее.

– Кэтрин, – снова хрипло прошептал он, и Виктория заметила блеснувшие в его глазах слезы.

– Кэтрин звали мою мать, – мягко сказала она.

Его пальцы чуть ли не до боли сжали ее руку.

– Да, – прошептал он. Затем прокашлялся, и его голос обрел нормальное звучание. – Да, конечно, – сказал он и тряхнул головой, как бы для того, чтобы прийти в себя.

Виктория обратила внимание на то, что он был невообразимо высок и

очень худ. Его карие глаза всматривались в каждую черточку ее лица.

– Итак, – оживленно начал он, – вы дочь Кэтрин.

Виктория кивнула, еще не зная наверняка, как все это следует понимать.

– Меня зовут Виктория.

Странная нежность мелькнула в его глазах.

– А меня – Чарльз Виктор Филдинг.

– Ах вот как, понятно, – промямлила она.

– Нет, – сказал он, – вам непонятно. – При этом герцог улыбнулся, и улыбка была такой мягкой, что он сразу стал выглядеть гораздо моложе. – Вам ничего не понятно. – А затем неожиданно он заключил ее в крепкие объятия. – Добро пожаловать домой, дитя мое, – глухим от волнения голосом проговорил он, похлопывая ее по спине и еще крепче прижимая к своей груди. – Добро пожаловать!

И у Виктории появилось странное ощущение, что она действительно попала в родной дом.

С хитрой улыбкой он отпустил ее и пододвинул ей стул.

– Должно быть, вы умираете от голода. О’Мэлли! – позвал он лакея, ожидавшего подле серванта, в котором красовались серебряные блюда. – Мы оба до смерти голодны.

– Да, ваша светлость, – отвечал лакей, повернулся и начал наполнять тарелки.

– Прошу меня простить за то, что я не выслал своевременно карету в порт, – мотнув головой, сказал Чарльз. – Я даже не мог себе представить, что вы приедете раньше срока, так как мне говорили, что обычно депеши из Америки приходят с опозданием. Ну да ладно. Надеюсь, путешествие было приятным? – поинтересовался он, пока лакей расставлял тарелки с яйцами, картофелем, почками, ветчиной и хрустящими французскими булочками.

Виктория посмотрела на ряды узорных золотых ножей и вилок по обе стороны от ее тарелки и мысленно вознесла хвалу матери за то, что их с Дороти научили правильно пользоваться ими.

– Да, путешествие было очень славным, – улыбнулась она, а затем с неловкой робостью добавила: – Ваша светлость.

– Бог ты мой, – хмыкнул Чарльз, – вряд ли нам стоит быть такими официальными! В таком случае мне пришлось бы называть вас графиней Лэнгстон или леди Викторией. Меня это ни в коей мере не устраивает – я бы предпочел, чтобы вы называли меня дядей Чарльзом, а я величал вас Викторией. Что скажете?

Виктория ощутила, как в ее душе зарождается теплая привязанность, и ответила:

– Что ж, я не против. Я уверена, что никогда бы не сумела отозваться на обращение «графиня Лэнгстон» – кто бы она ни была, – да и «леди Виктория» как-то не вяжется со мной.

Положив салфетку на колени, Чарльз бросил на нее странный взгляд.

– Но на самом деле и то и другое относится именно к вам. Ваша мать была единственным ребенком у графа и графини Лэнгстон. Они скончались, когда Кэтрин была юной девушкой, их титул происходил из древнего шотландского рода и перешел к ней. Вы ее старший ребенок, так что теперь этот титул ваш.

Синие глаза девушки сверкнули веселой искоркой.

– Ну и что же мне с этим делать?

– То же, что делаем мы все! – хмыкнул он. – Афишируйте это. – Он выждал, пока О’Мэлли поставил перед ним тарелку. – Между прочим, кажется, в Шотландии есть небольшое поместье, наследуемое вместе с этим титулом. А может, я ошибаюсь. Что об этом говорила ваша мать?

– Ничего. Мама никогда не говорила об Англии или ее жизни в те времена. Мы с Дороти всегда считали, что она... как бы это сказать... обыкновенный человек.

– В вашей матери не было ничего «обыкновенного», – мягко заметил он. В его голосе Виктория уловила волнение, и это ее удивило, но когда она начала расспрашивать о жизни матери в Англии, он покачал головой и непринужденно пояснил: – В один прекрасный день я расскажу вам все о... обо всем. Но не сейчас. Пока давайте лучше узнаем друг друга.

Целый час пробежал незаметно, пока Виктория отвечала на четко сформулированные вопросы Чарльза. К концу завтрака стало ясно, что он получил полное представление о ее жизни до того самого момента, когда она прибыла к подъезду его дома с визжащим поросенком в руках. Девушка рассказала ему о деревенских телятах, об отце и об Эндрю. По непонятной причине рассказ об этих двух людях сильно испортил ему настроение, но в то же время он проявил наибольший интерес именно к ним. Расспросов о матери он осторожно избегал.

– Признаюсь, меня повергает в недоумение вопрос о вашей помолвке с этим Эндрю Бэйнбриджем, – заметил он, нахмутив лоб, когда она окончила свой рассказ. – В письме, полученном мной от доктора Морисона, не было никакого упоминания об этом. Совсем наоборот – в нем говорилось, что у вас с сестрой никого нет. А ваш отец дал благословение на этот брак?

– И да и нет, – ответила Виктория, удивленная его реакцией. –

Понимаете ли, мы давно знакомы с Эндрю, но папа всегда настаивал на том, что официальная помолвка может состояться не раньше, чем мне исполнится восемнадцать. Он считал, что это слишком серьезное дело, чтобы решать его в более молодом возрасте.

– Весьма разумно, – согласился Чарльз. – Однако вам исполнилось восемнадцать до того, как погиб ваш отец, и тем не менее официальной помолвки с Бэйнбриджем еще не было, так?

– Да, это так.

– Причина в том, что ваш папа все еще не давал своего согласия?

– Не совсем. Незадолго до того, как мне исполнилось восемнадцать, миссис Бэйнбридж – мама Эндрю – предложила Эндрю поехать за границу по сокращенной программе гранд-тура, чтобы испытать наши чувства и дать ему возможность, как она выразилась, «последний раз погулять». Эндрю считал, что эта идея бессмысленна, но мой папа был абсолютно согласен с миссис Бэйнбридж.

– Мне представляется, что ваш отец, по существу, не был сторонником вашего брака с молодым человеком. В конце концов, вы знали друг друга в течение многих лет, так что вряд ли было необходимо проверять серьезность ваших чувств. Похоже, что это было не причиной, а скорее предлогом. И по-моему, мать Эндрю также не в восторге от предстоящего брака.

В словах герцога сквозила отчетливая неприязнь к союзу с Эндрю, поэтому Виктории не оставалось ничего иного, как правдиво изложить всю непростую ситуацию:

– У папы не было сомнений в том, что Эндрю составит мне прекрасную партию. Зато были серьезные сомнения относительно моей жизни с будущей свекровью. Понимаете, она вдова и очень привязана к Эндрю. Кроме того, она постоянно болеет, из-за чего порой становится несколько неуравновешенной.

– Хм-м, – понимающе хмыкнул герцог. – И насколько серьезны эти заболевания?

Виктория покраснела.

– По словам отца, которые он высказал в моем присутствии прямо ей в глаза, ее болезни надуманные. Когда она была совсем молодой, у нее действительно были проблемы с сердцем, но папа говорил, что станет гораздо хуже, если она будет продолжать вести лежащий образ жизни и стонать от жалости к себе. Понимаете ли, они недолюбливали друг друга.

– Да, и, кроме того, понимаю почему! – ухмыльнулся герцог. – Ваш папа был абсолютно прав, ставя преграды на пути вашего брака, моя

дорогая. Ваша жизнь стала бы весьма несчастливой.

– Вовсе нет, – твердо заявила Виктория, полная решимости выйти за Эндрю, с одобрения герцога или без него. – Эндрю сознает, что его мать использует свои болезни, чтобы крепче держать его в руках, но он не позволяет ей вмешиваться в его жизнь. Он согласился отправиться в этот тур только потому, что на этом настоял мой отец.

– Много ли писем пришло от него?

– Только одно, но, видите ли, Эндрю уехал в Европу всего за две недели до несчастья с моими родителями, а письма между Европой и Америкой идут приблизительно столько же. Я написала ему, сообщив, что случилось, и перед самым отъездом в Англию послала еще одно письмо, с моим новым адресом. Думаю, он сейчас уже направляется домой, полагая, что едет выручать меня. Мне хотелось остаться в Нью-Йорке и подождать его возвращения, но доктор Морисон не желал и слушать об этом. По неведомой причине он убежден, что чувства Эндрю не выдержат испытания временем. Очевидно, об этом ему сказала миссис Бэйнбридж, это в ее духе. – Виктория вздохнула и посмотрела в окно. – Она бы предпочла, чтобы Эндрю женился на более состоятельной девушке, а не на дочери врача, у которого не было ни пенни.

– Или, скорее, чтобы он вообще не женился, а оставался прикованным к ее постели? – подняв брови, предположил герцог. – Вдова, притворяющаяся больной, представляется мне весьма эгоистичной, властной особой.

Виктория не могла отрицать этого и потому снисходительно промолчала, добавив лишь:

– Некоторые жители деревни предлагали мне пожить у них до возвращения Эндрю, но такой вариант был не очень хорош. Эндрю, узнав об этом, пришел бы в ярость.

– Из-за вас? – нахмурившись, спросил герцог.

– Нет, из-за матери, поскольку она не настаивала, чтобы я осталась с ней.

– Ах вот оно что, – понял он, но, несмотря на то что ее объяснение полностью оправдывало Эндрю, Чарльз продолжал оставаться удрученным. – Складывается такое впечатление, что этот парень не что иное, как образец провинциальной добродетели, – пробормотал он.

– Он вам очень понравится, – улыбаясь, сказала Виктория. – Он приедет, чтобы забрать меня домой, вот увидите.

Чарльз похлопал ее по руке:

– Давайте забудем об Эндрю и будем радоваться тому, что вы в

Англии. А теперь расскажите мне о своих первых впечатлениях...

Виктория поведала, что ей очень понравились ландшафты, которые она успела увидеть, а Чарльз описал ей свои планы в отношении ее пребывания в этой стране. Для начала он хотел, чтобы она обновила гардероб, и для этого намеревался предоставить в ее распоряжение опытную горничную. Виктория было собралась отказаться, когда вдруг заметила вчерашнего мрачного незнакомца, стремительно подошедшего к столу и уверенно занявшего свое место.

Бриджи из оленьей кожи обрисовывали его мускулистые ноги, а в расстегнутом вороте белой рубашки виднелась загорелая шея. В это утро он показался ей еще более высоким, чем накануне, стройным и превосходно сложенным.

Его черные волосы слегка завивались, нос был прямой, строгий рот тонко очерчен. Если бы не надменная властность, проявлявшаяся в линии подбородка, и не цинизм, светившийся во взгляде холодных зеленых глаз, Виктория могла бы назвать его даже красивым.

– Джейсон, – добродушно сказал Чарльз, – позвольте представить вас Виктории. Джейсон – мой племянник, – добавил он, обращаясь к девушке.

Племянник! Она-то надеялась, что он просто гость, а оказывается, он – родственник, вероятно, живущий вместе с герцогом. От этого ей стало несколько не по себе, но гордость заставила ее поднять подбородок и спокойно встретить жесткий взгляд Джейсона. Ответив на официальное представление коротким кивком, он сел напротив нее и посмотрел на О'Мэлли.

– Вряд ли можно надеяться, что еще осталась какая-нибудь еда?

Лакей заметно перепугался.

– Я... нет, милорд. Не осталось. То есть еды достаточно, но она остыла. Сейчас же сбегая на кухню и передам повару, чтобы он приготовил все, что нужно. – С этими словами он исчез.

– Джейсон, – сказал Чарльз, – я как раз предлагал Виктории взять подходящую горничную и обновить гардероб, чтобы...

– Нет, – резко ответил Джейсон.

Желание немедленно скрыться подавило все прочие чувства Виктории.

– Если вы извините меня, дядя Чарльз, – сказала она, – мне... мне нужно кое-что сделать.

Чарльз одарил ее благодарным извиняющим взглядом и любезно поднялся, но его племянник лишь откинулся на спинку стула и наблюдал, как она ретировалась, со скучающим презрительным видом.

– Виктория ни в чем не виновата, – начал Чарльз, пока лакей закрывал

за девушкой дверь. – Вы должны понять это.

– Неужто? – с сарказмом протянул Джейсон. – А сознает ли эта маленькая нищенка, что это мой дом и что она мне здесь не нужна?

Двери затворились за ней, но его слова успели долететь до нее. Нищенка! Маленькая нищенка! Тошнотворная волна унижения обожгла ее сердце, когда она, ничего не видя перед собой, бежала через залу. Судя по всему, Чарльз пригласил ее сюда, не получив согласия племянника.

Лицо девушки было бледным, но решительным, когда она вошла в спальню и открыла чемодан.

А в это время в столовой Чарльз продолжал уговоры:

– Джейсон, вы не понимаете...

– Вы пригласили ее в Англию, – сердито говорил Филдинг-младший. – Раз она так нужна вам, то возьмите ее к себе в Лондон.

– Не могу, – возразил герцог. – Она еще не готова к светской жизни. Многого предстоит сделать, прежде чем она выйдет в свет. Например, нужно взять для нее опытную компаньонку для появления в обществе.

Джейсон нетерпеливо кивнул лакею, ожидавшему рядом с серебряным кофейником.

Затем он резко заявил:

– Я хочу, чтобы ее завтра же здесь не было, я ясно выражаюсь? Забирайте ее в Лондон или отошлите домой, но мне она здесь не нужна! Я не собираюсь тратить на нее и цента. Если вы хотите помочь ей выйти в свет, то найдите другой способ для оплаты необходимых расходов.

Чарльз устало потер виски.

– Джейсон, я знаю, что вы не так бессердечны, как можно заключить из ваших слов. По крайней мере позвольте мне рассказать о ней.

Откинувшись на спинку стула, Джейсон со смертельно скучающим видом смотрел на герцога, упрямо пытавшегося добиться своего.

– Ее родители погибли несколько месяцев назад от несчастного случая. За один трагический день девушка потеряла мать, отца, дом, безопасность – все.

Джейсон вновь не проронил ни слова и остался недвижим, тогда Чарльз вышел из себя.

– Проклятие! Вы забыли, что чувствовали, когда потеряли Джейми? Виктория лишилась всех, кого любила, включая молодого человека, с которым должна была заключить помолвку. Она настолько неопытна, что верит, будто парень примчится выручать ее в ближайшие несколько недель, хотя его мать против их союза. Помяните мое слово: сейчас, когда его с Викторией разделяет целый океан, он подчинится своей мамаше. Ее сестра

теперь находится под опекой герцогини Клермонт, так что и с ней она разлучена. Подумайте о ее чувствах, Джейсон. Ведь вы знаете, что такое смерть и утрата, – или вы уже забыли, какая это мука?

Слова герцога, очевидно, дошли до Джейсона и достигли своей цели – он поморщился. Чарльз заметил это и удвоил усилия:

– Она невинна и растерянна, как дитя. На всем белом свете у нее нет никого, кроме меня... и вас, хотите вы этого или нет. Представьте себе Джейми в подобных обстоятельствах. Но у Виктории есть мужество и гордость. Например, хотя она и рассказывала об этом со смехом, могу сказать, что вчерашний прием был для нее крайне унижительным. Если она поймет, что ее пребывание здесь нежелательно, она найдет способ убежать. А если это случится, – натянуто добавил Чарльз, – я никогда вам этого не прощу. Клянусь!

Джейсон резко отодвинул свой стул и поднялся с непроницаемо жестким выражением лица.

– Между прочим, не является ли она еще одним вашим побочным ребенком?

Чарльз побледнел.

– Господи Боже, конечно, нет! – И когда Джейсон хмыкнул, Филдинг-старший в отчаянии добавил: – Подумайте, что вы говорите! Разве я объявил бы о вашей помолвке, если бы она была моей дочерью?

Вместо того чтобы успокоить Джейсона, это заверение лишь напомнило о помолвке, мысль о которой и так бесила его.

– Если ваш ангелочек так невинен и мужествен, то отчего же она согласилась принести себя в жертву ради брака со мной?

– А, это? – Чарльз махнул рукой. – Я опубликовал объявление, не уведомив ее; она пока ничего не знает. Считайте, что я несколько поторопился. Заверяю вас, у нее нет ни малейшего желания выходить за вас.

Ледяной взгляд Джейсона начал оттаивать, и Чарльз поспешил окончательно закрепить победу:

– Сомневаюсь, что Виктория согласилась бы на этот брак, даже если бы это вас устроило. Вы чересчур циничны, жестоки и пресыщенны для такой хорошо воспитанной, идеалистически настроенной девушки, как она. Она восторгалась своим отцом и честно призналась мне, что хотела бы выйти за мужчину, подобного ему, – чувствительного, с благородными манерами, идеалиста. Вы же – полная противоположность, – продолжал он, увлеченный тем, что, кажется, задел душу собеседника.

Однако при этом герцог не заметил, как его тирада перешла в

оскорбление.

– Осмелюсь сказать: если бы она узнала, что ей грозит брак с вами, с ней бы случился обморок! Да она наложила бы на себя руки до того...

– Достаточно, я уже получил полное представление об этом, – мягко прервал его Филдинг-младший.

– Хорошо, – усмехнувшись, сказал Чарльз. – Тогда могу я просить вас об одолжении? Пусть она ничего не знает о злосчастном объявлении. Я подумаю о том, как дать опровержение без неприятных последствий для каждого из вас, но только не сейчас. – Когда он увидел, что в ответ на его улыбку глаза Джейсона сузились, Чарльз тут же отрезвел. – Она еще дитя, Джейсон, – храброе, гордое дитя, пытающееся найти свой путь в жестоком мире, к встрече с которым она не готова. Если мы дадим опровержение тотчас после ее приезда, она станет посмешищем для всего Лондона. Люди скажут, что стоило вам взглянуть на нее, как вы убежали без оглядки.

Видение темных ресниц, сияющих синих глаз и лица, слишком прекрасного для того, чтобы быть реально существующим, промелькнуло в мозгу Джейсона. Он вспомнил мягкую улыбку, коснувшуюся ее розовых губ до того, как она заметила его присутствие в столовой. Кажется, она действительно была подобна ранимому ребенку.

– Пойдите поговорите с ней, – попросил Чарльз.

– Поговорю, – неожиданно быстро согласился тот.

– Но постараетесь ли вы убедить Викторину, чтобы она чувствовала себя как дома?

– Это будет зависеть от того, как она поведет себя, когда я найду ее.

Виктория выхватила из шкафа еще одну охапку белья, в то время как ее мозг сверлили слова Джейсона Филдинга. *«Маленькая нищенка... она не нужна мне здесь... Маленькая нищенка...»* Оказывается, она вовсе не нашла себе нового дома. Судьба просто сыграла с ней злую шутку.

Девушка набила чемодан бельем. Поднявшись, она было снова обратилась лицом к шкафу и тут же в изумлении застыла.

– Вы! – приглушенно воскликнула она, увидев в дверном проеме высокую фигуру своего врага, стоявшего со скрещенными на груди руками. Злясь на себя, что позволила ему увидеть свой испуг, она высоко подняла подбородок, полная решимости не допустить новых угроз и оскорблений. – Вам бы следовало научиться стучать, перед тем как заходить к людям.

– Стучать? – повторил он, сухо усмехнувшись. – Даже когда дверь настежь открыта? – Его внимание привлек наполненный чемодан, и он поднял брови. – Вы уезжаете?

– Несомненно.

– Почему же?

– Почему? – вырвалось у нее. – Да потому что я не «маленькая нищенка» и, к вашему сведению, мне *ненавистна* сама мысль о том, что я кого-то обременяю.

Вместо того чтобы почувствовать себя виноватым, он, казалось, даже немного развеселился.

– А вас, случайно, не учили тому, что подслушивать нехорошо?

– Я и не подслушивала, – возразила Виктория. – Вы распекали меня на чем свет стоит таким голосом, который, должно быть, слышали даже в Лондоне.

– Куда же вы собираетесь отправиться? – спросил он, пропуская мимо ушей ее язвительную реплику.

– Это не ваше дело.

– Не грубите! – сказал он холодным повелительным тоном.

Виктория смерила его презрительным взглядом. На его лице читалась угроза. У него были широкие плечи и мощная грудь; рукава белой рубашки, подвернутые до локтя, обнажали бронзовые от загара мускулистые руки, чью силу она уже испытала, когда накануне он нес ее наверх.

Она знала также, что он отличался взбалмошным характером, и, судя по зловещему взгляду его жестких гагатово-зеленых глаз, он, кажется, даже собирался силой вырвать у нее ответ. Чтобы не дать ему такой возможности, Виктория холодно сказала:

– У меня есть небольшая сумма. Постараюсь остановиться в какой-нибудь деревне.

– В самом деле? – с сарказмом протянул он. – Тогда, просто из любопытства, скажите, на что вы будете жить, когда у вас кончатся деньги?

– Буду работать! – сообщила ему девушка, пытаясь вывести его из себя.

Темные брови взметнулись в ироническом веселье.

– Это что-то новенькое – женщина, всерьез желающая работать. Тогда скажите, что же вы умеете делать? – Его вопрос был резким, как удар хлыста. – Вы умеете пахать?

– Нет...

– А забивать гвозди?

– Нет.

– А доить коров?

– Нет!

– Тогда вы бесполезны не только для самой себя, но и для других, не

так ли? – безжалостно резюмировал он.

– Это совсем не так! – возразила она с сердитой гордостью. – Я очень многое умею, могу шить, готовить и...

– И позволить всем жителям деревни сплетничать о том, какие монстры эти Филдинги, которые отказали вам в приюте? Забудьте об этом, – надменно сказал он. – Я этого не допущу.

– Ах, я только забыла спросить вашего разрешения!

Захваченный врасплох, он сурово уставился на нее. Даже взрослые люди редко осмеливались бросать ему вызов, а эта девчонка посмела. Если бы его возмущение не было так же велико, как изумление, то он, наверное, лишь посмеялся бы ее храбрости. Подавив неожиданный порыв смягчить свои слова, он коротко сказал:

– Если вам так уж нейдет самой зарабатывать себе на жизнь, в чем я сомневаюсь, то почему бы не делать этого здесь?

– Мне очень жаль, – холодно заявила дерзкая юная красавица, – но это не годится.

– Почему же?

– Потому что я не могу представить себя кланяющейся, шаркающей ножкой и дрожащей от страха каждый раз, когда вы будете идти мимо, как полагается вести себя остальным вашим слугам. Только подумать, что этот бедняга с больным зубом чуть не упал в обморок утром, когда вы...

– Кто? – потребовал ответа Джейсон, и его гнев моментально уступил место изумлению.

– Мистер О’Мэлли.

– Кто такой этот мистер О’Мэлли, черт его подери? – еле сдерживаясь, выпалил он.

У Виктории от отвращения округлились глаза.

– Вы даже не знаете его имени, не так ли? Мистер О’Мэлли – лакей, который пошел за вашим завтраком, в то время как его челюсть так распухла...

Джейсон круто повернулся.

– Чарльз хочет, чтобы вы остались здесь, и разговор на этом окончен. – В дверях он остановился, повернулся, и его угрожающий взгляд будто пригвоздил ее к полу. – Если вы попытаетесь удрать, невзирая на мой приказ, то пожалеете. Мне придется ехать за вами, и вам будет отнюдь не по душе то, что произойдет, когда мы встретимся, уж будьте уверены.

– Я не боюсь ни вас, ни ваших угроз, – гордо солгала Виктория, поспешно ища выход из сложившейся ситуации. С одной стороны, ей не хотелось обижать Чарльза своим бегством, а с другой – гордость не

позволяла ей быть «нищенкой» в доме Джейсона. Игнорируя зловещий огонь в его зеленых глазах, она сказала: – Я останусь, но собираюсь отрабатывать свою еду и проживание.

– Прекрасно! – бросил Джейсон, чувствуя, что в этом конфликте перевес на ее стороне. Не успел он выйти, как ее голос остановил его:

– Могу я узнать, какое жалованье вы мне положите?

Джейсон пришел в ярость:

– Вы что, хотите вывести меня из себя?

– Нисколько. Просто я хочу знать размер своего жалованья, чтобы рассчитать день, когда... – Ее голос затих, поскольку Джейсон резко удалился.

Дядя Чарльз прислал ей приглашение пообедать вместе, и обед вылился в весьма приятное времяпрепровождение, поскольку Джейсон к ним не присоединился. Однако после обеда потянулись томительные часы, и от скуки Виктория решила побродить по двору.

Дворецкий увидел, что она спускается вниз, и распахнул парадную дверь. Пытаясь показать, что не затаила против него зла из-за вчерашнего, Виктория улыбнулась:

– Большое спасибо, м-м...

– Нортроп, – любезно и с нарочито бесстрастным видом подсказал он.

– Нортроп? – повторила Виктория, надеясь вовлечь его в разговор. – Это ваше имя или фамилия?

Он скользнул по ней взглядом, затем отвел глаза.

– Гм... моя фамилия, мисс.

– А-а, – вежливо продолжала она. – А как давно вы здесь работаете?

Нортроп сцепил руки за спиной и с торжествующим видом покачался на носках.

– Девять поколений членов моей семьи рождались и умирали на службе у Филдингов, мисс. И я надеюсь продолжать эту почетную традицию.

– О! – выдохнула Виктория, подавив смешок при виде такой гордости за службу, важность которой, по-видимому, заключалась в открывании и закрывании дверей.

Как бы прочтя ее мысли, он сухо добавил:

– Если у вас будут проблемы с персоналом, мисс, сообщите мне. В качестве дворецкого я приму все необходимые меры.

– Я уверена, что мне это не понадобится. Здесь все работают очень усердно, – любезно ответила она. «Чересчур усердно», – подумала девушка, выходя на солнечную поляну.

Она прошла по лужайке, затем обогнула дом, намереваясь зайти в конюшню, чтобы посмотреть лошадей. Подумав, что неплохо запастись для них угощением, она подошла к тыльной части дома и спросила, как пройти на кухню.

В огромной кухне суеилось множество людей, которые раскатывали тесто на деревянных столах, размешивали половниками содержимое котлов и рубили овощи.

В самом центре этого столпотворения стоял невероятно толстый человек в белоснежном фартуке размером со столовую скатерть; подобно спятившему монаху он размахивал длинной поварешкой и выкрикивал указания на французском и английском языках.

– Простите, – извиняющимся тоном сказала Виктория женщине, стоящей у ближайшего стола. – Не найдется ли для меня двух лишних яблок и двух морковок?

Женщина неуверенно посмотрела на человека в белом фартуке, пристально рассматривавшего Викторию, затем исчезла в смежной комнате и вновь появилась через минуту с яблоками и морковками.

– Благодарю вас, м-м... – кивнула девушка.

– Миссис Нортроп, мисс, – неловко подсказала женщина.

– О, как славно! – доброжелательно улыбнулась Виктория. – Я уже познакомилась с вашим супругом, дворецким, но он не сказал мне, что вы тоже здесь работаете.

– Мистер Нортроп – мой деверь, – поправила она.

– А, понятно, – кивнула девушка, чувствуя нежелание женщины заниматься разговорами под взглядом угрюмого толстяка, который, по-видимому, был здесь шеф-поваром. – Ну ладно, доброго дня вам, миссис Нортроп.

К конюшне вела выложенная плиткой дорожка, граничившая с зеленой рощей. Виктория направилась туда, любуясь великолепным видом на чуть всхолмленные лужайки с подстриженной травой и чудесные сады с левой стороны, когда какой-то звук в нескольких ярдах справа от нее заставил ее остановиться и замереть. На краю рощи в куче отбросов рылся огромный серый зверь. Животное почувствовало ее запах и подняло голову, их взгляды скрестились, и кровь застыла в жилах девушки. «Волк!» – молнией мелькнуло в мозгу.

Парализованная страхом, она застыла на месте, боясь издать малейший звук или пошевелиться, а тем временем ее мозг механически отмечал детали.

Серая шкура волка выглядела потрепанной и довольно густой, но не

настолько, чтобы скрыть выступающие ребра; у него были огромная пасть и злые глаза... Судя по его ужасающей костлявости, он был близок к смерти от голода. Это означало, что он нападет и слопает все, что сумеет ухватить, – в том числе и ее самое. Виктория сделала очень маленький осторожный шаг назад, в сторону дома.

Хищник зарычал, его верхняя губа задралась вверх, обнажив ряд огромных белых клыков. Виктория прореагировала мгновенно: она бросила ему яблоки и морковки в отчаянной попытке отвлечь зверя. Но вместо того чтобы кинуться за подачкой, на что она рассчитывала, волк, поджав хвост, кинулся прочь в сторону рощи. Виктория круто развернулась и метнулась в дом через ближайший черный ход, затем подбежала к окну и выглянула из него, пытаясь разглядеть зверя среди деревьев. Волк стоял у границы зарослей и голодными глазами взирал на оставленную кучу отбросов.

– Что-то случилось, мисс? – спросил лакей, проходя позади нее в направлении кухни.

– Я видела животное, – задыхаясь, выговорила она. – Мне кажется, это был...

Она наблюдала, как серый зверь крадучись пробрался обратно в сад и проглотил яблоки и морковь; затем снова, поджав хвост, убежал в рощу. Она поняла, что хищник напуган, изголодался до смерти.

– У вас здесь есть собаки? – поинтересовалась она, сообразив, что ошибка выставила бы ее в очень глупом свете.

– Да, мисс, и не одна.

– Среди них есть большая, тощая, темно-серого цвета?

– Это Вилли, старый пес его милости. Он всегда рыскает в поисках еды. Он вовсе не злой, если вас это беспокоит. Вы его видели?

– Да, – сердито ответила девушка, вспомнив, с какой жадностью изголодавшееся животное пожирало тухлые овощи в куче отбросов, как будто это были бифштексы. – Ведь он умирает с голоду! Нужно кормить бедного пса.

– Вилли всегда ведет себя так, будто вот-вот сдохнет от голода, – с абсолютным безразличием сообщил лакей. – Его милость говорит, что если пес будет есть больше, то так растолстеет, что не сможет ходить.

– А если будет есть меньше, то будет слишком слаб, чтобы выжить, – сердито парировала Виктория. Ей легко было представить, как этот бессердечный Джейсон доводит до смерти свою собственную собаку. Как жалко выглядело животное, как торчали его ребра – отвратительно! Она вернулась на кухню и попросила еще одно яблоко, несколько морковок и миску объедков со стола.

Несмотря на жалость, Виктории пришлось бороться со страхом, когда она приблизилась к куче отбросов и заметила, как Вилли наблюдает за ней из своего укрытия в роще. Теперь она убедилась, что это не волк, а собака. Помня, что Вилли вовсе не злой, она подошла к нему на такое расстояние, на какое осмелилась, и протянула миску с остатками еды из столовой.

– Вот, Вилли, – мягко позвала она, – принесла тебе хорошей еды. – Девушка сделала еще один осторожный шаг в сторону пса. Вилли оскалил клыки; тут мужество оставило ее. Она поставила миску на землю и бросилась к конюшне.

Вечером она ужинала с Чарльзом, и, поскольку Джейсон опять отсутствовал, все было чудесно; но когда с ужином было покончено и она опять осталась в одиночестве, время потекло томительно медленно. Помимо похода в конюшню и приключения с Вилли, в этот день ей нечем было заняться, и она бесцельно бродила из угла в угол. «Ничего, – решила девушка, – завтра я приступлю к работе». Она привыкла быть всегда чем-то занятой, и ей отчаянно хотелось заполнить свободное время. Она не упомянула в беседе с Чарльзом о намерении зарабатывать себе на жизнь, однако была убеждена, что он лишь почувствует облегчение оттого, что она сама взяла на себя заботу о своем существовании и тем самым избавила его от упреков со стороны его неуравновешенного племянника.

Девушка пошла в свою комнату и всю оставшуюся часть вечера писала бодрое, полное оптимизма письмо Дороти.

Глава 6

На следующее утро Виктория проснулась под щебет птиц, доносившийся с дерева за открытыми окнами. Повернувшись на спину, она устремила взгляд на ярко-голубое небо, по которому плыли большие белые кучевые облака; природа манила ее покинуть дом.

Быстро умывшись и одевшись, она сошла вниз на кухню, чтобы взять еды для Вилли. Джейсон Филдинг накануне с сарказмом интересовался, умеет ли она пахать, забивать гвозди и доить коров. Первое и второе она делать не умела, но часто видела у себя на родине, как доят коров, и это казалось ей не таким уж трудным делом.

Кроме того, после шести недель, проведенных на ограниченном пространстве судна, она была готова заняться любой физической работой.

Виктория уже собиралась покинуть кухню с миской еды для собаки, как вдруг ее осенило. Не обращая внимания на сердитый взгляд мужчины в белом фартуке, который, как сообщил ей накануне вечером Чарльз, действительно был шеф-поваром и не спускал с нее глаз, как будто она могла чем-то навредить его кастрюльному королевству, Виктория обратилась к миссис Нортроп:

– Миссис Нортроп, нет ли здесь для меня какого-нибудь дела – я имею в виду помощь по кухне?

Миссис Нортроп от изумления открыла рот.

– Нет, что вы, конечно, нет.

Виктория вздохнула:

– В таком случае не могли бы вы сказать, где я могу найти коров?

– Коров? – ахнула женщина. – Но за... для какой цели?

– Подоить их.

Женщина онемела. После минутной неловкости Виктория пожала плечами и решила отыскать их сама. Она вышла через черный ход и направилась искать Вилли. Миссис Нортроп стерла с рук мучную пыль и быстро побежала переговорить с дворецким.

Виктория приблизилась к куче отбросов и обшарила глазами рощу, ища собаку. «Вилли. Какая необычная кличка для такого крупного, дикого с виду животного», – подумала она. И тут же увидела пса, который хоронился в тени деревьев, наблюдая за ней. По ее спине забегали мурашки, но она, насколько осмелилась, подошла к краю рощи.

– На, Вилли, – нежным голосом задабривала она пса. – Я принесла

тебе завтрак. Иди сюда, покушай.

Глаза огромного животного загорелись при виде съестного, но пес не сдвинулся с места, продолжая настороженно наблюдать за ней.

– Может, подойдешь поближе? – продолжала уговаривать Виктория, полная решимости подружиться хотя бы с собакой Джейсона Филдинга, поскольку не видела никакой возможности подружиться с ее хозяином.

Пес оказался не более общительным, чем хозяин. Он не поддавался на уговоры и продолжал угрожающим взглядом следить за ней. Виктория с глубоким вздохом поставила миску на землю и пошла восвояси.

Садовник показал ей дорогу, и она направилась к коровнику. Там было чисто и аккуратно, нос приятно щекотал аромат сена. Проходя мимо ряда стойл, она чувствовала себя не очень уверенно под взглядами дюжины коров, смотревших на нее большими влажными карими глазами. Возле одного стойла, где стояла табуретка и висело на стене ведро, она остановилась, полагая, что как раз эта корова наверняка самый подходящий объект для дойки.

– Доброе утро, – обратилась девушка к корове, погладив ее гладкую морду и пытаясь набраться храбрости. Теперь, когда наступил решающий момент, Виктория вовсе не была уверена, что точно помнит, как доят коров.

Оттягивая время, она обошла вокруг коровы, извлекла несколько соломинок из ее хвоста, затем нехотя переставила табуретку и подставила ведро под грузное вымя. Девушка уселась поудобнее, неспешно засучила повыше рукава платья и расправила юбки. Не заметив мужчину, вошедшего в этот момент в коровник, она нежно похлопала корову по животу и несколько раз нерешительно вздохнула.

– Не буду от тебя скрывать, – призналась она корове. – Правда заключается в том... что я еще ни разу не пробовала это делать.

Ее унылое признание застало Джейсона в нескольких шагах от стойла, и его зачарованный взгляд потеплел, когда он увидел происходящее. Сидящая на табуретке для дойки с расправленными юбками, как будто восседала на троне, мисс Виктория Ситон являла собой весьма интригующую фигуру. Сосредоточившись на предстоящей задаче, она слегка склонила голову, благодаря чему был великолепно виден ее аристократический профиль с высокими скулами и маленьким тонким носом. Солнечные лучи, проникавшие через верхнее окно, вспыхивали в ее волосах, превращая их в мерцающий золотисто-рыжеватыми искрами водопад, струившийся по плечам. Длинные загнутые ресницы тенями легли на ее гладкие щеки, когда она, закусив от усердия губу, наклонилась, чтобы передвинуть ведро немного вперед.

Эти движения привлекли внимание Джейсона к выдающейся полноте ее груди, заманчиво облегаемых черным платьем, но от слов, которые она в этот момент произнесла, его просто затрясло от смеха.

– Это, – взволнованным голосом сказала она корове, протягивая к вымени руки, – будет таким же испытанием для меня, как и для тебя.

Виктория тронула мясистые соски и тут же отдернула руки прочь с громким «уф-ф». Затем попробовала еще раз. Дважды она потянула за соски, затем откинулась назад и с надеждой заглянула в ведро. Оно было абсолютно пустым.

– Пожалуйста, не осложняй это простое дело, – упрашивала она корову.

Виктория еще дважды повторила процедуру, и опять впустую. От отчаяния в очередной раз она чересчур сильно потянула за сосок, и в результате корова резко повернула к ней голову и укоризненно посмотрела на нее.

– Я делаю то, что требуется, – сказала девушка, встретившись с ней глазами. – Самое малое, что ты могла бы сделать, – так это выполнить свою миссию!

Позади нее смеющийся мужской голос произнес:

– От такого сердитого взгляда у нее может свернуться молоко.

Виктория подпрыгнула от неожиданности и развернулась на табуретке, отчего ее медно-золотистые волосы волной заструились через плечо.

– Вы! – воскликнула она, залившись краской стыда: он был свидетелем всей этой сцены! – Ну почему вы всегда так беззвучно подкрадываетесь? Могли хотя бы...

– Постучать в дверь? – Его глаза искрились смехом. Он поднял руку и два раза постучал костяшками пальцев по деревянной балке. – А вы всегда беседуете с животными? – положил он начало светской беседе.

У Виктории не было никакого желания выслушивать насмешки, а судя по искоркам в его глазах, он явно подтрунивал над ней. Она призвала на помощь все свое достоинство, встала, расправила юбки и попыталась пройти мимо.

Он протянул руку и схватил ее за запястье крепко, но не больно.

– А разве вы не хотите закончить дойку?

– Вы видели, что я не могу.

– Почему?

Виктория подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Потому что не знаю, как это делается.

Темная бровь взлетела вверх над горевшим веселыми искорками

зеленым глазом.

– А хотите научиться?

– Нет, – ответила девушка, чувствуя злость и унижение. – А теперь не отпустите ли вы мою руку?.. – Она выдернула ее сама, не дожидаясь, пока он исполнит просьбу. – Ничего, я попытаюсь найти другой способ заработать себе на жизнь.

Уходя из коровника, она чувствовала на себе его испытующий взгляд, но с приближением к дому ее мысли отвлек Вилли. Она заметила пса, который по-прежнему прятался в роще и не спускал с нее глаз. Холодок пробежал по спине, но ей уже было все равно. За минуту до этого ей угрожала корова, и она упрямо решила не пугаться хотя бы собаки.

Джейсон смотрел ей вслед, затем выбросил из головы образ доярки с ангельским ликом и солнечным ореолом вокруг головы и вернулся в кабинет к работе, которую оставил, когда прибежавший Нортроп сообщил ему, что мисс Ситон пошла доить коров.

Усевшись за письменный стол, он обратился к секретарю:

– Так на чем мы остановились, Бенджамин?

– Вы диктовали письмо своему агенту в Дели, милорд.

После первой неудачи Виктория пошла разыскивать садовника. Она подошла к лысому мужчине, который, как ей показалось, был старшим садовником, и спросила, не может ли она помочь сажать луковицы цветов, которые его люди рассаживали на огромных круглых клумбах в переднем дворе.

– Занимайся своим делом в коровнике и не путайся у нас под ногами, женщина! – рявкнул лысый.

Виктория не стала спорить. Не утруждая себя объяснениями, она пошла в противоположную сторону, надеясь получить ту единственную работу, которую действительно умела делать, – то есть направилась напрямик к кухне.

Старший садовник проводил ее взглядом, затем бросил совок и пошел искать Нортропа.

Никем не замеченная, Виктория стояла у входа в кухню и смотрела, как восемь поваров сноровисто занимались приготовлением обеда, который, по-видимому, должен был состоять из жаркого со свежими овощами, слоистого свежее выпеченного хлеба и полудюжины гарниров.

Расстроенная тщетностью предыдущих попыток стать полезной, Виктория наблюдала до тех пор, пока абсолютно точно не поняла, что действительно может выполнять эту работу; затем она подступила к

капризному шефу-французу.

– Я хотела бы помочь, – твердо заявила она.

– Нет! – взвизгнул тот, явно по ее простенькому черному платью приняв ее за служанку. – Вон! Вон! Убирайся. Занимайся своими делами.

Виктории уже до смерти надоело, что ее все гонят. Очень вежливо, но очень твердо она снова обратилась к нему:

– Я могу помочь здесь, и, судя по суматохе, царящей на кухне, вам, несомненно, пригодится пара свободных рук.

Шеф был готов сорваться.

– Ты ничего не умеешь! – громовым голосом заявил он. – Убирайся! Когда Андре понадобится помощь, то он попросит ее и научит тебя! – коверкая английские слова, заорал он.

– Ничего мудреного нет в приготовлении жаркого, месье, – раздраженно заметила девушка. Не обращая никакого внимания на его побагровевшие щеки, Виктория продолжала резонерствовать: – Все, что требуется, – это порубить на этом столе овощи... – она показала, как это нужно сделать, похлопав рукой по соседнему столу, – и бросить их вон в тот котел. – Она указала на один из котлов, висевших над огнем.

Перед тем как сорвать с себя фартук, толстяк издал странный звук, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар.

– Через пять минут, – крикнул он, пулей вылетая из кухни, – я добьюсь, чтобы вас вышвырнули из этого дома!

В гробовом молчании, установившемся на кухне после его ухода, Виктория обвела взглядом остальных поваров, в ужасе уставившихся на нее; в их глазах можно было прочесть все – от симпатии до смеха...

– Бог ты мой, девушка, – сказала добродушная женщина средних лет, вытирая передником руки, – с какой стати вы так взбесили его? Он же добьется того, что вы вылетите отсюда вверх тормашками.

Если не считать маленькой горничной Рут, убиравшей комнату Виктории, это было первое дружелюбное обращение от прислуги. К несчастью, Виктория была настолько удручена, что вызвала такой переполох, всего лишь предлагая свою помощь, что симпатия этой женщины чуть не заставила ее расплакаться.

– Дело не в том, что вы не правы, – продолжала женщина, ласково похлопав ее по руке. – Готовить жаркое не такое уж хитрое дело. Любой из нас мог бы обойтись без Андре, но его милость требует лучшей еды, а Андре – лучший шеф-повар в стране. Можете идти укладывать вещи, так как нечего и сомневаться – вам сию же минуту откажут от места.

Виктория едва смогла найти в себе силы, чтобы разуверить женщину

на этот счет.

– Я здесь гостья, а не служащая... Я полагала, что миссис Нортроп сказала вам об этом.

У женщины буквально отвалилась челюсть.

– Нет, мисс, нам никто ничего не говорил. Здесь людям не разрешается сплетничать, и миссис Нортроп никогда не позволила бы себе опуститься до этого, особенно будучи родственницей мистера Нортропа, дворецкого. Я знала, что в доме находится гостья, но... – Ее взгляд упал на неприятное платье Виктории, и девушка вспыхнула. – Может, предложить вам что-нибудь из еды?

Виктория в отчаянии покачала головой:

– Нет, но мне... мне хотелось бы приготовить снадобье, чтобы облегчить страдания мистера О’Мэлли, у которого распухла челюсть. Нужно сделать простую припарку, которая должна помочь ему снять боль.

Женщина, назвавшаяся миссис Крэддок, показала Виктории, где взять необходимое, и девушка принялась за дело, ежеминутно ожидая, что «его милость» ворвется в кухню и при всем честном народе снова унизит ее.

Джейсон только что начал диктовать то самое письмо, работу над которым уже прерывали, как Нортроп снова постучал в дверь кабинета.

– Да? – нетерпеливо сказал Филдинг, когда дворецкий подошел к столу. – В чем дело на этот раз?

Дворецкий прочистил горло.

– Снова мисс Ситон, милорд. Она... м-м... пыталась помочь старшему садовнику с посадками на клумбах. Он принял ее за служанку, и теперь, когда я указал ему на ошибку, он беспокоится, что вы недовольны его работой и послали ее...

Глухой голос Джейсона вибрировал от раздражения:

– Скажи садовнику, чтобы он продолжал работу, и попроси мисс Ситон не мешать ему. А ты, – мрачно добавил он, – не мешай мне. У меня много дел. – Филдинг снова повернулся к своему худому очкастому секретарю и сердито спросил: – Так на чем мы остановились, Бенджамин?

– На письме вашему агенту в Дели, милорд.

Джейсон успел продиктовать всего две строчки, когда за дверью послышалась какая-то суматоха и в дверь неуклюже просунулся повар, преследуемый Нортропом, пытавшимся встать у него на пути.

– Вы уволите или ее, или меня! – громко проговорил месье Андре, подступая к письменному столу. – Я не потерплю эту рыжую прислугу у себя на кухне!

С убийственным спокойствием милорд положил гусиное перо и

устремил горящие угрожающим огнем зеленые глаза на лоснящееся лицо повара.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что не потерплю...

– Убирайся отсюда, – бархатным голосом прервал его Джейсон.

На круглом лице повара сквозь багровый румянец проступила ужасающая белизна.

– Oui^[3], – поспешно сказал он, уже пятясь к двери. – Я возвращаюсь на ку...

– Из моего дома, – безжалостно пояснил Джейсон, – и из моего поместья. Сию же минуту! – Он резко встал, задев локтем вдруг вспотевшего шеф-повара, и стремительно направился на кухню.

В кухне все замерли, как только услышали его гневный голос.

– Кто-нибудь из вас умеет готовить? – отчеканил он, и Виктория заключила, что шеф уволился из-за нее.

Ужаснувшись, она было сделала шаг в сторону маркиза, но, встретившись со зловещим взглядом Джейсона, побледнела, увидев в его глазах угрозу, чреватую большой бедой. Он презрительно оглядел всех присутствующих:

– Вы хотите сказать, что ни одна душа здесь не умеет готовить?

Миссис Крэддок поколебалась, но затем выступила вперед:

– Я умею, милорд.

Джейсон коротко кивнул:

– Хорошо. Вы будете шеф-поваром. На будущее прошу вас избегать приторно-пряных французских соусов. – После этого он устремил леденящий взгляд на Викторию. – А вы, – зловещим тоном приказал он, – держитесь подальше от скотного двора и предоставьте работы в саду садовникам, а приготовление пищи – поварам!

Он ушел, а повара повернулись к Виктории, глаза на нее со смешанными чувствами удивления и благодарности. Устыдившись того, что вызвала такой переполох, она избегала встречаться с ними глазами; наклонив голову, она начала мешать отвар для припарки, которая должна была помочь мистеру О’Мэлли.

– Давайте работать, – улыбаясь, бодрым голосом сказала за всех миссис Крэддок. – Нам еще предстоит доказать его милости, что мы прекрасно можем управиться без Андре, от криков которого у нас закладывало уши и от ударов поварешки которого болели суставы пальцев.

Виктория подняла голову и пораженно уставилась на миссис Крэддок.

– Да, он злобный тиран, – подтвердила женщина. – И мы очень

благодарны вам за то, что избавились от него.

Не считая дня гибели родителей, Виктория не могла припомнить дня худшего, чем этот. Она взяла чашку с отваром, готовить который ее научил отец, и вышла.

Не сумев найти О'Мэлли, девушка пошла искать Нортропа, который как раз появился в дверях кабинета. Через полуоткрытую дверь она мельком увидела Джейсона, расположившегося за письменным столом с документом и беседовавшего с джентльменом в очках, сидевшим напротив него.

– Мистер Нортроп, – приглушенным голосом сказала она, вручая ему чашку, – вы не будете так любезны передать это мистеру О'Мэлли? Скажите ему, что это нужно прикладывать к зубу и деснам по несколько раз в день. Это поможет снять боль и опухоль.

Вновь отвлеченный от работы голосами, слышавшимися за дверью кабинета, Джейсон бросил бумагу, которую читал, на стол и, стремительно подойдя к двери, рывком открыл ее. Виктория уже поднималась вверх по лестнице, и он резко спросил у Нортропа:

– Ну и что она натворила на этот раз?

– Она... она приготовила вот это снадобье для больного зуба О'Мэлли, милорд, – странно напряженным тоном сказал дворецкий, озадаченно глядя вслед девушке, поднимавшейся по лестнице.

Джейсон проследил за его взглядом, и его глаза сузились при виде тонкой согбенной фигурки в траурном платье.

– Виктория, – позвал он.

Виктория обернулась, ожидая очередного разноса, но он заговорил спокойным, сдержанным тоном, в котором тем не менее чувствовалась непреклонная властность:

– Не носите больше черных одежд, мне это не по душе.

– Мне очень жаль, что моя одежда оскорбляет ваш вкус, – ответила она со спокойным достоинством, – но я ношу траур по своим родителям.

Брови Джейсона сошлись на переносице, но он больше не промолвил ни слова, пока Виктория не исчезла из виду. Затем он приказал Нортропу:

– Пошлите кого-нибудь в Лондон за приличной одеждой для нее и избавьтесь от ее черных тряпок.

Когда Чарльз спустился на ленч и Виктория с подавленным видом села рядом, он взволнованно спросил:

– Боже всевышний, дитя мое, что случилось? Вы бледны как смерть.

Виктория поведала ему о своих безрассудных поступках в это утро. Чарльз слушал, и у него от беззвучного смеха подрагивали губы.

– Отлично, отлично! – сказал он, когда она окончила рассказ, и, к ее изумлению, фыркнул от удовольствия. – Действуйте в том же духе и нарушайте стиль его жизни, моя дорогая. Это именно то, что ему нужно. С виду он может казаться холодным и суровым, но это всего лишь скорлупа – признаю, толстая скорлупа, но настоящая женщина могла бы вскрыть ее и обнаружить под ней тонкую, чуткую душу. И когда она раскроет это, Джейсон сделает ее самой счастливой женщиной на свете. Помимо прочего, он очень щедр...

Он поднял брови, не договорив, и под его пристальным взглядом Виктория почувствовала себя неловко: уж не ее ли имеет он в виду?

Она ни на йоту не могла поверить, что в душе Джейсон Филдинг был чутким человеком, и, более того, по возможности она не хотела иметь с ним ничего общего. Вместо того чтобы прямо сказать об этом дяде Чарльзу, она тактично сменила тему:

– В ближайшие недели я ожидаю весточки от Эндрю.

– Ах да, Эндрю... – проговорил он, и искорки в его глазах погасли.

Глава 7

На следующий день Чарльз повез ее с собой на прогулку в соседнюю деревеньку, и хотя поездка наполнила Викторию ностальгической тоской по родному дому, она получила от нее огромное удовольствие. Повсюду можно было видеть распускающиеся цветы – в цветочных ящиках и садах, где за ними тщательно ухаживали, и на холмах и лугах, где о них заботилась одна лишь мать-природа. Деревенька с ее аккуратными домиками и мощенными булыжником улицами оказалась удивительно симпатичной, и Виктория была в восторге.

Всякий раз, как они выходили из маленьких лавчонок, расположенных на главной улице, проходившие мимо фермеры останавливались и в почтительном молчании глазели на них, сняв головные уборы. Они величали Чарльза «ваша светлость», и хотя он явно не мог припомнить их имен, это нисколько не мешало герцогу общаться с ними с непринужденной любезностью.

К тому времени, когда они возвратились в Уэйкфилд-Парк, Виктория стала видеть свою будущую жизнь в несколько более розовом цвете; она также рассчитывала, что у нее будет возможность покороче познакомиться с жителями деревни.

Во избежание новых неприятностей мисс Ситон ограничилась в этот день чтением в своей комнате и двумя прогулками к куче отбросов, где все так же безуспешно пыталась приручить Вилли, предлагая ему приличную еду.

Перед ужином она прилегла на кровать и заснула, убаюканная мыслью, что дальнейшего противостояния с Джейсоном Филдингом можно будет избежать, попросту не попадаясь ему на глаза, и этого-то она сегодня как будто добилась.

Однако Виктория ошиблась. Когда она пробудилась, то увидела Рут, раскладывающую в шкаф платья пастельных тонов.

– Это не мои вещи, Рут, – сонно сказала Виктория, выбираясь из постели и щурясь от света свечей.

– Они ваши, мисс! – с энтузиазмом ответила горничная. – Его милость специально посылал человека в Лондон за покупками.

– Пожалуйста, сообщите ему, что я их не буду носить, – любезно, но твердо заявила девушка.

Рут в волнении схватилась за горло.

– О нет, мисс, я не могу этого сделать. Правда не могу!

– Ну ладно, зато я могу! – сказала Виктория, направившись к другому шкафу за своим платьем.

– Ваших платьев здесь нет, – с несчастным видом вымолвила Рут. – Я... унесла их по приказу его милости...

– Понятно, – по возможности мягко ответила Виктория, чувствуя, что в ней, как в кипящем котле, бурлит такая злость, о существовании которой она даже не подозревала.

Маленькая горничная заломила руки, в ее бесцветных глазах еще сквозила надежда.

– Мисс, его милость сказал, что я смогу занять место вашей камеристки, если сумею должным образом справиться с этим делом.

– Мне не нужна камеристка, Рут.

Плечи Рут поникли.

– Это было бы настолько лучше того, чем я занимаюсь сейчас...

Перед этой сценой Виктория не могла устоять.

– Ну хорошо, – вздохнула она, выдавливая улыбку. – А чем занимается камеристка?

– Ну, буду помогать вам одеваться, следить за тем, чтобы ваша одежда всегда была чистой и выглаженной. Буду причесывать вас. Вы разрешите? Ухаживать за вашими волосами... У вас такие чудесные волосы, а моя мама всегда говорит, что из меня получился бы неплохой цирюльник.

Виктория скрепя сердце согласилась, надеясь тем самым выиграть время и успокоиться, перед тем как встретиться лицом к лицу с Джейсоном Филдингом.

Часом позже, облаченная в ниспадающее свободными складками шелковое платье персикового цвета с длинными рукавами, она молча обзревала себя в зеркале.

Ее тяжелые медные волосы были уложены на затылке в блестящие локоны и повязаны шелковыми лентами под цвет платья, ее высокие скулы алели от нарастающей злости, а сияющие сапфирами глаза искрились обидой и стыдом.

Виктории еще не доводилось не только видеть, но даже представить себе такое роскошное платье, какое было на ней сейчас, – с тесно облегающим лифом и низким вырезом, вызывающе обнажающим верхнюю часть груди. Еще не было случая, чтобы она была так мало удовлетворена своей внешностью, как в эту минуту, когда ее силой заставляли проявлять откровенное неуважение к своим покойным родителям.

– О, мисс, – восторженно всплеснула руками Рут, – вы настолько

прекрасны, что его милость не поверит своим глазам, когда увидит вас!

Предсказание Рут сбылось, но Виктория, когда входила в столовую, была слишком взбешена, чтобы получить хоть малейшее удовлетворение при виде его изумленного взгляда.

– Добрый вечер, дядя Чарльз, – сказала она, на мгновение прижавшись к лицу герцога щекой, в то время как Джейсон приходил в себя. Затем она резко повернулась и застыла в зловещем молчании, пока Филдинг-младший не без удовольствия обозревал ее фигуру: от блестящих золотисто-каштановых локонов и обнаженной части груди над корсажем и ниже – до носков элегантных шелковых вечерних туфель, купленных по его заказу.

Виктория была непривычна к восторженным взорам джентльменов, но в том нахальном, по-хозяйски бесстрастном рассматривании ее тела, которое позволил себе Джейсон, не было ничего джентльменского.

– Осмотр завершен? – коротко спросила она.

Он не спеша перевел взгляд на ее глаза, и его жесткие губы тронула усмешка. Маркиз протянул руку, и Виктория машинально отшатнулась, прежде чем поняла, что он лишь хотел пододвинуть ей стул.

– Видимо, я совершил еще одну грубую, недопустимую в свете ошибку вроде той, когда не постучал в дверь? – осведомился Филдинг-младший тихим смеющимся голосом. Когда она занимала свое место, его губы были до обидного близко к ее щеке. – Так, значит, в Америке не принято помочь леди, когда она садится?

Виктория отклонила голову.

– Вы помогаете мне сесть или собираетесь откусить мне ухо?

Его губы скривились в усмешке.

– Возможно, мне придется сделать это в том случае, если новый шеф-повар будет нас скверно кормить. – Тут он, возвращаясь на свое место, взглянул на герцога: – Я рассчитал жирного француза.

Виктория вспомнила о той роли, которую невольно сыграла в кухонной трагедии, но была настолько зла на Джейсона за его очередную выходку, что даже чувство собственной вины не могло уравновесить ее эмоций.

Намереваясь разобраться с ним наедине, *после ужина*, она сосредоточила все свое внимание на герцоге, но по мере того как на столе менялись блюда, чувствовала себя все более неловко, постоянно ощущая на себе взгляд Джейсона Филдинга, хотя этому несколько мешал подсвечник, расположенный в центре стола.

Джейсон поднес к губам стакан с вином, продолжая наблюдать за ней. Он знал, что «сиротка» злится на него за пропажу потрепанных черных

платьев и умирает от желания поквитаться с ним, – это можно было легко прочесть в ее горящих от злости глазах.

«Какая гордая, одухотворенная красавица», – беспристрастно оценил он. С самого начала она казалась очень славненькой, но он никак не мог ожидать, что она превратится в самую настоящую красавицу, какой оказалась в этот вечер, когда всего-навсего сбросила с себя непривлекательный траурный наряд. Возможно, он так ненавидел отвратительный черный цвет, что это затуманило ему глаза. Так или иначе, нет сомнений, что у нее на родине поклонники исчислялись сотнями. И также не вызывает никакого сомнения, что она вскружит голову и английским юношам. «Хотя, точнее, и юношам, и *мужчинам*», – поправил он себя.

Но, несмотря на ее пышные, привлекательные формы и опьяняющую красоту лица, он все более убеждался, что девушка абсолютно неопытна и невинна, в точном соответствии с описанием герцога. Неискушенная невинность, оказавшаяся под его кровом, за которую он, сам того не желая, нес ответственность. Оказаться в амплуа ее покровителя – свирепого стража целомудрия юной девы – сия мысль была настолько до смешного нелепой, что он чуть не расхохотался вслух, но тем не менее именно эту роль ему предстояло играть. Наверняка все, кто знает его, сочтут подобное абсурдом, принимая во внимание его весьма скверную репутацию в отношении женщин.

О’Мэлли долил вина в его бокал, и Джейсон сделал глоток, одновременно сясь придумать, как бы поаккуратнее сбыть ее с рук в целости и сохранности. Чем больше он размышлял, тем более убеждался в том, что ее следует поскорее вывести в свет, на чем, собственно, и настаивал герцог Атертон.

С ее ослепительной красотой можно было не сомневаться в успехе сей затеи. А с учетом небольшого приданого, которое Филдинг-младший мог ей обеспечить, казалось вполне реальным выдать девушку за какого-нибудь подходящего лондонского щеголя. С другой стороны, если девица действительно верила, что ее драгоценный Эндрю примчится за ней, то она может ждать его в течение многих месяцев, а то и лет, прежде чем согласится на брак с другим. Такая перспектива вовсе не устраивала Джейсона.

Действуя в соответствии с еще не оформившимся до конца планом, он выждал паузу в разговоре девушки с Чарльзом и спросил нарочито обыденным тоном:

– Дядя говорил, что вы, по сути, уже обручены с этим... как его...

Эдсон? Облерт?

Виктория резко повернулась к нему:

– Эндрю!

– А каков он из себя? – прощупывал он.

Нежная улыбка озарила лицо девушки.

– Он милый, красивый, умный, добрый, внимательный...

– Кажется, я получил полное представление о вашем избраннике, – сухо прервал ее Джейсон. – Примите мой совет – забудьте о нем.

подавив острое желание запустить какой-нибудь предмет в его голову, Виктория поинтересовалась:

– Почему же это?

– Он вам не подходит. За четыре дня вы перевернули в моем доме все до основания. Какой толк вам связываться с этим неотесанным уравновешенным деревенским увальнем, который наверняка захочет вести спокойную, организованную жизнь? Для вас будет гораздо целесообразнее забыть о нем и воспользоваться максимумом возможностей здесь.

– Во-первых... – взорвалась Виктория, но Джейсон прервал ее, намеренно выводя из себя:

– Кроме того, если вы не забудете об Эдсоне, то скорее всего он забудет о вас. Разве вам не известна поговорка «с глаз долой – из сердца вон»?

Сверхчеловеческим усилием сдержав себя, Виктория стиснула зубы и промолчала.

– Ну что, аргументы иссякли? – продолжал зондировать почву Джейсон, восхищенно следя, как от гнева ее глаза становятся дымчато-темно-голубыми.

Она гордо вздернула подбородок.

– У меня на родине, мистер Филдинг, считается неприличным спорить за столом.

– Какое огромное неудобство это создает для вас, – мягко парировал маркиз.

Чарльз откинулся на спинку стула и с нежной улыбкой наблюдал за тем, как его сын пикируется с юной красавицей, так напоминавшей свою мать. «Они просто созданы друг для друга», – решил он. Виктория не испытывала благоговения перед Джейсоном. Ее духовность и мягкость облагородили бы его, и он стал бы таким супругом, о котором только и могут мечтать юные девы. Они составили бы счастье друг другу, и она подарила бы Джейсону сына...

И, умиротворенный своими мечтаниями, Чарльз представил себе

внука, который родился бы в результате этого брачного союза. Таким образом, после всех этих пустых лет тоски и отчаяния у них с Кэтрин появился бы внук. Конечно, пока Джейсон и Виктория еще не совсем ладили, но этого нужно было ожидать. Джейсон – жесткий, умудренный опытом, переполненный горечью и желчью мужчина и к тому же резонер. А Виктория унаследовала от Кэтрин мужество, мягкость и пылкость. Ведь именно Кэтрин изменила его собственную жизнь. Она помогла ему узнать, что такое любовь. И что такое утрата. Перед его мысленным взором вереницей пронеслись события далекого прошлого, итогом которых стал сегодняшний вечер.

К тому времени, когда ему исполнилось двадцать два года, у Чарльза уже сложилась репутация жуира и картежника. Он не обладал чувством ответственности, для него не существовало никаких ограничений, но не было и абсолютно никаких перспектив, ибо его старший брат уже унаследовал герцогский титул и все с ним связанное – все, кроме денег. Деньги постоянно были в дефиците, ибо в течение четырехсот лет все поколения Филдингов проявляли отчетливую склонность ко всякого рода дорогостоящим порокам.

По сути, Чарльз был ничуть не хуже своего отца или отца своего отца. Зато его младший брат был, пожалуй, единственным в роду Филдингов, изъявившим желание побороть дьявольские искушения, но в жизнь он воплотил это с типично филдинговским максимализмом – решив стать миссионером и уехать в Индию.

Приблизительно в то же самое время француженка – любовница Чарльза заявила о своей беременности. Когда тот предложил ей вместо брака деньги, она зарыдала и набросилась на него с кулаками, но и это не помогло.

В конце концов она оставила его. Через неделю после рождения Джейсона она вернулась к своему жестокому любовнику, бесцеремонно швырнула ему дитя и исчезла. У Чарльза не было ни малейшего желания взваливать на себя заботу о ребенке, однако он не мог и просто-напросто отдать сына в сиротский приют.

В минуту озарения ему в голову пришла идея отдать Джейсона младшему брату и его безобразной жене, которые вот-вот собирались отправиться в Индию, чтобы «обращать язычников в истинную веру».

Без малейших колебаний он передал ребенка этим двум богобоязненным бездетным ревнителям веры – вместе с последними небольшими деньгами, которые у него еще оставались, – для того чтобы они позаботились о его сыне, и умыл руки.

До той поры ему еще как-то удавалось прилично обеспечивать себя, просиживая за карточным столом, но капризное счастье, всегда улыбавшееся ему, неожиданно оставило его. К тридцати двум годам Чарльзу пришлось столкнуться с суровой реальностью: он уже не мог вести жизнь на приличествующем человеку его происхождения уровне только на доходы от карточной игры. Такая ситуация была типична для безденежных младших отпрысков видных аристократических семей, и Чарльз разрешил ее принятым в те времена способом: обменяв знаменитую фамилию семьи на большое приданое.

С беззаботным безразличием он предложил руку дочери состоятельного купца – молодой леди, обладавшей большими деньгами, кое-какой красотой и небольшим умом.

Девушка и ее отец с радостью приняли предложение, а старший брат Чарльза даже согласился устроить прием, чтобы отметить предстоящее событие.

Именно по этому благоприятному поводу после долгого перерыва Чарльз вновь встретил свою очень отдаленную родственницу Кэтрин Лэнгстон, восемнадцатилетнюю внучку герцогини Клермонт.

В последний раз он видел ее, когда наносил очередной редкий визит брату в Уэйкфилд, а Кэтрин, в то время десятилетняя девочка, приезжала на каникулы в соседнее поместье. Все две недели пребывания там она ходила за ним хвостом, восхищенно глядя на него своими большими синими глазами. Тогда он считал ее удивительно симпатичной малюткой с обворожительной улыбкой и изумительной способностью самозабвенно увлекаться и увлекать, что выгодно отличало ее от несомненно более зрелых, но холодных красавиц. С неиссякаемым азартом она брала наравне с ним барьеры на своей кобыле и таскала его запускать вместе с ней воздушных змеев.

К моменту предполагаемой женитьбы юного вертопраха она была уже молодой леди потрясающей красоты, и Чарльз просто не мог отвести от нее глаз.

С делано скучающим видом он оглядывал ее очаровательную фигуру, безукоризненные черты лица и великолепные золотисто-каштановые волосы, когда она стояла в сторонке в переполненной людьми зале, выглядя безмятежной и хрупкой. Затем он подошел к ней с бокалом мадеры в руке, оперся о каминную полку и стал смело и откровенно восторгаться ее красотой.

Он ожидал, что она смутится, станет возражать, но Кэтрин повела себя иначе. Она не смутилась от его откровенно оценивающего взгляда и не

пыталась избежать его. Она просто склонила голову набок, как будто ждала результата его славословий.

– Здравствуйте, Кэтрин, – наконец сказал он.

– Здравствуйте, Чарльз, – ответила она спокойно и безмятежно.

– Вы так же находите торжество невыносимо скучным, как и я, дорогая? – поинтересовался он, удивленный ее сдержанностью.

Кэтрин устремила на него приводящий в замешательство взгляд синих глаз и спокойно ответила:

– Это вполне уместная прелюдия к браку, который заключается из чисто финансовых интересов.

Ее прямота поразила его, но далеко не в той степени, в какой порастил странно обвиняющий взгляд, которым она полоснула его, перед тем как повернуться и уйти прочь. Чарльз протянул руку, чтобы удержать ее. От прикосновения к ее обнаженной коже его будто громом поразило, и то же произошло, по всей видимости, и с Кэтрин, ибо все ее тело напряглось. Вместо того чтобы, как он обычно поступал в подобных случаях, привлечь ее к себе, Чарльз повлек ее из толпы, и они вышли на веранду.

Стоя в пятне лунного света, он повернулся к ней и, вспомнив ее последнюю фразу, жестко произнес:

– Предсудительно полагать, что только деньги принимались мной в расчет, когда я решил повенчаться с Эмилией. Бывают и другие причины.

И вновь вызывающие смятение синие глаза устремились на него.

– Только не у таких людей, как мы, – спокойно возразила она. – Мы-то заключаем брачный союз с целью увеличения богатства и власти нашей семьи либо ради приобретения титула. Что касается вас, то вы, разумеется, женитесь из-за денег.

Конечно, невеста Чарльза получала в обмен на свои деньги аристократическое имя. И хотя это было принято, слова Кэтрин разбредили его душу.

– Ну а вы? – напрягшись, спросил он. – Вы не выйдете замуж по одной из тех же причин?

– Нет, – мягко ответила она. – Я – нет. Я обвенчаюсь только по взаимной любви. Я не пойду на такой брак, который заключили мои родители. Мне нужно большего от жизни, и я сама смогу дать мужу больше, чем это.

В мягко сказанных словах сквозила такая спокойная убежденность, что Чарльз с минуту помолчал, прежде чем наконец выговорить:

– Ваша бабушка вряд ли будет довольна, если вы выйдете замуж по любви, а не по соображениям престижа, моя дорогая. Ходят слухи, что она

добивается родственного союза с Уинстонами и полагает, что именно вы скрепите такой союз.

Впервые за время разговора Кэтрин улыбнулась. Спокойная, обворожительная улыбка осветила ее лицо и растопила душу Чарльза.

– Бабушка и я, – непринужденно сказала она, – уже давно спорим по этому поводу, но я полна решимости, так же, впрочем, как и она, добиться своего.

Она выглядела такой прекрасной, свежей и неиспорченной, что броня цинизма, в которую Чарльз был закован в течение всей своей сознательной жизни, начала давать трещину, и он неожиданно почувствовал себя одиноким, ощутил какую-то пустоту. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он нежно провел кончиками пальцев по ее лицу.

– Надеюсь, мужчина, которого вы любите, достоин вас, – так же нежно произнес он.

Кэтрин долго вглядывалась в его глаза, как будто видела что-то в глубине, пыталась заглянуть в его усталую, утратившую иллюзии душу.

– Думаю, – шепнула она, – вопрос заключается в том, смогу ли я быть достойной его. Понимаете ли, он очень нуждается во мне, хотя только сейчас начинает сознавать это.

Через мгновение смысл ее слов дошел до него, и Чарльз услышал, как с его губ со стоном срывается ее имя. Он неожиданно ощутил лихорадочную тоску человека, который только что нашел ту, которую бессознательно искал всю свою жизнь, – женщину, которая могла любить его ради него самого, разглядевшую в нем мужчину, которым он мог быть, мужчину, которым он хотел быть. И желать или любить его у нее не было никакой другой причины; ее родословная была такой же аристократической, как и его собственная, ее связи шире, а богатство несравненно больше.

Чарльз всматривался в нее, пытаясь побороть чувства, всколыхнувшиеся в его душе. «Это безумие», – говорил он себе. Он едва знает ее. Он не молодой дурачок, который верит, что взрослые мужчины и женщины влюбляются друг в друга с первого взгляда.

До этого момента он вообще не верил в любовь. Но теперь поверил, ибо ему хотелось, чтобы эта прекрасная, умная девушка-идеалистка любила его, и только его. Впервые в жизни он нашел нечто редкое, утонченное и неиспорченное и был полон решимости удержать около себя это уникальное создание – жениться на ней, лелеять и охранять ее от пошлости и жестокости общества.

Перспектива отказа женитьбы на Эмили не тревожила его совести,

ибо он не питал никаких иллюзий касательно причин, побудивших ее согласиться на этот брак. Он знал, что привлекает ее, но согласие на замужество она дала лишь потому, что ее отец хотел породниться с аристократическим семейством.

Наконец Чарльз больше не мог откладывать встречу со вдовствующей герцогиней Клермонт. Он хотел просить у нее руки Кэтрин.

Чарльз был готов к тому, что герцогиня воспротивится, ибо, несмотря на то что род Филдингов был старинной аристократической ветвью, сам он был лишь младшим сыном, не имевшим титула. Однако такие браки довольно часто заключались, и он ожидал, что герцогиня в конце концов вынуждена будет сдаться под натиском Кэтрин, мечтавшей об их союзе не меньше, чем он сам.

Чарльз не ожидал, что старая аристократка так разозлится и станет поносить неразборчивость его предков и его собственную, а также называть его пращуров «безответственными безумцами».

Но самой большой и малоприятной неожиданностью оказались слова герцогини о том, что, если Кэтрин пойдет против ее воли, она лишит ее всего и выбросит на улицу без пенса в кармане. Обычно такого не случалось. Но когда он покидал в тот день дворец герцогини, то знал, что она в точности выполнит свои угрозы. Чарльз вернулся в свое жилище и провел ночь, попеременно впадая то в гнев, то в отчаяние. К утру он знал, что не решится жениться на Кэтрин, ибо, хотя сам был готов попытаться зарабатывать на жизнь честным путем, даже физическим трудом, если это потребуется, просто не мог пойти на то, чтобы его гордая прекрасная Кэтрин страдала. Слишком жестоко было вынуждать ее отрываться от семьи и подвергаться подобному испытанию в глазах общества.

Даже если бы она пошла на это ради их любви, он понимал, что нельзя позволить ей превратиться в обыкновенную домохозяйку. Она была молода, романтична и влюблена в него, но в то же время привыкла к дорогим нарядам и к тому, что слуги выполняют любой ее каприз. Если ему придется зарабатывать самому, то он наверняка не сможет обеспечить ей подобное.

За всю свою жизнь Кэтрин никогда не мыла посуду, не скребла полы и не гладила рубашек, и Чарльз просто не мог допустить, чтобы ей выпала эта доля лишь потому, что она по глупости полюбила его.

Когда ему наконец удалось устроить короткую тайную встречу на следующий день, Чарльз сообщил ей о своем решении. Кэтрин пыталась доказывать, что жизнь в роскоши не прельщает ее; она умоляла уехать с ней в Америку, где, по слухам, любой человек при желании мог

зарабатывать и вести приличную жизнь.

Не в состоянии выдержать ее слезы, да и собственную горечь, Чарльз резко оборвал ее, заявив, что она не сможет вынести жизни в Америке. Кэтрин же решила, что именно он боится работы, а затем, обливаясь слезами, обвинила его в том, что он охотится за ее приданым, – то есть в точности повторила слова своей бабушки. Для Чарльза, который ради нее принес в жертву свое счастье, такое обвинение было невыносимо.

– Думай как знаешь, – сухо сказал он, заставив себя уйти, пока не утратил решимости и не поддался на уговоры любимой. Он быстро пошел прочь, но мысль о том, что она действительно так думает о нем, угнетала. – Кэтрин! – на ходу, не оборачиваясь, воскликнул он. – Умоляю тебя, не считай меня негодяем.

– Я и не считаю, – прошептала она беззвучно. Она все еще не верила, что он положит конец их безнадежному, мучительному влечению друг к другу, женившись уже на следующей неделе на Эмилии. Он поступил именно так, и это был первый поистине жертвенный поступок за всю его жизнь.

Кэтрин вместе со своей бабушкой присутствовала на венчании, и Чарльз навсегда запомнил немой укор, которым были полны ее глаза в тот момент, когда завершался брачный ритуал и он обещал посвятить свою жизнь другой женщине.

А через два месяца после этого Кэтрин вышла замуж за ирландского врача и уехала с ним в Америку. Чарльз понимал, что она поступила так потому, что была безумно зла на бабушку и не могла оставаться в Англии, рядом с молодой четой Филдингов. И она сделала это, чтобы доказать ему единственно возможным способом, что ее любовь к нему могла выдержать все – включая жизнь в Америке.

В том же году старший брат Чарльза был убит на дуэли, и Чарльз унаследовал титул и права герцога. Нельзя сказать, что вместе с титулом ему достались большие деньги, но их бы хватило для того, чтобы обеспечить любимой комфортную жизнь. Но Кэтрин ушла из его жизни; ведь он не поверил, что ее любовь была достаточно сильной, чтобы выдержать отсутствие роскоши. Чарльзу было наплевать на деньги, которые он унаследовал, ему вообще было теперь на все наплевать.

Вскоре после этого второй брат Чарльза – миссионер скончался в Индии, а еще через шестнадцать лет умерла и Эмилия.

В ночь после похорон жены Чарльз напился до умопомрачения, что было для него обычным делом, но в ту ночь, когда он сидел дома в мрачном уединении, ему в голову пришла новая мысль: рано или поздно и он

должен будет покинуть этот мир. И в этом случае род Филдингов навсегда расстанется с герцогскими владениями, ибо у Чарльза не было наследника.

В течение предыдущих шестнадцати лет Чарльз вел странную, ничем не заполненную жизнь, но в эту роковую ночь, когда он осмысливал свое бесполезное пребывание на этом свете, какое-то новое ощущение стало точить его. Поначалу это было простое беспокойство, затем оно превратилось в отвращение и постепенно – в ярость.

Он потерял Кэтрин; потерял шестнадцать лет жизни. Влачил бессмысленное существование, вступил в брак без любви, а теперь ему еще предстояло окончить свою жизнь без наследника. Впервые за четыреста лет роду Филдингов угрожала потеря герцогского титула, и Чарльз внезапно решил отнестись к этому так серьезно, как никогда не относился к своей собственной жизни.

Его род не был таким уж знаменитым или состоятельным, но волей судьбы титул был его неотъемлемым достоянием, и Чарльз был теперь исполнен решимости сохранить его.

Для этого ему нужен был наследник, и, следовательно, возникла необходимость вновь жениться. После всех его многочисленных связей с женщинами в молодости перспектива того, чтобы теперь овладеть женщиной даже ради такой благой цели, как появление наследника, казалась не столько возбуждающей, сколько тоскливой.

С усмешкой он вспомнил обо всех миловидных девицах, с которыми когда-то переспал, в том числе и о прелестной французской балерине, бывшей его любовнице, от которой у него появился внебрачный...

От радости он вскочил на ноги. Ему вовсе не нужно снова вступать в брак, у него уже есть наследник! Есть Джейсон. Чарльз не был уверен, что законы наследственной иерархии позволят передать герцогский титул незаконнорожденному сыну, но для него это не играло большой роли. Джейсон был из рода Филдингов, и те немногие, кто знал о его существовании, считали его абсолютно законным сыном младшего брата Чарльза.

Когда-то старый король передал герцогство трем своим внебрачным сыновьям, и теперь он, Чарльз Филдинг, герцог Атертон, собирался последовать его примеру.

На следующий день Чарльз подрядил законников изучить этот вопрос, но прошло два долгих года, прежде чем один из них наконец прислал Чарльзу отчет с подробной информацией. Не было обнаружено никаких данных о зловке Чарльза, но в Дели отыскиали Джейсона, который сколотил состояние, занимаясь транспортным и коммерческим бизнесом.

Отчет начинался с сообщения адреса Джейсона и завершался сведениями о его прошлом, которые удалось достать.

Гордое ликование Чарльза в связи с финансовыми успехами Джейсона тут же обратилось в ужас и ярость, когда он прочитал об ужасном обращении своей золовки с невинным ребенком, отданным им в эту семью на воспитание. Когда он кончил читать отчет, его мутило.

Окончательно решившись сделать Джейсона своим законным наследником, Чарльз послал сыну письмо с просьбой вернуться в Англию, с тем чтобы он мог официально узаконить это.

Не получив от Джейсона ответа, герцог не охладел к своей идее; с твердостью, которая так долго не проявлялась в его характере, он сам отправился в Дели. Полный невыразимого раскаяния и решимости, он приехал к сыну в его великолепный дом. С первой же встречи Филдинг получил возможность лично удостовериться в том, о чем ему сообщалось в отчете: Джейсон женился, у него был сын, и он жил как король. Он также ясно дал понять, что не желает иметь с Чарльзом ничего общего и вовсе не нуждается в родовом наследстве, которое тот предлагает.

В последующие месяцы упрямо не покидавший Индию отец постепенно убедил своего бесстрастного, чрезвычайно сдержанного сына в том, что никогда не знал и даже не мог себе представить, какому ужасному обращению подвергался маленький Джейсон в семье родственников.

Прелестная жена Джейсона Мелисса была в восторге от перспективы оказаться в Лондоне в качестве маркизы Уэйкфилд, но ни ее истерики, ни уговоры Чарльза никоим образом не действовали на Джейсона. Последнему не было никакого дела до титулов, и он не питал ни на грош симпатии к роду Филдингов, над которым нависла угроза потери титульных прав.

Чарльз уже было почти отказался от своего замысла, как вдруг нашел идеальный аргумент. Однажды вечером, когда он наблюдал, как Джейсон играет со своим маленьким сыном, его озарило, что существует лишь один человек в мире, ради которого Джейсон пойдет на все, – его сын Джеймс.

Поэтому Чарльз немедленно изменил тактику. Вместо того чтобы пытаться соблазнить Джейсона теми благами, которые ждут его по возвращении в Англию, Чарльз сделал акцент на том, что, отказываясь стать наследником герцога, Джейсон лишает и маленького Джейми родовых прав. Ведь титул и прочее наследие старинного рода в конце концов должны были отойти к Джейми.

Эта тактика сработала.

Джейсон назначил компетентного человека управлять своими делами в

Дели и переехал с семьей в Англию, рассчитывая создать «королевство» для своего малыша. Джейсон охотно тратил огромные деньги на восстановление захиревших поместий Атертонов и доводил их до такого великолепия, какое в прошлом их владельцам и не снилось.

Пока Филдинг-младший активно занимался реставрационными работами, Мелисса поспешила в Лондон, чтобы занять подобающее место в обществе в качестве новой маркизы Уэйкфилд. В течение года по Лондону с молниеносной быстротой распространялись слухи о ее любовных связях. А еще через несколько месяцев она погибла вместе с сыном...

Чарльз очнулся от печальных мыслей и, пока убирали со стола, предложил:

– Не отступить ли нам сегодня от традиций, Виктория? Что, если вместо того, чтобы в мужском одиночестве выпить бокал портвейна, мы посидим вдвоем в гостиной? Мне до смерти не хочется уединяться.

Виктория не знала об этой традиции, но в любом случае была счастлива отказаться от нее и открыто высказала это. Когда они были на пороге гостиной, Чарльз привлек ее к себе и шепнул на ухо:

– Я заметил, что вы раньше срока сняли траур, дорогая. Если таково ваше решение, то я приветствую его – ваша мама ненавидела черное; она сама сказала мне об этом, еще когда была девочкой и ее обязали носить траур по ее собственным родителям. – Проницательный взгляд Чарльза был устремлен на нее. – Это было ваше решение?

– Нет, – призналась Виктория. – Мистер Филдинг сегодня забрал мою одежду и заменил этой.

Герцог понимающе кивнул:

– Джейсон не признает символов траура, и, судя по возмущенным взглядам, которые вы за ужином метали в его сторону, вы не очень-то его одобряете. Вы должны сказать ему об этом. Не позволяйте ему садиться вам на голову; он не уважает трусости.

– Но я не хочу волновать вас, – озабоченно сказала она. – Вы говорили, что у вас больное сердце.

– Не беспокойтесь обо мне, – хмыкнул он. – Сердце слабое, но не настолько, чтобы не выдержать небольшого волнения. Пожалуй, это даже полезно для меня. Моя жизнь до вашего приезда была невероятно тоскливой.

Когда Джейсон устроился в кресле с сигарой и бокалом портвейна, Виктория несколько раз собиралась с духом, чтобы поступить в соответствии с рекомендацией Чарльза и завести разговор об одежде, но

каждый раз в последнюю секунду мужество оставляло ее.

Джейсон был одет в серые брюки и фрак, темно-синий жилет и жемчужно-серую шелковую сорочку. Несмотря на элегантную одежду и непринужденность, с которой он устроился в кресле, вытянув вперед длинные ноги, весь его облик говорил о непреклонности и властности. Даже в его позе, казалось, было нечто угрожающее, и у нее возникло ощущение, что его элегантный костюм и праздный вид были не чем иным, как маскарадом, предназначенным для убеждения легковверных в том, что он вовсе не жестокий дикарь, а вполне цивилизованный человек.

Он чуть подвинулся, и Виктория украдкой снова взглянула на него. Джейсон сидел, свободно положив руки на подлокотники кресла-качалки, откинув темноволосую голову назад, так что лицо скрывалось в тени, лишь изредка поблескивал белоснежный оскал зубов да покачивалась зажатая в них тонкая сигара.

Холодок прошел у нее по спине, когда она подумала о том, какие неразгаданные тайны кроются в его прошлом. Наверняка их должно быть немало, раз он стал таким циничным и недоступным. Маркиз Уэйкфилд выглядел как человек, повидавший и испытывавший ужасное и невообразимое, способное ожесточить и сделать ко всему равнодушным. Однако он, несомненно, был хорош собой – это была колдовская, опасная красота: зеленые, как у пантеры, глаза и великолепное сложение.

Виктория не могла отрицать, что, не испытывая она, находясь рядом с ним, постоянного страха, ей было бы приятно с ним побеседовать. Как заманчиво, наверное, подружиться с таким человеком – так же заманчиво, как согрешить с ним, признавалась она себе в душе, – но так же глупо, как попытаться подружиться с дьяволом. И вероятно, не менее опасно.

Виктория собралась с силами и только приготовилась вежливо, но твердо настоять, чтобы ей вернули траурное одеяние, как неожиданно появился Нортроп и объявил о прибытии леди Кирби и мисс Кирби.

Виктория заметила, как Джейсон напрягся и бросил сардонический взгляд на Чарльза. Тот озадаченно пожал плечами и повернулся к Нортропу.

– Отошли их под благовидным... – начал он, но было уже поздно.

– Не нужно церемоний, Нортроп, – послышался твердый голос, и в гостиную вплыли тучная женщина в красно-коричневом наряде, наполнившая залу терпким ароматом духов, и симпатичная брюнетка приблизительно одного возраста с Викторией.

– Чарльз! – произнесла леди Кирби, сияя улыбкой. – Мне сообщили, что вы сегодня заезжали в деревню в сопровождении молодой леди по имени мисс Ситон, и, естественно, я сочла необходимым познакомиться с

ней. – Не переводя дыхания, она весело обратилась к Виктории: – Должно быть, вы и есть мисс Ситон. – Сделав паузу, она с минуту самым тщательным образом изучала лицо Виктории, будто искала в нем изъяны. Ее поиски увенчались успехом. – Что за впадина у вас на подбородке, моя дорогая? Как это случилось? Несчастный случай?

– От рождения, – покорно пояснила девушка, слишком очарованная забавной леди, чтобы обидеться. Ее всерьез заинтересовал вопрос, не переполнена ли Англия занятыми, плохо воспитанными, много себе позволяющими людьми, чьи странности то ли поощряли, то ли не замечали из уважения к титулам и богатству этих людей.

– Как жаль, – сказала леди Кирби. – Это, наверное, мешает вам или причиняет боль?

От с трудом сдерживаемого смеха у Виктории дрогнули губы.

– Только когда я смотрюсь в зеркало, миледи, – ответила она.

Заметно огорчившись, леди Кирби резко отвернулась и обратила свое внимание на Джейсона, который поднялся и стоял у камина, опершись локтем о каминную полку.

– Итак, Уэйкфилд, – сказала она, – судя по всему, объявление в газете скорее всего соответствует истине. Скажу по чести, я не поверила своим глазам. Так это произошло?

Джейсон поднял брови.

– Что произошло?

Но тут громкий голос Чарльза заглушил ответ леди Кирби:

– Нортроп, принесите леди что-нибудь выпить!

Все уселись. Мисс Кирби заняла место возле Джейсона, а Чарльз быстро перевел разговор на погоду. Леди Кирби невнимательно слушала, пока монолог Чарльза не иссяк. Тогда она круто повернулась к Джейсону и прямо спросила:

– Уэйкфилд, ваше объявление о помолвке остается в силе или нет?

Джейсон поднес бокал к губам; его лицо оставалось бесстрастным.

– Нет.

Виктория заметила, что присутствующие весьма по-разному отреагировали на эти слова. Леди Кирби явно почувствовала удовлетворение, ее дочь была в восторге, Чарльз сник, а лицо Джейсона осталось непроницаемым. Теперь сострадательной по натуре Виктории все стало ясно: так вот почему Джейсон выглядел таким мрачным и бездушным – любимая женщина отказала ему. Однако ей показалось несколько странным, что обе леди посмотрели на нее, как будто ожидали от нее какой-то реакции.

Виктория из вежливости улыбнулась, и леди Кирби возобновила разговор:

– В таком случае, Чарльз, я полагаю, что вы намерены вывести бедную мисс Ситон в свет?

– Я намерен проследить, чтобы *графиня Лэнгстон* заняла достойное место в обществе, – холодно поправил он.

– Графиня Лэнгс... – выдохнула леди Кирби.

Чарльз наклонил голову.

– Виктория – старший ребенок Кэтрин Лэнгстон. Если я не ошибаюсь, по правилам наследования она получает шотландский титул своей матери.

– Даже если это так, вам будет непросто найти для нее подходящую партию, – задумчиво сказала гостя. И, сияя улыбкой, она обратилась к Виктории: – Ваша мама спровоцировала самый настоящий скандал, когда убежала с тем ирландским рабочим.

От возмущения и обиды за мать Викторию затрясло.

– Моя мать *вышла замуж за ирландского врача*, – поправила она.

– Без разрешения своей бабушки, – уточнила леди Кирби. – Благовоспитанные девушки в этой стране не выходят замуж против воли своих семейств.

Очевидный намек на невоспитанность Кэтрин так разозлил Викторию, что она до боли сжала руки в кулаки.

– Ну да ладно, в конце концов общество понемногу забыло об этом, – снисходительно добавила леди Кирби. – Но до того как вас представят в свете, вам придется многому выучиться. Вам нужно узнать, как следует правильно обращаться к каждому пэру, его жене и детям, и, конечно, ознакомиться с этикетом нанесения визитов и более сложными правилами рассаживания за столом. Одно это требует нескольких месяцев обучения – в каком порядке и возле кого можно садиться за стол. Жители колоний – невежды в этих вопросах, но мы, жители метрополии, уделяем этикету огромное внимание.

– Возможно, этим объясняется тот факт, что мы всегда берем верх в войнах, – мягко предположила Виктория, не в силах больше вынести нападок на свою семью и свою страну.

Глаза леди Кирби сузились.

– Я не хотела никого обидеть. Однако вам придется попридержаться язычок, если вы собираетесь найти себе подходящую партию и восстановить репутацию своей матери.

Виктория встала и со спокойным достоинством заявила:

– Полагаю, даже самому добропорядочному человеку очень трудно

достигнуть уровня моей матери. Моя мать была самой интеллигентной и самой доброй женщиной на свете. А теперь, если вы меня извините, я покину вас, так как мне необходимо написать письма.

Виктория закрыла за собой дверь и прошла через холл в библиотеку – огромную комнату с персидскими коврами на полированном деревянном полу и книжными шкафами, закрывающими стены. Слишком сердитая и взволнованная, чтобы действительно устроиться за одним из письменных столов и написать письмо Дороти или Эндрю, она прошла к книжным полкам поискать что-нибудь, что могло бы успокоить ее растревоженную душу. Скользя взглядом по томам, посвященным истории, мифологии и коммерции, она остановилась у раздела поэзии. Сплошь знакомые имена – Милтон, Шелли, Китс, Байрон. Не собираясь серьезно углубляться в чтение, она выбрала наугад тоненький томик лишь потому, что он выступал на несколько дюймов из ряда книг на полке, и пошла с ним к ближайшему уютному креслу.

Девушка зажгла масляную настольную лампу и, удобно устроившись, заставила себя раскрыть книгу. Из нее выпал и полетел на пол вырванный из блокнота розовый, пахнущий духами листок. Виктория машинально подобрала его и уже было собралась положить на место, но первые слова написанной наспех на французском языке записки сами бросились ей в глаза.

«Милый Джейсон!

Я так скучаю. Жду с нетерпением, считаю часы, когда ты придешь ко мне...»

Виктория сказала себе, что читать чужие письма скверно, непростительно и совершенно недостойно, но мысль о женщине, нетерпеливо ожидающей Джейсона, была настолько невероятна, что девушка не могла удержаться любопытства, смешанного с удивлением. Что касается ее самой, то она скорее была бы склонна с нетерпением ждать, пока он уйдет прочь! Она была так поглощена этими мыслями, что не слышала, как Джейсон и мисс Кирби подошли к библиотеке.

В следующих строках письма говорилось:

«Посылаю тебе эти чудесные стихи в надежде, что ты прочтешь их и вспомнишь обо мне, о сладостных ночах, которые мы проводили в объятиях друг друга...»

– Виктория! – раздался раздраженный голос Джейсона.

Виктория, чувствуя себя виноватой, судорожно вскочила, уронила книгу стихов, подхватила ее и рухнула обратно в кресло. Пытаясь выглядеть углубленной в чтение, она открыла томик и невидящим взглядом уставилась в него, не замечая, что книга в ее руках перевернута вверх ногами.

– Почему вы не отвечаете? – строго спросил Джейсон, входя в библиотеку вместе с мисс Кирби, цеплявшейся за его руку. – Джоанна хотела попрощаться и предложить свои услуги, если вам понадобится что-нибудь купить в деревне.

После столь яркой атаки старшей леди Виктория не могла не предположить, что мисс Кирби намекает на ее неспособность самостоятельно делать покупки.

– Извините, я не слышала, – сказала она, пытаясь придать своему лицу выражение серьезности и достоинства. – Как видите, я читала и была чрезвычайно поглощена книгой.

Она закрыла томик и положила на стол, затем заставила себя спокойно посмотреть на вошедшую пару. Возмущение и презрение были отчетливо написаны на лице Джейсона, и она в тревоге попятилась.

– Что... что-то не так? – спросила она, со страхом заподозрив, что он каким-то образом вспомнил, что в книге лежала записка, и решил, что она читала ее.

– Да! – резко ответил он и обратился к мисс Кирби, на лице которой читалось такое же выражение: – Джоанна, вы не могли бы порекомендовать учителя из деревни, который научил бы ее читать?

– Научить меня читать? – выдохнула Виктория, уклоняясь от пристального взгляда прелестной брюнетки. – Не говорите глупостей, мне не нужен учитель – я прекрасно умею читать.

Не обращая на нее внимания, Джейсон снова взглянул на мисс Кирби:

– Так вы не знаете учителя, который согласился бы подъехать сюда и заняться ею?

– Полагаю, да, милорд. Викарий, мистер Уоткинс, мог бы сделать это.

Глядя на них страдальческим взглядом женщины, которую вынудили претерпеть слишком много оскорблений и которая отказывается терпеть новые, Виктория совершенно твердо заявила:

– Ну это уж просто абсурд! Мне не нужен учитель, я умею читать.

Ледяным тоном Джейсон сказал:

– Никогда не смейте мне лгать. Я презираю лжецов, в особенности если они – женщины. Вы не умеете читать и прекрасно знаете это!

– Чепуха! – возразила Виктория, не обращая внимания на изумленный взгляд мисс Кирби. – Говорю вам, я умею читать!

Чаша терпения Джейсона переполнилась, он сделал три больших шага к столу, схватил книгу и бросил наглой обманщице.

– Тогда читайте!

Рассерженная и униженная, под любопытными взглядами мисс Кирби, не скрывавшей восторга, Виктория перевернула обложку тома и увидела пахнущую духами записку.

– Ну давайте же, – насмехался он. – Послушаем, как вы читаете.

Виктория искоса бросила на него многозначительный взгляд.

– Вы абсолютно уверены, что желаете чтения вслух?

– Читайте! – коротко велел он.

– При мисс Кирби? – невинно спросила она.

– Или читайте, или признайтесь, что не умеете!

– Ну что ж, очень хорошо. – И, подавив подступающий смех, она с выражением прочитала: – «Милый Джейсон! Я так скучаю. Жду с нетерпением, считаю часы, когда ты придешь ко мне... Посылаю тебе эти чудесные стихи в надежде, что ты прочтешь их и вспомнишь обо мне, о сладостных ночах, которые мы проводили в объятиях...»

Джейсон выхватил книгу из ее рук. Подняв брови, Виктория посмотрела ему прямо в глаза и вежливо укорила:

– Записка на французском, мне пришлось на ходу перевести ее. – Затем она повернулась к мисс Кирби и с лучезарной улыбкой сказала: – Я прочитала не все. Но не думаю, что подобный текст следует оставлять там, где он может попасть на глаза хорошо воспитанным юным леди. Вы согласны? – Не ожидая ответа, она повернулась и с высоко поднятой головой вышла из библиотеки.

В зале их ожидала леди Кирби, готовая к отъезду. Виктория холодно попрощалась с обеими женщинами, затем пошла наверх, надеясь избежать неотвратимого гнева Джейсона, который он, несомненно, обрушит на нее, как только дамы уедут. Однако прощальное замечание леди Кирби так потрясло Викторию, что все остальные впечатления в данный момент для нее померкли.

– Не принимайте близко к сердцу отказ лорда Филдинга от помолвки, моя дорогая! – воскликнула дама, когда Нортроп помогал им облачиться в наряды. – Мало кто в обществе всерьез поверил газетному объявлению. Все были убеждены, что, как только вы приедете, он найдет какой-нибудь повод для отказа. Наш проказник давно поставил всех в известность, что никогда больше не собирается вступать в брак...

Чарльз подтолкнул гостью к выходу под предлогом, что проводит их до экипажа, а Виктория застыла на мгновение, затем резко развернулась. Подобно прекрасной, величественной и воинственной богине она устремила испепеляющий взгляд на Джейсона.

– Следует ли понимать, – яростно проговорила она, – что помолвка, которую, по вашим словам, вы отменили, была между нами?

Вместо ответа Джейсон сжал зубы, но его молчание было красноречивее слов. Виктория не отрывала от маркиза гневного взгляда, не обращая внимания на слуг, которых от ужаса происходящего будто парализовало.

– Как вы посмели?! – со свистом выдохнула она. – Как вы посмели, чтобы кто-нибудь даже подумал, что я собираюсь выходить за вас! Да я бы не вышла за вас, будь вы...

– Что-то я не припоминаю, чтобы предлагал вам руку и сердце, – с сарказмом прервал ее Джейсон. – Однако приятно сознавать, что если я когда-нибудь лишусь рассудка и *попрошу* вас выйти за меня, то вы любезно отвергнете мои притязания.

Боясь разрыдаться, страдая от своего уязвимого самолюбия и невозможности в свою очередь уязвить Джейсона, Виктория вновь бросила на него испепеляющий взгляд.

– Вы холодное, бездушное, высокомерное, бесчувственное чудовище, которое не в состоянии испытывать ни уважения, ни сострадания к другим людям! Ни одна здравомыслящая женщина не захочет выйти за вас! Вы... – Ее голос сорвался, и она повернулась и помчалась вверх по лестнице.

Джейсон наблюдал за ней из вестибюля, где два лакея и дворецкий стояли, опустив глаза долу, в смертельном страхе ожидая, когда хозяин даст волю своей ярости и обрушит ее на эту распоясавшуюся девчонку. После длительной паузы Джейсон сунул руки в карманы.

Оглянувшись на застывшего дворецкого, он поднял брови.

– Кажется, я только что получил то, что в просторечии называется «настоящей головомойкой», Нортроп.

Нортроп с шумом сглотнул комок в горле, но ничего не сказал, пока Джейсон не поднялся по лестнице и не исчез в коридоре. Тогда дворецкий обернулся к лакеям:

– Займитесь своими делами и смотрите, чтобы никаких сплетен о происшедшем не было. – И он ушел.

О’Мэлли взглянул на второго лакея.

– Она дала мне припарку, от которой прошла зубная боль, – в страхе проговорил он. – Возможно, она заодно дала какое-то лекарство и его

милости, чтобы умерить его норов. – И, не ожидая ответа, он напрямик отправился на кухню, чтобы сообщить миссис Крэддок и всем поварам о потрясающем происшествии, свидетелем которого он оказался. После того как уволили месье Андре – благодаря юной леди из Америки, – кухня стала уютным местечком, куда можно было изредка заглянуть, когда орлиный взор Нортропа устремлялся в каком-нибудь ином направлении.

В течение следующего часа весь вышколенный персонал дворца, не веря своим ушам, выслушивал и пересказывал друг другу драматическую сцену, имевшую место в приемной. А в следующие полчаса история о том, как в ответ на ужасающе дерзостный вызов, брошенный прямо в лицо хозяину, его милость вместо обычного проявления леденящего высокомерия отреагировал как нормальный добрый человек, распространилась по всему поместью, дойдя до конюшен и домиков егерей.

А наверху, в спальне, Виктория дрожащими от волнения и отчаяния руками вынимала заколки из своих золотых волос и снимала роскошное платье персикового цвета. Все еще сдерживая слезы, она повесила платье в гардероб, набросила ночную сорочку и забралась в постель. Тоска по родному дому терзала ее душу. Ей хотелось покинуть Англию, уехать так далеко, чтобы целый океан отделял ее от людей, подобных Джейсону Филдингу и леди Кирби. Вероятнее всего, ее мать уехала из Англии по той же причине. Ее мать... Ее прекрасная, ласковая мама... Виктория подавила подступившие к горлу рыдания. Эта леди Кирби не заслуживала даже того, чтобы притронуться к подолу юбки Кэтрин Ситон!

Воспоминания о прежней счастливой жизни вереницей проходили в памяти девушки. Она вспомнила день, когда собрала букет полевых цветов для мамы, запачкав при этом свое платье. *Смотри, мама, разве они не прелестны? Где еще можно увидеть такое чудо? Я собрала их для тебя... но запачкала платье.*

Они очень хороши, согласилась мама, сжав ее в объятиях и не обращая никакого внимания на испорченный наряд. Но самое прелестное чудо, которое только можно увидеть, – это ты.

Она вспомнила себя, когда ей было семь лет и у нее была лихорадка, от которой она чуть не умерла. Все ночи напролет мама сидела возле ее постели, протирая ей губкой лицо и руки, пока Виктория металась в бреду. На пятую ночь она проснулась в объятиях матери с лицом, мокрым от слез, градом катившихся по маминым щекам. Кэтрин укачивала ее, плача и шепча одну и ту же умоляющую фразу: *«Пожалуйста, не дай умереть моей крошке. Она такая маленькая и боится темноты. Пожалуйста,*

Боже...»

В своей роскошной шелковой постели в Уэйкфилде Виктория уткнулась лицом в подушку. Ее тело сотрясали конвульсии.

– О мама! – рыдала она навзрыд. – О мама, мне так тебя не хватает...

Джейсон выждал, стоя у дверей ее спальни, и поднял руку, чтобы постучать, но замешкался, услышав ее громкие рыдания, и глубокая складка пролегла у него на лбу. «Пожалуй, ей станет легче, если она выплачется, – подумал он. – Но с другой стороны, если истерика затянется, то она наверняка заболеет». После минутного колебания он пошел к себе, налил в бокал бренди и вернулся к ее комнате.

Джейсон постучал и, не получив ответа, открыл дверь и вошел. Он встал подле ее постели и смотрел, как ее плечи сотрясались в конвульсиях неизбывной тоски. Он и прежде не раз видел плачущих женщин, но их слезы всегда были показными, предназначенными сломить волю единственного зрителя-мужчины. Виктория же там, на лестнице, подобно воительнице метала в него словесные молнии, а затем удалилась в спальню, чтобы выплакать свое горе подальше от чужих глаз.

Джейсон положил ей руку на плечо.

– Виктория...

Виктория тут же повернулась на спину и привстала. Ее глаза были подобны влажному темно-синему бархату, а густые мокрые ресницы искрились от слез.

– Убирайтесь отсюда! – хриплым шепотом потребовала она. – Сию же минуту!

Джейсон посмотрел на рассерженную синеглазую красавицу: ее щеки пылали от гнева, золотисто-каштановые волосы беспорядочно рассыпались по плечам. От девушки в аккуратной ночной сорочке с глухим воротом исходило невинное обаяние целиком поглощенного своим горем ребенка, но ее гордый подбородок и огонь, горевший в глазах, предупреждали, чтобы он не переходил границы дозволенного.

Он вспомнил ее вызывающую дерзость в библиотеке, когда она нарочно прочитала ту записку вслух, а затем даже не потрудились скрыть своего удовлетворения тем, что привела его в негодование. Единственной женщиной, осмеливавшейся когда-либо бросать ему вызов, была Мелисса, но она делала это за его спиной. Виктория Ситон делала это, глядя ему в глаза, и он, пожалуй, восхищался ею.

Когда он даже и не подумал уйти, Виктория раздраженно смахнула слезы, натянула простыню до подбородка и села.

– Вы понимаете, что скажут люди, если узнают, что вы были здесь? –

зашипела она. – Неужели вам все равно?

– Абсолютно, – признался он, как нераскаявшийся грешник. – Я скорее прагматик. – И, не обращая никакого внимания на грозный блеск в глазах девушки, сел рядом с ней на кровать и предложил: – Выпейте это.

Он поднес бокал с янтарным напитком прямо к ее лицу, чтобы она почувствовала запах крепкого алкоголя.

– Нет, – сказала она, тряхнув головой. – Ни за что.

– Выпейте, – спокойно повторил он, – или я волью это вам в глотку.

– Вы не сделаете этого!

– Сделаю, Виктория. А теперь послушайте меня, будьте хорошей девочкой. Вам станет гораздо лучше.

Виктория видела, что спорить бесполезно, а она была так изнурена... Поэтому она обиженно отпила с наперсток отвратительной желтой жидкости и попыталась вернуть ему бокал.

– Я чувствую себя гораздо лучше, – с невинным видом солгала она.

В его глазах запрыгали веселые чертики, но голос оставался безжалостным:

– Допейте остальное!

– И тогда вы уйдете? – спросила она, позорно капитулировав. Он кивнул.

Попытавшись поскорее проглотить напиток, как если бы это была невкусная микстура, Виктория сделала два больших глотка, а затем еще два и задыхнулась, когда огненная жидкость обожгла ее нутро.

– Это что-то ужасное, – выдохнула девушка, откинувшись на подушки.

Джейсон немного помолчал, ожидая, пока бренди не окажет своего действия. Затем спокойно сказал:

– Во-первых, объявление в газете о нашей помолвке дал не я, а Чарльз. Во-вторых, вы так же, как и я, не горите желанием обручаться со мной, не так ли?

– Абсолютно верно! – гордо заявила она.

– В таком случае зачем же плакать по поводу того, что мы *не* обручились?

Виктория одарила его взглядом, полным высокомерного презрения.

– Я и не думала плакать.

– Неужели? – Развеселившись, Джейсон посмотрел на слезинки, еще висевшие на ее длинных загнутых ресницах, и дал ей белоснежный носовой платок. – Тогда почему же у вас нос покраснел, глаза опухли, лицо побледнело и...

Под действием бренди девушка чуть не хихикнула; вытерев слезы, она

смущенно сказала:

– Это совсем не по-джентльменски – замечать такие вещи.

На его суровом лице появилась ленивая улыбка.

– Пожалуй, я еще не сделал ничего такого, отчего у вас могло бы возникнуть впечатление, что я – джентльмен!

Подобное признание Джейсона заставило Викторию неохотно улыбнуться.

– Вы абсолютно правы, – заверила она. Сделав еще глоток, она снова откинулась на подушки. – Я плакала не из-за этой глупой помолвки. Из-за нее я просто разозлилась.

– Тогда отчего вы плакали?

Крутя бокал между ладонями, она пристально всматривалась в янтарную жидкость.

– Я вспоминала о маме. Леди Кирби так презрительно отозвалась о ее репутации!.. Это настолько вывело меня из себя, что я не знала, как ответить.

Она быстро взглянула на него из-под ресниц и, поскольку ей показалось, что он проявляет неподдельный интерес к ее рассказу, запинаясь, продолжала:

– Моя мама была доброй, ласковой и нежной. Я начала вспоминать, какой чудесной она была, и от этого заплакала. Понимаете, с того момента, как умерли мои родители, на меня что-то находит – то я чувствую себя прекрасно, то вдруг начинаю невыносимо тосковать по ним и из-за этого плачу.

– Это абсолютно естественно – плакать о людях, которых любишь, – сказал он настолько мягко, что она не могла поверить своим ушам.

Испытывая странное чувство успокоения от его присутствия и низкого мягкого голоса, Виктория отрицательно покачала головой.

– Я скорее плачу о себе, – виновато призналась она. – Плачу от жалости к самой себе, оставшейся без них. Я никогда не думала, что могу быть такой трусихой.

– Мне доводилось видеть, как плачут и храбрые мужчины, Виктория.

Она вгляделась в его суровое, как бы изваянное из камня лицо. И хотя теплый свет свечи смягчал его резкие черты, он все равно выглядел в высшей степени неуязвимым. Невозможным казалось представить его со слезами на глазах. Утратив от бренди значительную долю своей обычной сдержанности, Виктория склонила голову набок и мягко спросила:

– А вы когда-нибудь плакали?

К ее разочарованию, он невозмутимо ответил:

- Нет.
- Даже в детстве? – настаивала она.
- Даже тогда.

И он сделал резкое движение, собираясь встать, но Виктория неожиданно для себя положила руку ему на плечо, пытаясь удержать. Джейсон скосил глаза на ее длинные пальцы, затем перевел взгляд на ее лицо.

– Мистер Филдинг, – начала она, стараясь по возможности продлить и закрепить их короткое перемирие, – я знаю, вам не доставляет удовольствия мое пребывание здесь, но я не задержусь надолго – только до того, как за мной приедет Эндрю.

– Оставайтесь сколько пожелаете, – пожав плечами, холодно ответил он.

– Благодарю вас. – Ее милое лицо выразило смятение от резкой перемены в его настроении. – Я все собиралась сказать вам... что мне очень хотелось бы установить с вами, ну... более дружеские отношения.

– Что вы подразумеваете под более дружескими отношениями, миледи?

Плывущая по теплым волнам бренди, Виктория не уловила сарказма.

– Ну, мы все-таки дальняя родня. – Она сделала паузу, пытаясь найти в его лице хотя бы признак благожелательности. – У меня не осталось никого из родственников, кроме дяди Чарльза и вас. Как вы думаете, не могли бы мы относиться друг к другу как кузены?

Казалось, он был поражен ее предложением, а затем повеселел:

- Полагаю, это возможно.
- Благодарю вас.
- Ну а теперь спите.

Она кивнула и свернулась под простыней калачиком.

– Ой, я совсем забыла извиниться – за то, что наговорила вам, когда вышла из себя.

У него скривились губы.

– Вы сожалеете о своих словах?

Виктория подняла брови, глядя на него с сонной нахальной улыбкой.

– Все, что я сказала, было вами до последнего слова заслужено.

– Вы правы, – признал он усмехаясь. – Но не задавайтесь уж чересчур.

подавив острое желание протянуть руку и потрогать ее пышные волосы, Джейсон вернулся к себе и налил бренди, затем сел, положив длинные ноги на низенький столик. Продолжая усмехаться, он углубился в размышление о том, почему Виктория Ситон возбудила в нем такое

странное покровительственное чувство. Ведь он намеревался, как только она появится здесь, отправить ее обратно в Америку. Причем это было еще до того, как она нарушила заведенный порядок в поместье.

Но сейчас она выглядела такой растерянной и уязвимой, такой юной и симпатичной, что он не мог удержаться от того, чтобы не проявить отеческую заботу о ней. Или, может быть, на него так подействовала ее откровенность? Или ее глаза, которые, казалось, вглядывались прямо в его душу? В ней, чувствуется, напрочь отсутствовало стремление к флирту. «Да это ей и не требуется, – хмыкнул Джейсон про себя, – такие глаза могут соблазнить и святошу».

Глава 8

– Не могу описать, как я сожалею о том, что произошло вчера вечером, – говорил Чарльз Виктории на следующее утро за завтраком, и его лицо при этом выражало искреннее раскаяние. – Я поступил неправильно, объявив о вашей помолвке с Джейсоном, но мне так хотелось надеяться, что ваш брачный союз возможен. Что касается леди Кирби, то она попросту старая карга, а ее дочка уже в течение двух лет бежит за Джейсоном, вот почему они обе примчались сюда, чтобы взглянуть на вас.

– Нет нужды объяснять все это вновь, дядя Чарльз, – мягко сказала Виктория. – В конце концов, это никому не причинило вреда.

– Может, и так, но в дополнение к прочим неприятным свойствам ее натуры Кирби – худшая из сплетниц. Теперь, когда она лично удостоверилась в вашем присутствии здесь, она непременно устроит в свете жуткий переполох, и сюда хлынет нескончаемый поток визитеров, также жаждущих лично взглянуть на вас. Стало быть, вам немедленно следует обзавестись подходящей компаньонкой, чтобы ни одна душа не могла упрекнуть вас в том, что вы проживаете одна в доме с двумя мужчинами.

Чарльз поднял голову, чтобы взглянуть на входившего Джейсона, и Виктория вся напряглась, умоляя Всевышнего о том, чтобы перемирие, заключенное накануне вечером, осталось в силе при свете дня.

– Джейсон, я как раз объяснял Виктории необходимость присутствия компаньонки. Я послал за Флосси Уильсон, – добавил он, имея в виду свою тетю – старую деву, которая когда-то помогала ухаживать за маленьким Джейми. – Она самая настоящая чванливая гусыня, но в то же время – моя единственная родственница и единственная подходящая компаньонка для Виктории, которая мне известна. Несмотря на тупость, Флосси знает, как надо вести себя в обществе.

– Прекрасно, – рассеянно сказал Джейсон, подходя к месту, где сидела Виктория. С высоты своего роста он, как обычно, бесстрастно взглянул на нее. – Надеюсь, у вас не осталось никаких неприятных ощущений от бренди, с которым вы вчера вечером познакомились в своей опочивальне?

– Отнюдь, – одарила она его лучезарной улыбкой. – По правде говоря, я полюбила бренди, когда немного привыкла к нему.

Ленивая усмешка озарила его загорелое лицо, и у Виктории сильнее забилося сердце. У Джейсона Филдинга была такая улыбка, которая могла

растопить и ледник!

– Будьте осторожны, не переусердствуйте с алкоголем... – сказал он и, поддразнивая, добавил: – кузина.

Целиком погрузившись в мечты о дальнейшем развитии дружбы с Джейсоном, Виктория больше не прислушивалась к тому, что обсуждали между собой мужчины, пока Джейсон не обратился непосредственно к ней:

– Вы слышите, Виктория?

Девушка непонимающе взглянула на него.

– Извините, я не прислушивалась.

– В пятницу я ожидаю с визитом гостя, который недавно возвратился из Франции, – повторил Джейсон. – Если он придет с женой, то я хотел бы представить вас ей.

Радость, вспыхнувшая от такого официального признания ее, быстро угасла, когда он продолжил свою мысль:

– Графиня Коллингвуд – отличный образец того, как следует вести себя в обществе. Вы поступите мудро, если понаблюдаете за ее поведением и постараетесь подражать ей.

Виктория вспыхнула, чувствуя себя нашалившим ребенком, которому сказали, что он должен следовать примеру кого-то другого. Более того, она уже познакомилась с четырьмя английскими аристократами – Чарльзом, Джейсоном, леди Кирби и мисс Джоанной Кирби. И пришла к выводу, что, если не считать Чарльза, с аристократами трудно ладить, так что Виктории вовсе не улыбалась перспектива познакомиться еще с двумя субъектами из этого племени.

Тем не менее она подавила раздражение и постаралась не думать об очередном предстоящем кошмаре.

– Благодарю вас, – вежливо сказала она. – Буду с нетерпением ожидать встречи с ними.

Следующие четыре дня Виктория приятно провела в компании Чарльза или занимаясь написанием писем. На пятый день после обеда она спустилась в кухню, чтобы запастись едой для Вилли.

– Это животное так раздобрееет от вашей кормежки, что на нем можно будет ездить верхом, – добродушно предупредила ее миссис Крэддок.

– До этого еще далеко, – улыбнулась девушка. – Можно мне взять вон ту большую косточку, или вы собираетесь положить ее в суп?

Миссис Крэддок заверила Викторию, что кость ей не понадобится и она смело может ее взять. Поблагодарив, девушка было пошла во двор, как вдруг что-то вспомнила и обернулась.

– Вчера вечером мистер Фил... то есть я хочу сказать, его милость, –

осеклась она, заметив, как застыли лица присутствующих при одном упоминании хозяина, – сказал, что такой жареной утки он не пробовал ни разу в жизни. Не знаю, успел ли он сам сказать вам об этом, – объяснила Виктория, прекрасно зная, что Джейсону, вероятнее всего, такое и в голову не придет, – но мне казалось, вам будет приятно услышать это.

От удовольствия полные щеки миссис Крэддок покраснели.

– Спасибо, миледи, – вежливо ответила она.

Виктория отреагировала на упоминание ее титула улыбкой и, махнув рукой, вышла.

– Вот это *настоящая* леди, – объявила миссис Крэддок подручным, когда девушка ушла. – Она ласкова и добра и отнюдь не похожа на тех безразличных ко всему мисс, которых можно встретить в Лондоне, или на тех высокородных особ, которых его милость приглашает время от времени в гости. О’Мэлли говорит, что она графиня. Он слышал, как его светлость сказал об этом на днях леди Кирби.

Виктория понесла еду к тому месту, где она оставляла ее для Вилли уже девять дней подряд. Вместо того чтобы попятиться назад, в тень деревьев, как он обычно делал, пес, увидев ее, затрусил вперед.

– Вот, Вилли, – сказала Виктория ласково, – смотри, что я тебе принесла.

Когда огромный серебристо-черный пес подошел почти на расстояние вытянутой руки – гораздо ближе, чем прежде, – девушка не смогла сдержать радостной улыбки.

– Если ты дашь мне себя погладить, Вилли, – сказала она, тихонько приближаясь к нему и протягивая миску, – я принесу тебе еще одну вкуснейшую косточку вечером после ужина.

Он остановился как вкопанный, наблюдая за ней не то со страхом, не то с недоверием.

– Я знаю, что ты хочешь есть, – продолжала Виктория, делая еще один маленький шаг в его сторону, – а я хочу быть твоим другом. Наверное, ты думаешь, что я подлизываюсь к тебе, – говорила она, потихоньку наклоняясь и ставя миску на землю между собой и собакой. – И ты прав. Я так же одинока, как и ты, но мы с тобой могли бы стать большими друзьями. У меня никогда не было собаки, ты знаешь об этом?

Его горящие глаза жадно уставились на еду, а затем пес перевел вопросительный взгляд на нее. Через минуту он приблизился к миске, не спуская с Виктории глаз даже тогда, когда, наклонив голову, начал жадно поглощать угощение. Виктория продолжала ласково разговаривать с ним, пытаясь уверить его в своих благих намерениях.

– Не могу представить себе, о чем думал мистер Филдинг, когда выбирал тебе кличку, – ты совсем не похож на Вилли. Я бы назвала тебя Волком или Императором, это бы соответствовало твоему грозному виду.

Закончив трапезу, пес было пошел прочь, но Виктория быстро вытянула вперед левую руку, показав ему огромную кость.

– Ты должен взять ее из моей руки, если тебе хочется ее получить. – В один миг его мощные челюсти сомкнулись, и он вырвал кость. Виктория ожидала, что он убежит с добычей в рощу, но, к ее восторгу, пес осторожно уселся у ее ног и начал с хрустом глотать кость.

И тут Виктория почувствовала, что небеса смилоствовали над ней. Больше она не была нежеланной гостьей в Уэйкфилде – оба Филдинга стали ее друзьями, а в скором времени и Вилли присоединится к ним. Она опустила на колени и погладила его огромную голову.

– Тебя нужно хорошенько расчесать, – сказала девушка, наблюдая, как его острые, цвета слоновой кости клыки впиваются в столь редкий для него деликатес. – Как бы мне хотелось, чтобы тебя увидела Дороти, – мечтательно продолжала она. – Она любит животных и умеет с ними обращаться. Да она бы запросто научила тебя всяким трюкам. – Эта мысль заставила девушку улыбнуться, а затем затосковать по сестре.

Была середина следующего дня, когда Нортроп сообщил о прибытии лорда Коллингвуда и о том, что лорд Филдинг просит Викторию спуститься к нему в кабинет.

Виктория опасливо взглянула на себя в зеркало над туалетным столиком, а затем присела на пуф, чтобы привести в порядок прическу, перед тем как встретиться с, по-видимому, тучным, бесстрастным и гордым вельможей, характером, конечно же, напоминающим леди Кирби.

– Коляска, в которой она ехала сюда, сломалась по дороге, и фермеры взяли ее с собой, – рассказывал Джейсон Роберту Коллингвуду с усмешкой. – Когда с повозки снимали ее чемодан, два поросенка выпрыгнули на землю, и Виктория поймала одного из них как раз в тот момент, когда Нортроп открыл парадное. Увидев в ее руках поросенка, он принял ее за крестьяночку и велел пойти с товаром на задний двор. Когда Виктория пропустила это мимо ушей, он велел лакею выдворить ее из поместья, – закончил Джейсон, передав Роберту Коллингвуду рюмку кларета.

– Бог ты мой! – смеялся граф. – Ну и прием! – Подняв рюмку, он предложил тост: – За твое счастье и долготерпение твоей невесты.

Джейсон нахмурился.

Пытаясь разъяснить свою мысль, Роберт добавил:

– Поскольку она не убежала и не села на первое же судно, отправляющееся в Америку, могу лишь предположить, что мисс Ситон отличается исключительным терпением – а это самая положительная черта для жены.

– Объявление о помолвке в «Таймс» – дело рук Чарльза, – без обиняков сказал Джейсон. – Виктория – его отдаленная родня. Когда он узнал, что она осталась сиротой, и пригласил ее к себе, то решил, что мне следует жениться на ней.

– Ты хочешь сказать, что он предварительно не переговорил с тобой? – недоверчиво спросил Роберт.

– Я узнал о помолвке так же, как и все, – через газету.

Добродушные карие глаза графа загорелись веселыми искорками.

– Представляю, какой это был сюрприз!

– Я был взбешен, – поправил Джейсон. – Кстати, раз уж мы об этом заговорили: я надеялся, что ты сегодня приедешь с супругой и Виктория сможет познакомиться с ней. Кэролайн лишь немного старше ее, и я уверен, что они могли бы стать друзьями. По правде говоря, Виктории нужна здесь подруга. Когда ее мать вышла за ирландского врача, в свете был скандал, и старая леди Кирби явно намерена снова подлить масла в огонь.

А тут еще бабушка Виктории – герцогиня Клермонт, которая, очевидно, не хочет признавать девушку своей родственницей. По родовой линии Виктория – графиня, но, для того чтобы ее приняли в обществе должным образом, одного этого недостаточно. Конечно, поддержка Чарльза ей обеспечена, и это поможет. Никто не осмелится дать ей от ворот поворот.

– Не забудь, что ей обеспечена и твоя весомая поддержка, а это немаловажно.

– Нет, – сухо возразил Джейсон, – если речь идет о поддержании репутации целомудренной девственницы, лучше обойтись без моей поддержки.

– Верно, – хмыкнул Роберт.

– Во всяком случае, пока Виктории довелось в качестве образцов английской аристократии познакомиться лишь с семейством Кирби. Я надеюсь, что твоя супруга произведет на нее гораздо лучшее впечатление. Я уже предложил, чтобы она рассматривала Кэролайн как достойный образец в плане манер и поведения...

Роберт Коллингвуд откинул голову назад и захохотал.

– Ты это серьезно? Тогда, будем надеяться, леди Виктория не последует твоему совету. Манеры Кэролайн изысканны, причем настолько изысканны, что, по-видимому, даже ты поверил в то, что она являет собой образец для подражания, но дело в том, что я постоянно выручаю ее из неприятных ситуаций. Я в жизни не встречал более своенравной молодой женщины, – заключил он, но в его тоне звучала нежность к жене.

– В таком случае Виктория и Кэролайн прекрасно подойдут друг другу, – сухо заметил Джейсон.

– Я вижу, ты проявляешь особый интерес к мисс Ситон, – пристально глядя на него, сказал Роберт.

– Только в качестве вынужденного попечителя.

У дверей кабинета Виктория расправила складки яблочно-зеленого муслинового платья, негромко постучала в дверь и вошла. Джейсон сидел за своим письменным столом в кожаном кресле с высокой спинкой и беседовал с женщиной, которому на вид можно было дать лет тридцать с небольшим.

Увидев ее, мужчины прекратили разговор и одновременно встали – и в этом движении, казалось, отразилось сходство между ними. Как и Джейсон, граф был высок, красив, атлетически сложен, но его волосы были песочного цвета, а глаза ярко-карие. От него исходило такое же ощущение уверенности в себе, как и от Джейсона, но он не выглядел таким устрашающе грозным. В его глазах мелькали веселые искорки, а улыбку, пожалуй, можно было назвать даже дружелюбной. Однако он, видимо, был не из тех людей, кого стоит иметь своим врагом.

– Простите меня за столь пристальный взгляд, – извиняющимся тоном сказала девушка, когда Джейсон представил их друг другу. – Но когда я увидела вас рядом, мне показалось, что между вами есть что-то общее.

– Уверен, что вы делаете нам комплимент, миледи, – улыбнулся Роберт Коллингвуд.

– Нет, – пошутил Джейсон, – это не так.

Виктория попыталась подыскать подходящий ответ, но ничего не приходило в голову. Однако выручил граф, который бросил возмущенный взгляд на Джейсона и заметил:

– Ну и как же мисс Ситон должна реагировать на это заявление?

Ответа Джейсона Виктория не услышала, так как ее внимание отвлек еще один гость – очаровательный мальчуган приблизительно трех лет, стоявший возле графа и в немом восхищении взиравший на нее, так что за этим занятием даже забыл о паруснике, зажатом в его пухлых ручонках. С курчавыми волосиками песочного цвета и карими глазами, он был

миниатюрной копией отца, в таких же, как и тот, коричневых бриджах для верховой езды, коричневых кожаных сапогах и коричневой курточке.

Зачарованная этим зрелищем, Виктория улыбнулась:

– Кажется, нас никто не представил...

– Простите, это моя вина, – торжественно улыбнулся граф. – Леди Виктория, позвольте представить вам моего сына Джона.

Мальчонка положил парусник на стул возле себя и с важным видом поклонился. Виктория ответила низким реверансом, на что малыш громко хихикнул, а затем указал пухлым пальчиком на ее волосы и вопрошающе посмотрел на отца.

– Рыжие? – с восторгом спросил он.

– Да, – согласился Роберт.

Ребенок засиял.

– Прелесть, – прошептал он, вызвав веселый смех отца.

– Джон, ты еще чересчур молод, чтобы пытаться привлекать к себе внимание леди.

– Но ведь я не просто леди, – сказала Виктория, совершенно очарованная малышом. И бойко добавила, обращаясь к нему: – Я морячка!

В его глазах появилось сомнение, тогда она заверила:

– Правда, правда. Мой друг Эндрю и я любили делать кораблики и пускать их по реке вместе с другими ребятами, хотя наши кораблики были куда меньше по размеру, чем твой. Может, пойдем на речку испытать твой парусник?

Он кивнул, и Виктория вопросительно взглянула на лорда Коллингвуда.

– Я позабочусь о мальчугане, можете не сомневаться, – пообещала она. – И конечно, о кораблике.

Когда граф согласился, Джон взял ее за руку и они церемонно покинули кабинет.

– Видно, что она обожает детей, – заметил Роберт, когда Виктория и ее юный спутник вышли.

– Она сама еще ребенок, – махнув рукой, ответил Джейсон.

Граф обернулся и глянул вслед привлекательной молодой леди, шедшей через приемную залу. Затем он весело посмотрел на Джейсона, но не стал возражать.

Почти час Виктория сидела на одеяле на берегу речки, протекавшей по живописному лугу, и, греясь на солнышке, рассказывала Джону фантастические истории о пиратах и штормах, с которыми столкнулось их судно во время путешествия из Америки. Джон упоенно слушал, дергая за

длинную бечевку, которую Виктория добыла у Нортропа и привязала к кораблику.

Когда мальчику надоело пускать парусник на отмели, Виктория взяла бечевку и они пошли вниз по речке, где у широкого изящного каменного мостика лежало большое поваленное дерево и вода там бурлила, как при хорошем морском шторме.

– Держи, – сказала она, передавая Джону конец бечевки. – Не отпускай кораблик, а то он потерпит крушение, столкнувшись с этим деревом.

– Хорошо, – согласился он, с восторгом наблюдая, как его трехмачтовое судно погружается и, как поплавок, выскакивает на поверхность бурлящей воды.

Виктория шла по крутому берегу, собирая в букет розовые, белые и голубые полевые цветы, ковром устилавшие склон, как вдруг Джон взвизгнул и вприпрыжку побежал, пытаясь догнать бечевку, которая выскользнула у него из рук.

– Стой на месте! – крикнула она и бросилась на помощь.

Мужественно сдерживая рыдания, он показал на маленький парусник, скользивший прямо к веткам упавшего дерева.

– Все пропало, – прошептал он, и две слезинки выкатились из его карих глаз. – Его сделал для меня дядя Джордж. Ему будет очень грустно.

Виктория в замешательстве закусила губу. Хотя здесь глубоко и течение быстрое, они с Эндрю спасали свои кораблики и в гораздо более опасных водах. Она подняла голову и оглядела крутой берег, убедилась, что их абсолютно не видно из дворца, и – решилась.

– Нет, ничего не пропало, просто корабль сел на риф, – непринужденно сказала она, обнимая мальчонку. – Сейчас я его спасу. – Девушка уже скидывала туфли, чулки и новое зеленое муслиновое платье, купленное по указанию Джейсона. – Сиди здесь, а я его достану.

Оставшись в сорочке и нижней юбке, она вошла в воду и, когда дно исчезло под ногами, поплыла, как умелый пловец, длинными гребками к дальнему концу дерева. У моста вода оказалась холодной как лед; здесь течение было особенно сильным и бурным, но она без труда обнаружила парусник. Однако сложнее оказалось освободить бечевку, запутавшуюся в древесных ветках. Она дважды нырнула под ветки, что вызвало восторженное восклицание у маленького Джона, которому, очевидно, подобное зрелище было в новинку.

Несмотря на холодную воду и мокрую юбку, купание доставляло Виктории удовольствие, даря забытое ощущение свободы.

– Сейчас я нырну последний раз и освобожу якорь, – крикнула она

мальчику, махнув рукой, и добавила: – Стой на месте, мне не нужна помощь.

Он послушно кивнул, и Виктория снова поднырнула под дерево, нащупывая бечевку холодными пальцами и разыскивая то место, где она намоталась на сучок.

– Нортроп сказал, что видел, как они пошли в сторону мостика... – Джейсон не договорил, так как до них донеслось из фразы Виктории только одно слово – «помощь».

Мужчины пустились бежать через лужайку к отдаленному мостику. Скользя по траве, они спустились по крутому, заросшему цветами берегу к Джону. Роберт Коллингвуд схватил сына за плечи и охрипшим от тревоги голосом спросил:

– Где она?

– Под мостом, – улыбаясь, ответил малыш. – Она нырнула под дерево, чтобы достать кораблик, который дядя Джордж сделал для меня.

– Иисус Христос! Эта дурочка... – воскликнул Джейсон, стаскивая пиджак и подбегая к реке.

Неожиданно из воды вынырнула смеющаяся рыжеволосая русалка.

– Все в порядке, Джон! – крикнула она, не заметив вновь прибывших, так как глаза ей закрывали пряди мокрых волос.

– Отлично! – воскликнул мальчик, хлопая в ладоши.

Джейсон застыл у кромки воды. Чувство безумного страха теперь уступило место бешенству, когда он увидел, как беспечно эта сумасшедшая плывет к берегу, делая длинные изящные гребки, а за ней на буксире тянется маленький кораблик. Широко расставив ноги, уставившись на нее глазами, в которых сверкали молнии, он нетерпеливо ждал приближения девушки, чтобы, подобно орлу, кинуться на свою жертву.

Роберт Коллингвуд бросил одобрителный взгляд на обезумевшего от ярости друга и взял сына за руку.

– Пойдем к дому, Джон, – твердо велел он. – Видимо, у лорда Филдинга есть что сказать мисс Виктории.

– Он хочет поблагодарить ее? – предположил мальчик.

– Нет, – усмехнулся отец. – Не поблагодарить.

Виктория, пятясь, вышла из воды, дергая за бечевку суденышко и говоря уже отсутствующему Джону:

– Ну видишь, я же говорила тебе, что умею спасать... – При этом она спиной натолкнулась на какой-то неподвижный предмет, и в тот же миг чьи-то руки клещами вцепились в ее плечи.

– Вы, маленькая дурочка! – бешено рявкнул Джейсон, развернув ее к себе. – Вы же могли утонуть!

– Нет... нет, не было никакого риска, – выдохнула девушка, испуганная злым блеском его зеленых глаз. – Я прекрасно плаваю, и...

– Грум, который чуть не утонул на этом месте в прошлом году, тоже хорошо плавает.

– Ладно-ладно, однако если вы переломаете мне руки, это вряд ли поможет. – Ее попытки освободиться приводили лишь к тому, что он еще сильнее сжимал ее плечи.

От волнения грудь девушки вздымалась и опадала, но она тщетно взывала к его рассудку.

– Я понимаю, что напугала вас, мне очень жаль, но не было никакой опасности. Я не сделала ничего плохого.

– Ничего плохого? И никакой опасности? – зловеще повторил он, и его взгляд скользнул по ее груди. Неожиданно Виктория осознала, что она полуодета, насквозь промокла и что с ее сорочки, касающейся маркиза, капает вода.

– А если бы кто-нибудь другой стоял здесь на берегу и наблюдал... как вы думаете, что могло бы случиться?

Виктория нервно сглотнула, вспомнив эпизод, когда девочкой она затемно вернулась домой и узнала, что отец собрал поисковую группу, чтобы обшарить лес и найти ее. Увидев ее, отец сначала обрадовался. Но затем целых двое суток она не могла нормально сидеть.

– Н-не знаю, что могло бы случиться, – ответила она, пытаясь храбриться. – Думаю, что этот человек подал бы мне мою одежду и...

Взгляд Джейсона упал на ее влажные губы, затем скользнул ниже по линии шеи к соблазнительным бугоркам, выделявшимся под прилипшей к телу мокрой сорочкой. Ее голова откинулась назад, и бугорки призывно подрагивали, неопровержимо подчеркивая, что она весьма привлекательная женщина, а не ребенок, как он пытался себя убедить.

– Вот что могло бы случиться! – вдруг выпалил он и впился ей в губы, запечатлев такой жесткий, дикий поцелуй, который мог означать лишь наказание и унижение.

Виктория молча пыталась высвободиться. Но от этого он, казалось, злился еще больше и поцелуй становился еще крепче.

– Пожалуйста, – полным слез голосом попыталась вымолвить она, – мне очень жаль, что я так напугала вас...

Он медленно ослабил хватку, поднял голову и уставился в ее испуганные глаза. Машинальным движением Виктория прикрыла руками

грудь. Ее волосы струились по плечам, как золотые нити, а глаза расширились от страха и искреннего раскаяния.

– Пожалуйста, – снова прошептала она дрожащим от волнения голосом, поскольку ей страстно хотелось сохранить перемирие, установившееся и поддерживаемое между ними уже целых пять дней. – Не сердитесь, простите меня за то, что я напугала вас. Я плаваю с детских лет, но мне не следовало делать этого сегодня, я теперь поняла это.

Ее простодушное, сделанное искренне, от души признание окончательно добило его. К каким только хитростям не прибегали женщины, пытаясь завлечь его, с тех пор как он стал богат и получил титул, но тщетно; бесхитростность же Виктории, ее прекрасное, обращенное к нему лицо... и все это в сочетании с прикосновением ее соблазнительной груди подействовали на него как мощный наркотик. В нем пробудилось острое желание, в жилах забурлила кровь, и это заставило Джейсона прижать девушку к себе еще крепче.

Виктория заметила, что в его глазах загорелось какое-то новое и ужасное пламя. Она отпрянула, собираясь закричать, но он впился губами в ее рот с такой требовательной настойчивостью, что она окаменела.

Как испуганный кролик, попавший в ловушку, она сопротивлялась, пока не почувствовала, что его руки успокаивающе гладят ее по спине и плечам.

Как в тумане, она скользнула руками вверх по его груди, пытаясь, чтобы не упасть, уцепиться за человека, который выводил ее из равновесия. За этим невинным движением со стороны Джейсона последовала мгновенная реакция. Его руки сомкнулись вокруг ее талии, и он начал бешено целовать ее. В состоянии неведомого для нее томления Виктория встала на цыпочки. Когда она прижалась к нему всем телом, он застонал и его полураскрытые губы впились в ее рот.

Виктория оторвалась от его губ, ошеломленная тем, что он делает, и со всей силы попыталась оттолкнуть его.

– Не нужно! – крикнула она.

Он отпустил ее так неожиданно, что она попятилась назад; затем сделал глубокий шумный вдох. Виктория враждебно, с вызовом смотрела на Джейсона, не сомневаясь, что он, как обычно, возложит вину за этот абсолютно неприличный поцелуй на нее, и поспешила опередить события.

– Полагаю, в этом есть и доля моей вины, – сердито сказала она. – Вы, конечно, скажете, что я сама напросилась на такое обращение!

Его рот скривился в мрачной улыбке, и Виктории показалось, что он пытается взять себя в руки.

– Первая ошибка сегодня была вашей, – наконец сказал он. – А эта ошибка – моя. Простите меня.

– Что? – не веря своим ушам, переспросила девушка.

– Вопреки тому, что вы думаете обо мне, – протянул Джейсон, – я не привык совращать невинных...

– Но меня никто и не совращал, – гордо солгала Виктория.

Ленивая усмешка блеснула в его глазах.

– Разве нет? – спросил он, забавляясь, и его тело понемногу расслабилось.

– Уверяю вас, что нет!

– Тогда советую вам поскорее одеться, пока мне не вздумалось доказать вам, как вы ошибаетесь.

Виктория открыла было рот, чтобы высказать подходящее к случаю едкое замечание относительно его возмутительного самомнения, но, увидев его вызывающую неотразимую улыбку, сдалась.

– Вы просто невозможный человек!

– Вы правы, – согласился он и отвернулся, давая ей возможность одеться.

Отчаянно пытаясь сдержать гнев и настроиться, как это сделал он, на будничный лад, она поспешно попыталась привести себя в надлежащий вид. Эндрю несколько раз целовал ее, но отнюдь не так. Совсем не так. Джейсон не должен был так поступать, как не должен теперь быть таким невыносимо равнодушным – после всего того, что произошло.

Она была абсолютно уверена, что вправе разозлиться на него, но, с другой стороны, у нее оставалось небольшое сомнение: может быть, в Англии нравы совсем иные? Возможно, леди здесь походя соглашаются на такие поцелуи. Вероятно, она будет выглядеть просто недотепой, если сделает из этого драму. Даже если она поступит так, Джейсон может лишь пожать плечами, отнесясь к вопросу о поцелуе как к не заслуживающему внимания, что он, собственно говоря, в эту минуту и делал.

Она ничего бы не выиграла, поссорившись с ним. Однако полностью сдержать себя Виктория была не в состоянии.

– Вы поистине невозможный человек, – повторила она.

– Мы уже согласились по этому пункту.

– И вы непредсказуемы.

– В каком плане?

– Ну, я была почти уверена, что вы ударите меня за то, что я так вас испугала. А вместо этого вы взяли и поцеловали. – Наклонившись, она подобрала парусник Джона. – Я начинаю думать, что вы очень похожи на

свою собаку – оба выглядите гораздо свирепее, чем есть на самом деле.

На этот раз она увидела, что он несколько утратил свой спокойный самоуверенный вид.

– Мою собаку? – в недоумении повторил он.

– Вилли, – пояснила она.

– Если вы считаете Вилли свирепым, тогда, значит, вы испугаетесь и канарейки.

– Я прихожу к заключению, что нет никаких оснований бояться вас обоих.

Улыбка тронула уголки его чувственных губ, когда он брал у нее парусник Джона.

– Только не говорите об этом никому, а то подорвете мою репутацию.

Виктория завернулась в одеяло, затем, наклонив голову набок, ехидно спросила:

– А у вас она есть?

– Самая что ни на есть скверная! – вызывающе бросил он. – Хотите знать грязные подробности?

– Конечно, нет, – чопорно ответила она. И в надежде, что, возможно, раскаяние Джейсона по поводу поцелуя сделает его более покладистым, девушка набралась храбрости, чтобы затронуть тему, которая уже давно не давала ей покоя. По дороге к дому она запустила пробный шар: – Вы могли бы исправить свою ошибку.

Джейсон смерил ее взглядом.

– Я-то считаю, что если подытожить наши ошибки, то мы квиты. Однако скажите, чего бы вы хотели?

– Получить обратно свои платья.

– Нет.

– Вы не понимаете!.. – выкрикнула она, переполненная эмоциями последних мгновений – поцелуем, его безжалостным отношением. – Я ношу траур по погибшим родителям.

– Я понимаю и все же не считаю, что скорбь может быть так велика, что ее невозможно носить в себе, и вообще я не верю во внешние проявления траура. Мы с Чарльзом намерены обеспечить вам здесь новую жизнь – такую, которая вам будет по душе.

– Мне не нужна новая жизнь! – в отчаянии возразила девушка. – Я задержусь здесь только до того момента, пока за мной не приедет Эндрю, и...

– Он не собирается приезжать за вами, Виктория, – сказал Джейсон. – За все эти месяцы он написал вам всего одно письмо.

Его слова подействовали на Викторию, как удар хлыста.

– Он *приедет*, уверяю вас. До моего отъезда он не успел прислать больше одного письма. Причина только в этом.

На лице Джейсона появилось жесткое выражение.

– Надеюсь, вы правы. Однако запрещаю вам носить траур. Скорбеть следует в душе, а не напоказ.

– Откуда вам это знать? – взорвалась Виктория, резко повернувшись к нему и подбоченясь. – Если бы у вас была душа, вы не заставили бы меня прохаживаться здесь в этих праздничных платьях, как будто моих родителей вообще никогда не было на свете. У вас нет души!

– Верно! – отрезал он; в его низком голосе на этот раз прозвучала угроза. – Помните это и не вводите себя в заблуждение, что под моей свирепой маской скрывается домашняя болонка. Десятки женщин делали такую ошибку и потом весьма раскаивались.

Виктория побежала от него, не в силах сдержать дрожь. Как она могла вообразить, что они могут быть друзьями! Он бесстрастен, циничен, порочен и жесток; у него крутой, опасный нрав; и кроме того, совершенно очевидно, что он неуравновешенный тип! Ни один мужчина в здравом уме не станет целовать женщину с такой нежностью и страстью и так нагло флиртовать с ней, чтобы через минуту превратиться в холодного, полного ненависти субъекта. Конечно, он не домашняя болонка – он скорее так же опасен и непредсказуем, как пантера!

Несмотря на то что она шла так быстро, как только могла, Джейсон, шагавший большими шагами, легко держался рядом, и они подошли к круговой дорожке у парадного подъезда одновременно.

Граф Коллингвуд ждал их, уже оседлав великолепного гнедого жеребца, с Джоном, уютно восседавшим в седле перед ним.

Возмущенная, сердитая, Виктория коротко попрощалась с гостем, неловко улыбнулась Джону и, вручив ему парусник, поспешила в дом.

Джон проследил за ней взглядом, посмотрел на Джейсона, а затем озабоченно обратился к отцу:

– Он не отшлепал мисс Тори?

Граф весело взглянул на мокрую рубашку Джейсона, затем перевел взгляд на лицо милорда.

– Нет, Джон, лорд Филдинг не отшлепал ее. – А Джейсону он сказал: – Попросить Кэролайн заехать завтра к мисс Ситон?

– Приезжай с ней, и мы продолжим нашу деловую беседу.

Роберт кивнул. Бережно обняв сына, он пришпорил своего норовистого скакуна, и тот легким галопом поскакал по дорожке.

Джейсон проводил их взглядом, а затем лицо его вместо доброжелательного приняло угрюмо-недовольное выражение: он вспомнил то, что произошло там, возле речки.

Глава 9

Даже к вечеру следующего дня Виктория все еще не могла выбросить из головы впечатление от безумного поцелуя Джейсона. Сидя на траве подле Вилли, пока он глодал косточку, принесенную ею, она наблюдала за ним и снова вспоминала непринужденную улыбку Джейсона после поцелуя. У нее заняло под ложечкой, когда она сравнила свою невинность и глупость с его искушенностью.

Как могло случиться, что сначала он целовал ее так взхлеб, словно ничего важнее для него не существует на свете, а уже через минуту шутил по этому поводу? И как только она смогла собраться с силами, чтобы казаться такой же веселой и беспечной, как он, в то время как все ее чувства были обострены и зубы выбивали дробь? И после всего этого как он мог смотреть на нее такими холодными глазами и рекомендовать ей не совершать ошибок, которые совершили десятки других женщин?

Что заставило его так поступить? С ним невозможно иметь дело, его просто невозможно понять! Она пыталась подружиться с ним, и это кончилось тем самым роковым поцелуем. Кто их разберет в этой Англии: может, здесь подобный поцелуй считается самым обычным делом и у нее нет оснований чувствовать себя виноватой и сердитой? Но она все же не могла избавиться от этих чувств. Ее охватила тоска по Эндрю, и она содрогнулась от стыда за то, что по собственной воле ответила на поцелуй Джейсона.

Виктория подняла голову, когда увидела, что Джейсон идет к конюшне. В это утро он собирался поехать на охоту, так что у нее была возможность избежать встречи с ним, пока она не привела свои мысли в порядок. Однако передышке не дано было состояться: к парадному подъезду подкатил экипаж графа Коллингвуда. Нехотя она поднялась.

– Пойдем, Вилли, – напряженным голосом позвала девушка. – Давай сообщим лорду Филдингу о прибытии графа и графини, тогда бедняге О’Мэлли не придется лишний раз идти на конюшню.

Пес поднял большую голову, посмотрел на нее умными глазами, но не двинулся с места.

– Пора перестать прятаться от людей. Я ведь тебе не прислуга, и я отказываюсь постоянно таскать тебе сюда еду. Нортроп сказал, что тебя всегда кормили на конюшне. Пойдем, Вилли! – повторила она, решив настоять на своем хотя бы в этом небольшом деле. Она сделала еще два

шага и подождала.

Пес встал с земли и взглянул на нее; по его встревоженному виду она убедилась, что он понял приказ.

– Вилли, – раздраженно сказала девушка, – мне до смерти надоело высокомерие мужчин. – Она щелкнула пальцами. – Я сказала: *пойдем!* – И она снова сделала шаг, оглянувшись через плечо, готовая тащить пса за загривок, если он заупрямится. – Пошли! – резко скомандовала Виктория, и на этот раз он поплелся за ней.

Ободренная маленькой победой, девушка направилась к конюшне, откуда как раз выходил Джейсон с ружьем.

А у подъезда в это время граф Коллингвуд помогал жене выйти из экипажа.

– Вон и они, – сказал он, кивком указав на конюшни. Нежно взяв супругу под руку, он повел ее через лужайку к другой парочке. – Улыбнись, – шепотом поддразнил он, когда она замедлила шаг. – У тебя такой вид, словно ты ждешь встречи с палачом.

– Именно такое чувство я как раз и испытываю, – призналась Кэролайн, пытаясь улыбнуться. – Я знаю, ты будешь смеяться, но лорд Филдинг пугает меня. – И, кивнув, она подтвердила сказанное в ответ на изумленный взгляд мужа: – И не только я испытываю такое чувство – почти все боятся его.

– Джейсон – человек выдающегося ума, Кэролайн. Я получил огромные прибыли со всех капиталовложений, которые он любезно советовал мне сделать.

– Может, и так, но все равно он ужасно недоступный человек и... вызывает неприязнь. Кроме того, он может так осадить человека, что тому захочется провалиться сквозь землю. Да вот пример: не далее как в прошлом месяце он заявил мисс Фаррадей, что его раздражают жеманные женщины – в особенности такие, которые цепляются за его руку.

– И что же на это ответила мисс Фаррадей?

– Что ей оставалось ответить? Ведь она как раз в этот момент цеплялась за его руку и жеманилась. Это было ужасно!

Проигнорировав многозначительную ухмылку мужа, Кэролайн поправила белые перчатки.

– Не могу понять, и что только женщинам в нем нравится? Тем не менее они постоянно прихорашиваются, когда он появляется. Правда, он богат, как Крез, владеет шестью поместьями, и только Бог знает, каков его годовой доход, и еще нельзя забывать, что он унаследует титул герцога Атертона... И, надо отдать ему должное, он необыкновенно красив...

– И все-таки ты никак не можешь понять, что особенного женщины в нем находят? – посмеиваясь, поддразнил ее муж.

Кэролайн отрицательно покачала головой и, поскольку они уже приближались к герою беседы, понизила голос:

– Его манеры оставляют желать лучшего. Более того, они порой бывают просто грубыми!

– Раз женщины без устали охотятся за его богатством и титулом, можно простить ему то, что он временами выходит из себя.

– Думай как хочешь, но что касается меня, то я живо сочувствую бедняжке мисс Ситон. Трудно даже представить, каково ей жить с ним под одной крышей!

– Не знаю, боится ли она его, но у меня сложилось впечатление, что она чувствует себя одинокой и нуждается в подруге, которая могла бы ее научить тому, что принято в английском светском обществе.

– Должно быть, она ужасно несчастна, – с симпатией согласилась Кэролайн, издали рассматривая Викторину, которая лишь за минуту до этого подошла к Джейсону и разговаривала с ним.

– Приехали граф и графиня, – с холодной вежливостью сообщила Виктория Джейсону.

– Я вижу. Они идут прямо за вами, – заметил Джейсон, – и находятся сейчас в нескольких шагах. – Он снова взглянул на нее, как вдруг внимание его сосредоточилось на чем-то ином. – Быстро отойдите в сторону! – велел он, грубо оттолкнув ее и вскидывая ружье.

Позади себя Виктория услышала глухой страшный рык и неожиданно поняла, что Джейсон собирается сделать.

– Нет! – закричала она. Резким ударом она оттолкнула дуло ружья вверх и упала на колени, обняв Вилли за голову и сверкающими глазами глядя на Джейсона. – Вы с ума сошли! Что плохого сделал вам Вилли? Мало того, что вы бросили его умирать с голоду, а теперь еще решили и застрелить? – истерично воскликнула девушка, нежно прижимая голову пса. – Неужели он позволил себе поплавать в вашей идиотской реке или... или ослушался вашего приказа... или...

Ружье скользнуло вниз в онемевших пальцах Джейсона, пока дуло не оказалось безопасно направленным на землю.

– Виктория, – сказал он спокойным тоном, который ничуть не вязался с его напряженным бледным лицом, – это не Вилли. Вилли – колли, и я одолжил его три дня назад Коллингвудам на случай с их собакой.

Рука Виктории, гладившая пса, застыла.

– Если меня не подводит зрение и я не сошел с ума, то, по-моему,

зверь, которого вы защищаете, как мать свое дитя, по меньшей мере наполовину – волк.

Виктория чуть не поперхнулась и медленно поднялась.

– Даже если он и не Вилли, все-таки он собака, а не волк, – упрямо настаивала она. – Он понимает команду «ко мне».

– Он лишь отчасти собака, – возразил Джейсон.

Намереваясь оттащить ее от животного, он сделал шаг вперед и схватил девушку за руку. Пес тут же пригнулся, зарывав и обнажив клыки; шерсть дыбом встала у него на спине. Джейсон отпустил ее руку, и его пальцы потянулись к курку ружья.

– Немедленно отойдите от него, Виктория!

Глаза девушки устремились на ружье.

– Не делайте этого! – почти плача выкрикнула она. – Я не позволю! Если вы застрелите его, я застрелю вас, клянусь. А стреляю я лучше, чем плаваю, – любой житель нашей деревни мог бы подтвердить это. Джейсон, это всего-навсего собака, и она просто пытается защитить меня от вас. Это же ясно! Он мой друг. Пожалуйста, не убивайте его, прошу вас...

И с облегчением она увидела, что Джейсон отвел пальцы от курка и дуло вновь опустилось к земле.

– Перестаньте! – велел он. – Я его не трону.

– Даете ли вы слово джентльмена? – настаивала девушка, все еще прикрывая своим телом волка.

– Даю слово.

Виктория было послушалась его, но затем, вспомнив что-то, быстро вновь вернулась на то же место.

– Вы говорили мне, что вы не джентльмен и что у вас нет принципов. Как же тогда я буду знать, что вы сдержите данное вами слово, как это делают джентльмены?

Глаза Джейсона, подобные глазам пантеры, весело сверкнули, хотя он и не подал вида, что эта сцена забавляет его. Он посмотрел на беззащитную девушку, которая защищала опасного хищника и бросала мятежный вызов вооруженному человеку.

– Я сдержу его. А теперь перестаньте изображать из себя Жанну д'Арк.

– Я не уверена, что вы говорите правду, вы не могли бы поклясться в этом в присутствии лорда Коллингвуда?

– Вы переходите все границы, испытывая мое терпение, дорогая, – мягко предупредил ее Джейсон.

Хотя это было сказано спокойно, в голосе его отчетливо прозвучала

угроза, и Виктория отступила не потому, что опасалась последствий, а потому, что инстинктивно почувствовала, что он сделает, как обещал. Она кивнула и отошла от животного, но поза, в которой оставался пес, свидетельствовала о его готовности к нападению: он не сводил угрожающего взгляда с Джейсона.

Тот, в свою очередь, неотрывно следил за зверем, держа ружье наготове. В отчаянии Виктория обернулась к собаке.

– Сидеть! – скомандовала она, хотя, по правде говоря, даже не думала, что он подчинится.

Пес поколебался и уселся возле нее.

– Ну, видите! – облегченно всплеснула она руками. – Его кто-то хорошо выдрессировал. И он понимает, чем грозит ружье, поэтому не сводит с него глаз. Это умный пес.

– Умный, – согласился Джейсон, сухо усмехнувшись. – Настолько умный, что сумел приютиться прямо у меня под носом, в то время как все в округе искали волка, который совершает набеги на курятники и терроризирует деревню.

– Так именно по этой причине вы ежедневно выезжаете на охоту?

Когда Джейсон утвердительно кивнул, она безостановочно заговорила в надежде, что Джейсон разрешит зверю остаться в его поместье.

– Ну вот, он не волк, вы теперь сами видите, что он – собака. Я кормлю его каждый день, так что отныне у него нет оснований совершать набеги на курятники. И он очень умен, он понимает все, что я ему говорю.

– Тогда, возможно, вы могли бы ему намекнуть, что невежливо сидеть в такой позе, готовясь укунить ту самую руку, которая пусть косвенно, но все-таки кормит его.

Виктория бросила озабоченный взгляд на своего свехусердного телохранителя и затем – на Джейсона.

– Пожалуй, если вы снова протянете ко мне руку, а я прикажу ему не рычать на вас, он поймет ситуацию. Давайте начнем.

– Лучше бы мне намылить вам шею, – полусерьезно заметил Джейсон, но протянул к ней руку, как она просила. Зверь приготовился к прыжку и зарычал.

– Нет! – резко скомандовала Виктория, и волк по кличке Вилли сник, замешкался и лизнул ей руку. Виктория облегченно вздохнула: – Ну вот видите, он подчинился. Я приму на себя заботу о нем, и, если вы разрешите ему остаться, он не доставит больше никому никаких хлопот.

Джейсон не мог устоять перед ее мужеством и тем более перед умоляющим взглядом сияющих синих глаз.

– Посадите его на цепь, – сказал он. Когда она начала возражать, он заявил: – Я скажу Нортропу, чтобы он передал мое приказание егерям не обижать его, но имейте в виду, что, если он нападет на чужую собственность, они могут не глядя пристрелить его. Пока он не нападал на людей, но фермеры, помимо семей, защищают и своих кур.

Дальнейшие споры Джейсон пресек, поспешив наконец поздороваться с графом и графиней Коллингвуд, и только тогда Виктория вспомнила о гостях. Чувство неприязни заранее обдало ее горячей волной, когда она заставила себя посмотреть в лицо женщине, которую Джейсон явно считал образцом для подражания. Но вместо высокомерного презрения, которое она ожидала увидеть на лице графини, Виктория встретила со взглядом, полным веселого восхищения. Джейсон представил их друг другу и удалился обсудить с графом какие-то дела, беззаботно оставив Викторию одну на один с еще незнакомой графиней.

Леди Коллингвуд первая нарушила неловкое молчание:

– Можно мне прогуляться с вами, пока вы будете сажать на цепь своего пса?

Виктория кивнула, вытирая вспотевшие ладони о юбку.

– В-вы, наверное, думаете, что я абсолютно не умею вести себя, – печально спросила она, – и этим отличаюсь от всех женщин на свете?

– Что вы! – возразила дама, закусив губу, чтобы сдержать прорывающийся наружу восторг. – Я думаю, что вы, наоборот, самая храбрая женщина на свете.

Виктория была поражена.

– Потому что я не боюсь Вилли?

Графиня отрицательно покачала головой.

– Потому что вы не боитесь лорда Филдинга, – поправила она ее, смеясь.

Виктория изумленно взглянула на удивительную аристократку в элегантном наряде и увидела в ее живых серых глазах озорной блеск, а в ее улыбке – дружеское расположение. «Неужели мне повезло встретить наконец родственную душу в этой такой недружественной стране?» – подумала она и воспрянула духом.

– На самом деле мне было страшно, – призналась она, направляясь на задний двор, где решила держать животное на привязи до тех пор, пока не убедит Джейсона позволить ему заходить в дом.

– Но вы не подали и виду, а это очень хорошо: как только мужчина узнает, что женщина опасается чего-то, он злоупотребляет этим. Например, как только мой брат Карлтон узнал, что я боюсь змей, он тут же подложил

одну в мой ящик, где я держала носовые платки. А когда я чуть не умерла от страха, мой брат Эббот подложил другую в мои бальные туфли.

Виктория содрогнулась:

– Я ненавижу змей. Сколько же у вас братьев?

– Шестеро, и каждый из них устраивал мне какие-нибудь гадкие вещи, пока я не научилась отвечать тем же. А у вас есть братья?

– Нет, только сестра.

К тому времени, когда мужчины закончили свои дела и присоединились к леди за ранним ужином, Виктория и Кэролайн Коллингвуд уже общались накоротке и все указывало на то, что они станут близкими подругами. Виктория рассказала графине, что объявление о помолвке с лордом Филдингом было ошибкой Чарльза, хотя тот исходил из лучших побуждений, и поведала также и об Эндрю. В свою очередь, Кэролайн сообщила ей, что мужа для нее выбрали родители, но по тому, как она говорила и как загорались ее глаза при одном упоминании лорда Коллингвуда, Виктория могла сделать вывод, что Кэролайн обожает его.

Ужин прошел за веселой беседой; Виктория и Кэролайн продолжали доверительно делиться воспоминаниями о своих детских шалостях. Даже лорд Коллингвуд рассказал им о своем отрочестве, и вскоре Виктории стало очевидно, что у всех троих – ее самой, графа и графини – была беззаботная юность под крылом любящих родителей. Что же до Джейсона, то он отказался поделиться воспоминаниями о своих детских годах, хотя, вне всякого сомнения, откровенно наслаждался, слушая их рассказы.

– Виктория, неужто вы и вправду умеете стрелять из ружья? – восхищенно поинтересовалась Кэролайн, когда два лакея принесли им соте из форели в масле и пряностях с нежным соусом.

– Да, – призналась девушка. – Эндрю научил меня, иначе ему не с кем было бы соревноваться при стрельбе по мишеням.

– И вам это удалось? Я имею в виду соревнование.

Виктория кивнула, и ее волосы в свете свечей засияли подобно золотому нимбу.

– Еще как! В это трудно поверить, но с первого же раза, когда он дал мне ружье, я прицелилась и тут же поразила мишень. Это оказалось вовсе не трудно.

– А после этого?

– Стало еще проще.

– А мне нравилось фехтование на шпагах, – призналась Кэролайн. – Мой брат Ричард позволял мне быть его партнером по фехтованию. Для этого просто нужна твердая рука.

– И верный глаз, – добавила Виктория.

Лорд Коллингвуд хмыкнул:

– А я любил одеваться старинным рыцарем и устраивать с грумами рыцарские поединки. У меня это неплохо получалось, но потом грумам, по-видимому, надоело вышибать неоперившегося графа из седла, так что я оказался не таким уж мощным рыцарем, каким в то время себя представлял.

– А вы играли в перетягивание каната у себя в Америке? – азартно спросила Кэролайн.

– Да, и команда мальчиков всегда выступала против команды девочек.

– Но это нечестно – мальчики всегда сильнее.

– Нет, – посмеиваясь, но с видом раскаивающейся грешницы заявила Виктория, – если девочкам удастся выбрать место, где есть дерево, и – конечно, нечаянно – обмотать конец каната вокруг него.

– Бессовестные! – усмехнулся Джейсон. – Обманщицы.

– Это верно, но иначе расклад был бы не в нашу пользу, так что, по существу, мы просто уравнивали силы.

– Что вы можете знать о раскладе? – поддразнил он.

– Если речь идет о картах? – уточнила Виктория с заразительно веселой интонацией. – Сказать по совести, я умею почти так же мастерски подсчитывать суммы в карточных взятках, как и хитро раздавать карты таким образом, чтобы взятки были выигрышными. Короче, – смело призналась она, – я умею жульничать.

Темные брови Джейсона сошлись вместе.

– И кто же научил вас жульничать?

– Эндрю. Он говорил, что научился карточным фокусам, когда был в школе.

– Напомните мне, чтобы я никогда не допустил членства этого Эндрю ни в одном из наших клубов, – сухо заметил Коллингвуд. – Иначе ему несдобровать.

– Эндрю никогда не занимался жульничеством, – проявила лояльность к другу Виктория. – Он полагал, что нужно знать, как люди жульничают, чтобы не оказаться обманутым бессовестным карточным шулером, но тогда ему было всего шестнадцать лет и он не предполагал, что когда-нибудь представится возможность встретиться с шулером...

Джейсон откинулся на спинку стула, зачарованно наблюдая за девушкой и поражаясь элегантно-непринужденности, с которой она вела себя с гостями, и легкости, с которой она без всяких усилий вовлекла Роберта Коллингвуда в оживленную беседу за столом. Он также заметил,

как ее лицо озарялось, когда она заговаривала об Эндрю, и как оживляла всех присутствующих ее очаровательная улыбка.

Она, безусловно, отличалась от всех прочих свежестью, живостью и неиспорченностью. Несмотря на юный возраст, в ней чувствовались природная мудрость, активный ум, сообразительность и неподдельный интерес к другим людям. Он незаметно улыбнулся, вспомнив, как мужественно она защищала собаку, которую с этих пор решила называть не Вилли, а Волком.

За свою жизнь Джейсон сталкивался с очень немногими по-настоящему смелыми мужчинами, но ни разу не встречал мужественной женщины. Он вспомнил также о ее робком ответе на его поцелуй и невероятном приступе острого желания, которое она возбудила в нем.

«Да, мисс Виктория Ситон полна сюрпризов, и, пожалуй, из нее может получиться нечто весьма любопытное», – думал он, незаметно для посторонних глаз изучая ее. Живой красотой отличались все безукоризненно пропорциональные черты лица девушки, но ее привлекательность заключалась не только в этом; она также таилась в мелодичном смехе и грациозных движениях.

В глубине души Виктории скрывалось что-то такое, что заставляло ее искриться и сиять подобно драгоценности, не имеющей изъянов, для которой нужны лишь хороший фон и подходящая оправка: элегантная одежда в дополнение к ее соблазнительной фигурке и утонченным чертам, великолепный дом, в котором она могла бы царствовать, муж – для укрощения ее бурных порывов и ребенок у ее груди, которого она могла бы обнимать и кормить...

Сидя напротив нее, Джейсон вспомнил о своей старой, давно забытой мечте иметь жену, которая озаряла бы дом своей добротой и смехом... женщину, которая лежала бы, согревая, в его объятиях в постели, заполняла темную пустоту в его душе... и любила детей, которых он бы дал ей.

Джейсон оторвался от своих глупых, наивных, неисполнимых юношеских мечтаний и грез. Он не избавился от них и во взрослом возрасте и женился на Мелиссе, неразумно полагая, что красивая женщина может сделать так, что эти мечты воплотятся в реальность. Каким глупцом он был, каким невероятно легковерным, поверив, что женщина может думать о любви и детях, а не о деньгах, драгоценностях и власти. И тут он нахмурился, вдруг осознав, что все эти давнишние глупые, мучительные мечтания вернулись к нему из-за Виктории Ситон.

Глава 10

Как только Коллингвуды уехали, Джейсон направился напрямик в библиотеку, куда за час до того удалился Чарльз.

Герцог отложил книгу и весело воззрился на Джейсона.

– Вы заметили, как вела себя Виктория за ужином? – живо спросил он. – Какое великолепие! В ней столько шарма, столько чуткости. А как она себя держит! Я чуть не лопнул от гордости, наблюдая за ней. Она прямо...

– Возьмите ее завтра с собой в Лондон, – прервал его Джейсон. – Для выезда в свет там к вам может присоединиться Флосси Уильсон.

– В Лондон! – опешил Чарльз. – Но почему? К чему спешить?

– Я хочу, чтобы она покинула Уэйкфилд, хочу сбыть ее с рук. Заберите ее в Лондон и найдите ей мужа. Сезон светских раутов начинается через две недели.

Чарльз побледнел, но голос его был тверд:

– Полагаю, что я имею право получить объяснение такому неожиданному решению.

– Я уже сказал: хочу, чтобы она оставила этот дом, и хочу полностью снять с себя ответственность за нее. Таково мое объяснение.

– Все не так просто, – запротестовал Чарльз. – Я же не могу опубликовать в газете объявление о том, что подыскиваю для нее мужа. Нам следует все сделать так, как полагается, – принимать людей у себя и официально представить ее обществу.

– Тогда забирайте ее и приступайте.

Пригладив ладонью седые волосы, Чарльз укоризненно покачал головой, пытаясь разубедить Джейсона:

– Мой дом совсем не подходит для того, чтобы устраивать роскошные приемы...

– Воспользуйтесь моим лондонским домом, – предложил Джейсон.

– Но тогда *вы* не сможете бывать там, – возразил Чарльз, ища достаточно вескую причину, чтобы переубедить Джейсона. – В противном случае все сочтут, что Виктория – ваш новый трофей, да к тому же приобретенный весьма вызывающим образом. Тот факт, что вы якобы обручены, не будет иметь никакого значения.

– Когда я буду наезжать в город, то буду останавливаться в вашем доме, – коротко ответил Джейсон. – Возьмите с собой отсюда моих людей – они в состоянии организовать прием, даже если их предупредить всего за

день: у них есть достаточный опыт для этого.

– А как насчет ее нарядов и...

– Пусть Флосси Уильсон отвезет Викторию к мадам Дюмосс и скажет, что я хочу, чтобы она нарядила девушку в самое лучшее, и немедленно. Флосси все прекрасно знает. Что еще?

– Что еще? – взорвался Чарльз. – Начать с того, что Дюмосс слишком популярна у светских дам. У нее просто не будет времени заниматься Викторией, во всяком случае, в тот момент, когда сезон раутов вот-вот начнется.

– Скажите Дюмосс, что я прошу ее взять под свою опеку весь гардероб Виктории и не стесняться в расходах. Для нее будет счастьем попробовать свое мастерство на девушке с рыжими волосами и небольшим ростом; она так оденет Викторию, что та затмит всех прекрасных блондинок и стройных брюнеток Лондона. Она сделает это, даже если ей придется следующие две недели провести без сна, зато потом возьмет с меня вдвое больше своей невообразимой цены, компенсируя тем самым возникшие неудобства. Нам с ней уже приходилось сталкиваться в подобной ситуации, – решительно закончил он. – А теперь, поскольку все решено, мне нужно поработать.

Чарльз, отчаявшись, шумно вздохнул:

– Очень хорошо, но мы отправимся лишь через три дня. Это позволит мне предупредить Флосси Уильсон, чтобы она присоединилась к нам в Лондоне, а не здесь. Я не могу жить в одном доме с Викторией без подходящей компаньонки для нее – в особенности в Лондоне. Отправьте своих людей заранее, чтобы они занялись вашим домом, а я пошлю уведомление Флосси Уильсон с просьбой присоединиться к нам в Лондоне послезавтра. А теперь я хочу попросить вас об одолжении.

– Да?

Тщательно формулируя свою просьбу, Чарльз сказал:

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что ваша помолвка с Викторией расторгнута, во всяком случае – пока.

– А почему? – нетерпеливо спросил Джейсон.

Чарльз колебался, как бы в раздумье, но затем его лицо прояснилось.

– Ну, во-первых, если в обществе поверят, что она уже помолвлена, то не будут ее так пристально разглядывать. Тогда она сможет чувствовать себя свободнее на приемах и, при желании, оценивать присутствующих джентльменов, прежде чем остановиться на ком-нибудь из них.

Заметив, что Джейсон собирается поспорить на этот счет, Чарльз

быстро добавил:

– Ею будут гораздо больше восхищаться и ее будут гораздо больше желать, если лондонские красавчики поверят, что она ухитрилась удостоиться именно вашего внимания. Ведь только подумайте: каждый приемлемый для брака холостяк в Лондоне сочтет, что в ней есть что-то особенное, если вы пожелали предложить ей руку и сердце. С другой стороны, если они будут знать, что она отвергнута вами, то это вызовет крайне неприятные пересуды.

– Ваша «приятельница» леди Кирби к тому времени уже разболтает всем и каждому, что помолвка расторгнута.

Чарльз отмахнулся:

– Никто не обратит внимания на ее слова, если *вы сами* не будете об этом говорить, когда объявитесь в Лондоне.

– Договорились, – сказал Джейсон, готовый согласиться на все, лишь бы избавиться от Виктории в качестве своей подопечной и поскорее выдать ее замуж. – Забирайте ее в Лондон и представьте свету. Я позабочусь о приличном приданом. Дайте несколько балов и пригласите всех маломальски стоящих потенциальных женихов. Я постараюсь присутствовать на ее первом выходе в свет, – с усмешкой добавил он. – И останусь в городе, чтобы побеседовать с предполагаемыми искателями ее руки. Думаю, не составит труда найти кого-нибудь, чтобы сбыть ее с наших рук.

В итоге этой беседы Джейсон почувствовал такое облегчение, что вопрос о Виктории получил разрешение, что даже не задумался над ловушкой, в которой оказался, согласившись не делать официального заявления о расторжении помолвки.

Виктория вошла в библиотеку как раз в ту минуту, когда Джейсон уже собирался уходить. Они обменялись улыбками; затем он вышел, а она подошла к Чарльзу.

– Вы готовы к нашей вечерней игре в шашки, дядя Чарльз?

– Что? – рассеянно переспросил он. – А, конечно, моя дорогая. Целый день я мечтал только об этом. Я всегда готов. – И они устроились за столом друг против друга перед шашечной доской с шестьюдесятью четырьмя инкрустированными черно-белыми клетками. Расставляя двенадцать белых шашек на черных клетках, Виктория украдкой задумчиво поглядывала на высокого элегантного седовласого человека, которого уже полюбила как родного. За ужином он выглядел особенно красивым в так идущем ему темном фраке, смеялся, когда они рассказывали о своем детстве, и даже рассказал кое-что о своем, но сейчас он казался ей чем-то озабоченным.

– Вы хорошо себя чувствуете, дядя Чарльз? – спросила она,

вглядываясь в его лицо.

– Да, все в порядке, – заверил он, но уже в следующие пять минут Виктория за один ход «съела» и сняла с доски сразу три его шашки. – Видимо, я не в состоянии сосредоточиться на игре, – признался герцог, когда она лишила его четвертой черной шашки.

– Тогда, может быть, поболтаем?

Когда он с облегчением согласился, Виктория тактично попыталась выяснить, что его тревожит. Ее отец был горячим сторонником теории, что люди, если их что-то беспокоит, обязательно должны выговариваться – в особенности люди с больным сердцем, ибо это часто помогает снять внутреннее напряжение, которое может вызвать сердечный приступ.

Вспомнив, что до нее с Чарльзом был Джейсон, Виктория предположила, что именно последний является наиболее вероятной причиной угнетенного настроения.

– Вам понравилось, как прошел ужин? – осведомилась она небрежно.

– Чрезвычайно, – ответил он, и по его тону можно было судить, что он говорит совершенно искренне.

– А Джейсону?

– Бог ты мой, да. Очень. А почему вы спрашиваете?

– Дело в том, что он не принял участия в наших воспоминаниях о детских годах.

Чарльз отвел взгляд в сторону.

– Возможно, он не мог вспомнить ничего забавного.

Виктория не обратила внимания на его ответ; в этот момент она подыскивала способ, как повернуть разговор таким образом, чтобы сосредоточить его на самом Чарльзе.

– Я подумала, что, возможно, он был недоволен чем-то – я что-то не так сказала или не так поступила, – и приходил к вам поделиться этим.

Чарльз снова взглянул на нее. На этот раз его карие глаза весело блеснули.

– Вы беспокоитесь обо мне, дорогая, не так ли? И хотите знать причину того, что меня гложет?

Виктория рассмеялась:

– Неужели меня так легко раскусить?

Он положил ладонь на ее руку и сжал ее.

– Вы чудесная девушка, Виктория. Вы обо всех тревожитесь. Я смотрю на вас, и у меня появляется надежда, что люди в целом не так уж плохи. Несмотря на все страдания, пережитые вами за последние месяцы, вы замечаете усталость пожилого человека и беспокоитесь о нем.

– Вы совсем не пожилой, – возразила она, бросая восхищенный взгляд на герцога.

– Иногда я чувствую себя гораздо старше своих лет, – сказал он. – Сегодня у меня именно такое состояние. Но вы взбодрили меня. Могу я рассказать вам кое-что?

– Обязательно.

– В моей жизни было время, когда я мечтал о дочери, и вы именно такая, какой я хотел видеть свою дочь.

В горле Виктории застрял комок. А он продолжал:

– Иногда я наблюдаю за вами, когда вы прогуливаетесь по саду или разговариваете со слугами, и мое сердце наполняется гордостью. Я знаю, это может показаться странным, поскольку нет никакой моей заслуги в том, что вы выросли такой, но все равно я горжусь вами. У меня такое ощущение, будто я кричу всем скептикам мира: «Полюбуйтесь на нее, в ней – жизнь, мужество и красота. Она – именно то, что замыслил Бог, когда дал мужчине спутницу. Она будет бороться за то, во что верит, защищаться, когда ее несправедливо осудят, но простит раскаявшегося и не вспомнит зла». Я знаю, что вы не единожды прощали Джейсону его обращение с вами. Я думаю так и затем спрашиваю себя: что я могу ей дать, чтобы доказать, как она мне дорога? Что может дать человек богине?

Виктории показалось, будто что-то блеснуло в глазах герцога, но она не была уверена, так как ее собственные глаза жгли слезы.

– Ну вот, – смущенно сказал он, еще крепче сжимая ее руку, – скоро мы оба будем рыдать за шашечной доской. Поскольку я ответил на ваш вопрос, может быть, вы ответите на мой? Что вы думаете о Джейсоне?

Виктория нервно улыбнулась.

– Он был щедр по отношению ко мне, – осторожно начала она, но Чарльз отмахнулся:

– Я не об этом. Меня интересует, что вы думаете о нем? Скажите мне честно.

– Я... кажется, не понимаю, о чем вы.

– Ладно, скажем точнее. Считаете ли вы, что он красив?

Виктория едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

– Большинство женщин, кажется, считают его исключительно привлекательным, – довольно улыбаясь, зондировал почву Чарльз. – А вы?

Оправившись от изумления, вызванного столь неожиданным направлением разговора, она кивнула, пытаясь скрыть смущение.

– Хорошо. А вы согласны, что он... гм... отличается некоторыми достоинствами, ценными для мужчины?

К ужасу Виктории, в ее мозгу в этот момент вновь промелькнула сцена, когда Джейсон целовал ее у реки, и она почувствовала, что краснеет.

– Вижу, что вы положительно ответили бы на этот вопрос, – хмыкнул Чарльз, неправильно истолковав причину ее смущения. – Отлично! А теперь я выдам вам один секрет. Джейсон – замечательная личность. У него была тяжелая жизнь, но он сумел пробиться, потому что обладает исключительной силой ума и воли.

Леонардо да Винчи когда-то сказал: «Чем шире душа человека, тем глубже он любит». Его слова всегда напоминают мне о Джейсоне. Он глубоко чувствует, но редко демонстрирует это. – И, усмехнувшись, герцог добавил: – Поскольку у него такой сильный характер, он редко наталкивается на отпор, а уж со стороны женщин – вообще никогда. Вот почему подчас он кажется кем-то... гм... вроде диктатора.

Любопытство пересилило желание девушки не выпрашивать лишнего.

– В каком смысле его жизнь была тяжелой?

– О своей жизни должен рассказать вам Джейсон; я не вправе делать этого. Уверен, что наступит день, когда он сам вам все расскажет. Однако я должен посвятить вас в следующее: Джейсон решил, что вам пора выйти в свет со всем блеском. Через три дня мы едем в Лондон. Там к нам присоединится Флосси Уильсон и за оставшиеся дни обучит вас всему, что полагается знать, вращаясь в аристократическом обществе. Мы остановимся в лондонском доме Джейсона, который гораздо более приспособлен для раутов, чем мой, а Джейсон, бывая в городе, будет жить в моем доме.

Виктория не имела ни малейшего представления, что влечет за собой выход в свет, но внимательно слушала Чарльза, рассказывавшего ей о веренице балов, раутов, вечеринок, выходов в театр и венецианских завтраков, которые ей предстояли. К тому моменту, когда он упомянул, что Кэролайн Коллингвуд будет в Лондоне с аналогичной целью, ее уже одолел ужасный страх.

– ...И хотя вы, кажется, не обратили на это особого внимания за ужином, – закончил он, – леди Кэролайн очень рассчитывает, что вы тоже поедете в город, с тем чтобы можно было продолжить ваше знакомство. Вас это устраивает, не так ли?

Виктория подумала, что насладится хотя бы этой частью своего пребывания в Лондоне, о чем и сообщила герцогу, но тем не менее ей вовсе не хотелось уезжать из Уэйкфилда и встречаться с сотнями незнакомых людей, в особенности если они окажутся такими же, как леди Кирби.

– Поскольку мы с вами все обсудили, – подытожил Чарльз, открывая маленький ящичек в столе и извлекая колоду карт, – скажите: когда ваш друг Эндрю обучал вас игре в карты, ему не довелось научить вас игре в пикет?

– Довелось.

– Ну и отлично, тогда давайте сыграем. – Когда Виктория охотно согласилась, Чарльз с показной свирепостью нахмурился: – Вы не станете жульничать, а?

– Уверяю, нет, – торжественно обещала она.

Он пододвинул колоду к ней и сказал, улыбаясь:

– Сначала продемонстрируйте свои способности сдавать карты. Мы сравним наше мастерство.

Виктория рассмеялась. Она взяла пиковую колоду и принялась тасовать. Карты замелькали в ее изящных руках, как мячики в руках жонглера.

– Прежде всего не хочу вас обманывать, пытаюсь уверить, что в этот вечер вам повезет, – говорила она, живо сдавая карты по две сразу, пока у них обоих не оказалось по двенадцать карт. Чарльз взглянул на свои карты и поднял на нее смеющиеся обожающие глаза.

– Четыре короля. Держу пари – я выиграл.

– Проиграете, – обещала девушка с задорной улыбкой и показала свои карты, среди которых было четыре туза.

– А теперь посмотрим, как вы сдаете исподнизу, – предложил Чарльз. Когда она показала, он долго хохотал, запрокинув голову.

Игра, в которую они начали играть, превратилась в фарс, так как оба по очереди сдавали себе потрясающе выигрышные карты, и когда каждый пытался обмануть другого, библиотека гремела от хохота.

Не в силах больше выдержать доносившихся из библиотеки взрывов смеха, из-за которых он никак не мог сосредоточиться, Джейсон заглянул к ним, чтобы выяснить, в чем дело. В этот момент старинные дедовские часы пробили девять раз. Войдя в библиотеку, он обнаружил Чарльза и Викторию, корчащихся от хохота и вытирающих слезы, и колоду карт, лежащую на столе между ними.

– Анекдоты, которые вы рассказываете друг другу, должно быть, гораздо смешнее тех, что мы слышали за ужином, – заметил Джейсон, сунув руки в карманы своих облегающих панталон и глядя на них чуть раздраженно. – Я слышу вас даже из своего кабинета.

– Это моя вина, – солгал Чарльз и, вставая, подмигнул девушке. – Виктория хочет серьезно поиграть в пикет, а я отвлекаю ее шуточками.

Кажется, я не в состоянии сегодня быть серьезным. Не сядете ли вы сыграть с ней партию?

Виктория ожидала отказа, но, с любопытством посмотрев на герцога, Джейсон сел напротив нее, Чарльз же встал у него за спиной. Когда Виктория подняла на него глаза, он ответил ей веселым многозначительным взглядом, в котором она ясно прочла: «Разбейте его наголову – жульничайте!»

Виктория так развеселилась от их невероятных карточных трюков, включая те новые, которым ее обучил Чарльз, что без колебаний кивнула.

– Вы сдаете или я? – невинно спросила она.

– Несомненно, вы, – вежливо ответил Джейсон.

Осторожно отвлекая его, чтобы он не заметил подвоха, Виктория перетасовала карты, а затем начала сдавать. Джейсон посмотрел через плечо на Чарльза и попросил налить бренди, после чего бесстрастно откинулся на спинку кресла. Он зажег тонкую манильскую сигару и принял от Чарльза бокал.

– Вы не хотите взглянуть на свои карты? – спросила Виктория.

Джейсон погрузил руки в карманы, оставив сигару зажатой между ровными белыми зубами, и поднял на нее испытующий взгляд.

– Я вообще-то предпочитаю, чтобы мне сдавали сверху, а не исподнизу, – протянул он.

Поблуднев, Виктория подавила нервный смешок и попыталась блефовать:

– Не понимаю, о чем вы?

Темная бровь поднялась, словно он бросил ей вызов.

– Вы знаете, что делают с карточными шулерами?

Виктория сбросила маску невинности. Положив локти на стол и подперев ладонями подбородок, она разглядывала его смеющимися синими глазами.

– Нет.

– Обманутые дают отпор обманщикам, и часто спор разрешается дуэлью.

– Хотите вызвать меня на дуэль? – поддразнила Виктория, испытывая огромное наслаждение.

Джейсон лениво потянулся в кресле, задумчиво изучая ее смеющееся лицо и лучистые глаза.

– Вы действительно так хорошо стреляете, как говорили днем, когда угрожали, что застрелите меня?

– Еще лучше, – смело заявила она.

– А как вы фехтуете на шпагах?

– Не пробовала, но, возможно, леди Кэролайн выступит за меня. *Она* это отлично умеет.

Непонятно, что произошло с пульсом Виктории от сногсшибательной ленивой улыбки Джейсона, когда он заметил:

– Удивляюсь, как только мне могло прийти в голову, что вы в обществе леди Кэролайн перестанете представлять опасность? – Затем он добавил фразу, прозвучавшую для Виктории как неожиданный комплимент: – Боже, спаси лондонских красавчиков в нынешний светский сезон. Вряд ли хоть одно сердце останется неразбитым, когда вы займетесь ими.

Виктория все еще не пришла в себя от столь высокой оценки своих способностей, когда Джейсон выпрямился на стуле и неожиданно предложил:

– Ладно, ну что, сыграем в игру, в которую вам так не терпелось выиграть?

Она кивнула, и он забрал колоду из ее рук.

– Если вы не возражаете, то сдаю я, – шутливо сказал он и выиграл три сдачи подряд, прежде чем Виктория заметила, как ловко он вытащил нужную ему карту из уже разыгранной кучки карт.

– Вы бессовестный тип! – возмущенно сказала она. – Настоящий шулер! Я видела, что вы сейчас сделали, – вы сжульничали в этой партии.

– Ошибаетесь! – ухмыльнулся Джейсон, поднимаясь из-за стола и глядя на нее тем самым взглядом пантеры, который ей уже довелось наблюдать. – Я жульничал *все три* сдачи. – Не мешкая, он наклонился и поцеловал ее в макушку, затем потрепал ее длинные волосы и вышел из библиотеки.

Виктория была так ошарашена, что даже не заметила, как озарилось радостью лицо Чарльза, смотревшего вслед Джейсону.

Глава 11

А двумя днями позже в «Газетт» и «Таймс» можно было прочесть, что леди Виктория Ситон, графиня Лэнгстон, о помолвке которой с Джейсоном Филдингом, маркизом Уэйкфилдом, сообщалось ранее, будет официально представлена обществу на балу, который через две недели устраивает герцог Атертон.

Не успел высший свет Лондона переварить эту волнующую новость, как стал свидетелем необычайно бурного оживления у подъезда вместительного дома маркиза Уэйкфилда на Аппер-Брук-стрит, номер шесть.

Сначала прибыли два экипажа, в которых, помимо рядовых слуг, находились дворецкий Нортроп, старший лакей О'Мэлли и шеф-повар миссис Крэддок. Затем появился большой фургон, в котором восседали домоправитель, несколько горничных, три подсобных работника для кухни, четыре лакея и лежала гора чемоданов.

Вскоре после этого прибыл еще один экипаж, в котором ехала мисс Флосси Уильсон, незамужняя тетя герцога, дородная пожилая леди с розовым лицом херувима, обрамленным светлыми локонами.

На ее голове красовалась прелестная темно-красная шляпка, больше подходившая для молоденьких леди и делавшая мисс Флосси очень похожей на пожилую куклу. Мисс Уильсон, занимавшая заметное место в высшем обществе, выбралась из экипажа, весело помахала рукой двум проходившим мимо знакомым и поспешила вверх по ступенькам особняка.

Все это оживление было должным образом отмечено элегантными леди и джентльменами, лениво прохаживавшимися по Аппер-Брук-стрит в своих роскошных нарядах. Но что творилось на следующий день, когда прохожие имели возможность лицезреть блестящую глянцем красную карету, запряженную четырьмя породистыми серыми рысаками, которая с шиком остановилась у дома номер шесть!

Из вместительного экипажа появился сам Чарльз Филдинг, герцог Атертон, за которым следовала молодая леди, по-видимому, та самая невеста Джейсона Филдинга. Леди грациозно сошла по ступенькам подножки, взяла герцога под руку и задержалась, пораженно устремив взор на огромный пятиэтажный особняк с широкими стрельчатыми окнами.

– Бог мой, это она! – воскликнул молодой лорд Уилтшир со своего наблюдательного пункта на другой стороне улицы. – Графиня Лэнгстон! –

добавил он, подтолкнув локтем своего товарища.

– Откуда это тебе известно? – спросил лорд Кроули, разглаживая несуществующую складку после осязательного толчка товарища.

– Это ясно и дураку – ты только взгляни на нее, вот это красавица! Несравненная!

– Но ты не видишь ее лица.

– А этого и не требуется. Если бы она не была красавицей, ей бы в жизни не удалось окрутить Уэйкфилда. Разве ты видел его хоть раз с женщиной, которая бы не была сногсшибательной красавицей?

– Нет. – Вставив в глаз монокль, лорд Кроули посмотрел через него и пораженно свистнул. – Она рыжая! Даже не думал, что мне когда-нибудь доведется увидеть такой оттенок.

– Не рыжая, скорее, золотоволосая.

– Нет, это красновато-коричневый цвет. – И после дополнительного размышления лорд Кроули заявил: – Красновато-коричневый цвет очарователен, я всегда предпочитал его.

– Чепуха! Ты никогда не охотился за женщинами с такими волосами.

– А теперь буду, – пообещал Кроули, ухмыляясь. Вынув из глаза монокль, он бросил на приятеля самодовольный взгляд. – Моя тетя Мерслей знакома с Атертоном – она непременно получит приглашение на первый бал графини Лэнгстон. Надо будет поволочиться за графиней и...

Он замешкался, увидев, как молодая леди обернулась к карете и что-то крикнула. В тот же миг огромный серебристо-серый зверь выпрыгнул из экипажа и оказался у ее ног, после чего все трио проследовало в особняк.

– Пусть я ослепну, если это не волк! – в ужасе выдохнул лорд Кроули.

– Вот это шик! – подытожил его приятель, когда к нему вернулся голос. – В жизни не слыхивал, чтобы женщины держали волка в качестве любимого домашнего животного. Ну и штучка эта графиня! Точнее – оригинальная дама. – И, испытывая острое желание поскорее сообщить друзьям, что они первыми увидели таинственную леди Викторию Ситон, приятели расстались и поспешили в свои клубы.

К следующему вечеру, когда Джейсон приехал в Лондон и впервые за много месяцев отправился в клуб «Уайт» в намерении скоротать время за картами до момента, когда нужно будет отправляться в театр, в свете уже было хорошо известно, что его невеста – удивительная красавица и к тому же законодательница мод. В итоге в клубе Джейсона постоянно теребили знакомые, мешавшие его игре и делавшие ему комплименты в связи с его прекрасным вкусом и удачным выбором, а также поздравлявшие его и желавшие супружеского счастья. После того как он в течение двух часов

подряд терпел этот фарс, Джейсону пришло в голову, что, несмотря на обещание, данное Чарльзу, вряд ли было разумно заставлять общество верить, что они действительно помолвлены с Викторией. Ведь ни один из подходящих для брака холостяков, поздравлявших его, не осмелится пойти на риск и начать ухаживать за его невестой. Поэтому он решил несколько напустить туману.

– Дело между нами еще не решено, – бормотал он или говорил так: – Леди Ситон не вполне уверена в своем отношении ко мне – она пока недостаточно хорошо меня знает.

Джейсон говорил это в силу сложившихся правил игры, но ему был ужасно противен весь этот фарс и он был страшно зол, что вынужден играть роль жениха, чья невеста вот-вот собирается его бросить.

К десяти часам, когда его экипаж остановился у элегантного дома на Уильямс-стрит, который он предоставил в распоряжение своей любовницы, Джейсон был в скверном настроении. Он поднялся на крыльцо и нетерпеливо постучал в дверь.

Горничная, открывшая ее, испуганно посмотрела на его суровое лицо.

– Мисс Сибил ве-велела мне сообщить вам, что... больше не хочет вас видеть.

– Ах вот как, – бархатным голосом сказал Джейсон. – Это правда?

Маленькая горничная, прекрасно знавшая, что жалованье ей платит этот высокий человек могучего телосложения, кивнула, глотнула воздух и извиняющимся тоном добавила:

– Да, милорд. По-понимаете ли, мисс Сибил прочитала о бале, который дает ваша невеста, и о том, что вы будете на балу, и слегла. Она и сейчас в постели.

– Отлично! – резко сказал он. Не будучи в настроении терпеть выходки Сибил в этот вечер, он прошел мимо горничной, пробежал вверх по лестнице и с шумом распахнул дверь спальни.

Его взгляд остановился на ошеломительно красивой женщине, лежавшей на куче атласных подушек.

– У тебя приступ меланхолии, моя радость? – холодно осведомился он, прислонившись плечом к закрытой двери.

Зеленые глаза Сибил метнули в него молнии, но она не соблаговолила ответить.

Джейсон, и так бывший в дурном расположении духа, был готов взорваться.

– Вылезай из кровати и одевайся, – приказал он угрожающе тихим голосом. – Мы идем в театр, о чем я уведомлял тебя в записке.

– Я никуда не пойду с тобой! Никогда!

Джейсон спокойно начал расстегивать пиджак.

– В таком случае подвинься. Мы проведем вечер в постели.

– Ты – похотливая скотина! – взорвалась темпераментная красотка, выпрыгивая, когда он подошел ближе, из постели в облаке бледно-розового шифона. – Как ты смеешь? Как ты можешь подходить ко мне после той статьи в «Таймс»? Убирайся из моего дома!

Джейсон бесстрастно смотрел на нее.

– Должен ли я напоминать тебе, что это мой дом? Он принадлежит мне.

– Тогда я уйду! – выпалила она. Несмотря на вызывающее поведение, ее подбородок задрожал, и, закрыв лицо руками, она залилась слезами. – Джейсон, как ты мог? – плакала она, и ее тело сотрясало от рыданий. – Ты говорил, что твоя помолвка – фикция, и я поверила тебе! Я... я никогда не прощу тебе этого. Никогда...

Гнев Джейсона уступил место удивленному сожалению.

– Может быть, вот эта вещица поможет тебе простить меня? – спокойно спросил он. И, сунув руку в карман, Джейсон достал маленькую бархатную шкатулку, открыл и протянул ей.

Сибил посмотрела и ахнула, когда увидела усыпанный бриллиантами браслет на ложе из черного бархата. Она вынула его из шкатулки и прижала к щеке. Подняв сияющие глаза на Джейсона, она сказала:

– Джейсон, если я получу и ожерелье из этого гарнитура, я прощу тебе что угодно!

Джейсон, собиравшийся было уверить ее, что не намерен жениться на Виктории, откинул назад голову и расхохотался.

– Сибил, – ухмыльнулся он, покачивая головой, как если бы смеялся скорее над собой, чем над ней, – думаю, что это твое самое ценное свойство.

– О чем ты? – спросила она, забыв о браслете и вглядываясь в сардоническое выражение его лица.

– О твоей откровенной, бессовестной алчности, – сказал он без тени злости. – Все женщины алчны, но ты хотя бы честно и открыто признаешься в этом. А теперь подойди сюда и покажи мне, как ты довольна своей новой безделушкой.

Сибил послушно прильнула к нему, но и когда он целовал ее, в ее глазах сохранялось выражение тревоги.

– Ты не очень-то высокого мнения о женщинах, Джейсон? В душе ведь ты презираешь не только меня – а всех нас, верно?

– Я полагаю, – уклончиво пробормотал он, развязывая шелковые ленты у нее на груди, – что женщины особенно хороши в постели.

– А когда они не в постели? Каковы тогда?

Он проигнорировал вопрос и снял с нее пеньюар, привычно поглаживая соски ее груди. Яростно впившись в ее губы, он поднял Сибил на руки и понес в постель. Сибил совершенно забыла о том, что он так и не ответил на ее вопрос.

Глава 12

Виктория сидела на софе в своей спальне, окруженная штабелями недавно присланных от мадам Дюмосс коробок с новыми нарядами: поразительно разнообразной коллекцией повседневной одежды, одежды для верховой езды, бальных платьев, шляпок, шалей, длинных французских перчаток до локтя и туфелек, которые заполняли все свободное пространство в комнате.

– Миледи! – взволнованно ахнула Рут, разворачивая царственно голубой шелковый плащ с широким капюшоном, отороченный мехом горноста. – Видели ли вы что-нибудь более прекрасное?

Виктория оторвалась от письма Дороти, которое увлеченно читала.

– Прелестно, – без воодушевления согласилась она. – Сколько, выходит, всего плащей?

– Одиннадцать, – ответила Рут, поглаживая мягкий белый мех. – Хотя нет, двенадцать. Я забыла о желтом бархатном с соболиной опушкой. Или тринадцать? Сейчас, минутку – четыре бархатных, пять шелковых, два с меховой подкладкой и три шерстяных. Всего – четырнадцать!

– Трудно поверить, что я еще недавно прекрасно обходилась всего двумя, – усмехнувшись, вздохнула Виктория. – А когда я вернусь на родину, мне вполне хватит трех-четырех. Напрасно лорд Филдинг бросает на ветер такие деньги, покупая одежду, которую я буду носить всего каких-нибудь несколько недель. В Портидж, штат Нью-Йорк, женщины не носят таких пышных нарядов, – отметила она, возвращаясь к письму от Дороти.

– Когда вернетесь на родину? – тревожно переспросила Рут. – О чем вы говорите? Простите, миледи, что я задаю вам такой вопрос.

Виктория уже не слушала: она вновь перечитывала письмо, полученное утром.

«Дражайшая Тори!

Получила твое письмо и с волнением узнала, что ты едешь в Лондон, где надеялась сразу же повидать тебя. Я сказала бабушке, что собираюсь это сделать, но вместо того, чтобы остаться в Лондоне, мы уже на следующий день уехали в загородный дом бабушки, расположенный примерно в часе езды от места, именуемого Уэйкфилд-Парк. Теперь получилось, что я – за городом, а ты – в городе. Тори, у меня складывается впечатление, что бабушка не хочет, чтобы мы встречались, и это меня очень

печалит и злит. Нам следует найти способ для встреч, но тут я полагаюсь на тебя, потому что ты гораздо лучше умеешь придумывать подобные вещи.

Возможно, намерения бабушки – просто мои фантазии, я ни в чем не уверена. Она сурова, но со мной обращается не жестоко. Она желает, чтобы я сделала, как она говорит, «блестящую партию», и с этой целью держит на примете джентльмена по фамилии Уинстон. У меня дюжина великолепных новых платьев разного цвета, хотя я не могу появиться в них до тех пор, пока не сделаю первого официального выхода в свет, что мне представляется весьма странной традицией. И потом, бабушка говорит, что я не могу выйти в свет до тех пор, пока ты не будешь обручена с кем-нибудь, – это еще одна традиция. Насколько все было проще на родине, согласна?

Я тысячу раз объясняла бабушке, что ты, по существу, помолвлена с Эндрю Бэйнбриджем и что я желаю всерьез заняться музыкой, но она как будто не слышит.

Она никогда не упоминает твоего имени, но я-то постоянно напоминаю ей о тебе, потому что полна решимости растопить ее сердце и добиться того, чтобы она предложила тебе жить с нами. Она не запрещает мне говорить о тебе, просто при этом отмалчивается и делает вид, что тебя не существует. Она слушает меня с таким выражением лица, которое можно лучше всего охарактеризовать как *отсутствующее*, и при этом ничего не говорит.

Фактически я уже до смерти наскучила ей разговорами о своей дорогой сестричке, хотя делаю это аккуратно, как и обещала тебе. Поначалу я просто упоминала твое имя, вставляя его, когда только возможно, в разговор. Например, когда бабушка заметила, что у меня прелестное лицо, я сказала ей, что ты гораздо красивее; когда она отметила мое умение хорошо играть на пианино, я ей сказала, что ты талантливее; когда она оценила мои манеры как приемлемые, я ответила, что твои особенно хороши.

Когда все это не помогло ей понять, как мы близки и как мне тебя не хватает, мне пришлось прибегнуть к более решительным шагам, поэтому я принесла в гостиную твой портрет, который обожаю, и поставила его там на каминную полку. Бабушка промолчала, но на следующий день она послала меня осмотреть Лондон, а когда я возвратилась, портрет снова оказался в моей комнате.

Через несколько дней она ожидала визита гостей, поэтому я проникла в ее любимый домашний салон и устроила там отменную выставку твоих этюдов с изображением окрестностей Портиджа – тех, которые ты дала мне

в память о родине. Когда женщины увидели их, то в один голос стали прославлять твой талант, но бабушка опять промолчала. На следующий день она отправила меня в поездку по Йоркширу, а когда через два дня я вернулась, этюды оказались в стенном шкафу в моей комнате. Сегодня вечером она опять принимала гостей и попросила меня сыграть на пианино для ее друзей. Я поиграла, но при этом напевала песню, которую мы с тобой сочинили вместе в детские годы и назвали «Сестры навечно», – помнишь? Судя по отсутствующему выражению на лице бабушки, она очень рассердилась на меня. Когда ее друзья уехали, она сообщила, что приняла решение отправить меня на целую неделю в Девоншир.

Если я снова вызову ее недовольство, она, наверное, отошлет меня на целый месяц в Брюссель или куда-нибудь еще. И все-таки я буду упорствовать. Ну ладно, хватит об этом.

Как поразила тебя, должно быть, заметка в газете, в которой было объявлено о твоей помолвке с лордом Филдингом! И как расстроится Эндрю, если узнает об этом. Однако, поскольку теперь это недоразумение разрешилось и не повлекло за собой никаких неприятных последствий, ты, должно быть, наслаждаешься новыми нарядами и уже пришла в себя после того случая, когда тебе не дали возможности соблюсти необходимый срок траура по маме и папе. А я ношу черные перчатки, что, по словам бабушки, принято в Англии при соблюдении траура, хотя некоторые носят полгода черное и следующие полгода – серое.

Бабушка не терпит пренебрежения к традициям, поэтому, даже если бы она поверила мне, что ты уже помолвлена с Эндрю, как это и есть на самом деле, мне все равно не позволили бы совершить первый выход в свет до следующей весны. Она говорит, что должен пройти ровно год после кончины близкого родственника, прежде чем дозволяется бывать на светских раутах, не считая нешумных неофициальных встреч. Меня это отнюдь не волнует, поскольку перспектива присутствия на балах и всего связанного с этим представляется мне страшноватой. Ты должна написать, действительно ли это так страшно.

Бабушка время от времени будет выезжать в Лондон, так как очень любит театр, и обещала иногда брать меня с собой. Как только я узнаю, когда это произойдет, пошлю тебе весточку, и мы придумаем, как нам встретиться.

А теперь мне пора идти, бабушка взяла репетитора, чтобы научить меня, как следует вести себя в свете, к тому моменту, когда у меня будет возможность появиться в обществе. Предстоит изучить так много вещей, что у меня голова идет кругом...»

Виктория положила письмо в ящик, взглянула на часы, стоявшие на полке, и вздохнула. Она очень хорошо знала, что имела в виду Дороти, когда сообщала о репетиторе, потому что мисс Флосси Уильсон уже почти две недели вбивала ей в голову правила поведения в свете, и в эту минуту она как раз должна была идти на очередное занятие.

– А вот и вы! – засияла мисс Флосси, когда Виктория вошла в салон. – Сегодня, пожалуй, нам следует заняться формой должного обращения к лицам, имеющим титулы пэров. Нельзя, чтобы вы допустили оплошность на своем первом балу.

подавив острое желание подобрать подол юбки и удрать из дома куда глаза глядят, Виктория Ситон мужественно села рядом с Чарльзом, напротив мисс Флосси. Уже целых две недели мисс Флосси таскала ее от портнихи к модистке и мастеру по пошиву пальто в промежутках между казавшимися бесконечными занятиями по этикету, танцам и французскому языку. На этих занятиях мисс Флосси слушала дикцию Виктории, наблюдала ее манеры и оценивала ее достоинства и способность вести беседу, постоянно одобрительно кивая кудрявой головой и теребя пальцами подол платья, чем напоминала Виктории маленькую суетливую птичку.

– Итак, – щебетала мисс Флосси, – начнем с герцогов. Как я говорила вчера, герцог – высший, не считая короля, титул в иерархии британских пэров. По рождению герцоги являются принцами, но хотя может показаться, что принц стоит выше на иерархической лестнице, следует помнить, что сыновья короля рождаются принцами, но получают титул герцога. Наш дорогой Чарльз, – победоносно закончила она, – герцог!

– Да, – согласилась Виктория, заговорщически улыбнувшись дяде Чарльзу.

– За герцогом следует маркиз. Маркиз – наследник герцога. Вот почему наш дорогой Джейсон именуется маркизом! Затем идут граф, виконт и, наконец, барон. Хотите, я изложу все это на бумаге, дорогая?

– Нет, – поспешно заверила Виктория, – я запомнила.

– Вы такое умное дитя, – одобрительно сказала мисс Флосси. – Перейдем к форме обращения. Когда вы обращаетесь к герцогу, нужно называть его «ваша светлость»; *никогда*, – предупредила она зловещим тоном, – не обращайтесь к нему «милорд». К герцогине тоже обращаются «ваша светлость». Однако всех других пэров можно называть «милордами», а их жен – «миледи», это правильно. Когда вы станете герцогиней, вас тоже будут именовать «ваша светлость», – восторженно закончила она. – Как это восхитительно!

– Да, – не разделяя ее восторга, промямлила Виктория. Дядя Чарльз уже объяснил ей, почему обществу нужно думать, что ее помолвка с Джейсоном реальна, и, поскольку Флосси Уильсон – такая болтушка, он решил, что ее не следует посвящать в детали этой помолвки.

– Я получила разрешение от патронесс Альмака, чтобы вы на своем первом балу танцевали вальс, моя дорогая. Но хватит об этом. А теперь не просмотреть ли нам один из разделов в «Книге пэров» Дебре?

Но от этой скучищи девушку спас Нортроп, который вошел в салон, прокашлялся и объявил о прибытии графини Коллингвуд.

– Проводи ее сюда, Нортроп, – живо отозвался Чарльз.

Кэролайн Коллингвуд вошла в салон, заметила открытые фолианты по вопросам этикета и том «Книги пэров» Дебре и бросила на Викторию заговорщический взгляд.

– Я рассчитывала, что ты сможешь составить мне компанию и мы прокатимся по парку, – сказала она Виктории.

– Я была бы счастлива! – воскликнула девушка. – Вы не будете возражать, мисс Флосси? Дядя Чарльз? – Оба не возражали, и Виктория бросилась наверх – привести в порядок прическу и прихватить шляпку.

Пока ее не было, Кэролайн вежливо заговорила со старшими:

– Представляю, с каким нетерпением вы ожидаете завтрашнего вечера.

– О да, еще бы! – подтвердила мисс Флосси, энергично кивая, отчего светлые кудряшки на ее голове заколыхались, как колокольчики. – Виктория восхитительная юная леди, да вы и сами уже знаете это. У нее такие прекрасные манеры, она держится так непринужденно, так легко ведет беседу. А какие глаза! Какая прелестная фигура! У меня нет ни малейших сомнений в том, что ее ждет большой успех. Однако как бы я хотела, чтобы она, ко всему прочему, была еще и блондинкой...

Мисс Флосси вздохнула и огорченно мотнула головой, совершенно не замечая длинных распущенных, цвета красного дерева волос леди Коллингвуд.

– Понимаете, блондинки приводят всех в неистовый восторг. – Ее птичьи глазки уставились на Чарльза. – Ты помнишь лорда Хориби в молодости? Я считала, что он самый красивый мужчина на свете. У него были рыжие волосы и отменные манеры. А его брат отличался таким низеньким росточком...

И так она продолжала без умолку говорить, перескакивая с темы на тему, как птичка с ветки на ветку.

Виктория оглядела парк и откинулась на спинку сиденья в открытом

экипаже, блаженно закрыв глаза.

– Как покойно здесь, – сказала она, обращаясь к Кэролайн, – и как любезно с твоей стороны столько вечеров брать меня с собой на прогулки по парку.

– А что ты изучала, когда я приехала за тобой?

– Правила этикета при обращении к пэрам и их женам.

– И ты разобралась?

– Естественно, – отвечала девушка, подавив желание засмеяться, что выглядело бы неуважительно по отношению к подруге. – Все, что нужно знать, – это то, что я должна называть всех мужчин «милордами», как будто обращаюсь к Богу^[4], а их жен – «миледи», как будто я их служанка.

На смех Кэролайн Виктория ответила не менее заразительным смешком.

– Для меня самым трудным оказалось вести беседу на французском языке, – призналась она. – Мать учила нас с Дороти читать по-французски, и я неплохо умею это делать, но с трудом подбираю слова, когда пытаюсь говорить на этом языке.

Кэролайн, свободно изъяснявшаяся на французском, решила дать ей совет:

– Иногда лучше всего изучать язык, выбирая нужные фразы, а не отдельные слова; тогда не приходится тратить энергию на их соединение, а остальное может прийти позднее. Например, как ты попросишь у меня письменные принадлежности по-французски?

– Mon pot d'encre veut vous emprunter votre stylo? – рискнула девушка.

Губы Кэролайн задрожали от сдерживаемого смеха.

– Знаешь, как переводится то, что ты сказала? «Моя чернильница желает одолжить твою ручку».

– Зато по смыслу можно догадаться, – заметила Виктория, и обе залились хохотом.

Пассажиры проезжавших мимо экипажей оборачивались, услышав веселый звонкий смех, и снова не прошло незамеченным, что столь импозантная графиня Коллингвуд проявляет *особый* интерес к леди Виктории Ситон – факт, немало способствовавший росту престижа Виктории в высшем обществе, с которым ей еще только предстояло познакомиться.

Виктория потянулась к Волку, который регулярно сопровождал их во время прогулок, и погладила по голове.

– Просто поразительно, как легко мне давались математика и химия, которым меня обучал отец, и как непросто дело обстоит с французским.

Возможно, причина в том, что изучение его кажется таким бессмысленным.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что скоро приедет Эндрю и заберет меня на родину.

– Мне будет тебя не хватать, – задумчиво сказала Кэролайн. – Обычно для того, чтобы так близко подружиться, как мы с тобой, требуются годы и годы. А когда, ты думаешь, твой Эндрю за тобой приедет?

– Я написала ему сразу же после гибели родителей, – ответила девушка, рассеянно убирая прядку волос под свою лимонно-желтую шляпку. – Письмо должно было дойти до него приблизительно через шесть недель, еще около шести недель ему понадобилось, чтобы вернуться домой. Поездка из Америки в Англию должна занять еще от четырех до шести недель. Всего получается где-то от шестнадцати до восемнадцати недель. Завтра исполняется ровно восемнадцать недель с тех пор, как я отправила ему письмо.

– Ты полагаешь, что он получил его в Швейцарии, но не забудь, что в Европе почта не всегда надежна. Кроме того, предположим, что он уже отправился во Францию; куда он должен был ехать после этого?

– Я передала миссис Бэйнбридж – матери Эндрю – второе письмо для отправки во Францию на этот самый случай, – вздохнула девушка. – Если бы я знала тогда, что окажусь в Англии, ему было бы проще остаться здесь, в Европе. К сожалению, я этого не знала, и поэтому в моих первых письмах говорилось лишь о гибели родителей. Я уверена, что как только он получил их, тотчас отправился в Америку.

– Тогда почему же он не вернулся домой до того, как ты уехала в Англию?

– Вероятно, для этого было маловато времени. Думаю, он приехал через одну-две недели после моего отъезда.

Кэролайн искоса бросила на подругу многозначительный, полный сомнений взгляд.

– Виктория, а герцог Атертон знает, что ты ждешь, когда Эндрю приедет за тобой?

– Да, но он не верит. И именно поэтому он полон решимости вывести меня в свет в этом сезоне.

– Но не кажется ли тебе странной идея, чтобы вы с лордом Филдингом притворялись обрученными? Я не хочу, чтобы ты сочла меня излишне любопытной, – быстро извинилась Кэролайн. – Если ты не хочешь обсуждать этот вопрос, я пойму.

Виктория энергично покачала головой.

– Я мечтала поговорить с тобой об этом, но не хотела пользоваться

нашей дружбой и обременять тебя моими проблемами.

– Это я взвалила на тебя свои заботы, – сказала Кэролайн. – И друга стоит иметь хотя бы для того, чтобы выговориться. Ты не можешь себе представить, как я дорожу дружбой с таким человеком, как ты. Я уверена, с тобой можно говорить обо всем, – ни ты, ни я не проговоримся никому о том, что доверяем друг другу.

Виктория улыбнулась:

– В таком случае... Дядя Чарльз говорит, что разрыв помолвки следует скрывать хотя бы для того, чтобы избежать различных затруднительных ситуаций и осложнений. Будучи обрученной, по его словам, я смогу спокойно наслаждаться пребыванием в высшем обществе и мне несколько не станут докучать искатели моей руки и само общество – с предложениями составить хорошую партию.

– В каком-то смысле он прав, – несколько озадаченно заметила Кэролайн, – но у него будет немало забот, когда все-таки придется отбиваться от джентльменов, желающих сделать тебе предложение.

Виктория задумчиво смотрела на аккуратные клумбы с цветущими нарциссами вдоль дорожки.

– Я знаю и думала об этом. Дядя Чарльз любит меня, и подчас мне кажется, что он все еще питает надежду: если Эндрю не приедет за мной, то мы поженимся с лордом Филдингом.

От озабоченности серые глаза Кэролайн затуманились.

– Ты считаешь, что это возможно?

– Конечно, нет, – абсолютно серьезно ответила девушка.

Со вздохом облегчения Кэролайн откинулась на спинку сиденья.

– Слава богу! Я бы ужасно волновалась за тебя, если бы ты вышла за лорда Филдинга.

– Почему? – с любопытством спросила Виктория.

– Лучше бы мне было промолчать, – огорченно пробормотала Кэролайн, – но раз уж так вышло, наверное, я должна рассказать. Если твой Эндрю не приедет, тебе следует знать, что собой на самом деле представляет лорд Филдинг. В некоторых салонах, где его принимают, хотя и безо всякой охоты...

– Отчего же так?

– Начать с того, что четыре года назад произошел скандал. Не знаю подробностей, поскольку была тогда слишком юна, чтобы вникать в подобные сплетни. На прошлой неделе я попросила мужа рассказать мне об этом, но он дружит с лордом Филдингом и потому рассказывать не хочет. Он сказал, что все это чепуха, раздутая до безобразия злопамятной

женщиной, и запретил мне расспрашивать еще кого-либо, ибо это может снова пробудить в обществе интерес к этой теме.

– Мисс Флосси говорит, что общество всегда полнится разного рода слухами и что по большей части они являются чистой воды вздором, – отметила Виктория. – Но что бы там ни было, я наверняка узнаю все в ближайшие недели.

– Ты ничего не узнаешь, – предсказала Кэролайн. – Во-первых, ты молодая незамужняя дама, и потому никто тебе не расскажет ничего даже отчасти скандального, из опасения задеть твои чувства или даже довести до обморока. Во-вторых, обычно люди злословят о других, но очень редко рассказывают сплетни их героям. Вся суть сплетен как раз и состоит в том, что их разносят за спинами тех, кого они непосредственно касаются.

– И кому они наносят наибольший ущерб, – согласилась Виктория. – Знаешь, в Портидже, штат Нью-Йорк, тоже сплетничают, и сплетни там тоже самые что ни на есть абсурдные.

– Возможно, но есть еще кое-что, о чем я хочу предупредить тебя, – продолжала Кэролайн с виноватым видом, но полная решимости защитить подругу. – Благодаря положению и богатству лорда Филдинга все еще считают идеальным женихом, и есть множество женщин, которые находят его внешность исключительно привлекательной. Поэтому они охотятся за ним. И были случаи, когда он вел себя просто грубо! Виктория, – заключила она с явным осуждением, – лорд Филдинг – не джентльмен.

Она ждала какой-нибудь реакции от подруги, но когда Виктория всего лишь посмотрела на нее так, словно этот изъян натуры лорда Филдинга не более важен, чем помятое кашне, Кэролайн вздохнула и продолжила:

– Мужчины побаиваются его, как и многие леди, не только потому, что он очень холоден и высокомерен, но и потому, что наслышаны о его дуэлях в Индии. Говорят, он дрался десятки раз и убивал своих противников с холодным сердцем, без каких-либо эмоций или сожалений; говорят, что он может вызвать на дуэль даже за пустяковую обиду...

– Я не верю этому, – возразила Виктория, бессознательно проявляя лояльность по отношению к Джейсону.

– Может, ты и не веришь, но другие верят, и люди боятся его.

– Значит, его сторонятся?

– Как раз напротив. Они просто угождают ему. Никто не осмеливается с ним пререкаться.

Виктория недоверчиво посмотрела на подругу.

– Но, конечно, все, кто коротко знаком с ним, не боятся его?

– Да, это так. Роберт очень любит его и смеется, когда я говорю, что в

лорде Филдинге есть что-то зловещее. Однако я как-то услышала, что мать Роберта характеризовала друзьям лорда Филдинга как порочного человека, который использует женщин, а потом бросает их.

– Этого не может быть. Ты сама сказала, что женщины за ним охотятся...

– Фактически во всей Англии ни за кем не охотятся больше, чем за ним.

– Ну вот видишь! Если бы его считали таким опасным, как ты говоришь, то ни одна молодая леди и ни одна мамаша ни за что не стала бы думать о нем как о подходящем женихе.

Кэролайн бестактно фыркнула:

– Ради герцогства и огромного богатства всегда найдутся желающие выйти даже за Синюю Бороду!

Когда Виктория на это лишь усмехнулась, Кэролайн смутилась.

– Виктория, не кажется ли он тебе странным и мрачным?

Виктория погрузилась в размышления на этот счет, а кучер тем временем развернул экипаж обратно к дому Джейсона. Она вспомнила недовольство лорда Филдинга, когда только появилась в Уэйкфилде, и его страшный гнев, когда он застал ее ныряющей под мостом в реке. И еще: как легко он обжулил ее в карточной игре, успокаивал в тот вечер, когда она плакала, и хохотал, глядя на ее попытки подоить корову. Она не забыла также и то, как он прижал ее к себе и целовал долго и нежно, но это воспоминание она постаралась немедленно выбросить из головы.

– Лорд Филдинг раздражителен, – медленно начала она, – но я заметила, что он незлопамятен и готов забыть прошлые обиды. В этом отношении я похожа на него, хотя, конечно, не выхожу так быстро из себя, как он. И потом, ведь он не вызвал меня на дуэль, когда я угрожала застрелить его, – добавила она с юмором, – так что не могу поверить, что он так уж жаждет дуэлей. Если бы ты спросила мое мнение о нем, – заключила она, – то я, вероятно, сказала бы, что он исключительно щедрый человек, возможно, даже мягкий...

– Да ты шутишь!

Виктория покачала головой, пытаясь объяснить свою мысль:

– Я смотрю на него не так, как ты. Я пытаюсь смотреть на людей так, как учил меня отец.

– Неужели он учил тебя закрывать глаза на их недостатки?

– Отнюдь. Но он был врачом и искал причинную связь, а не симптомы. Поэтому когда я вижу в человеке что-то необычное, то задаюсь вопросом, почему он такой, и всегда обнаруживается причина. Например, замечала ли

ты, что когда люди плохо себя чувствуют, то становятся раздражительными?

Кэролайн тут же согласилась:

– Мои братья злились как черти, когда чувствовали хоть малейшее недомогание.

– Вот именно: ведь твои братья не скверные люди, но, когда им плохо, они теряют самообладание.

– Так ты, значит, считаешь, что лорд Филдинг болен?

– Думаю, он не очень-то счастлив, а это то же самое, что чувствовать себя плохо. Кроме того, отец учил меня придавать большее значение тому, что люди делают, нежели тому, что они говорят. Если характеризовать лорда с этой точки зрения, то он очень по-доброму ко мне относится. Он дал мне приют и купил столько прекрасной одежды, сколько я не смогла бы переносить за всю жизнь, и даже позволил мне взять в дом Волка.

– Должно быть, ты отличаешься каким-то высшим пониманием людей, – тихо промолвила Кэролайн.

– Да нет же, – задумчиво возразила девушка. – Я теряю самообладание и обижаюсь так же легко, как все. И лишь потом я вспоминаю, что следует постараться понять, почему человек отнесся ко мне так или эдак.

– И ты не боишься лорда Филдинга даже тогда, когда он рассержен?

– Немного, – призналась Виктория. – Но я не видела его со дня приезда в Лондон, так что, возможно, храбрюсь только потому, что мы не рядом.

– Нет, вы совсем рядом, – заметила Кэролайн, многозначительно кивнув головой на элегантную, покрытую черным лаком карету с золоченым гербом на дверце, ожидавшую у дома номер шесть на Аппер-Брук-стрит. – На этой черной карете – герб лорда Филдинга, – пояснила она Виктории. – А вторая карета, позади нее, – наша. Это означает, что муж рано закончил свои дела и сам решил забрать меня.

Сердце у Виктории почему-то екнуло; видимо, от чувства вины за то, что решила обсуждать с подругой характер Джейсона.

Оба джентльмена находились в гостиной, где вежливо слушали мисс Флосси, которая произносила длинный, бессвязный монолог об успехах Виктории, достигнутых за последние две недели, иногда прерываемый экзальтированными ремарками о ее собственном дебюте в обществе почти за пятьдесят лет до того. Виктории было достаточно одного взгляда на напряженное лицо Джейсона, чтобы понять, что он уже готов задушить многословную и восторженную матрону.

– Виктория! – воскликнула мисс Флосси, просияв и захлопав в

ладоши. – Наконец-то! А я как раз говорила джентльменам о вашем музыкальном таланте, и они больше всего на свете жаждут послушать вашу игру на фортепьяно.

Не замечая скептического выражения лица Джейсона по поводу того, чего он «жаждет больше всего на свете», мисс Флосси бодро повела Викторию к пианино и настояла, чтобы она немедленно сыграла что-нибудь.

Виктория, вынужденная сесть за инструмент, жалобно взглянула на Джейсона, сосредоточенно снимавшего ворсинку с брюк. У него был настолько скушающий вид, что ему оставалось только зевнуть. В то же время он выглядел невероятно красивым. Ее охватила нервная дрожь, которая еще больше усилилась, когда на его губах появилась ленивая, насмешливая ухмылка.

– Я еще не встречал ни одной женщины, которая умела бы плавать, стрелять, укрощать диких зверей да к тому же играть на фортепьяно. Послушаем, как это у вас получается.

По его тону Виктория поняла: он уверен, что она играет скверно, и подумала, как бы избежать выступления.

– Мистер Вилхайм давал нам с Дороти уроки, когда отец вылечил его от легочного заболевания, но Дороти играет значительно лучше меня. Кроме того, я так давно не играла, – поспешно сказала она. – Бетховена я исполняю просто посредственно и...

Ее смутная надежда на то, что ей разрешат не позориться, рухнула, когда Джейсон вызывающе поднял бровь и многозначительно кивнул в сторону инструмента.

Виктория вздохнула и сдалась.

– Возможно, вы хотите послушать что-то конкретное?

– Бетховена, – сухо сказал он.

Виктория бросила на него последний удрученный взгляд, отчего он еще шире усмехнулся. Тогда она опустила голову и приготовилась исполнить его просьбу. Для начала она пробежалась по клавишам, затем ее пальцы застыли. Когда они вновь коснулись инструмента, комната наполнилась звуками бетховенской Сонаты фа минор, вырвавшимися со всей мощью и силой.

В зале по соседству с гостиной Нортроп перестал полировать серебряную чашу и блаженно закрыл глаза. В вестибюле О'Мэлли, ругавший подчиненного, повернул голову в сторону гостиной, и на его лице появилась широкая улыбка.

Когда Виктория закончила, все присутствующие наградили

исполнительницу громкими аплодисментами, если не считать Джейсона, вольготно расположившегося в кресле все с той же усмешкой на устах.

– Какими еще «посредственными» способностями вы можете похвастать? – поддразнил он ее, но Виктория видела в его глазах восхищение, и это доставило ей, как ни странно, невыразимое удовольствие.

Кэролайн и ее супруг вскоре после этого распрощались, пообещав быть на балу Виктории на следующий день, и мисс Флосси проводила их до крыльца. Оставшись вдвоем с Джейсоном, Виктория отчего-то почувствовала неловкость и поспешила начать разговор, чтобы скрыть это.

– Я... я удивилась, когда увидела вас здесь.

– Но не могли же вы подумать, что я пропущу ваш первый выход в свет? – поддразнил он с улыбкой, от которой у нее закружилась голова. – У меня еще сохранились какие-то остатки хороших манер. Ведь, кажется, мы должны обручиться. И что бы подумали в свете, если бы я не появился?

– Милорд... – начала было она.

– А вот и славное колечко к нашей помолвке, – заметил он усмехаясь. – Очень уважительно с вашей стороны. Вы еще никогда не называли меня так.

Виктория наградила его нарочито суровым взглядом.

– Я и сейчас не назвала бы вас так, если бы мисс Флосси не вбивала в мою голову столько дней подряд названия титулов и разнообразные формы обращения. Однако я хотела сказать другое: я не очень привычна к обману, и мысль о том, что мы должны говорить людям о состоявшейся помолвке, приводит меня в ужасное смущение. Дядя Чарльз не слушает моих возражений, но мне кажется, что это притворство отнюдь не является удачной идеей.

– Согласен, – без обиняков подтвердил Джейсон. – Причина, по которой вас выводят в свет, – представить вас возможным женихам...

Виктория еще только открыла рот, чтобы твердо заявить, что ее мужем будет Эндрю, как Джейсон жестом остановил ее и закончил свою мысль:

– Целью является представление вас возможным женихам на тот случай, если Эмброуз не поспешит вас спасти.

– Эндрю, – поправила она. – Эндрю Бэйнбридж.

Джейсон пожал плечами:

– Когда всплывет вопрос о нашей помолвке, я хочу, чтобы вы говорили то же самое, что я говорю всем.

– Что именно?

– Что вопрос окончательно не решен или что вы еще недостаточно

меня знаете, чтобы быть уверенной в своей привязанности ко мне; этим мы добьемся того, что не захлопнем дверь перед носом возможных соискателей вашей руки, и даже у Чарльза не будет оснований возражать.

– Я бы скорее предпочла говорить правду, состоящую в том, что мы не обручены.

Джейсон раздраженно пожал плечами:

– Этого нельзя делать. Если один из нас объявит об отказе от помолвки – так поспешно после вашего прибытия в Англию, – то это вызовет массу сплетен и вопросов, кто именно инициатор отказа и почему.

Виктория тут же вспомнила слова Кэролайн насчет отношения общества к Джейсону и поняла, что могут подумать, если инициатором расторжения помолвки выступит *она*. Рассмотрев вопрос с этой точки зрения, она решила: следует продолжать делать вид, что помолвка остается в силе.

Ни за что на свете она не стала бы платить Джейсону за его доброту и щедрость такой неблагодарностью: пустить слух, что она не сочла его достойным для себя мужем.

– Очень хорошо, – согласилась она. – Я буду говорить, что вопрос между нами еще окончательно не решен.

– Вот и молодец, – похвалил он. – У Чарльза уже был сердечный приступ, от которого он чуть не отправился на тот свет. Мне не хотелось бы без необходимости волновать его, а он полон решимости идеально устроить вашу жизнь.

– Но в таком случае что с ним будет, когда Эндрю заберет меня на родину? – От огорчения у нее округлились глаза. – И что подумают в обществе, когда я... я оставлю вас, предпочтя Эндрю?

В глазах Джейсона загорелись веселые искорки.

– Если это случится, то мы скажем, что вы были вынуждены уважить принятое ранее решение своего отца. В Англии принято, чтобы дочь уважала выбор, сделанный ее семьей, поэтому в свете поймут это как должно. Чарльз будет тосковать по вас, но если он убедится, что вы счастливы, это не будет для него тяжелым ударом. Однако, – добавил Джейсон, – не думаю, что это произойдет.

Чарльз говорил мне о Бэйнбридже, и я согласен с ним: вероятнее всего, этот слабохарактерный юноша находится под каблуком своей вдовствующей матушки. И поскольку вас нет, чтобы укрепить его мужество и решимость, вряд ли он наберется смелости, бросит вызов матери и приедет за вами.

– О, ради Бога... – взмолилась Виктория, пытаясь объяснить,

насколько он заблуждается в отношении характера Эндрю.

– Я еще не все сказал, – властно прервал ее Джейсон. – Мне также ясно, что ваш отец не очень-то жаждал этого брака. Ведь это он настоял, чтобы вы временно разлучились якобы для испытания чувств, хотя вы были знакомы с самого детства. И к моменту гибели отца вы не были официально обручены с Бэйнбриджем, – безжалостно закончил свою мысль Джейсон. – Поэтому если он и приедет сюда, ему придется еще получить мое одобрение на ваш брак с ним и совместное возвращение в Америку.

Виктория не знала, плакать ей или смеяться, услышав такое нахальное заявление.

– Ну и ну! – захлебываясь, заговорила она. – Вы никогда не видели его и уже составили мнение о нем. А теперь говорите, что я не смогу уехать, если он не выдержит *вашего* строгого экзамена, хотя сами чуть не вышвырнули меня из дому в день моего приезда в Уэйкфилд!

Да, все это было настолько абсурдно, что Виктория не могла удержаться от смеха.

– Знаете, вы так непредсказуемы, что я никогда не могу даже предположить, как вы поступите или что скажете. Не знаю, как мне следует себя вести, когда я общаюсь с вами.

– Вам следует делать только одно, – сказал Джейсон, еле сдерживаясь, чтобы тоже не расхохотаться, – в ближайшие несколько недель познакомьтесь с нынешним поголовьем лондонских щеголей, выберите себе подходящего и приведите ко мне на благословение. Ничего нет проще – я буду ежедневно работать здесь, в своем кабинете.

– Здесь? – удивилась девушка, подавив хихиканье, вызванное его рекомендацией по поводу выбора мужа. – А я думала, что вы собирались жить в доме дяди Чарльза.

– Там я буду ночевать, но работать буду здесь. Дом Чарльза ужасно неудобен. Мебель старая, комнаты в основном маленькие и темные. Кроме того, ничего предосудительного в моем дневном пребывании здесь никто не обнаружит, раз с вами есть компаньонка. Так что мне нет смысла насиловать себя и пытаться работать в неудобной и непривычной обстановке. Кстати о компаньонке: боюсь, Флосси заговорила вас до посинения.

– Она очень славная, – ответила девушка, снова еле сдерживая смех.

– Я еще не встречал женщины, которая так много говорит и так мало высказывает.

– У нее добрая душа.

– Это верно, – рассеянно согласился он, скосив глаза на часы. – Сегодня я иду в оперу. Когда Чарльз вернется, скажите ему, что я был здесь и поспею завтра вечером вовремя, чтобы встретить гостей.

– Очень хорошо. – И с вызывающе веселым видом девушка добавила:
– Но предупреждаю: когда придет Эндрю, мне доставит огромное наслаждение заставить вас признаться, что вы были не правы.

– Не рассчитывайте на это.

– Будет именно так. И я попрошу миссис Крэддок испечь пирог с начинкой из вороньего мяса^[5] и заставлю вас съесть его до последней крошки в моем присутствии.

Пораженный, Джейсон молча пристально вглядывался в ее обращенное к нему смеющееся лицо.

– Вы ничего не боитесь, верно?

– Вас – нет, – беспечно заявила она.

– А следовало бы. – И с этой загадочной фразой он удалился.

Глава 13

– Почти все уже приехали, – возбужденно лопотала мисс Флосси, пока Рут заканчивала колдовать над прической Виктории. – Время совершить ваш первый торжественный выход, моя дорогая.

Виктория послушно поднялась, но колени ее дрожали.

– Лучше бы я стояла в приемной вместе с дядей Чарльзом и лордом Филдингом, встречая гостей по отдельности. Это было бы гораздо легче вынести.

– Но зато это было бы отнюдь не так эффектно, – беспечно возразила мисс Флосси.

Виктория бросила последний критический взгляд на свое отражение в зеркале, взяла у Рут веер и подобрала юбки.

– Я готова, – дрожащим голосом объявила она.

Когда они проходили по лестничной площадке, Виктория на минутку остановилась, чтобы взглянуть вниз, на приемную залу, превращенную по случаю ее бала в изумительный цветник, уставленную огромными вазами с папоротниками и корзинами белых роз. Затем она набралась духу и пошла вверх по лестнице на следующий этаж, где находилась бальная зала.

Вдоль лестницы, рядом с серебряными тумбами, украшенными белыми розами, величественно застыли лакеи в парадных ливреях из зеленого бархата с золотистыми позументами. Виктория улыбалась лакеям, которых знала, и вежливо кивала остальным. Старший лакей О'Мэлли стоял на верхней площадке, и она тихонько поинтересовалась:

– Как ваш зуб? Не стесняйтесь сказать, если он будет вас снова беспокоить, – мне не составит никакого труда приготовить еще порцию отвара.

Он преданно улыбнулся ей:

– После того раза он совершенно не болит, миледи.

– Очень хорошо, но ведь вы не постесняетесь, если он заболит снова?

– Нет, миледи.

Подождав, пока она не исчезла из виду, он повернулся к другому лакею:

– Вот благородство, а?

– Леди до мозга костей, – согласился тот. – В точности такая, какой, по вашим словам, была с самого первого дня, ничуть не заважничала и не изменилась.

– Она станет для всех нас настоящим Божьим даром, – предсказал О’Мэлли, – и для хозяина тоже, как только согреет его постель. Она даст ему наследника – и он будет несказанно счастлив.

Нортроп стоял у входа в бальную залу, выпрямившись, как часовой, в постоянной готовности объявлять имена запоздавших гостей, вереницей тянувшихся мимо него. Виктория приблизилась к дворецкому, чувствуя, что у нее подкашиваются ноги.

– Дайте мне перевести дух, – умоляюще попросила она. – А потом объявите о нашем приходе. Я ужасно нервничаю.

Когда он взглядом знатока окинул молодую леди, стоящую перед ним, на его суровом лице появилась едва заметная улыбка.

– Пока вы переводите дух, миледи, позвольте мне сказать, как я наслаждался вчера, слушая в вашем исполнении бетховенскую Сонату фа минор. Это моя любимая.

Виктория была так тронута и так удивлена неожиданной сердечностью строгого служака, что чуть не забыла о шумной, веселой толпе гостей в бальной зале.

– Благодарю вас, – мягко улыбнулась она. – А какую часть сонаты вы больше всего любите?

Нортроп ответил.

– Завтра я сыграю ее для вас, – пообещала Виктория.

– Вы так любезны, миледи! – ответил он и официально поклонился. Затем он повернулся к зале и объявил: – Леди Виктория Ситон, графиня Лэнгстон, и мисс Флоренс Уильсон.

Казалось, удар молнии поразил толпу приблизительно из пятисот гостей, оборвав разговоры и заглушив смех; все разом обернулись, чтобы впервые воочию увидеть девушку из Америки, ныне носившую титул матери, но которая вскоре, когда станет супругой лорда Филдинга, будет носить более громкий титул.

Итак, пред гостями предстала богиня с золотисто-каштановыми волосами, облаченная в переливающееся сапфирово-голубое платье в греческом стиле, так гармонизировавшее с ее сияющими глазами и плотно облегавшее ее тонкую, гибкую фигурку. Бросавшие медно-золотистые отблески волосы на затылке были подобраны и ниспадали в виде густых блестящих локонов, перевитых тесьмой с сапфирами и бриллиантами. Они увидели скульптурно выточенное лицо удивительной красоты с высокими, тонко очерченными скулами, совершенный нос, полные губы и крошечную интригующую ямочку в центре подбородка.

Никто из присутствующих не поверил бы, что у царственной юной

красавицы от панического страха чуть ли не подгибаются колени.

Море безымянных лиц чуть отступило. Виктория вплыла в залу, и неожиданно из толпы появился Джейсон. Он протянул руку, и Виктория машинально ухватилась за нее, как за спасательный круг, оглядывая залу округлившимися от ужаса глазами.

Наклонившись к самому ее уху, как если бы он хотел отпустить интимный комплимент, Джейсон сказал:

– Вы напуганы до смерти, не так ли? Хотите ли, чтобы я сразу начал представлять вас сотням гостей, или предпочитаете станцевать со мной и тем самым дать им возможность тщательно рассмотреть вас?

– Ничего себе выбор... – шепнула Виктория, подавляя смех.

– Начнем, – мудро решил Джейсон и кивком головы дал знак музыкантам. Он вывел ее на середину залы и обнял за талию, когда прозвучали первые такты вальса. – Вы умеете вальсировать? – неожиданно спросил он.

– Нашли время спрашивать! – сказала она, рассмеявшись и чувствуя себя на грани нервного срыва.

– Виктория! – строго одернул ее Джейсон, не переставая улыбаться, так как взгляды всех гостей были обращены на них. – Вы же та самая молодая леди, которая хладнокровно грозила пристрелить меня из ружья. Посмейте только струсить сейчас.

– Не беспокойтесь, милорд, – ответила она, отчаянно стараясь не сбиться с такта, когда он повел ее по кругу.

«Он вальсирует, – подумала она, – с такой же элегантностью, с какой носит свой великолепный черный вечерний костюм».

Неожиданно он еще крепче обнял ее за талию, отчего она оказалась в опасной близости от партнера, и тихо предупредил:

– Когда танцуют, полагается разговаривать или заниматься безобидным флиртом, в противном случае присутствующие подумают, что мы не любим друг друга.

Виктория уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова – от волнения у нее пересохло горло.

– Ну ответьте же что-нибудь, черт подери!

То, что он чертыхнулся, не переставая заигистельно, нежно улыбаться, невольно заставило ее рассмеяться, и она временно забыла о том, что за ними наблюдают. Пытаясь завязать столь необходимую беседу, она сказала первое, что пришло на ум:

– Вы прекрасно танцуете, милорд.

Джейсон расслабился и улыбнулся:

– Именно это я должен был бы сказать вам.

– Я вижу, что у вас, англичан, есть правила на все случаи жизни, – с насмешливым восхищением отреагировала она.

– Но вы ведь тоже англичанка, графиня, – напомнил он, а затем добавил: – Мисс Флосси научила вас отлично вальсировать. А чему еще вы научились?

Слегка задетая его предположением, что раньше она не умела танцевать вальс, Виктория беспечно улыбнулась и сказала:

– Можете быть уверены, что теперь я умею все, по мнению англичан, необходимое для молодой леди знатного происхождения.

– Что же именно? – усмехнулся он.

– Помимо игры на фортепьяно, я могу немного петь, безошибочно вальсировать, красиво вышивать. Кроме того, умею читать по-французски и чрезвычайно грациозно делать книксен. Мне кажется, – заметила она с вызывающей улыбкой, – что в Англии весьма желательно, чтобы женщина была абсолютно бесполезной.

Джейсон откинул голову и расхохотался. «В ней, – подумал он, – поразительно сочетаются такие, казалось бы, несовместимые вещи, как умудренность и невинность, женственность и мужество, потрясающая красота и непревзойденный юмор. Ее фигура создана для объятий, глаза могут смутить любого, улыбка бывает то лучезарной, то чувственной, а рот такой, что просто зазывает, чтобы его поцеловали».

– Невежливо так пристально рассматривать свою пару, – заметила ему девушка, по-прежнему сосредоточенная на том, чтобы выглядеть в глазах присутствующих веселой и непринужденной.

Джейсон с трудом оторвал взгляд от ее губ.

– Простите.

– Вы сказали, что во время танца нам положено флиртовать, – поддела она. – У меня на этот счет совсем нет опыта, а у вас?

– Больше, чем нужно, – ответил он, восхищаясь цветом ее кожи.

– Отлично, тогда научите меня, как это делается.

Изумленный этим предложением, Джейсон взглянул в ее смеющиеся синие глаза, опущенные темными ресницами, и утонул в них.

Желание неожиданно вспыхнуло в нем, и руки машинально еще крепче обняли ее.

– Вам не требуется никаких репетиторов, – хрипло пробормотал он. – Вы и сами прекрасно справляетесь с этим.

– С чем?

Ее очевидная растерянность вернула Джейсону ощущение реальности,

и он перестал прижимать ее к себе с такой силой.

– Напрашиваясь на такие неприятности, которые вам и не снились.

А в это время молодой лорд Кроули поднял монокль и обзрел леди Викторию с головы до пят.

– Потрясающая красота, – сказал он приятелю. – Я же говорил тебе еще тогда, на улице. Я еще не встречал такой красавицы. Она божественна! Ангел во плоти.

– Красавица, настоящая красавица, – согласился молодой лорд Уилтшир.

– Если бы это не был Уэйкфилд, я и сам поухаживал бы за ней, – сказал Кроули. – Я бы провел надлежащую осаду, отшил всех других соискателей, а потом добился ее руки.

– Возможно, – насмешливо заметил лорд Уилтшир, – но для того чтобы преуспеть, тебе следовало бы быть лет на десять старше и раз в двадцать богаче. Хотя я слышал, что вопрос о ее свадьбе с Филдингом еще находится в подвешенном состоянии.

– В таком случае мне необходимо представиться ей сегодня же.

– И мне, – с вызывающим видом отвечивал лорд Уилтшир, и они поспешили отыскать своих матерей, чтобы провести представление молодой леди по всей форме.

Для Виктории это был вечер сплошных успехов. До этого она опасалась, что вся английская знать очень похожа на свою представительницу – леди Кирби, но оказалось, что по большей части они гораздо доброжелательнее.

По сути, некоторые из них – в особенности джентльмены – до смешного щедро расточали комплименты в ее адрес. Они толпой окружали ее, просили разрешения представиться и потанцевать с ней, затем соперничали друг с другом, чтобы она обратила на них внимание, и просили позволить им навестить ее. Виктория не принимала их ухаживаний всерьез, но отнеслась ко всем беспристрастно и по-дружески.

Время от времени она ловила на себе взгляд Джейсона и улыбалась про себя. В этот вечер он выглядел удивительно красивым в иссиня-черном вечернем костюме в тон его волосам, который резко контрастировал с его белоснежной с оборками рубашкой и сияющей белозубой улыбкой. Другие мужчины рядом с ним казались бледными и незначительными.

Похоже, так думала не одна Виктория. Пока она танцевала с другими партнерами, некоторые леди нагло флиртовали с Джейсоном, хотя знали, что он обручен. С тайным сочувствием мисс Ситон наблюдала за прелестной печальной блондинкой, не сводящей глаз с Джейсона, который

стоял, небрежно опираясь на колонну, со снисходительно-скучающим видом.

До этого вечера Виктория считала, что только к ней он относится так ужасно насмешливо, но теперь поняла, что он третирует всех женщин. Несомненно, именно это имела в виду Кэролайн, когда говорила, что Джейсон груб и ведет себя не по-джентльменски. И все равно он притягивал к себе представительниц противоположного пола так, как пламя привлекает прелестных мотыльков. «И это естественно... – философски подумала Виктория, заметив, как он аккуратно высвободил свой локоть из рук блондинки и направился к лорду Коллингвуду. – Джейсон отличается неопределимо привлекающим, магнетическим... мужским началом».

Роберт Коллингвуд взглянул на Джейсона и указал ему кивком на красавчиков, собравшихся вокруг Флосси Уильсон в ожидании возвращения Виктории после очередного танца.

– Если ты все еще намерен выдать ее за кого-нибудь другого, Джейсон, – сказал он, – то тебе не придется долго ждать. На ней просто помешались.

– Отлично, – ответил Филдинг, глянув на толпу лондонских щеголей, осаждавших девушку, и пожав плечами, словно они были не более чем назойливые мухи.

Глава 14

Предсказание Роберта относительно успеха Виктории оказалось точным. На следующий день после бала двенадцать джентльменов и семь молодых леди явились к ней с визитами, приглашая ее к себе в гости и умоляя позволить им взглянуть на Волка. Нортроп упивался своим величием, объявляя о вновь прибывших или об отбывающих и коротко давая указания лакеям, разносившим подносы с чаем.

Когда в девять вечера подали ужин, Виктория чувствовала себя настолько изнуренной, что страшно было подумать о каких-то балах и раутах, на которые ее приглашали. Накануне она легла спать на рассвете, и глаза у нее смыкались сами собой, когда она рассеянно ковыряла ложкой блюдо, поданное на десерт. Джейсон же выглядел, как всегда, свежим и бодрым, хотя весь вечер работал у себя в кабинете.

– Виктория, ваш выход в свет имел огромный успех, – сказал он, закончив диалог с Чарльзом. – Не сомневаюсь, что Кроули и Уилтшир без ума от вас. То же самое можно сказать и о лорде Мэйкписе, а он считается лучшим трофеем в этом сезоне.

Ее сонные глаза заискрились от смеха.

– Выражение, употребленное вами, напоминает мне о рыбаках, стремящихся поймать белокрылого палтуса!

Через минуту она извинилась, сказавшись усталой. Джейсон пожелал ей доброй ночи, все еще улыбаясь по поводу ее остроты. «Ее улыбка, хоть и сонная, может осветить всю комнату. За ее безыскусной умудренностью проглядывают нежность и интеллигентность».

Филдинг попивал бренди и вспоминал, как накануне мисс Виктория Ситон буквально очаровала все общество своей красотой и задором. Нортроп окончательно попал в ее плен, когда перед ужином она поиграла специально для него что-то из Моцарта. Когда она закончила, на глазах старого дворецкого были слезы. Потом она послала за О'Мэлли и исполнила для него задорную ирландскую джигу. Вскоре возле гостиной собралась добрая дюжина слуг, которым чрезвычайно хотелось хоть краем уха послушать ее импровизированный концерт. Вместо того чтобы велеть им разойтись и заняться своими делами, как уже собирался поступить Джейсон, Виктория обратилась к ним и спросила, есть ли у них что-нибудь любимое, что она могла бы сыграть. Она знала их всех по имени; она интересовалась их здоровьем и расспрашивала о семьях. И несмотря на

крайнюю усталость, развлекала их более часа.

Джейсон убедился, что все слуги как один были уже преданы ей всей душой. Лакеи улыбались и кланялись. Горничные молниеносно исполняли любую ее просьбу. И Виктория благодарила каждого с милой улыбкой. Она умела с одинаковым удовольствием общаться со всеми; она так же непринужденно вела себя с баронами, как и с дворецкими, – возможно, это легко давалось ей потому, что она проявляла к ним искренний интерес и на губах ее всегда играла улыбка.

Бессознательно Джейсон стиснул изо всех сил хрупкий бокал с бренди. Когда Виктория ушла, гостиная вдруг показалась мрачной и пустой. Не видя, что Чарльз наблюдает за ним с довольной улыбкой, Джейсон застыл на месте, хмуро уставившись на стул, где она сидела.

– Поразительная юная леди, ведь так? – наконец решился начать беседу Чарльз.

– Несомненно.

– Потрясающе красивая и обаятельная. Мне кажется, что с тех пор, как она приехала в Англию, вы смеялись больше, чем за целый год! И не пытайтесь возражать – девушка единственная в своем роде.

– Я и не возражаю, – ответил Джейсон, вспоминая ее удивительное умение выглядеть то графиней, то простой крестьянкой, то заброшенным дитя или умудренной жизнью женщиной, в зависимости от настроения и окружения.

– Она очаровательна и невинна, но в ней также есть задор и огонь. Человек, которому повезет стать ее избранником, мог бы превратить ее в страстную, любящую жену, которая обогреет его постель и даст ему счастье.

Чарльз сделал паузу, но Джейсон промолчал.

– Ее Эндрю не намерен жениться на ней, – многозначительно продолжал Чарльз. – Не сомневаюсь на этот счет. Иначе он уже прислал бы весточку. – Герцог снова сделал паузу, но Джейсон опять промолчал. – Пожалуй, мне больше жаль Эндрю, нежели Викторию, – с хитрой решимостью добавил Чарльз. – Мне жаль *любого*, кто настолько глуп, что не обращает внимания на единственную из тысячи женщин, которая могла бы его осчастливить. Джейсон, – решительно спросил Чарльз, – вы понимаете это?

Джейсон бросил на него нетерпеливый, озадаченный взгляд.

– Я понимаю. Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Какое отно... – поперхнулся Чарльз. Опомившись, он продолжал осторожнее: – Все это имеет самое прямое отношение и к вам, и ко мне.

Виктория – молодая незамужняя женщина. Даже при наличии мисс Флосси в качестве компаньонки Виктория не может бесконечно жить в доме одинокого холостяка и в обществе другого холостяка, который проводит здесь все дни. Если так будет продолжаться дольше, чем несколько недель, люди сочтут помолвку надувательством и решат, что графиня Лэнгстон – ваш очередной трофей. Когда это произойдет, они начнут ее морально уничтожать. Вы ведь не хотите унижения девушки, не так ли?

– Конечно, нет, – рассеянно ответил Джейсон, пристально рассматривая бренди в бокале.

– Тогда есть лишь единственное решение – ее нужно выдать замуж, и немедленно. – Он выждал, но Джейсон молчал. – Так или нет, Джейсон?

– Думаю, да.

– Но тогда за кого? – победоносно спросил Чарльз. – Кто мог бы превратить ее в любящую, страстную женщину? Кому нужна жена, чтобы она согрела ему постель и дала наследника?

Джейсон раздраженно пожал плечами:

– Откуда, черт возьми, мне знать? В нашей семье роль свата можете исполнять только вы.

Чарльз изумился:

– Вы хотите сказать, что не можете сообразить, кто тот единственный мужчина, за кого она должна выйти?

Джейсон поднес бокал к губам и быстро осушил его, затем решительным движением поставил пустой сосуд на стол и резко поднялся.

– Виктория умеет петь, играть на фортепьяно, делать книксен и вышивать, – подытожил он. – Найдите человека, у которого есть музыкальный слух, который ценит красоту и любит собак. Но убедитесь, что он миролюбив, – в противном случае она крайне разочарует его. Вот и вся задача.

Когда Чарльз ошеломленно посмотрел на сына, Джейсон нетерпеливо сказал:

– У меня есть шесть поместий, которыми нужно управлять, целая флотилия судов, за которыми нужно следить, и сотня других дел. И я буду ими заниматься. А вы займитесь поисками мужа для Виктории. Я помогу вам тем, что буду сопровождать ее на несколько балов и вечеров еще в течение одной-двух недель. Она уже произвела сенсацию. Еще ряд выездов в свет, и у нее будет больше поклонников, чем нужно. Познакомьтесь с ними поближе, когда они будут приезжать с визитами, и составьте список наиболее подходящих кандидатов. А я просмотрю его и выберу из них одного.

Плечи Чарльза поникли, когда он признал свое поражение:
– Как вам будет угодно.

Глава 15

– Мне еще не приходилось видеть, чтобы молодая леди производила такую сенсацию, как Виктория, – сказал Роберт Коллингвуд, ухмыляясь, когда они с Джейсоном вместе наблюдали за девушкой на балу неделей позже. – Она заставила говорить о себе весь город. Неужели она действительно заявила Родди Карстенсу, что может стрелять лучше, чем он, грозя ему его собственным пистолетом?

– Нет, – сухо ответил Джейсон. – Она лишь сказала, что, если он еще раз подобным образом обратится к ней, она пристрелит его, а если промахнется, то натравит на него Волка. А если и Волк не прикончит его, то она уверена, что это сделаю я. – Джейсон хмыкнул и покачал головой. – Мне впервые отводится роль героя. Правда, я несколько сокрушался, что мне отведена вторая роль после собаки.

Роберт Коллингвуд бросил на него странный взгляд, но Джейсон не заметил этого. Он не спускал глаз с Виктории. Плотная окруженная толпой молодых людей, соперничающих меж собой, чтобы привлечь ее внимание, она безмятежно царила среди них – королева с золотисто-каштановыми волосами и свита преклоняющихся перед ней подданных. Облаченная в голубое, как лед, шелковое платье и длинные, до локтей, перчатки того же цвета, своим обаянием графиня Лэнгстон приковывала к себе всеобщее внимание.

Продолжая наблюдать за ней, Джейсон заметил, как лорд Уоррен, крутившийся рядом, шарит жадными глазами за низким округлым вырезом платья Виктории. От ярости лицо Джейсона побелело как мел.

– Прости, пожалуйста, – напряженно сказал он Роберту. – Мне нужно чуть-чуть потолковать с Уорреном.

Это был лишь первый из многочисленных эпизодов в течение последующих двух недель, когда общество имело возможность лицезреть потрясающую сцену: маркиз Уэйкфилд, подобно хищному ястребу, пикирует на чересчур усердного ухажера, проявляющего слишком уж повышенное внимание к леди Виктории.

Три недели спустя после появления Виктории в обществе в кабинет, где работал Филдинг-младший, вошел Чарльз.

– Я составил список претендентов на руку Виктории, который вы хотели просмотреть, – заявил герцог тоном, свидетельствовавшим о том,

что его вынудили выполнить ужасно неприятную задачу и он хочет поскорее покончить с ней. – Я хочу обсудить его с вами.

Джейсон оторвал взгляд от отчета, который читал, и скосил глаза на лист в руках Чарльза.

– Сейчас я занят.

– И тем не менее я хотел бы не откладывать этого. Мне было ужасно неприятно заниматься подобным делом. Мне удалось отобрать несколько приемлемых лиц, но задача оказалась не из легких.

– Естественно, – иронически заметил Джейсон. – Все лондонские хлыщи были готовы ухлестывать за ней. Читайте, если это представляется вам таким уж важным и неотложным.

Не ожидая такого пренебрежения к этому вопросу со стороны Джейсона, Чарльз удивленно нахмурился, сел напротив него и надел очки.

– Первый – молодой лорд Кроули, который уже просил моего разрешения поухаживать за ней.

– Нет. Слишком импульсивный, – категорически отвел его кандидатуру Джейсон.

– Из чего вы делаете такой вывод? – недоуменно спросил герцог.

– Кроули недостаточно знаком с Викторией, чтобы просить разрешения на «ухаживание», если следовать вашей причудливой фразеологии.

– Это просто смешно. Первые четыре претендента из этого списка просили у меня разрешения на то же самое при условии, что ваша помолвка не является решенным делом.

– Откажем всем четверым по той же причине, – коротко резюмировал Джейсон, откинувшись на спинку стула и углубившись в свой отчет. – Кто следующий?

– Друг Кроули – лорд Уилтшир.

– Слишком молод. Кто следующий?

– Артур Ланкастер.

– Не вышел ростом, – загадочно сказал Джейсон. – Следующий?

– Уильям Роджерс, – с вызовом прочитал Чарльз, – как раз высокий, сдержанный, зрелый, умный и красивый. Кроме того, он наследник одного из лучших поместий в Англии. Думаю, он очень подходит Виктории.

– Нет.

– Нет?! – взорвался Чарльз. – Но почему?

– Мне не нравится, как он сидит на лошади.

– Вам не нравится... – не веря своим ушам, сердито повторил Чарльз; затем взглянул на бесстрастное лицо Джейсона и вздохнул: – Очень

хорошо. Последний в моем списке – лорд Терренс. Вот уж он-то изумительно сидит на лошади, не говоря о том, что он прекрасный малый. Он так же, как и предыдущий кандидат, высок, красив, умен и богат. Итак, – с победоносным видом закончил герцог, – какой изъян вы найдете у него?

Джейсон зловеще стиснул зубы.

– Он мне *не нравится*...

– Но не вы же собираетесь выходить за него!

Джейсон наклонился вперед и стукнул кулаком по столу.

– Я сказал, что он мне не нравится, – сквозь стиснутые зубы выговорил он. – Вот и все.

Выражение гнева на лице Чарльза мало-помалу уступало место удивлению, а затем веселой улыбке.

– Значит, вам она не нужна, но вы также не хотите, чтобы ее заполучил кто-нибудь другой, – так? Это все равно как собака на сене.

– Верно, – с кислым видом отвечивал Джейсон. – Мне она не нужна.

Из дверного проема послышался тихий от бешенства голос Виктории:

– Мне вы тоже не нужны!

Оба резко обернулись, но чудесные синие глаза подходившей к ним девушки были устремлены только на бесстрастное лицо Джейсона. Она взялась за край стола; грудь ее вздымалась от обиды.

– Поскольку вы так озабочены тем, чтобы сбыть меня с рук, если Эндрю не приедет за мной, я приложу максимум усилий, чтобы найти ему замену, но вы никогда не будете в числе кандидатов! Вы не стоите его мизинца. Он мягок, добр и симпатичен, в то время как вы холодны, циничны, высокомерны и... вы – подлец!

При этом слове глаза Джейсона яростно сверкнули, как у пантеры, готовой к прыжку.

– На вашем месте, – мстительно рявкнул он, – я не терял бы времени и занялся поиском замены, так как добрый старина Эндрю нуждается в вас отнюдь не более, чем я!

Не выдержав такого унижения, Виктория резко развернулась и стремительно выскочила из кабинета; мозг ее сверлила только одна мысль: нужно любым способом доказать Джейсону Филдингу, что другим-то она *нужна*. И впредь она никогда, никогда не позволит себе довериться этому человеку. За последние недели она убедила себя, что они подружились. Ей даже показалось, что она нравится ему. Она вспомнила, как назвала его только что, и почувствовала себя еще более униженной. Как она могла

допустить, чтобы он спровоцировал ее на такое!

Когда Виктория столь решительно покинула их, герцог обратился к Джейсону.

– Поздравляю, – горько сказал он. – Вы добивались, чтобы она презирала вас, со дня ее приезда в Уэйкфилд, и теперь я понимаю почему. Я заметил, какими глазами вы смотрите на нее, когда думаете, что вас никто не видит. Она нравится вам, и вы боитесь, что утратите свое хваленое равнодушие и попросите ее руки...

– Хватит!

– Она нравится вам, – неистово продолжал Чарльз, – нравится, она вам небезразлична, но вы ненавидите себя за эту слабость. Ну вот, теперь можете не волноваться: вы так унизили ее, что этого она вам вовек не простит. Вы оба правы. Вы – подлец, а Эндрю не собирается забирать ее в Америку. Можете праздновать победу над собой, Джейсон. Больше вам не придется беспокоиться о том, что вы можете проявить слабость. Она возненавидит вас тем более, когда поймет, что ее Эндрю не придет. Можете наслаждаться своим триумфом.

Джейсон снова взялся за отчет. С ледяным равнодушием он бросил:

– На следующей неделе составьте новый список и принесите его мне.

Глава 16

Задача выбрать наилучших претендентов из все растущего числа соискателей руки Виктории на этот раз оказалась значительно труднее. К концу следующей недели дом лорда Филдинга был доверху наполнен цветочными букетами, подаренными целой ротой ретивых джентльменов, чаявших удостоиться внимания очаровательной графини Лэнгстон.

Даже элегантный француз маркиз де Саль подпал под ее обаяние, причем не вопреки языковому барьеру, а благодаря ему. Однажды он появился в доме номер шесть в компании со своим приятелем бароном Арноффе.

– У вас прекрасный французский язык, – солгал маркиз с ничего не значащей, естественной для француза галантностью, переходя на английский и устраиваясь в предложенном ему кресле.

Виктория недоверчиво улыбнулась.

– Он у меня оставляет желать лучшего, – печально призналась она. – Я нахожу, что носовые звуки французского языка так же труднопроизносимы, как горловые – у апачей.

– Апачей? – вежливо переспросил он. – Кто это такие?

– Племя американских индейцев.

– Американские дикари? – подключился русский барон, легендарный кавалерист российской армии. Выражение скуки на его лице тотчас же сменилось восторженным интересом. – Я слышал, что эти дикари – отменные наездники. Это действительно так?

– Я знавала только одного индейца, барон, и он был довольно стар и очень вежлив, в общем, мало похож на дикаря. Мой отец наткнулся на него в лесу и привел домой, чтобы вылечить. Его звали Стремительным Поток, и он остался у нас, чтобы помогать отцу, стал как бы санитаром. Однако должна сказать, что, даже будучи лишь наполовину апачем, он действительно был превосходным наездником. Мне было всего двенадцать лет, когда я впервые увидела, какие трюки он выделывает на всем скаку; я просто онемела от изумления. Он не пользовался седлом и...

– Без седла!

– Да, апачи ездят верхом без седла.

– А какие трюки он умел делать? – спросил маркиз, гораздо более заинтригованный ее чарующей красотой, нежели рассказом.

– Однажды Стремительный Поток попросил меня положить носовой

платок на землю, затем во весь опор погнал коня к этому месту и, достигнув его, отпустил повод, наклонился и на всем скаку схватил платок. Он и меня научил этому, – призналась она смеясь.

– Я не поверю в это, пока не увижу собственными глазами, – сказал потрясенный барон. – Вряд ли вы можете показать это на деле!

– К сожалению, не могу. Для этого нужно специально выдрессировать лошадь.

– Может быть, вы научите меня произносить несколько слов на языке апачей, – поддразнил маркиз, улыбнувшись, – а я бы мог дать вам уроки французского?

– Ваше предложение очень заманчиво, – ответила Виктория, – но это будет нечестно, так как мне предстояло бы научиться очень многому, а научить очень немногому. Я помню всего несколько слов из тех, которым меня научил Стремительный Поток.

– Но хоть одной фразе вы могли бы меня научить?

– Ой, ну...

– Я настаиваю!

– Ну ладно, – сдалась девушка со вздохом, – раз вы так упорны. – Она произнесла фразу со странным горловым звучанием и посмотрела на маркиза. – А теперь попробуйте повторить ее.

Со второй попытки маркизу это удалось, и от удовольствия он заулыбался.

– А что это означает? – спросил он. – Что я сказал?

– Вы сказали, – с извиняющимся видом ответила девушка, – «Тот человек наступил на моего орла».

– Наступил на моего... – Маркиз, барон и все остальные собравшиеся в салоне разразились смехом.

На следующий день русский барон и французский маркиз приехали снова и влились в ряды претендентов на руку Виктории, что еще больше повысило престиж и популярность девушки.

Она вносила искру веселья даже в самую скучную компанию, и везде, где она появлялась, воцарялась праздничная атмосфера. Зато по соседству с искрометной мисс Ситон, в другой части дома, даже воздух, казалось, был напоен зловещим напряжением. Неделя проходила за неделей. Число воздыхателей Виктории все множилось и множилось, а настроение Джейсона становилось все более мрачным. Куда бы он ни заходил, повсюду его что-нибудь не устраивало. Он отругал повариху за то, что ему чересчур часто готовят его любимые блюда; он наказал горничную за пылинки, обнаруженные им под перилами лестницы; он пригрозил уволить лакея, у

которого не была застегнута одна пуговица на куртке.

Прежде лорд Филдинг также был требователен и строг по отношению к прислуге, но строгость его ограничивалась пределами разумного. Теперь же, казалось, никто не мог угодить ему: любой слуга, попавшийся ему под руку, вероятнее всего, мог получить нагоняй. К сожалению, чем более несносным становился хозяин, тем энергичнее слуги кидались выполнять свои обязанности и тем более нервными и неуклюжими становились. Прежде в его хозяйстве все шло, как в хорошо отлаженном механизме. Теперь все суетились, сталкиваясь друг с другом, когда отчаянно спешили выполнить порученное им задание и при этом не попасть под горячую руку хозяина. В результате этого сумасшествия уронили и разбили драгоценную китайскую вазу, в столовой на обюссонский ковер опрокинули ведро с водой, приготовленной для умывания; словом, в доме царил хаос.

Виктория не могла не заметить сложившейся в доме обстановки, но когда она тактично попыталась заговорить об этом с Джейсоном, он обвинил ее в том, что она «подстрекает слуг к мятежу», а затем язвительно напомнил, как шумят ее гости, когда он садится за работу, и как он страдает от тошнотворного аромата цветов, которыми заставлен весь дом.

Дважды Чарльз пытался обсудить с ним второй список претендентов, но получил от ворот поворот.

Когда же Джейсон устроил выволочку Нортропу, напряжение в доме достигло апогея. Все это неожиданно получило свое разрешение в один из вечеров, через пять недель после того, как Виктория дебютировала в высшем обществе.

Джейсон работал у себя в кабинете и вызвал Нортропа, который в этот момент собирался поставить только что доставленный букет цветов для Виктории в вазу.

Чтобы не заставлять своего неуравновешенного хозяина ждать, Нортроп поспешил явиться, все еще держа в руках букет.

– Слушаю, милорд? – с опаской спросил он.

– Как славно, – с сарказмом произнес Джейсон. – Еще цветы? Для меня? – И, не ожидая ответа, Джейсон выпалил: – Весь дом провонял этими чертовыми цветами! Выбрось этот букет, скажи Виктории, что я желаю видеть ее, и принеси мне это чертово приглашение к Фригли на сегодня. Не помню, в котором часу там начинается прием. И прикажи моему камердинеру приготовить на вечер мой официальный костюм. Ну? – резко сказал он. – Чего ты ждешь? Пошевеливайся!

– Да, милорд. Тотчас будет исполнено. – И Нортроп сломя голову бросился в холл, где налетел на О'Мэлли, который перед этим получил от

Джейсона взбучку за то, что недостаточно хорошо вычистил туфли.

– Таким я его еще никогда не видел, – выдохнул О’Мэлли Нортропу, который, прежде чем позвать леди Викторию, поставил букет в вазу. – Его милость послал меня за чаем, а потом отругал за то, что я не принес ему кофе.

– Его милость, – высокомерно заметил Нортроп, – не пьет чай.

– Я сказал ему об этом загодя, – горько ответил О’Мэлли, – но он заявил, что я обнаглел.

– Так оно и есть, – ответил Нортроп, усугубляя натянутые отношения, сложившиеся между ними за двадцать лет совместной службы. И, самодовольно ухмыляясь, Нортроп вышел из холла.

В маленьком салоне Виктория в это время держала в руках письмо миссис Бэйнбридж, только что полученное по почте, и его строки сливались перед ее воспаленным взором.

«...Не знаю, как и сказать вам, но все же вынуждена сообщить, что Эндрю женился на своей кузине в Швейцарии. Я пыталась предупредить вас о вероятности такого исхода перед вашим отъездом в Англию, но вы не обратили внимания на мои слова. Теперь придется смириться с этим. Так что рекомендую вам подыскать более подходящего для девушки вашего круга жениха».

– Не может быть! Боже мой! – шептала в беспамятстве Виктория. Все ее надежды и мечты в одночасье рухнули вместе с верой во всех мужчин на свете. Перед ее мысленным взором возник образ красивого смеющегося юноши, перед которым она так часто гарцевала на лошади.

Никто не может сравниться с тобой в верховой езде, Тори... Она вспомнила его первый стыдливый поцелуй, когда ей исполнилось шестнадцать. Если бы ты была постарше, хрипло шептал он, я подарил бы тебе не браслет, а кольцо...

– Лжец! – с глубокой горечью прошептала она. – Лжец! – Горячие слезы жгли ей глаза и катились по щекам, медленно капая на бумагу.

В салон вошел Нортроп и громогласно заявил:

– Лорд Филдинг хотел побеседовать с вами в своем кабинете, а лорд Кроули только что приехал и спрашивает, не могли бы вы уделить ему... – Голос Нортропа затих, и воцарилось молчание. Виктория подняла на ошеломленного дворецкого горестные синие, заполненные до краев слезами глаза; затем вскочила, закрыла лицо руками и выбежала из салона. До дворецкого донеслось лишь тихое, разрывающее сердце рыдание, когда она пробежала через холл и вверх по лестнице.

Встревоженным взглядом Нортроп проводил плачущую графиню, а затем машинально наклонился и поднял упавшее с ее колен письмо, чтобы выяснить, какая ужасная новость могла привести леди в такое состояние. Он прочитал текст и, сострадая, прикрыл глаза.

– Нортроп! – как гром среди ясного неба прогремел голос лорда Филдинга из кабинета.

Нортроп молниеносно явился на зов.

– Ты сказал мисс Ситон, что я желаю видеть ее? Что там у тебя – приглашение от леди Фригли? Ну-ка давай его сюда! – Джейсон протянул руку, и его глаза от нетерпения сузились, когда дворецкий очень медленно, выправившись, будто аршин проглотил, подходил к столу. – Какого дьявола, что с тобой? – рявкнул Джейсон, выхватывая письмо. – Что это за мокрые пятна на бумаге?

– Слезы, – пояснил Нортроп, отводя глаза.

– Слезы? – повторил Джейсон, сосредоточиваясь на не очень разборчивых от влаги строчках. – Так это не приглашение, это...

Джейсон наконец разобрал, что читает. Закончив чтение, он со свистом вдохнул воздух и поднял разгневанное лицо:

– Он поручил своей матери сообщить Виктории, что женился на кухне. Этот безмозглый сукин сын!

Нортроп сглотнул.

– Я испытываю такие же чувства, – хрипло промолвил он.

Впервые за все это время в голосе Джейсона не прозвучала злая нотка:

– Пойду поговорю с ней. – И, отодвинув стул, он пошел к Виктории в спальню.

Как обычно, она не ответила на стук, и, как обычно, Джейсон поступил по-своему и вошел без стука. На этот раз, вместо того чтобы плакать в подушку, она смотрела в окно; у нее было смертельно бледное лицо, а плечи – такие жесткие и прямые, что Джейсону показалось, что он сам ощущает ее отчаянные усилия выдержать нанесенный ей удар и не согнуться ни в прямом, ни в переносном смысле. Он закрыл за собой дверь и замешкался, рассчитывая, что она привычно сделает ему язвительное замечание насчет незваного гостя, но когда она наконец заговорила, ее голос был настолько спокойным и бесстрастным, что он встревожился всерьез.

– Пожалуйста, уйдите.

Джейсон пропустил это мимо ушей и подошел к ней.

– Виктория, мне очень жаль... – начал было он, но осекся, увидев, каким безумным гневом загорелись ее глаза.

– Не сомневаюсь! Но не беспокойтесь, милорд, я не намерена оставаться здесь и доставлять вам лишние хлопоты.

Он потянулся к ней, пытаясь привлечь к себе, но от его прикосновения она сжалась, как пружина, и отшатнулась, словно прикоснулась к пламени.

– Не притрагивайтесь ко мне! – зашипела она. – Не смейте трогать меня! Я не хочу, чтобы меня коснулся хоть один мужчина, в особенности – вы. – И девушка сделала глубокий вдох, явно пытаясь совладать с собой, а затем, запинаясь, продолжила: – Я думала о том, как позаботиться о себе. Я... я не настолько беспомощна, как вы считаете, – храбро заявила она. – Я прекрасная белошвейка. Мадам Дюмоос, занимавшаяся моими нарядами, не раз упоминала о том, как тяжело найти трудолюбивых, знающих мастериц. Возможно, у нее найдется для меня работа...

– Не смешите! – резко сказал Джейсон, ругая себя за то, что назвал ее беспомощной, когда она впервые попала в Уэйкфилд, и злясь на нее, что она сейчас вспомнила об этом – в тот миг, когда он явился утешить ее.

– О конечно, ведь я *смешна!* – захлебнулась она от желания выговориться. – Я – графиня без шиллинга в кармане, без дома, без гордости. Я даже не знаю, хватит ли мне ума для того, чтобы продеть нитку в иголку...

– Прекратите! – сурово прервал он ее. – Я не позволю вам работать простой белошвейкой, и разговор об этом закончен.

Когда она попыталась спорить, он оборвал ее:

– Неужели вы оплатите за мое гостеприимство тем, что поставите нас с Чарльзом в смешное положение в глазах всего общества?

Плечи девушки поникли, и она отрицательно покачала головой.

– Хорошо. И давайте не будем больше говорить чепухи насчет работы у мадам Дюмоос.

– Тогда что же мне делать? – прошептала она, и ее глаза тоскливо и испытующе воззрились на него.

Странное чувство овладело Джейсоном, и он стиснул зубы, как если бы пытался сдержаться.

– Живите, как обычно живут женщины, – хрипло вымолвил он после долгой паузы. – Выходите замуж за человека, который будет в состоянии дать вам то, чего вы хотите. Чарльз уже получил полдюжины предложений от ваших поклонников. Выберите одного из них.

– Я не хочу выходить за человека, который мне безразличен, – возразила девушка, к которой снова на минуту вернулся былой задор.

– Вы перемените свое решение, – с холодной уверенностью сказал Джейсон.

– Возможно, мне так и следует поступить, – горестно согласилась она. – От разочарования бывает так тяжело. П-потому что, когда вас предают... О, Джейсон, скажите, что во мне плохого? – воскликнула она, глядя на него большими умоляющими глазами. – И вы ненавидите меня, и Эндрю...

Джейсон больше не мог сдерживаться. Он обнял ее и прижал к груди.

– Ничего плохого в вас нет, – шепнул он, гладя ее по голове. – Ваш Эндрю – безмозглый дурак. А я еще больший глупец, чем он.

– Он выбрал другую женщину, – плакала она. – А это так обидно.

Джейсон закрыл глаза и сглотнул.

– Это мне знакомо.

Она окропила его грудь горячими слезами, и от этого заледеневшее за многие годы сердце Джейсона начало оттаивать. По-отечески держа девушку в своих объятиях, он подождал, пока не затихли рыдания, затем коснулся губами ее виска и прошептал:

– Вы помните, как в Уэйкфилде спросили меня, не можем ли мы быть друзьями?

Она кивнула, невольно прижимаясь к его груди.

– Мне очень этого хочется, – хрипло пробормотал он. – Вы не могли бы дать мне еще один шанс?

Подняв голову, девушка с сомнением взглядела в него. Затем кивнула.

– Спасибо, – поблагодарил он со странной улыбкой.

Глава 17

В последующие недели Виктория пережила все стадии чувств, которые обычно следуют за предательством любимого. Сначала она досадовала, затем злилась, и наконец в душе ее осталось глухое болезненное чувство утраты. Но она собралась с силами и была полна решимости принять случившееся как свершившийся факт и признать, что прошлое уже не вернешь. Она научилась горевать наедине с собой, оплакивая то, что осталось позади, а затем одеваться в свои лучшие наряды и с лучезарнейшей улыбкой встречать друзей и знакомых.

Ей удавалось скрывать свои чувства от всех, кроме Джейсона и Кэролайн Коллингвуд, которые, каждый на свой лад, стремились помочь ей: Кэролайн – занимая ее нескончаемыми визитами, приемами и вечеринками, а Джейсон – сопровождая ее на них.

По большей части он относился к ней как опекающий старший брат, который вывозит сестру на встречи, в театр, оперу... а там – дает ей полную возможность развлекаться с друзьями и подругами. Однако он не спускал с нее глаз и был постоянно готов прийти на помощь и при необходимости отшить любого ухажера, которого по тем или иным причинам не считал достойным своей протеже. И так случалось не раз. Виктории, уже наслышанной о его шокирующей репутации человека, который может позволить себе все, было смешно наблюдать, как Джейсон бросал ледяной взгляд на чересчур назойливого воздыхателя, вынуждая бедолагу испуганно бормотать извинения и поспешно ретироваться.

Однако в целом общество воспринимало поведение маркиза Уэйкфилда не только как забавное, но и как странное и отчасти даже подозрительное. Никто не верил, что эта парочка намерена пожениться, тем более что Джейсон Филдинг продолжал принимать поклонников леди Виктории в своем доме и относительно объявленной когда-то помолвки говорил, что вопрос этот еще не решен. Поэтому общественное мнение склонялось к тому, что решение о помолвке было слишком преждевременно принято стареющим больным герцогом (который явно любил обоих) и что пара лишь ради него продолжает делать вид, что обручена.

Но с течением времени в обществе возникло менее благоприятное предположение. Еще с самого начала некоторые, особенно консервативно настроенные лица, с подозрением отнеслись к факту «совместного»

проживания неженатой парочки, но поскольку девушка казалась такой симпатичной, а лорд Филдинг не проявлял по отношению к ней особого пристрастия, мало кто прислушивался к сплетням. И все же когда они все чаще стали вместе появляться в обществе, прошел слух о том, что лорд Филдинг, репутация которого давно была подмочена, решил сделать девушку своим очередным трофеем, если уже не сделал этого.

Появились даже непристойные предположения по поводу того, что помолвка служит лишь удобной ширмой для распутной связи под самым носом бедной мисс Флосси Уильсон. Эта клевета распространилась, но ей мало кто верил по той простой причине, что хотя лорд Филдинг часто сопровождал графиню, однако вел себя далеко не так, как ведут себя любовники и обладатели «трофея». Более того, у леди Виктории было очень много стойких защитников, включая графиню Коллингвуд и ее влиятельного мужа, которые воспринимали как личное жестокое оскорбление, если кто-нибудь осмеливался обронить хоть слово против графини Лэнгстон.

Виктория ничего не знала о любопытстве, которое вызывали ее отношения с Джейсоном, но прекрасно видела, что в свете многие относятся к нему с недоверием. Чем ближе она знакомилась с людьми этого круга, тем более ее тревожили тонкие нюансы в поведении людей, когда рядом появлялся Джейсон. Они явно настороженно, подозрительно и даже с тревогой относились к нему. Поначалу она предполагала: тот факт, что в его присутствии люди чувствовали себя стесненно и становились более официальными, лишь плод ее воображения, но постепенно убедилась, что это не так. По временам до нее доносились обрывки сплетен, нашептываемых кому-то на ухо, отдельные слова из разговоров, в которых слышалась злоба или по крайней мере неодобрение.

Кэролайн предупредила ее, что в обществе боятся лорда Филдинга и не доверяют ему. В один из вечеров ей сказала об этом и Дороти.

– Тори, Тори, это ты! – бросилась к ней сестра через толпу людей, окружавших Викторию во дворе дома лорда и леди Потэм, где давался бал.

Виктория, не видевшая сестру со дня прибытия в Англию, с трудом сдерживала наплывающие слезы, когда та заключила ее в крепкие объятия.

– Где ты была в последнее время?! – заговорила Виктория, счастливая, что они наконец снова вместе. – Ты так редко пишешь, я полагала, ты все еще находишься «в ссылке», в деревне.

– Мы с бабушкой возвратились в Лондон три дня тому назад, – быстро объяснила Дороти. – Я бы сразу же навестила тебя, но бабушка не хочет, чтобы мы общались. Я высматривала тебя везде, где бывала. Но это не

важно. У меня мало времени. Компаньонка сейчас начнет меня разыскивать. Я сказала ей, что, кажется, заметила бабушкину подругу и хочу передать ей послание от нее.

При этом Дороти опасно оглянулась, так боясь быть застигнутой своей компаньонкой на месте преступления, что не заметила, с каким любопытством на нее взирали молодые поклонники Виктории.

– О, Тори, я чуть с ума не сошла от беспокойства! Я знаю, как отвратительно обошелся с тобой Эндрю, но ты не должна и в мыслях допустить, чтобы выйти за Уэйкфилда! Ты просто не можешь выйти за этого страшного человека. Не можешь! Ты должна знать, что он ни у кого не пользуется доверием. Я слышала, как леди Фолклин, компаньонка бабушки, говорила с ней о лорде, и знаешь, что она сказала?

Виктория чуть повернулась к своим жадно слушающим беседу сестер ухажерам.

– Дороти, лорд Филдинг очень добр ко мне. Не проси меня прислушиваться к злобным сплетням, я не сделаю этого. Давай лучше я представлю тебя.

– Не сейчас! – в отчаянии сказала сестра, находившаяся в слишком смятенном состоянии, чтобы позволить себе отвлечься. Она попыталась пошептать на ухо Виктории, но из-за общего шума это было невозможно, и поэтому ей пришлось говорить громче: – Знаешь ли, что говорят об Уэйкфилде? Леди Фолклин сказала, что его даже не стали бы принимать в обществе, не будь он Филдингом. У него постыдная репутация. Он использует женщин в своих грязных целях, а затем бросает их! Люди боятся его, и тебе следует поступать так же! Говорят... – Она оборвала свою филиппику, увидев, как пожилая леди вылезла из экипажа, ожидавшего на улице, и пошла через толпу явно в поисках кого-то. – Ой, мне нужно уезжать. Это леди Фолклин, компаньонка бабушки.

И Дороти бегом пустилась к карете, а Виктория наблюдала, как отбывает ее сестра.

В этот момент ближе всех стоявший к ней мистер Уоррен вдохнул понюшку табаку.

– Знаете ли, юная леди совершенно права, – протянул он.

Очнувшись от печальных мыслей о сестре, Виктория презрительно взглянула на этого хлыща, выглядевшего так, словно он боится собственной тени, а затем на остальных поклонников, которые, несомненно, слышали многое из сказанного.

В ее груди поднялась волна гневного презрения. Они были пустоголовыми, ничтожными, разодетыми в пух и прах, как павлины,

манекенами, смаковавшими сплетни о Джейсоне по той очевидной причине, что он гораздо богаче их и, несмотря на его репутацию, гораздо привлекательнее для женщин.

На ее губах играла лучезарная озорная улыбка, но в глазах горели грозные искорки, когда она обратилась к юному бездельнику:

– Ах, мистер Уоррен, так вы, оказывается, опасаетесь за меня?

– Да, миледи, и не я один.

– Господи, какой абсурд! – фыркнула девушка. – Если вы действительно хотите знать правду, а не слушать глупые сплетни, то вот она. Я приехала сюда одинокой сиротой, не имея ни близких, ни богатства, полностью зависящая от милости его светлости и лорда Филдинга. А теперь – прошу вас, смотрите на меня.

Молодой дурачок вставил в глаз монокль, буквально поняв ее повеление.

– Ну что, перед вами несчастная женщина? – нетерпеливо спросила она. – Или, может, я похожа на утратившую честь и гордость? Нет, сэр. Напротив, лорд Филдинг приютил меня в своем чудесном доме, защитил меня своим именем. По правде говоря, мистер Уоррен, мне кажется, что очень многие женщины Лондона втайне мечтают, чтобы их «использовали» таким образом, и, судя по наблюдениям, они были бы счастливы, чтобы это сделал именно этот мужчина. Более того, я уверена, что все эти не стоящие выведенного яйца слухи порождены завистью к этому человеку.

Мистер Уоррен вспыхнул, а Виктория повернулась к остальным и весело добавила:

– Если бы вы знали лорда Филдинга так, как я его знаю, то поняли бы, что он – сама доброта, внимательность, утонченность и... дружелюбие!

Позади нее раздался насмешливый голос Джейсона:

– Миледи, вы так стараетесь обелить мою грязную репутацию, что, пожалуй, убедите людей считать меня не развратником, а невыносимым занудой.

Виктория круто повернулась и оказалась лицом к лицу с героем своего монолога.

– Однако, – чуть улыбнувшись, продолжал он, – не окажете ли вы мне честь потанцевать со мной?

Девушка положила руку на его плечо и вошла с ним в танцевальный круг.

Она была горда тем, что набралась мужества и высказалась в защиту Джейсона. Но гордость сменилась другим чувством, когда он молча обнял ее за талию и повел сквозь толпу. Ведь она до сих пор так мало знала о

нем! Но когда бы она ни пыталась разговорить его и заставить приоткрыться, ей это не удавалось. Видимо, скрытность стала его неотъемлемой чертой.

Виктория почувствовала себя неловко: возможно, он раздражен тем, что она говорила о нем на людях. Видя, что Джейсон не собирается прерывать молчания, она неуверенно заглянула в его задумчивые, прикрытые тяжелыми веками глаза.

– Вы сердитесь на меня? За то, что я прилюдно говорила о вас?

– А разве речь шла обо мне? – парировал Джейсон, и его руки еще крепче сжали ее талию. – Я не сержусь, – произнес он хриплым нежным голосом. – Я просто чувствую себя неловко.

– Вы? Неловко? – удивилась она, вглядываясь в его оттаивающие, потеплевшие глаза. – Но почему?

– Для человека моего возраста, роста и скверной репутации несколько непривычно, когда крошечная юная леди пытается защитить его от нападок всего мира.

Загипнотизированная нежностью, появившейся в его глазах, Виктория едва сдержала абсурдное желание потереться щекой о его бордовый бархатный сюртук.

Молва о столь яркой защите Викторией репутации лорда Филдинга, которым она явно восхищалась, но за которого не очень-то желала выйти замуж, быстро разнеслась по городу. Мнение света было единым: дата свадьбы в конце концов приближается. Это так расстроило других ухажеров, что они удвоили свои усилия в попытках добиться ее руки. Они соперничали в стремлении привлечь ее внимание, спорили и ругались из-за нее между собой, и наконец между лордами Кроули и Уилтширом состоялась дуэль.

– Ей не нужен ни один из нас, – сердито заявил молодой лорд Кроули лорду Уилтширу как-то поздним вечером, когда они отъезжали от ворот особняка на Аппер-Брук-стрит после короткого, неплодотворного визита к Виктории.

– Нет, нужен! – вспыхнул лорд Уилтшир. – Она проявила ко мне особое внимание!

– Глупец! Она считает нас расфуфыренными английскими хлыщами, а англичане не в ее духе, – мрачно ответил первый. – Графиня предпочитает неотесанных мужланов из наших колоний! Леди Виктория вовсе не так уж доброжелательна, как тебе кажется; за нашей спиной она насмехается над нами...

– Это ложь! – взорвался его горячий приятель.
– Ты назвал меня лжецом, Уилтшир? – возмутился Кроули.
– Нет, – стиснув зубы, ответил тот, – просто я вызываю тебя на дуэль.
– Отлично. Завтра на рассвете у меня. Встретимся в роще. – И, развернув коня, Кроули галопом поскакал к своему клубу.

Вскоре известие о предстоящей дуэли облетело весь город и докатилось до казино для избранных, где маркиз де Саль и барон Арнофф делали очень высокие ставки, играя в рулетку.

– Чертовы глупцы, – заметил маркиз, раздраженно вздохнув, когда узнал о предстоящей дуэли. – Леди Виктория будет глубоко разочарована, когда узнает об этом.

Барон хмыкнул:

– Ни тот ни другой не умеют достаточно метко стрелять, чтобы даже поранить друг друга. Я сам наблюдал их беспомощность, когда мы охотились вместе в поместье Уилтшира в Девоншире.

– Наверное, мне стоит попытаться остановить их, – сказал маркиз.

Барон, забавляясь, отрицательно покачал головой:

– Не понимаю зачем. Худшее, что может случиться, – один из них подстрелит коня своего противника.

– А я думаю о репутации леди Виктории. Вряд ли подобная дуэль будет способствовать ее укреплению.

– Отлично, – ухмыльнулся Арнофф. – Чем больше пошатнется ее репутация, тем у меня окажется больше шансов.

А чуть позднее о дуэли узнал и Роберт Коллингвуд, и это известие весьма встревожило графа. Извинившись перед приятелями, он выехал из своего клуба в лондонскую резиденцию герцога Атертона, где остановился Джейсон.

Прождав почти час, Роберт сделал попытку уговорить сонного дворецкого разбудить камердинера Джейсона. Поддавшись на долгие призывы и убеждения, камердинер неохотно выдал секрет: его хозяин, сопровождавший леди Викторию на раут, рано возвратился и поехал навестить некую даму на Уильямс-стрит, 21.

Роберт прыгнул в экипаж и сказал кучеру адрес.

– Побейте! – велел он.

Громкий стук в парадное наконец разбудил сонную француженку-горничную. Она открыла дверь, но благоразумно отрицала, что знает что-либо о местонахождении лорда Филдинга.

– Немедленно позови сюда хозяйку, – нетерпеливо приказал Роберт. – У меня мало времени.

Горничная заглянула за его плечо, углядела герб на дверце кареты, поколебалась и пошла наверх.

После очередного долгого ожидания вниз спустилась прелестная брюнетка, облаченная в пеньюар.

– Господи боже мой, что случилось, лорд Коллингвуд? – спросила Сибил.

– Джейсон здесь?

Сибил кивнула.

– Скажите ему, что утром состоится дуэль между Кроули и Уилтширом в поместье Кроули. Причиной тому – графиня Лэнгстон.

Джейсон потянулся к Сибил, когда она села рядом с ним на постели. Не открывая глаз, он просунул руку под ее пеньюар и погладил ее обнаженное бедро.

– Ложись, – хрипло позвал он. – Я опять хочу тебя.

Печальная улыбка появилась на ее лице, когда она коснулась его загорелого плеча.

– Тебе никто не нужен, Джейсон, – шепнула она. – И никогда ты ни в ком не нуждался.

Джейсон тихо ухмыльнулся, переворачиваясь на спину, и быстро притянул ее к себе.

– Если это не нужда, то как же это называется?

– Под «нуждой» я имею в виду совсем другое, и ты это знаешь, – прошептала Сибил, крепко целуя его в теплые губы. – Не надо! – поспешно сказала она, когда его опытные руки потянули ее к себе еще ближе. – У тебя нет времени. Приехал Коллингвуд. Он просил сказать тебе, что Кроули и Уилтшир собираются драться на дуэли утром в поместье Кроули.

Зеленые глаза Джейсона открылись, но в них не было тревоги.

– У них дуэль из-за графини Лэнгстон.

В одно мгновение Джейсон переменялся. Он отодвинул ее в сторону, выпрыгнул из постели и быстро натянул брюки. Ругаясь, он схватил рубашку.

– Сколько времени? – посмотрел он в окно.

– До рассвета осталось около часа.

Он кивнул, наклонился и запечатлел короткий поцелуй на лбу любовницы, как бы извиняясь за свой уход, и тут же умчался; полированные деревянные половицы эхом отозвались на его быстрые шаги.

Небо уже светлело, когда Джейсон наконец добрался до рощи в поместье Кроули и настиг двух дуэлянтов, стоявших под тенистыми дубами. В пятидесяти ярдах левее, также под дубом, зловеще притулился

черный экипаж врача; позади к нему была привязана лошадь. Джейсон прищипорил своего вороного жеребца, и тот понесся вниз по травянистому склону, взрывая копытами мокрую глину.

Филдинг резко остановил коня возле дуэлянтов и спрыгнул на землю.

– Какого дьявола, что здесь происходит? – потребовал он ответа у Кроули, подбежав к нему, затем удивленно повернулся, увидев, что из тени соседнего дерева выступил маркиз де Саль и встал рядом с молодым Уилтширом. – А что вы здесь делаете, де Саль? – сердито спросил Джейсон. – По крайней мере у вас-то должно быть поболее здравого смысла, чем у этих двух щенков.

– Я делаю то же, что и вы, – с неопределенной ухмылкой протянул тот, – но без видимого успеха, в чем вы сейчас убедитесь.

– Кроули стрелял в меня, – обвиняющим тоном выпалил Уилтшир. От удивления его лицо скривилось в злую гримасу, а язык заплетался от алкоголя, который он принял для храбрости. – Кроули... вел себя... не как дже... джентльмен, и я хочу пристрелить его.

– Я не стрелял в тебя! – неистово заорал Кроули. – Если бы я целился в тебя, то попал бы.

– Но ты же не целился в... воздух! – крикнул Уилтшир. – Ты н-не... джентльмен. Ты заслуживаешь смерти, и я пристрелю тебя!

Когда он поднял пистолет и прицелился, рука его дрожала; после этого все произошло в один миг. Пистолет выстрелил как раз в тот момент, когда маркиз де Саль прыгнул вперед и попытался выбить его из руки Уилтшира, а Джейсон бросился на Кроули и, падая, толкнул его так, что тот растянулся на земле. Пуля просвистела мимо уха Джейсона, ударилась о ствол дуба и рикошетом поразила его предплечье. Изумленный Филдинг медленно сел. Он дотронулся рукой до ужасно ноющей раны и недоверчиво уставился на кровь, стекавшую у него между пальцев. Картина была поистине трагикомической.

Все – врач, маркиз и молодой Уилтшир – бросились к нему.

– Дайте-ка мне взглянуть на рану, – сказал доктор Уортинг, жестом указав остальным, чтобы не мешали, и присел на корточки.

Доктор разорвал рубашку Джейсона, и молодой Уилтшир издал хриплый стон, увидев кровь, струящуюся из раны.

– О господи! – завыл он. – Лорд Филдинг, я вовсе не хотел...

– Помолчите! – крикнул доктор Уортинг. – Ну-ка, кто-нибудь, передайте мне виски из моего чемоданчика. – А Джейсону он сказал: – Задета только мякоть, но рана довольно глубокая. Мне придется продезинфицировать ее и зашить. – Он взял бутылку виски, переданную

ему маркизом, и извиняющимся тоном предупредил пострадавшего: – Будет жечь адски.

Лорд Филдинг кивнул и сжал зубы, а врач проворно опрокинул бутылку, дезинфицируя рваную ткань жгучим напитком. Затем он протянул бутылку Джейсону.

– На вашем месте я бы допил остатки. Мне придется наложить не один шов.

– Я не стрелял в него! – взвизгнул Уилтшир, боясь новой дуэли, которой впоследствии вправе был потребовать лорд Филдинг, слывший легендарным дуэлянтом. Четыре пары глаз с презрением уставились на него. – Это не я! – отчаянно доказывал Уилтшир. – Это из-за дерева. Я выстрелил в дерево, а пуля срикошетила в лорда Филдинга.

Джейсон поднял темные блестящие глаза на трясущегося от страха дуэлянта и зловещим тоном произнес:

– Если вам повезет остаться в живых, Уилтшир, постарайтесь не попадаться мне на глаза до тех пор, пока я не буду слишком стар, чтобы выпороть вас.

Уилтшир попятился и бросился бежать. Лорд Филдинг повернул голову и устремил взгляд на Кроули, отчего и второй дуэлянт побледнел как полотно.

– Кроули, – мягко сказал Джейсон, – от вашего присутствия меня тошнит.

Кроули изо всех сил бросился к своему коню.

Когда они умчались галопом с места происшествия, Джейсон поднял бутылку и сделал большой глоток, невольно ахнув, когда игла доктора Уортинга вонзилась в его горевшее адским огнем предплечье и доктор начал накладывать шов за швом. Протянув бутылку де Салью, Филдинг сухо сказал:

– Жаль, что нет стакана, однако если хотите разделить выпивку со мной, то присоединяйтесь.

Де Саль, не колеблясь, взял предложенную бутылку и пояснил:

– Когда я узнал о дуэли, то сразу поехал к вам, но ваш дворецкий сказал, что вас нет дома, и отказался сообщить, где вас искать. – Затем маркиз сделал большой глоток крепкого виски и вернул бутылку. – Поэтому я захватил доктора Уортинга, и мы примчались сюда в надежде остановить горе-дуэлянтов.

– Надо было дать им возможность перестрелять друг друга, – с отвращением сказал Джейсон, затем сжал зубы и напрягся, когда игла снова вошла в его руку.

– Вероятно, вы правы.

Джейсон сделал еще два больших глотка и почувствовал, как алкоголь притупляет его чувства. Прислонив голову к жесткой коре дуба, он вздохнул с веселым отчаянием:

– Что же такого натворила моя маленькая графиня, что это привело к дуэли?

Де Саль одеревенел, услышав, с какой особенной интонацией лорд заговорил о предмете его вожделений. Уже без прежнего вежливого дружелюбия он ответил:

– Насколько мне известно, леди Виктория вроде бы назвала Уилтшира расфуфыренным английским мужланом.

– В таком случае Уилтшир должен был вызвать на дуэль ее, – ухмыльнулся Джейсон, делая еще один глоток. – Уж она бы не промахнулась.

Де Саль не среагировал на шутку.

– Что вы имели в виду, назвав ее своей маленькой графиней? – напряженно спросил он. – Если она ваша, то почему вы не заявите об этом официально? Ведь вы сами говорили, что вопрос пока остается открытым. Что за игру вы с ней затеяли, Уэйкфилд?

Джейсон бросил взгляд на враждебное лицо маркиза, затем прикрыл глаза, и на его усталом лице появилась улыбка.

– Если вы хотите вызвать меня на дуэль, то я очень надеюсь, что вы умеете стрелять. Чертовски унижительно для человека моей репутации получить пулю от дерева.

Виктория ворочалась и металась в постели, слишком возбужденная для того, чтобы привести в порядок свои смятенные мысли и заснуть. На рассвете она решила, что заснуть все равно не удастся, и, полусидя на подушке, стала наблюдать, как цвет неба меняется от темно-мышинного до бледно-серого; настроение у нее было таким же унылым и мрачным, каким обещало стать это утро.

Бездумно поглаживая подушку, она представляла себе свою жизнь как темный страшный туннель, по которому она бредет одна-одинешенька. Она думала об Эндрю, женившемся на другой и потерянном для нее; думала о жителях родной деревни, которых с детства любила и которые отвечали ей взаимностью. Теперь она была одна. Если, конечно, не считать дяди Чарльза, но даже его привязанность не могла умерить ее беспокойства или заполнить тоскливую пустоту в душе.

Прежде Виктория всегда ощущала себя нужной и полезной, теперь же

жизнь превратилась в бесконечно пустое времяпрепровождение, причем Джейсон оплачивал все связанные с этим расходы. Зачем? От этого она чувствовала себя еще более ненужной, бесполезной и обременительной.

Она пыталась послушаться жестокого совета Джейсона и выбрать кого-нибудь для замужества. Пыталась, но ей трудно было даже представить себе брак с одним из этих ничтожных лондонских франтов, которые так усердно увивались вокруг нее.

Она не была нужна им в качестве любимой жены, близкого человека, а стала бы лишь красивым украшением их беззаботной, бездумной жизни. Если не считать семейства Коллингвуд и нескольких других пар, браки в высшем обществе заключались просто по расчету. Семейные пары редко появлялись вместе на людях, а если это все же происходило, не в их правилах было держаться вместе. Дети, рождавшиеся от этих союзов, немедленно сдавались на руки няням и воспитателям. «Насколько отличается здесь понимание брака от того, к которому я привыкла», – думала девушка.

Она с тоской вспоминала тех жен и мужей, которых знавала в Портидже. Вспомнила старого мистера Праутера, который летом сидел на крыльце своего дома и что-то читал парализованной жене, едва соображавшей, где она находится. Вспомнила выражение лиц мистера и миссис Мэйкпис, не имевших детей после двадцати лет совместной жизни, когда отец Виктории сообщил им, что миссис Мэйкпис – в положении. Вспомнила, как эти люди, которым было уже немало лет, прильнули друг к другу и заплакали от счастья.

Вот у тех людей был нормальный брак, заключающийся в том, что двое вместе трудятся и помогают друг другу в радости и горе; вместе смеются, вместе растят детей и даже плачут вместе.

Виктория вспоминала о своих отце и матери. Хотя Кэтрин Ситон и не смогла полюбить мужа, все же она устроила для него уютное гнездышко и во всем помогала. Они и время проводили вместе, например, играя у камина в шахматы зимой и прогуливаясь в летние сумерки.

Здесь же, в Лондоне, Виктория Ситон была желанной по одной простой и ничтожной причине – в данный сезон она была «в моде». Стань она женой одного из этих никчемных людишек, она окажется лишь бесполезным украшением стола, когда на званый ужин придут гости.

Виктория знала, что если будет жить так, то никогда не будет счастлива. Ей хотелось оказаться вместе с человеком, который нуждается в ней, чтобы она могла сделать его счастливым и играть важную роль в его жизни. Она хотела быть полезной и иметь в жизни какую-то цель.

Маркиз де Саль всерьез ухаживал за ней, она чувствовала это, но он не

был в нее влюблен, что бы ни говорил.

У Виктории заняло сердце, когда она вспомнила нежные клятвы, произносимые Эндрю. Но оказалось, что это было пустое. И маркиз де Саль не любит ее. Вероятно, состоятельные люди вроде них не способны испытывать подлинную любовь. Вероятно...

Виктория села прямо, услышав, как из залы донесся звук тяжелых шаркающих шагов. Для слуг время было слишком раннее, и, кроме того, они чуть не бегом выполняли веления своего хозяина. Раздались глухой удар о стену и стон.

«Наверное, дядя Чарльз разболелся», – подумала девушка, откинув одеяло и вскочив с постели. Она бросилась к двери и распахнула ее.

– Джейсон! – охнула Виктория, и у нее упало сердце: Джейсон стоял, тяжело привалившись к стене, его левая рука была забинтована. – Что случилось? – выдохнула она, но тут же опомнилась: – Не важно! Не нужно разговаривать. Сейчас я позову людей. – Она было повернулась, но он поразительно ловко для своего состояния перехватил ее руку и удержал; на его лице играла плутоватая улыбка.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне, – сказал Филдинг и положил ей на плечо правую руку, отчего она чуть не присела.

– Отведите меня в мою комнату, Виктория, – попросил он, с трудом произнося слова.

– А где она? – прошептала девушка, когда они заковыляли вдоль коридора.

– Неужели вы не знаете? – ехидно заметил он. – Зато я знаю, где находится ваша.

– И что из этого? – недоумевая, ответила она, пытаясь поудобнее подхватить его.

– Ничего, – согласился он и остановился перед следующей дверью. Виктория открыла ее и помогла ему войти.

Напротив распахнулась другая дверь, и в проеме появился взволнованный Чарльз Филдинг, натягивавший на себя шелковый халат. Он успел натянуть только один рукав, когда Джейсон, ухмыльнувшись, сказал:

– А теперь, мал-ленькая графиня, проводите меня в постель.

Виктория обратила внимание на то, как странно он запинается; ей даже показалось, что в его голосе слышатся какие-то игривые нотки, но она отнесла эти странности на счет его состояния или, возможно, значительной потери крови.

Когда они добрались до большой кровати с четырьмя стойками по углам, он убрал руку с плеча девушки и послушно подождал, пока она

откидывала одеяло; потом уселся и с глуповатой ухмылкой воззрился на нее.

Виктория, скрывая тревогу, посмотрела на него и ласковым профессиональным тоном, перенятым у своего отца, сказала:

– Вы можете объяснить, что с вами произошло?

– Конечно! – обиженно ответил Джейсон. – Я же не слабоумный.

– Так что же все-таки случилось? – повторила она, когда он так и не стал отвечать на вопрос.

– Помогите снять сапоги.

Она заколебалась:

– Думаю, нужно позвать Нортропа.

– Ну ладно, тогда бог с ними, с сапогами, – великодушно решил он и с этими словами улегся на постель, беззаботно скрестив ноги на темно-бордовом одеяле. – Сядьте рядом и дайте мне руку.

– Не говорите чепухи.

Он укоризненно взглянул на нее.

– Вам следовало бы быть мягче со мной, Виктория. В конце концов, меня ранили на дуэли, где отстаивалась ваша честь. – Он потянулся к ней и взял ее руку в свою.

Ужаснувшись упоминанию о дуэли, девушка подчинилась и села рядом.

– О мой Бог... дуэль! Но почему? – Она взглядела в его бледное лицо, увидела его вызывающую усмешку и задумалась. По какой же причине он стрелялся из-за нее? – Пожалуйста, объясните, почему произошла дуэль? – умоляюще попросила она.

Филдинг ухмыльнулся:

– Потому что Уилтшир назвал вас английской деревенщиной.

– Как-как? Джейсон, – озабоченно спросила она, – вы, наверное, потеряли много крови?

– Всю до капельки! – гордо заявил он. – А вам жаль меня?

– Очень, – машинально ответила она. – А теперь попытайтесь объяснить все внятно. Значит, Уилтшир стрелял в вас потому...

Джейсон презрительно фыркнул:

– Уилтшир не стрелял в меня. Он не попал бы и в каменную стенку на расстоянии двух шагов. В меня выстрелило *дерево*.

Потянувшись к Виктории, он взял ее изумленное лицо в ладони, привлек ее ближе к себе, и его голос понизился до шепота.

– Знаете ли вы, как красивы? – хрипло сказал он, и на этот раз ей прямо в лицо дохнуло едким запахом виски.

– Да вы пьяны! – отпрянула она.

– Уг-гу, – запинаясь, добродушно признался он. – Мал-лость покутили с в-вашим приятелем де Салем.

– Бог ты мой! – ахнула девушка. – И он был там?

Джейсон кивнул, но на этот раз молча, зачарованно разглядывая ее. Чудесные волосы ниспадали на плечи подобно беспорядочной массе расплавленного золота, обрамляя лицо потрясающей красоты. Ее кожа была гладкой и белой, как алебастр, брови изящно изогнуты, ресницы густы и на концах чуть загибались вверх. Глаза не уступали цветом и блеском большим светящимся сапфирам, когда она обеспокоенно всматривалась в его лицо, пытаясь оценить его состояние. В каждой ее черточке проглядывали гордость и мужество, начиная от высоких скул и упрямого маленького носа до небольшого подбородка с крошечной очаровательной ямочкой в центре. Но губы были нежные и мягкие, как и груди, вздымавшиеся на уровне его глаз и чуть выступавшие за край корсажа ее отороченной кружевами шелковой сорочки. Они будто напрашивались на прикосновение. Но сначала ему хотелось почувствовать вкус ее губ... Он крепче сжал ее плечо и привлек к себе.

– Лорд Филдинг! – предупреждающе воскликнула она, пытаясь отпрянуть.

– Только что вы называли меня Джейсоном, я не мог ослышаться.

– Я оговорилась, – в отчаянии сказала Виктория.

Его губы дрогнули в неясной улыбке.

– Тогда давайте сделаем еще одну ошибку. – Его пальцы скользнули к ее затылку, и он потянул ее голову к себе.

– Пожалуйста, не надо, – умоляла Виктория, но их губы неумолимо сближались. – Не заставляйте меня драться с вами, я могу ненароком задеть вашу больную руку.

Нажим на ее затылок чуть ослаб, но не настолько, чтобы она могла встать. Джейсон, не выпуская, в задумчивом молчании продолжал разглядывать ее.

Виктория терпеливо ждала, понимая, что он не в себе из-за потери крови, боли и приличной дозы алкоголя. Ни на минуту ей не пришло в голову, что он жаждет ее, и потому она смотрела на него, чуть забавляясь.

– Целовал ли вас кто-нибудь когда-либо по-настоящему, помимо старины Арнольда? – задумчиво спросил Джейсон.

– Его зовут Эндрю, – чуть не рассмеявшись, поправила она.

– Знаете ли вы, что не все мужчины целуются одинаково?

– Неужели? И сколько же мужчин вы перецеловали?

Улыбка тронула его чувственные губы.

– Подвиньтесь ко мне, – хрипло потребовал он, снова мягко потянув ее к себе. Виктория запаниковала.

– Джейсон, прекратите! – взмолилась она. – Вам вовсе не хочется поцеловать меня. Когда вы трезвы, я даже почти не нравлюсь вам.

Он ухмыльнулся.

– Да вы нравитесь мне, как никто! – горько прошептал он, затем притянул ее голову вплотную к своему лицу и впился в ее губы требовательным жгучим поцелуем.

Виктория в ужасе схватила его за плечи и сильно толкнула, чтобы высвободиться. Джейсон тут же запустил пальцы в ее густые волосы и рванул их.

– Не делайте так! – сквозь стиснутые зубы выговорил он. – Мне больно.

– А вы делаете больно мне, – задыхаясь, произнесла она. – Отпустите!

– Не могу, – хрипло прошептал он, но выпустил волосы, и его длинные пальцы вновь легли на ее затылок, а гипнотизирующие зеленые глаза уставились на нее. И так, как будто из него под пыткой вырвали признание, он, запинаясь, сказал: – Десятки раз я пытался отпустить вас, Виктория, но так и не смог.

И пока Виктория приходила в себя от этого невероятного заявления, Джейсон нагнул ее голову к себе и запечатлел на ее губах бесконечный поцелуй, от которого у нее перехватило дыхание. Его губы впивались в ее рот с нежной, голодной тоской, вкушали сладость ее губ и вопрошающе ласкали их, как если бы требовали от нее чего-то большего.

Что-то в глубине ее души отозвалось на его отчаянное одиночество, и она беспомощно ответила на его поцелуй. В ту же минуту его язык заскользил по ее губам, и они раскрылись для долгого и страстного поцелуя.

Волна за волной неведомые доселе чувства охватили ее, и в лихорадке смутного желания она робко коснулась своим языком его губ. Реакция последовала незамедлительно: он застонал и, обхватив здоровой рукой за талию, до боли прижал ее к своей груди.

Не прошло и вечности, как он оторвал губы от ее рта и начал целовать ее горячие щеки, подбородок, скулы. Затем неожиданно замер.

Ощущение реальности происходящего постепенно возвращалось к Виктории, и вместе с ним пришел ужас: она так бесстыдно ведет себя! Ее щека прижималась к его широкой груди, она полулежала на нем, как... как настоящая распутница!

Содрогаясь в душе, Виктория заставила себя поднять голову, не сомневаясь, что встретит его триумфальный и презрительный взгляд, – и это было бы именно то, чего она заслуживала.

– Боже мой, – хрипло прошептал Джейсон; его зеленые глаза горели как уголья. Когда он поднял руку, она инстинктивно отшатнулась, но вместо того чтобы оттолкнуть ее, он положил ладонь на ее пылающую щеку и нежно провел по тонко очерченной скуле. Не понимая, она всматривалась в его полные страсти глаза.

– Ваше имя не идет вам, – задумчиво прошептал он. – «Виктория» – слишком длинно и холодно для такого изящного пылкого создания.

Будто загипнотизированная его горящим взглядом и нежным голосом, девушка сглотнула комок и проговорила:

– Родители звали меня Тори.

– Тори, – повторил он улыбаясь. – Это имя мне нравится – оно прекрасно подходит вам. – Джейсон не отрывал от ее лица пристального взгляда, продолжая поглаживать ее плечи и руки. – Мне также нравится, как ваши волосы сияют на солнце, когда вы отъезжаете в экипаже с Кэролайн Коллингвуд, – продолжал он. – И нравится слушать ваш смех. Нравится блеск глаз, когда вы сердитесь... А знаете, что еще мне нравится? – спросил он, смыкая сонные глаза.

Виктория покачала головой, замороженная его голосом и нежностью речи.

С закрытыми глазами и улыбкой на губах он пробормотал:

– Больше всего... мне нравится, как вы накидываете на себя пеньюар, который сейчас на вас...

Виктория оскорбленно отпрянула, и его рука безвольно упала на подушку. Он крепко спал.

Округлившимися от изумления глазами она смотрела на него, не зная, что думать и как к этому отнестись. Поистине он был удивительно высокомерным, смелым... Гнев, который она попыталась вызвать в себе, никак не пробуждался, и она, глядя на спящего грозного лорда Филдинга, не могла сдержать улыбки. Жесткие черты его лица во сне смягчились, и без обычной циничной ухмылки на губах он выглядел уязвимым, в нем даже появилось что-то мальчишеское.

Она улыбнулась еще нежнее, заметив, какие у него невероятно густые ресницы – длинные и «колосистые», – любая девушка была бы не прочь иметь такие. Рассматривая его, она задала себе вопрос, каким он был в детстве. Наверняка не таким, как сейчас: сухим, властным и недоступным.

– Эндрю разрушил все мои девичьи мечты, – подумала она вслух. –

Интересно, кто разрушил ваши?

Он повернул голову, и прядь волнистых темных волос упала ему на лоб. С каким-то странным материнским чувством и отчасти из озорства Виктория протянула руку и кончиками пальцев откинула непослушную прядь со лба.

– Выдам вам один секрет, – призналась она, зная, что он не слышит ее. – Вы тоже нравитесь мне, Джейсон.

В коридоре щелкнула закрывшаяся дверь, и Виктория, чувствуя себя виноватой, вскочила, поправила халат и пригладила волосы. Но когда она выглянула, там уже никого не было.

Глава 18

Когда Виктория спустилась в столовую на завтрак, к ее огромному удивлению, дядя Чарльз уже сидел за столом и выглядел беспредельно счастливым.

– Вы, как всегда, прелестны, – сказал он, весь сияя, поднявшись и помогая ей сесть.

– А вы, дядя Чарльз, сегодня выглядите даже лучше, чем обычно, – ответствовала она с улыбкой, наливая чаю и добавив молока.

– Никогда и не чувствовал себя лучше, – весело заявил он. – Скажите, как поживает Джейсон?

Виктория уронила ложку.

– Я слышал, – спокойно пояснил герцог, – как он шел рано утром через залу, до меня донесся также и ваш голос. Мне показалось, – Чарльз сделал деликатную паузу, – что он был чуть-чуть навеселе. Не так ли?

Виктория бодро кивнула:

– Пьян в стельку!

Оставив это заявление без комментариев, герцог продолжил:

– Нортроп сообщил мне, что час назад заезжал ваш друг Уилтшир, настойчиво справлявшийся о здоровье Джейсона. – Чарльз бросил на нее веселый многозначительный взгляд. – Мне показалось, Уилтшир считает, что рано утром маркиз стрелялся на дуэли и был ранен.

Виктория поняла, что бесполезно пытаться что-то утаивать от него. Она, посмеиваясь, кивнула:

– Если верить тому, что сказал мне Джейсон, он стрелялся с лордом Уилтширом из-за того, что тот назвал меня английской деревенщиной.

– Уилтшир до смерти надоедал мне, испрашивая разрешения наносить вам официальные визиты. Не могу поверить этой басне.

– Я тоже. Такое заявление кажется мне весьма странным в устах моего поклонника.

– Абсолютно с вами согласен, – бодро согласился Чарльз. – Но какова бы ни была причина дуэли, судя по всему, Уилтшир ранил Джейсона.

В глазах девушки запрыгали веселые искорки.

– По словам лорда Филдинга, он получил ранение в руку от *дерева*.

– Оригинально, – забавляясь, отметил герцог, – *именно это* слышал и Нортроп от молодого Уилтшира! – Через мгновение он добавил: – Не важно. Насколько я понял, доктор Уортинг после ранения сделал все

необходимое. Он друг Джейсона и мой и к тому же прекрасный врач. Если бы здоровью Джейсона угрожала опасность, он уже был бы здесь и ухаживал за ним. Уортинг также заинтересован в том, чтобы дело не получило огласки, – ведь, как вам известно, дуэли запрещены.

Виктория побледнела, и герцог перегнулся через стол и, накрыв ее руку ладонью, успокаивающе пожал ее.

– Беспокоиться абсолютно не о чем. – В его голосе сквозила невыразимая нежность. – Не могу сказать вам, как... как глубоко я счастлив, что вы с нами, дитя мое. Мне так много нужно вам рассказать о Джей... обо всем, – поперхнувшись, поправился он. – Скоро наступит такой момент, когда я смогу сделать это.

Виктория воспользовалась случаем, чтобы вновь настойчиво попросить герцога рассказать о его знакомстве с матерью, но Чарльз лишь покачал головой и с торжественным видом сказал:

– Скоро я это сделаю, но еще рано.

День тянулся так долго, что казалось, никогда не кончится, а Виктория все ждала, когда появится Джейсон, и думала, как он поведет себя после этой ночи. Она пыталась представить возможные варианты их встречи. Может быть, он будет презирать ее за то, что она позволила ему поцеловать себя. Может, возненавидит себя за признание, что она ему нравится. А возможно, все это с его стороны было лишь шуткой.

Виктория была совершенно уверена, что его вчерашнее поведение явилось следствием выпитого алкоголя, но ей очень хотелось верить, что происшедшее предыдущей ночью приведет к более теплым отношениям. За последние недели лорд Филдинг стал ей далеко не безразличен; он ей нравился, и она восхищалась им. А кроме того, она... Кроме того... нет, об этом лучше не думать.

С течением времени ее надежда стала таять, а напряжение все нарастало. Это состояние лишь усугублялось визитами двух дюжин гостей, приезжавших выведать правду о дуэли Джейсона. Нортроп сообщал всем и каждому, что миледи отсутствует, и Виктория продолжала ждать.

Наконец в час дня Джейсон сошел вниз, но лишь для того, чтобы направиться прямо в кабинет, где его ожидали лорд Коллингвуд и еще двое мужчин, приехавшие посоветоваться по поводу капиталовложений.

В три часа Виктория прошла в библиотеку. Крайне раздосадованная собой, она устроилась там, пытаясь сосредоточиться на книге, не в состоянии вести беседу с дядей Чарльзом, который сидел в сторонке у окна и просматривал журнал.

К тому времени, когда Джейсон в конце концов появился в библиотеке,

у нее были настолько расстроены нервы, что она чуть не подпрыгнула, увидев его.

– Что вы читаете? – скучным голосом поинтересовался он, остановившись перед ней и сунув руки в карманы обтягивающих желто-коричневых брюк.

– Кажется, Шелли, – после долгой неловкой паузы сказала она, совершенно забыв, какую книгу держит в руках.

– Виктория, – начал он, и она впервые заметила напряжение на его лице. Он колебался, как будто подыскивал нужные слова, а затем произнес: – Сделал ли я вчера ночью что-нибудь такое, за что должен извиниться?

У нее упало сердце: он ничего не помнил.

– Не припоминаю, – сказала она, пытаясь не выказать разочарования.

На его лице мелькнула призрачная улыбка.

– Обычно тот, кто не может вспомнить, являет собой образец снисходительности.

– А-а! Нет-нет, ничего такого вы не сделали.

– Хорошо. В таком случае увидимся попозже, когда поедem в театр... – И с лучезарной улыбкой многозначительно добавил: – Тори. – А затем повернулся, чтобы уйти.

– Вы же сказали, что ничего не помните! – не в силах сдержаться, выпалила она.

Джейсон повернулся к ней с откровенно хищной усмешкой.

– Я помню все, Тори. Просто мне хотелось знать *ваше* мнение: сделал ли я что-нибудь такое, за что мне следовало бы извиниться?

У Виктории вырвалось:

– Вы самый несносный человек на свете!

– Верно, – признал он тоном нераскаявшегося грешника, – но все равно я вам *нравлюсь*.

Ее щеки пылали, когда он выходил из библиотеки. Даже в самом дурном сне она не могла бы себе представить, что он бодрствовал, когда она сказала это. Девушка откинулась на спинку кресла и закрыла глаза в полнейшем смятении. Так она сидела, не шевелясь, пока какое-то движение у окна не напомнило ей о том, что она не одна. Виктория быстро открыла глаза и увидела герцога с выражением радостного триумфа на лице.

– Молодчина, дитя мое, – нежно заметил он. – Я всегда надеялся, что потихоньку он вам начнет нравиться, и я вижу, что это так.

– Да, но я не понимаю его, дядя Чарльз.

Ее признание, казалось, еще больше порадовало герцога.

– Если он вам нравится теперь, когда вы его не понимаете, то это чувство стократно возрастет, когда вы его начнете понимать, это я вам обещаю. – Он встал. – Полагаю, мне пора. Остаток дня я проведу со старым приятелем, у нас с ним свидание.

Когда вечером Виктория вошла в гостиную, Джейсон уже ожидал ее. Его высокую фигуру ладно облегал костюм вишневого цвета, а в белоснежно-белом шейном платке мерцал рубин. Когда он протянул руку за бокалом вина, стало видно, что его запонки украшены такими же рубинами.

– Вы забыли надеть повязку на руку! – сказала девушка.

– А вы не готовы для выхода в театр, – парировал он. – А потом, после театра, мы едем на бал к Морттрамам.

– Мне вовсе не хочется ехать куда-либо. Я уже послала записку маркизу де Салю с просьбой извинить меня за то, что я не поужинаю с ним у Морттрамов.

– Это его подкосит под корень, – с довольным видом предупредил Джейсон. – В особенности когда он узнает, что вместо него вы поужинали со мной.

– О, но я не могу!

– Можете, – сухо возразил он.

– Мне бы хотелось, чтобы вы надели повязку, – повторила Виктория.

Джейсон явно забавлялся, и ей стало не по себе.

– Если я появлюсь на людях с повязкой, этот молокосос Уилтшир разнесет по всему Лондону слух, что на меня напало дерево.

– Сомневаюсь, – сказала она. – Он очень молод и потому, вероятнее всего, начнет хвастать, что одолел вас на дуэли.

– А это еще ужаснее, чем быть пораненным деревом. Этот Уилтшир, – с омерзением пояснил он, – не знает, каким концом пистолета нужно целиться.

Виктория заглушила смешок.

– Но зачем мне ехать с вами, если вашей единственной целью является появление в обществе целым и невредимым?

– Потому что если вас не будет рядом, какая-нибудь женщина, мечтающая стать герцогиней, захочет опереться на мою больную руку. А кроме того, мне хочется взять вас с собой.

Виктория не могла противостоять его ироническим доводам.

– Ладно, – рассмеялась она. – Я бы не пережила, если бы из-за меня рухнула ваша репутация непобедимого дуэлянта. – Она уже было повернулась, но затем остановилась и молвила с дерзкой улыбкой: – А

правда, что вы застрелили добрую дюжину человек на дуэлях в Индии?

– Нет, – резко ответил он. – А теперь бегите и переоденьтесь.

Казалось, в этот вечер в театре был весь лондонский свет, и когда Виктория и Джейсон заняли ложу, все глаза уставились на них. Веера трепетали, отовсюду доносился шепоток. Поначалу Виктория предположила, что все удивились при виде целого и невредимого лорда Филдинга, который вовсе не был похож на раненого, но постепенно ее мнение изменилось. Как только в антракте они с Джейсоном вышли в фойе, она поняла, что происходит нечто странное. Леди всех возрастов, прежде относившиеся к ней по-дружески, теперь глядели на нее с окаменевшими лицами и бросали порицающие взгляды. И наконец она поняла причину. До всех дошли слухи о том, что Джейсон дрался из-за нее на дуэли. В результате под сомнением оказалась ее собственная репутация.

Недалеко от них стояла старая леди в белом шелковом тюрбане с крупным аметистом, сузившимися глазами наблюдавшая за Джейсоном и Викторией.

– Итак, – прошипела герцогиня Клермонт своей пожилой компаньонке, – Уэйкфилд дрался из-за нее на дуэли.

– Так говорят, ваша светлость, – поддакнула леди Фолклин.

Герцогиня Клермонт оперлась на трость из эбенового дерева и стала разглядывать свою правнучку.

– Она копия Кэтрин.

– Да, ваша светлость.

Увядающие голубые глаза герцогини оглядели Викторию с ног до головы, затем остановились на Джейсоне Филдинге.

– Ну и красив этот дьявол, а?!

Леди Фолклин побледнела, не рискуя ответить утвердительно.

Не обращая внимания на ее молчание, герцогиня постучала кончиками пальцев по украшенной драгоценными камнями ручке трости и продолжила осмотр маркиза Уэйкфилда.

– Он похож на Атертона.

– Да, есть некоторое сходство, – нехотя рискнула согласиться компаньонка.

– Вздор! – оборвала ее герцогиня. – Уэйкфилд – точный портрет Атертона в молодости.

– Несомненно! – объявила леди Фолклин.

Зловещая ухмылка появилась на худом лице герцогини.

– Атертон думает, что ему удастся породнить наши семьи против моей воли. Он ждал двадцать два года, чтобы насолить мне, и теперь уверен, что

преуспеет. – Глухой кашель сотряс ее грудь, пока она разглядывала прекрасную пару, стоявшую неподалеку. – Но Атертон ошибается.

Виктория с трудом отвела взгляд от старой леди с суровым лицом и затейливым тюрбаном на голове. Казалось, все устали на них с Джейсоном, даже старушки, с которыми она до сих пор не встречалась, вроде этой. Она опасливо посмотрела на Филдинга.

– Мое появление здесь с вами – ужасная ошибка, – сказала она, принимая из его рук рюмку с миндальным ликером.

– Почему? Ведь вам нравится пьеса. – И он усмехнулся, глядя в ее обеспокоенные синие глаза. – А я наслаждался тем, что любовался вами.

– Но вы не должны любоваться мной и в особенности не должны выглядеть так, будто наслаждаетесь этим, – сказала Виктория, стараясь скрыть удовольствие, которое ей доставил этот тривиальный комплимент из его уст.

– Почему бы нет?

– Потому что все смотрят на нас.

– Они видели нас и раньше, – сказал Джейсон, бесстрастно пожав плечами.

Но неловкость усугубилась в значительной степени, когда они приехали на бал. Стоило им войти в залу, как вся публика, казалось, повернула головы в их сторону и явно недружелюбно принялась разглядывать их.

– Джейсон, это ужасно! Здесь еще хуже, чем в театре. Там хотя бы некоторые смотрели на сцену. Здесь же все смотрят только на нас, и будьте любезны, – взмолилась она, сменив тему, – перестаньте так обворожительно мне улыбаться, ведь они все видят!

– Так я обворожителен? – поддразнил он, но сам скользнул быстрым взглядом по лицам присутствующих.

– По-моему, здесь всего лишь, – мягко протянул он, кивнув головой вправо, – полдюжины ваших безутешных воздыхателей, которые выглядят так, словно придумывают способ, как бы поскорей перерезать мне глотку.

Виктория в отчаянии чуть не топнула ногой.

– Вы намеренно не хотите замечать происходящего! Кэрлайн Коллингвуд в курсе всех on dit^[6], и она говорила мне: никто не верит, что мы с вами всерьез питаем интерес друг к другу. Болтают, что мы поддерживаем легенду о помолвке лишь ради дяди Чарльза. Но теперь вы дрались на дуэли из-за того, что кто-то прошелся на мой счет, и это меняет все. Теперь они подсчитывают, сколько времени вы проводите в доме, когда я нахожусь там...

– Как ни странно, но это мой собственный дом, – протянул Джейсон, и его брови сошлись над горящими зелеными глазами.

– Я знаю, но дело не в этом. Теперь все, в особенности леди, награждают нас всеми возможными пороками. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, то этому не придавали бы такого значения.

Голос Джейсона обратился в тихий, леденящий душу шепот:

– Вы ошибаетесь, если считаете, что я придаю хоть малейшее значение тому, что думают люди, включая вас. Не трудитесь читать мне лекцию о принципах, ибо у меня их нет, и не принимайте меня за джентльмена, коим я вовсе не являюсь. Я жил в таких местах, о которых вы даже представления не имеете, и везде занимался такими делами, которые оскорбили бы все ваши пуританские чувства. Вы невинный, наивный ребенок... А я никогда не был невинным. Я даже никогда не был ребенком. Однако, поскольку вы так озабочены тем, что думают люди, это легко поправить. Можете провести остаток вечера со своими жеманными ухажерами, а я найду кого-нибудь, кто будет развлекать меня.

Виктория была так сконфужена и обижена его неоправданным выпадом, что не знала, что и сказать, когда он отошел от нее. Тем не менее она поступила *точно* по его высказанному в такой грубой форме рецепту, и хотя на нее стали бросать меньше омерзительно любопытных взглядов, настроение у нее было ужасное.

Оскорбленная гордость заставляла ее делать вид, будто она наслаждается танцами со своими партнерами и вслушивается в их льстивую болтовню, но на деле ее слух был настроен лишь на звуки голоса Джейсона, и ее сердце екало, когда он оказывался вблизи.

С нарастающей тоской Виктория наблюдала, как Джейсон хладнокровно стоял в кругу трех прелестных блондинок, которые соперничали друг с другом, добиваясь его внимания, и из кожи вон лезли только ради того, чтобы увидеть, как он нехотя улыбается.

Не раз после прошлой ночи она позволяла себе погрузиться в воспоминания о сладости его поцелуя. И сейчас она просто не в состоянии была думать ни о чем, кроме того, чтобы он опять стоял рядом с ней, а не флиртовал с теми дамочками, и дьявол с ним, с общественным мнением!

В этот момент молодой человек лет двадцати пяти напомнил ей, что она обещала ему следующий танец.

– Да, конечно, – вежливо, но без энтузиазма ответила она. – Кстати, который сейчас час, мистер Баскоум? – спросила девушка, когда он повел ее в танце.

– Полдвенадцатого.

Виктория чуть не застонала. Сколько еще придется мучиться, пока этот бал наконец завершится!

...Чарльз вставил ключ в замочную скважину и открыл парадное как раз в тот миг, когда Нортроп поспешил навстречу герцогу.

– Не было никакой нужды дожидаться меня, Нортроп, – добродушно сказал Чарльз, передавая ему шляпу и трость. – Который час?

– Половина двенадцатого, ваша светлость.

– Лорд Филдинг и леди Виктория появятся лишь ранним утром, так что не вздумай ждать их, – посоветовал он. – Ты ведь знаешь, что эти балы продолжаются далеко за полночь.

Нортроп пожелал ему доброй ночи и исчез в своей комнате. Чарльз повернул в противоположную сторону и направился к салону, намереваясь насладиться бокалом портвейна и поразмышлять о романе Джейсона и Виктории, который наконец завязался накануне ночью.

Он пошел через приемную залу, но громкий, настойчивый стук в парадную дверь заставил его остановиться и повернуть назад. Полагая, что, должно быть, юная парочка забыла ключи и вернулась домой пораньше, он открыл дверь с приветственной улыбкой, которая сменилась вопрошающим взглядом, когда он увидел перед собой высокого, хорошо одетого мужчину лет тридцати.

– Простите меня, что я потревожил вас в такое позднее время, ваша светлость. Меня зовут Артур Уинслоу, моя юридическая фирма имеет срочное поручение от родственной фирмы в Америке: мне необходимо немедленно передать это письмо вам, а второе – мисс Виктории Ситон.

– Леди Ситон нет дома, – сказал Чарльз, а в его мозгу уже возникла мысль о неминуемой катастрофе.

– Я знаю, ваша светлость. – Молодой человек жестом показал на свой экипаж, ожидавший на улице. – Как только мной были получены эти письма, я срочно прибыл сюда и ждал вашего возвращения. Согласно полученным нами инструкциям, в случае отсутствия леди мы должны передать это письмо вам, чтобы вы вручили его адресату. – С этими словами он вложил второе письмо во вспотевшую ладонь Чарльза и приподнял шляпу. – Доброй ночи, ваша светлость.

Холодный страх охватил герцога, когда он закрывал парадное и распечатывал письмо. Первым делом он поискал глазами имя отправителя. «Эндрю Бэйнбридж», – прочитал он.

Герцог пристально смотрел на эти буквы, и у него заныло сердце; затем он заставил себя читать. По мере чтения его лицо становилось все

бледнее и буквы поплыли перед глазами.

Когда письмо было прочитано, печали герцога не было предела. У него затряслись плечи и по щекам заструились слезы, ибо всем его мечтам и надеждам пришел конец. Это был такой удар, от которого заломило виски. Когда слезы высохли, он постоял неподвижно еще несколько минут, незрячим взглядом уставясь в пол.

Затем понемногу его плечи распрямились и он поднял голову.

– Нортроп! – крикнул Чарльз, поднимаясь по ступенькам лестницы, но вместо своего голоса услышал приглушенный шепот. Он прочистил горло и снова позвал: – Нортроп!

Дворецкий прибежал в ту же минуту, на бегу накидывая ливрею.

– Звали, ваша светлость? – тревожно посмотрел он на герцога, остановившегося на середине лестницы и судорожно вцепившегося в перила.

Чарльз обернулся и посмотрел на него.

– Вызови доктора Уортинга, – приказал он. – Скажи, чтобы он немедленно приехал, это срочно.

– Послать сразу же и за лордом Филдингом и леди Викторией?

– Да нет же, черт возьми! – буркнул герцог, но тут же опомнился. – После прибытия доктора Уортинга я дам тебе знать, как поступать дальше, – поправился он, продолжая медленно подниматься по лестнице.

Уже начинало светать, когда кучер маркиза Уэйкфилда остановил гарцующих серых в яблоках коней у дома номер шесть по Аппер-Брук-стрит. Ни Джейсон, ни Виктория за всю дорогу не промолвили ни слова, но когда девушка заметила, как Джейсон напрягся, она выпрямилась и огляделась, ища причину его тревоги.

– Чей это экипаж?

– Доктора Уортинга. Я узнаю его гнедых. – Джейсон быстро распахнул дверцу, выскочил из экипажа и бесцеремонно вытащил девушку, а затем помчался к подъезду, перепрыгивая через ступеньки и словно забыв о Виктории. Девушка подобрала длинные юбки и бросилась за ним. Когда бледный как мел Нортроп открыл парадное, ее охватила паника.

– Что случилось? – резко спросил Джейсон.

– Ваш дядя, милорд, – мрачно ответил старый дворецкий. – У него сердечный приступ. С ним доктор Уортинг.

– Боже мой! – воскликнула Виктория, в страхе цепляясь за рукав Джейсона.

И они вместе пустились бежать вверх по лестнице, а Нортроп крикнул им вслед:

– Доктор Уортинг просил без предупреждения не входить!

Джейсон только собирался постучать, как доктор Уортинг сам вышел к ним. Он плотно прикрыл за собой дверь и сказал:

– Я слышал, как вы подъехали.

– Ну и как он?

Врач снял пенсне и стал задумчиво протирать стекла. Наконец, глубоко вздохнув, он поднял голову.

– У него очень серьезный рецидив, Джейсон.

– Нам можно к нему?

– Да, но должен предупредить вас обоих: не делайте и не говорите ничего такого, что может взволновать его.

Голос Виктории задрожал:

– Он не... не...

– Рано или поздно мы все туда уйдем, дорогая, – сказал доктор с таким мрачным видом, что у Виктории подкосились ноги.

Они вошли в комнату к находившемуся при смерти герцогу и встали по обе стороны изголовья. Прикроватная тумбочка была ярко освещена светом свечей, но Виктории все в этой комнате показалось таким же темным и пугающим, как ожидающая своего жильца отверстая могила. На одеяле лежала безжизненная рука Чарльза, и, глотая слезы, девушка взяла ее в свои ладони, отчаянно надеясь вдохнуть в него хоть капельку своей силы.

Глаза Чарльза судорожно приоткрылись, и ему с огромным трудом удалось сфокусировать взгляд на ее лице.

– Мое дорогое дитя, – еле слышно прошептал он. – Я не собирался отойти в лучший мир так скоро. Сначала мне хотелось увидеть, что вы счастливо устроили свою жизнь. Кто позаботится о вас, когда меня не будет? Разве у вас есть еще кто-нибудь, кто приютит вас и обеспечит всем необходимым?

Слезы градом текли по щекам девушки. Она так любила его и вот теперь теряет! Виктория пыталась вымолвить что-то, но застрявший в горле комок заглушил ее голос, и ей оставалось лишь крепче пожать слабую руку герцога.

Чарльз с трудом повернул голову на подушке и взглянул на Джейсона.

– Вы так похожи на меня, – прошептал он, – так же упрямы. А теперь будете так же одиноки, как и я.

– Вам нельзя разговаривать, – хриплым голосом сказал Джейсон. – Отдохните.

– Я не могу себе этого позволить, – еле слышно возразил Филдинг-

старший. – Я не могу спокойно покинуть этот мир, зная, что Виктория останется одна-одинешенька на всем белом свете. Вы оба осиротеете, каждый по-своему. Она не может оставаться под вашей опекой, Джейсон. Этого общество вам никогда не простит...

Его голос совсем затих. Собрав последние силы, он обернулся к Виктории:

– Виктория, вас называли в мою честь. Мы с вашей мамой любили друг друга. Я... собирался рассказать об этом как-нибудь, но теперь уже не успею.

Девушка больше не могла сдерживаться: она уткнулась головой в его грудь, и ее плечи сотрясались от рыданий.

Чарльз оторвал взгляд от плачущей Виктории и снова перевел его на Джейсона.

– Я мечтал, что вы с Викторией поженитесь. Я так надеялся, что вы будете вместе, когда меня не станет...

Лицо Джейсона превратилось в серую горестную маску. Он кивнул и через силу произнес:

– Я позабочусь о ней... Да, я женюсь на ней, – быстро поправился он, когда Чарльз пошевелинулся.

Виктория, ошеломленная, обратила опухшие от слез глаза на Джейсона; но затем сообразила, что он просто пытается утешить Чарльза в этот скорбный час.

Герцог, измученный столь продолжительной беседой, прикрыл глаза.

– Я не верю вам, Джейсон.

В ужасе и отчаянии Виктория упала на колени возле постели, не выпуская руки Чарльза.

– Вы не должны волноваться из-за нас, дядя! – безутешно плакала она.

Из последних сил повернув голову, Чарльз приподнял тяжелые веки.

– Вы можете поклясться? Поклянитесь, что женитесь на Виктории и всегда будете заботиться о ней.

– Клянусь! – подтвердил Джейсон, и огонь в его глазах убедил девушку, что это вовсе не ложь. Речь шла о клятве, данной умирающему человеку в его последний час.

– А вы, дитя мое? Можете ли вы торжественно поклясться, что будете с ним?

Виктория напряглась. Это был не тот случай, когда можно вспоминать прошлые обиды и недомолвки. Она оказалась перед лицом жестокого выбора: без Джейсона и без Чарльза она останется совсем одна. Она вспомнила пьянящий восторг от поцелуев Джейсона... Пусть он бывает

порой властным, надменным и холодным, но у него сильный характер, и он поддержит ее в трудную минуту. То немногое, что еще оставалось от ее смутных планов на будущее – заработать денег и вернуться в Америку, – уступило место более насущной необходимости – выжить и облегчить последние часы дяди Чарльза, лежащего на смертном одре.

– Итак, Виктория?

– Клянусь, – убито прошептала она.

– Спасибо, – пробормотал Чарльз, стоически силясь изобразить на безжизненном лице улыбку. Он выпростал левую руку из-под одеяла и сжал запястье Джейсона. – Теперь я могу спокойно встретить смерть.

И вдруг Джейсон напрягся. Его глаза вопросительно устремились на Чарльза, а на лице появилась холодная усмешка. Полным иронии голосом он согласился:

– Да, теперь вы можете спокойно отойти в иной мир.

– Нет! – вскрикнула Виктория, рыдая. – Не умирайте, дядя Чарльз! Пожалуйста! – Отчаянно пытаюсь найти достойную цель, ради которой он должен бороться за жизнь, она выдохнула: – Если вы умрете, то не сможете быть посаженным отцом на нашей свадьбе...

Доктор Уортинг выступил вперед и услужливо помог девушке подняться с колен. Кивнув Джейсону, чтобы тот следовал за ним, он вывел ее в залу.

– Хватит, дорогая, – утешал он ее. – А то вы заболаете.

Виктория подняла заплаканное лицо.

– Он не выживет, доктор Уортинг?

Добродушный врач сочувственно похлопал ее по руке.

– Я останусь с ним и дам вам знать, если что-нибудь изменится. – И, не добавив ничего более утешительного, он вернулся к герцогу, снова плотно притворив за собой дверь.

Виктория и Джейсон спустились в салон. Джейсон сел рядом и, утешая, обнял ее, дав ей возможность уткнуться ему в плечо. Виктория прижалась лицом к его широкой груди и рыдала до тех пор, пока не выплакала все слезы. Остаток ночи она провела в целомудренных объятиях Джейсона, бодрствуя и шепча про себя молитвы.

А герцог Атертон до рассвета играл в карты с доктором Уортингом.

Глава 19

Днем доктор Уортинг сообщил, что герцог все еще держится. На следующий день он спустился в столовую, где лорд Филдинг и леди Виктория обедали, и сообщил, что Чарльзу «кажется, гораздо лучше».

Виктория не могла сдержать радости, зато Джейсон лишь повел бровью и пригласил врача отобедать с ними.

– М-м, благодарю, – сказал доктор Уортинг, бросив острый взгляд на непроницаемое лицо Джейсона. – Полагаю, что только на очень короткое время могу оставить своего пациента без присмотра.

– Не сомневаюсь, – сухо заметил Джейсон.

– Вы думаете, он поправится, доктор? – вырвалось у девушки, удивленной тем, что Джейсон может оставаться таким невозмутимым.

Старательно избегая испытующего взгляда Джейсона, доктор Уортинг беспокойно взглянул на Викторию и прочистил горло.

– Трудно сказать. Понимаете, он говорит, что хочет дожить до вашей свадьбы. И он изо всех сил старается, чтобы это ему удалось. Можно сказать, что таким образом у него появился стимул выжить.

Виктория закусила губу и смущенно взглянула на Джейсона, прежде чем спросить врача:

– А что будет, если он начнет выздоравливать, а мы... мы скажем ему, что передумали?

Джейсон ответил за доктора вкрадчивым голосом:

– В этом случае у него обязательно будет новый рецидив болезни. – И, повернувшись к врачу, сухо сказал: – Не правда ли, доктор?

Доктор Уортинг отвел взгляд от ледяных глаз лорда Филдинга.

– Уверен, что вы знаете его лучше, чем кто-либо, Джейсон. Что будет, по вашему мнению?

Маркиз пожал плечами:

– По-моему, у него опять будет сердечный приступ.

Виктория подумала, что судьба как бы намеренно мучает ее, лишив дома и родителей, вынудив жить в чужой стране, а теперь еще заставляя вступить в брак с человеком, которому она безразлична.

После того как мужчины ушли, она еще долго сидела за столом, бездумно ковыряя вилкой в тарелке и пытаясь найти для себя и для Джейсона выход из сложившейся ситуации. К ней словно в насмешку над ее горем вернулись мечты о счастье, об уютном доме, где она коротала бы

вечера с любящим супругом и очаровательным малышом на руках, и Виктория позволила себе пожалеть о своей судьбе.

В конце концов, она не требовала от жизни чего-то особенного; не мечтала о мехах и драгоценностях, о том, чтобы возвращаться в высшем обществе, иметь огромный особняк, где она могла бы царить и властвовать. Ей хотелось не большего, чем у нее было в Америке, если не считать маленького дополнения в лице мужа и ребенка.

Викторию обуяла смертельная тоска по родному дому, и она в печали уронила голову. Как бы ей хотелось повернуть время вспять хотя бы на год и задержаться там, послушать рассказы отца о больнице, которую он мечтал выстроить, потолковать с земляками, с которыми она так сроднилась.

Она бы отдала все на свете, лишь бы опять оказаться дома. Перед ее мысленным взором возникло красивое, смеющееся лицо Эндрю, и Виктория огромным усилием воли стерла из памяти эту картину, отказываясь снова проливать слезы по неверному юноше, которого прежде обожала. Она отодвинула стул и пошла искать Джейсона. Эндрю оставил ее, зато Джейсон здесь и обязан помочь ей придумать какой-то выход, чтобы брак, которого они оба не желают, не был заключен.

Виктория обнаружила его одного в кабинете – грустного, погруженного в невеселые мысли; он стоял, опираясь на каминную полку, а его невидящий взгляд был устремлен на пустой камин. Виктория почувствовала к нему глубокую жалость, поняв, что он просто напускал на себя холодный и бесстрастный вид в присутствии доктора Уортинга, а здесь, где его никто не видит, может позволить себе предаться тоске.

Она подавила острое желание подойти и попытаться утешить его, заранее зная, что он отвергнет ее жалость, и спокойно произнесла:

– Джейсон!

Он поднял голову и с непроницаемым лицом посмотрел на нее.

– Что будем делать?

– По поводу?

– По поводу несусветной идеи дяди Чарльза о нашем браке.

– Почему несусветной?

Викторию удивила подобная реакция, но она была полна решимости спокойно и откровенно обсудить сложившееся положение.

– Потому что я не хочу выходить за вас.

Его глаза посуровели.

– Я прекрасно знаю это.

– И вы ведь тоже не хотите жениться, – рассудительно добавила она.

– Верно. – Снова уставившись в пустой очаг, он погрузился в молчание. Виктория ждала, что он скажет еще что-нибудь; не дождавшись, она вздохнула и собралась уходить. Но Джейсон вдруг прервал молчание, и его слова заставили ее обернуться и застыть в изумлении.

– Однако наш брак мог бы дать каждому из нас что-то такое, чего мы оба хотим.

– О чем вы? – спросила она, всматриваясь в его нервный профиль и пытаясь понять, к чему он клонит. Джейсон выпрямился и повернулся лицом к ней, засунув руки в карманы брюк.

– Вы хотите вернуться в Америку, чтобы быть независимой, жить среди своих друзей и, возможно, построить больницу, о которой мечтал ваш отец. Я слышал все это от вас. Если вы честны перед собой, то признаетесь, что вам хочется вернуться туда, чтобы показать Эндрю и всем остальным, что его предательство не имеет для вас никакого значения – что вы так же легко забыли его, как он вас, и нашли свою судьбу.

Виктория почувствовала такое унижение от этих слов, что до нее не сразу дошел смысл следующей фразы Джейсона.

– А я, – молвил он равнодушно, – хочу сына. – У нее от изумления раскрылся рот. А он спокойно продолжал: – Мы могли бы дать друг другу то, чего хочет каждый из нас. Выходите за меня и дайте мне сына. В обмен на это я отправлю вас в Америку с деньгами, которых хватит для того, чтобы жить по-королевски и построить дюжину больниц.

Виктория с недоверием смотрела на собеседника.

– Дать вам сына? – эхом повторила она. – Дать вам сына, и тогда вы отправите меня в Америку? Дать вам сына и оставить его здесь?

– Ну, не такой уж я эгоист – можете держать его при себе, скажем... пока ему не минет четыре годика. До этого возраста ребенок нуждается в матери. А затем он должен быть со мной. Может быть, вы захотите остаться с нами, когда привезете его. Меня бы больше устроило, чтобы вы остались здесь навсегда, но это уже на ваше усмотрение. Однако есть одно условие, на котором я буду настаивать.

– Что за условие? – едва соображая, спросила она.

Он на мгновение заколебался, как если бы хотел более четко сформулировать ответ, и когда наконец заговорил, то смотрел в сторону, избегая встретиться с ней глазами.

– Поскольку вы очертя голову принялись защищать меня от всевозможных нападок в тот вечер, в обществе сочли, что вы не презираете и не опасаетесь лорда Филдинга. Если вы согласитесь на этот брак, то вам придется подкрепить это мнение и ничего не делать и не говорить в

противовес ему.

Иными словами, независимо от того, что будет происходить между нами наедине, я хочу, чтобы на людях вы вели себя так, будто вышли за меня не только из-за моих денег и титула. Или, попросту говоря, как будто мы влюбленная пара.

Слушая его, Виктория вспомнила горькое замечание Джейсона на балу о том, что она ошибается, если считает, что его хоть чуть-чуть заботит то, что думают в обществе... «Он лгал, – подумала она с нежностью. – Его явно заботит, что подумают люди». Виктория пристально смотрела на этого якобы хладнокровного, бесчувственного человека, стоявшего перед ней. Он и сейчас выглядел мощным, надменным и уверенным в себе. Было просто невозможно поверить, что он нуждался в сыне, или в ней, или еще в ком-нибудь, – так же, как невозможно было поверить в его беспокойство по поводу того, что люди боялись и не доверяли ему. Невозможно, и все-таки это было так.

Она вспомнила, каким по-мальчишески открытым было его лицо в ночь дуэли, когда он дразнил ее и уговаривал поцеловать в губы. Вспомнила острое желание, чувствовавшееся в его поцелуе, и отчаянную тоску, прозвучавшую в его словах: *«Я пытался десятки раз отпустить вас, но не смог»*.

Возможно, под этой бесстрастной, бесчувственной маской Джейсона такие же одиночество и пустота, какие ощущает и она. Может быть, она действительно нужна ему, но он просто не хочет признаться себе в этом. А вдруг это все ей только кажется?

– Джейсон, – начала Виктория, решив высказать некоторые мысли вслух. – Вы не можете ожидать того, что, родив сына, я отдам его вам и буду жить отдельной, собственной жизнью. Не может быть, чтобы вы были так холодны и бессердечны, как пытаетесь показать, предлагая мне это. Я... просто не могу этому поверить.

– Я не буду вам жестоким супругом, если вы это имеете в виду.

– Нет, *не это!* – взорвалась Виктория. – Как вы можете говорить о браке со мной, как будто речь идет о... простой коммерческой сделке – без участия чувств, эмоций и даже претензии на любовь или...

– Неужели у вас еще сохранились какие-то иллюзии насчет любви? – фыркнул он с обидным пренебрежением. – Ваш опыт с Бэйнбриджем должен был бы научить вас, что любовь – чувство, годное лишь для того, чтобы манипулировать глупцами. Я не ожидаю от вас любви и не нуждаюсь в ней, Виктория.

Девушка, пошатнувшись и почти теряя сознание от обиды, схватилась

за спинку стула. Она уже собиралась сказать все, что думает о его предложении, но он покачал головой, как бы прося ее не делать этого.

– Не отвечайте, прежде чем хорошенько не обдумаете сказанное мной. Если вы выйдете за меня, то будете иметь полную возможность жить так, как захотите. Сможете построить больницу в Америке и другую – возле Уэйкфилда, а сами остаться в Англии. У меня шесть поместий и тысяча арендаторов и слуг. Одни только мои слуги могли бы дать вам необходимый контингент больных для больницы. Если этого окажется недостаточно, я буду платить им, чтобы они болели. – На его губах появилась мягкая улыбка, но Виктории было совсем не до шуток.

Увидев, что его юмор не достиг цели, он добродушно сказал:

– Вы сможете повесить все стены Уэйкфилда своими этюдами, а если они не поместятся, можно будет разместить их на стенах дома снаружи.

Виктория все еще пыталась переварить тот поразительный факт, что, оказывается, он знал о ее любви к рисованию, когда Джейсон протянул руку и кончиками пальцев провел по ее напряженному лицу, небрежно добавив:

– Обещаю, что буду очень щедрым мужем.

От последнего слова «муж» она вдруг похолодела так, что ей пришлось потереть ладони одну о другую, чтобы они согрелись.

– Почему? – прошептала она. – Почему я? Если вам нужны сыновья, то в Лондоне найдутся десятки женщин, готовых на все ради того, чтобы выйти за вас.

– Потому что вы меня привлекаете, и вы это прекрасно знаете. А кроме того, – продолжил Филдинг с дразнящими огоньками в глазах и положил руки ей на плечи, пытаясь привлечь ее поближе к себе, – я вам нравлюсь. Вы сказали об этом сами, когда думали, что я сплю, – помните?

Виктория ахнула, не в состоянии поверить еще одному удивительному откровению: она действительно привлекает его!

– Мне и Эндрю нравился! – со злой дерзостью возразила она. – Но сейчас у меня вообще сложилось чрезвычайно скверное представление о мужчинах.

– Ну что ж, пожалуй, вы правы, – не стал спорить Джейсон, и в его глазах запрыгали веселые чертики.

Она почувствовала, что его руки безжалостно влекут ее и она уже оказывается в опасной близости к собеседнику.

– По-моему, вы много себе позволяете, – задыхаясь, проговорила она. – Вы, наверное, сошли с ума!

– И то и другое верно, – согласился Джейсон, – так что у вас нет

выбора. – Его голос охрип, и доводы показались еще более убедительными, когда ее грудь наконец коснулась его рубашки. – Я дам вам все, что требуется женщине...

– Все, кроме любви, – задохнулась она.

– Все, чего женщина *по-настоящему* хочет, – поправил он, и, прежде чем она смогла осмыслить это, его резко очерченные губы начали медленно, но неуклонно приближаться к ее рту. – Я дам вам драгоценности и меха, – обещал он. – У вас будет больше денег, чем вы могли бы мечтать. – Свободной рукой он обнял ее, растрепав прическу, и почти вплотную приблизил лицо к ее лицу. – А единственное, чего я хочу от вас взамен, так это...

Как ни странно, Викторину удивило скорее то, что он продает себя слишком дешево, требуя от нее так мало. Лорд Филдинг красив, богат и привлекателен – конечно, у него есть право ожидать от жены большего...

Но затем Виктория утратила способность удивляться и рассуждать: их губы слились в бесконечном, будоражащем душу и тело поцелуе. Он коснулся языком ее губ, как бы уговаривая ее приоткрыть их, и когда она сдалась, он проник в ее жаркую глубину. Виктория застонала, и его руки, как бы защищая и оберегая, суля поддержку и опору, сомкнулись вокруг ее талии. Их фигуры слились воедино, словно деревья, пригибаемые друг к другу лунной ночью порывами любовного ветра. И руки их, как ветви, то сплетались, то расплетались, легко касаясь, поглаживая, сжимая и дрожа.

Когда Джейсон наконец отпустил ее, Виктория ощущала лишь туман в голове, жар во всем теле и безотчетный, переполняющий ее ужас.

– Посмотрите на меня, – шепнул он, повернув ее лицо. – Вы дрожите, – сказал он, когда она встретила его взгляд. – Вы боитесь меня?

Несмотря на дрожь, девушка отрицательно покачала головой. Она боялась не его; она боялась того необъяснимого чувства, что сейчас родилось в ней.

– Нет, – коротко ответила Виктория.

Его губы расплылись в улыбке.

– Боитесь, но для этого нет оснований. – Джейсон прикоснулся кончиками пальцев к ее пылающим щекам, затем пригладил ее густые волосы. – Я причиню вам боль только один раз, да и то непреднамеренно.

– Как? Зачем?

Его лицо посуровело.

– А может, никакой боли и не будет, так?

– Что «так»? – чуть ли не в истерике выкрикнула девушка. – Пожалуйста, не говорите загадками, я и так уже едва могу соображать.

Как всегда, неожиданно переменившись, он небрежно пожал плечами:
– А впрочем, это не имеет значения. Мне все равно, что у вас было с Бэйнбриджем. Это было до того.

– До того? – повторила она, совершенно теряясь в догадках, что он имеет в виду. – До чего до того?

– До меня, – коротко сказал он. – Однако, полагаю, вы заранее должны знать: я не потерплю, чтобы мне наставляли рога. Надеюсь, это ясно?

У нее от изумления открылся рот.

– Рога?! Какие рога? Да вы не в себе! Вы просто сумасшедший!

Губы Джейсона скривились в полуулыбке.

– На этот счет у нас нет разногласий.

– Если вы будете продолжать делать свои непонятные, но, несомненно, оскорбительные намеки, мне лучше удалиться в свою комнату.

Джейсон заглянул в ее смятенные синие глаза и с большим трудом подавил неистовое желание снова заключить ее в объятия и горячо расцеловать.

– Ну ладно, поговорим о чем-нибудь более земном. Что там готовит миссис Крэддок?

У Виктории было такое чувство, что весь мир вращается в одном направлении, а она постоянно движется ему навстречу, блуждая в каком-то тумане.

– Миссис Крэддок? – недоумевающая, повторила она.

– Повариха. Видите, я запомнил ее имя. Я также знаю, что лакей О’Мэлли пользуется вашим особым расположением. – Он ухмыльнулся. – Итак, что нам готовит миссис Крэддок на ужин?

– Гуся, – сказала девушка, пытаясь совладать с собой. – Это... это подходит?

– Еще как. Мы будем ужинать дома?

– Что касается меня, то несомненно, – намеренно уклончиво ответила Виктория.

– В таком случае, естественно, и я поступлю так же.

Все еще едва соображая, она поняла, что он уже играет роль мужа.

– Тогда я сообщу об этом миссис Крэддок, – сказала она и, не чувствуя ни рук, ни ног, направилась к двери.

Джейсон говорит, что она привлекает его. Он хочет жениться на ней. Это невозможно. Но если дядя Чарльз умрет, ей придется выйти за него. Если они поженятся сейчас, то, возможно, дядя Чарльз найдет в себе силы, чтобы выжить. И дети... Джейсону хочется детей. И ей очень хочется их иметь. Ей так хочется любви! А может, они вместе будут счастливы? Ведь

временами Джейсон бывает обворожительным и внимательным, а улыбка его заразной! Да, еще он сказал, что не будет ей причинять боль.

...Она была уже почти у двери, когда Джейсон остановил ее:

– Виктория...

Она машинально повернулась.

– Полагаю, вы уже приняли решение о нашем браке. Если да, то после ужина нам следует повидать Чарльза и сообщить ему, что мы определяем день свадьбы. Он будет чрезвычайно рад, и чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

«Джейсон торопит события, боясь, что я раздумаю выходить за него», – сообразила Виктория. Она воззрилась на красивого, полного сил, энергичного человека – и казалось, время остановилось. Почему ей мерещится, что он напряженно ждет ее ответа? Почему он так заинтересован, чтобы эта коммерческая сделка состоялась?

– Я... – беспомощно начала девушка, а в ее ушах в этот момент снова прозвучали нежные слова Эндрю, когда он делал ей официальное предложение: *«Скажи, что выйдешь за меня, Виктория. Я люблю тебя и буду любить всегда»*...

Ее подбородок сердито вздернулся. По крайней мере Джейсон Филдинг в отличие от Эндрю не говорил о любви, которой не было в его сердце. Правда, и предложение он делал без малейшего оттенка сентиментальности, поэтому она решила принять его точно так же – не выражая никаких эмоций. Она взглянула на Джейсона и сухо кивнула:

– Хорошо, после ужина мы сообщим ему.

Можно было поклясться, что напряжение, сковывающее всю фигуру Джейсона, как рукой сняло.

В формальном смысле это был вечер их помолвки, и Виктория решила воспользоваться этим случаем для того, чтобы попытаться вести себя как образцовая невеста, тем самым демонстрируя, какой она может стать женой. В то утро, когда произошла дуэль, Джейсон упомянул, что обожает ее смех. Если ее подозрения оправданны и он действительно чувствует себя таким же одиноким и заброшенным, как она, тогда, возможно, они могли бы скрасить жизнь друг другу. Босая, она стояла перед открытым гардеробом, обзревая свои разнообразные, одно другого прелестнее, платья и решая, что надеть по этому фальшиво-торжественному случаю.

В конце концов она остановилась на платье из шифона цвета морской волны с мерцающими золотыми блестками и ожерелье из аквамарин в золотой оправе, подаренном Джейсоном в первый вечер ее выхода в свет.

Рут расчесала ее тяжелые блестящие волосы, и они вольно раскинулись сияющими волнами по плечам и спине, их обрамление, как драгоценная оправка, особенно подчеркивало юную прелесть девичьего лица. Наконец Виктория, удовлетворенная своей наружностью, спустилась в гостиную. Судя по всему, Джейсон последовал ее примеру и тоже уделил немало внимания своему внешнему виду. На нем были безукоризненно сшитый бархатный фрак темно-бордового цвета, темные панталоны, белый парчовый жилет, под обшлагами мерцали рубиновые запонки.

Он наливал себе в бокал шампанское, когда поднял голову и увидел ее; Джейсон посмотрел на нее в упор с нескрываемым мужским интересом. В его взгляде светилась хозяйская гордость, и у Виктории засосало под ложечкой, когда она заметила это. Джейсон еще никогда не смотрел на нее так, будто она – лакомый кусочек, который он собирается непременно попробовать сегодня на ужин.

– Вы обладаете удивительнейшей, приводящей в смущение способностью: то выглядеть как очаровательное дитя, то как невероятно соблазнительная женщина.

– Если это комплимент, – неуверенно проговорила девушка, – то благодарю вас.

– Я хотел сказать вам именно комплимент, – заверил он, чуть посмеиваясь. – Хотя обычно я не делаю таких неудачных комплиментов, которые можно расценить иначе. Впредь я постараюсь быть точнее.

Тронутая подобной попыткой перемениться и стать приятным в общении, Виктория наблюдала, как он ловко разлил искрящуюся жидкость в два бокала.

Один Джейсон вручил ей. Виктория было повернулась, чтобы присесть на канapé, но он удержал ее за обнаженную руку. Другой рукой он открыл крышку большой бархатной шкатулки, стоявшей возле его бокала, и извлек тройную нитку самых крупных и великолепных жемчужин, которые она когда-либо видела. Не говоря ни слова, он повернул ее лицом к зеркалу, висевшему над столиком, и откинул в сторону копну ее длинных волос. Когда Джейсон, снимая аквамарины и застегивая широкое, тяжелое жемчужное ожерелье на ее изящной шее, коснулся ее, девушку пробрала дрожь.

Пока он закреплял бриллиантовую застежку, Виктория в зеркале видела его бесстрастное лицо, затем Джейсон взглянул на нее, оценивая, как смотрится на ней жемчужное ожерелье.

– Спасибо, – неловко начала она. – Я...

– Я предпочел бы получить вместо этого поцелуй, – терпеливо

посоветовал он.

Виктория встала на цыпочки и послушно, но застенчиво чмокнула его в гладкую, свежевыбритую щеку. Что-то очень тревожило и смущало ее в этой ситуации. Он так подарил ей жемчуг и хладнокровно ожидал в ответ ее поцелуя, как если бы покупал ее благосклонность, начав с поцелуя в обмен на ожерелье. В подтверждение ее догадки он сказал:

– Разве это поцелуй за такое прекрасное ожерелье? – И приник к ее губам с неожиданной требовательной настойчивостью.

Когда Джейсон отпустил ее, то загадочно улыбнулся, вглядываясь в ее испуганные синие глаза.

– Вы что, не любите жемчуга?

– О, что вы, конечно, люблю! – поспешила ответить она, злясь на себя за то, что была не в состоянии заглушить свои глупые, надуманные опасения. – Я в жизни не видела такого красивого. Даже у леди Вильгельм жемчужины не такие крупные. Эти подойдут и королеве.

– Столетие тому назад они принадлежали русской княгине, – сказал он, и Викторию странным образом тронуло, что, очевидно, он считает ее достойной носить такую бесценную вещь.

После ужина они поднялись к Чарльзу. Когда они спокойно сообщили ему о своем решении наметить дату свадьбы, его восторгу не было предела; он просто помолодел. Когда же Джейсон со всей нежностью обнял Викторию за плечи, прикованный к постели герцог смеялся от радости. Он выглядел таким счастливым, таким уверенным, что они поступают абсолютно правильно, что даже Виктории передалась его уверенность в этом.

– Итак, когда свадьба? – неожиданно спросил Чарльз.

– Через неделю, – ответил Джейсон, не обращая внимания на удивленный взгляд девушки.

– Отлично, просто отлично! – одобрил Чарльз, весь сияя. – Думаю, к тому времени я сумею встать на ноги, чтобы присутствовать на ней.

Виктория собиралась возразить, но Джейсон сжал ей руку, предупреждая, чтобы она не спорила.

– А что это у вас, дорогая? – спросил Чарльз, довольно глядя на ожерелье.

Ее рука машинально взмыла к горлу.

– Это Джейсон подарил мне сегодня, чтобы скрепить нашу сдел... помолвку.

Когда беседа закончилась, Виктория сослалась на усталость, и Джейсон проводил ее до дверей спальни.

– Я вижу, что-то беспокоит вас, – тихо сказал он. – В чем дело?

– Кроме прочих волнений, у меня разрывается сердце и оттого, что я выхожу замуж до истечения срока траура по моим родителям. Я чувствовала свою вину каждый раз, когда мы ходили на балы. Мне приходилось уклоняться от ответа на вопрос о том, когда погибли мои родители, чтобы люди не поняли, какое неуважение я проявляю по отношению к ним.

– Вы поступали в соответствии с ситуацией, и ваши родители поняли бы и простили вас. Выходя замуж так скоропалительно, вы даете Чарльзу шанс выжить. Вы ведь видели, насколько лучше он выглядел, когда мы сообщили ему о том, что определили дату бракосочетания. Кроме того, решение о прекращении траура принял я, а не вы, так что у вас просто не было выбора. Если кто-то и виноват, так это я.

Виктория согласилась, что он прав, и потому переменяла тему.

– Скажите, – чуть осуждающе, но с обворожительной улыбкой поинтересовалась она, – теперь, когда минуту назад я узнала, что мы решили сыграть свадьбу через неделю, не могли бы вы мне сообщить, где мы решили ее сыграть?

– Touche^[7], – хмыкнул он. – Так вот: мы решили сыграть свадьбу здесь.

Виктория, энергично протестуя, затрясла головой.

– Пожалуйста, Джейсон, нельзя ли нам обвенчаться в церкви – в маленькой деревенской церкви, которую я видела вблизи Уэйкфилда? Мы могли бы чуть подождать, пока дядя Чарльз не будет в состоянии совершить такую поездку.

Она с изумлением заметила, как в его глазах при упоминании о церкви появилось отвращение, но после минутного колебания он коротко кивнул в знак согласия.

– Если вас устраивает венчание в церкви, то мы проведем его здесь, в Лондоне, в такой церкви, которая сможет вместить всех гостей.

– Пожалуйста, не... – вырвалось у нее, и она ненароком взяла его за рукав. – Я нахожусь очень далеко от Америки, милорд. Лучше было бы провести церемонию в той церквушке вблизи Уэйкфилда – она напоминает мне о доме, и с самого раннего детства я мечтала о венчании в маленькой деревенской церкви...

«Я мечтала о венчании с Эндрю в маленькой деревенской церквушке», – запоздало сообразила девушка и решила, что лучше было бы вообще не упоминать о церкви.

– Я хочу, чтобы свадьба состоялась в Лондоне, на глазах у всего

общества, – заявил Джейсон таким тоном, что можно было понять: вопрос решен окончательно. – Однако мы выберем компромиссный вариант. Мы проведем церемонию в лондонской церкви, а потом поедem в Уэйкфилд, где устроим небольшое торжество.

Ладонь Виктории соскользнула с его рукава.

– Считайте, что я вообще не упоминала о церкви. Приглашайте всех сюда, в дом. Было бы почти богохульством освятить в церкви такой брак, который является не более чем коммерческой сделкой. – И, жалко улыбнувшись, она добавила: – Пока мы давали бы клятву в любви и верности друг другу, я бы каждую минуту ждала удара молнии.

– Мы обвенчаемся в церкви, – коротко сказал Джейсон. – А если ударит молния, я возьму на себя расходы по возведению нового купола.

Глава 20

– Добрый вечер, дорогая, – бодро сказал Чарльз, похлопав по краю постели, чтобы она присела рядом с ним. – Садитесь. Ваш с Джейсоном вчерашний визит невероятно поправил мое здоровье. А теперь расскажите подробнее о ваших матримониальных планах.

Виктория под села к нему.

– По правде говоря, меня многое смущает, дядя Чарльз. Нортроп только что сообщил мне, что Джейсон утром упаковал вещи из своего кабинета и переехал в Уэйкфилд.

– Я знаю, – улыбнулся Чарльз. – Он заходил ко мне перед отъездом и сказал, что принял это решение ради приличия. Чем меньше времени он будет проводить возле вас, тем меньше поводов для сплетен.

– Ах вот почему он уехал! – с облегчением вздохнула Виктория, и лицо ее оживилось.

Плечи Чарльза тряслись от смеха, когда он кивнул:

– Дитя мое, наверное, это первый случай за всю его жизнь, когда он последовал правилам хорошего тона! Ему было очень досадно, но все же он уступил. Вы решительно оказываете на него положительное влияние, – весело заключил герцог. – Возможно, на следующем этапе вам удастся отучить его пренебрегать принципами.

Виктория ответила ему улыбкой, почувствовав облегчение и даже, неожиданно для себя, радость.

– Боюсь, что я ничего не знаю об организации нашей брачной церемонии, – призналась она, – если не считать того, что она состоится в одной из больших церквей Лондона.

– Джейсон позаботится обо всем. Он взял с собой в Уэйкфилд своего секретаря и основной штат прислуги из этого дома, так что они все подготовят. После венчания состоится торжество в Уэйкфилде для ваших близких друзей и некоторых жителей деревни. Думаю, список гостей уже составляется и приглашения уже пишутся. Так что вам остается лишь спокойно жить своей обычной жизнью и наслаждаться мыслью о том, каким сюрпризом станет для всех известие, что именно вы – будущая герцогиня Атертон.

Виктория пропустила мимо ушей слова герцога и перевела разговор на другую тему, которая гораздо больше интересовала ее:

– В ту ночь вы сказали, что собирались что-то такое рассказать о маме

и о вас.

Чарльз отвернулся и устремил взгляд на окно. Виктория тут же сказала:

– Ничего не говорите, если это вас может разволновать.

– Дело не в этом, – ответил герцог, медленно переводя взгляд на нее. – Я знаю, как вы все хорошо понимаете и чувствуете, но вы еще очень молоды. Вы любили отца, вероятно, не меньше, чем мать. Если я расскажу то, что у меня на сердце, вы, возможно, начнете считать, что я пытался помешать их браку, хотя клянусь, что никогда не вступал в переписку с вашей матерью после того, как она вышла замуж. Виктория, – с несчастным видом пояснил он, – я пытаюсь сказать, что мне ужасно не хочется, чтобы вы презирали меня, а боюсь, так оно и будет, когда вы услышите мой рассказ.

Виктория обхватила его руку ладонями и мягко заметила:

– Разве я могла бы презирать человека, который так любил мою маму?

Он взглянул на нее, и в его голосе послышалась боль:

– Знаете ли вы, что унаследовали от мамы еще и ее доброе сердце?

Виктория промолчала. Герцог снова устремил взгляд на темный прямоугольник окна и начал рассказ о своих отношениях с Кэтрин. Только закончив его, он решился посмотреть на девушку и не увидел в ее глазах никакого осуждения, лишь печаль и сочувствие.

– Итак, теперь вы знаете, что я любил ее всем сердцем. Любил и вычеркнул из моей жизни тогда, когда она стала для меня единственным человеком, ради которого стоило жить.

– Значит, моя прабабушка *вынудила* вас так поступить, – заключила девушка, и в ее глазах загорелись огни ярости.

– А они были счастливы, ваши мать и отец? Я всегда задавал себе этот вопрос, но опасался спросить вас.

Виктория вспомнила ужасную сцену между родителями, свидетельницей которой была столько лет назад, но восемнадцать лет доброты и внимательности, с которыми они относились друг к другу, перевесили все.

– Да, они были счастливы. Их супружество не имело ничего общего с браками, заключаемыми в вашем высшем обществе.

Она упомянула об этих последних с таким отвращением, что Чарльз не мог не улыбнуться:

– Что вы имеете в виду?

– Таковы большинство супружеских союзов в лондонском обществе, не считая Роберта и Кэролайн Коллингвуд и нескольких других.

Супружество, в котором муж и жена редко бывают вместе, а когда встречаются в одной компании, то ведут себя по отношению друг к другу как вежливые, хорошо воспитанные незнакомцы. Мужчины всегда уединяются, предаваясь своим собственным забавам, а у женщин всегда имеется свой круг поклонников. По крайней мере мои родители жили вместе, в реальном, родном для всех нас доме, и мы все были настоящей семьей.

– Я начинаю понимать, что вы мечтали о старомодном браке и старомодной семье, – поддразнил он, очень довольный ее отношением к семейным вопросам.

– Боюсь, что Джейсона такой брак не устроит. – Она просто не могла выложить Чарльзу прямо, что Джейсон хочет только получить от нее сына, а затем расстаться с ней. Девушка надеялась, что, хотя он и сделал такое предложение, для него все-таки будет предпочтительнее, если она останется с ним.

– Я сильно сомневаюсь, знает ли Джейсон, чего он сейчас добивается, – сурово сказал Чарльз. – Вы очень ему нужны, дитя мое. Ему нужны ваше тепло и ваша душа. Он пока не признается в этом даже самому себе, а когда признается, это ему совсем не понравится, уж поверьте мне. Он будет воевать с вами, – мягко предупредил герцог. – Но рано или поздно он откроет вам свое сердце и тогда наконец найдет успокоение. Со своей стороны, он сделает вас счастливее, чем вы когда-либо мечтали.

У нее был такой сомневающийся, такой скептический вид, что улыбка Чарльза угасла.

– Имейте терпение, Виктория. Не будь он таким сильным душой и телом, он никогда бы не дожил и до тридцати лет. Но от всего пережитого в его душе остались шрамы, и я надеюсь, у вас довольно сил, чтобы залечить их.

– Какие шрамы?

Чарльз отрицательно покачал головой.

– Для вас обоих будет лучше, если он сам когда-нибудь расскажет вам о своей жизни, в особенности о своем детстве. Если этого не произойдет, приходите ко мне.

В следующие дни у Виктории почти не оставалось времени думать о Джейсоне или о чем-либо другом.

Не успела она покинуть комнату Чарльза, как прибыла мадам Дюмосс с четырьмя белошвейками.

– Лорд Филдинг поручил мне сшить для вас свадебный наряд, мадемуазель, – проговорила она, уже обходя Викторию со всех сторон. –

Он сказал, что наряд должен быть очень богатым и элегантным. Чтобы им не побрезговала и сама королева. И никаких оборок.

Не зная, плакать или смеяться от своеволия Джейсона, Виктория посмотрела искоса на мадам:

– А не проинструктировал ли он вас заодно и насчет цвета?

– Голубой.

– Голубой? – вырвалось у нее, и она уже была готова вступить в схватку и до победного конца бороться за белый цвет.

Мадам кивнула, глубокомысленно приставив палец к подбородку и уперев другую руку в бок.

– Да, голубой. Голубой, как лед. Он сказал, что вы великолепны, когда надеваете голубое, и назвал вас ангелом с золотисто-каштановыми волосами.

Виктория вдруг решила, что ледяной голубой цвет действительно очень хорош для венчания.

– У лорда Филдинга превосходный вкус, – продолжала мадам; ее тонкие брови высоко поднялись над яркими, живыми глазами. – Разве вы не согласны?

– Полностью согласна, – смеясь, ответила девушка и сдалась на милость мастерицы.

А четырьмя часами позже, когда мадам наконец отпустила ее и отбыла вместе со своими белошвейками, Виктории доложили, что в золотом салоне ее дожидается леди Кэролайн Коллингвуд.

– Виктория! – воскликнула подруга; ее хорошенькое лицо выглядело озабоченным, когда она протянула руки, чтобы поздороваться с девушкой. – Утром к нам приезжал лорд Филдинг и сообщил о вашей свадьбе. Я удостоена чести быть твоей подружкой; по его словам, таково твое желание, но все это так неожиданно – я имею в виду ваше решение.

Виктория была несказанно довольна, хотя и несколько удивлена таким вниманием со стороны Джейсона: он не забыл о том, что ей потребуется подружка, и выбрал Кэролайн Коллингвуд.

– Я даже не подозревала, что ты так привязана к лорду Филдингу, – продолжала Кэролайн, – и меня это все еще удивляет. Ты действительно хочешь выйти за него? Это не... не вынужденный брак?

– Уготованный самой судьбой, – улыбнулась девушка, устало опустившись в кресло. Увидев, как задумчиво Кэролайн свела брови на переносице, она поспешно добавила: – Нет, не вынужденный. Я выхожу замуж по доброй воле.

Лицо Кэролайн просветлело от облегчения и радости.

– Ты не представляешь, как я рада за вас обоих: я так надеялась, что это может произойти. – Видя сомневающийся взгляд подруги, она пояснила: – За последние несколько недель я лучше узнала его и *абсолютно* согласна с Робертом, который сказал мне, что досужие разговоры о лорде Филдинге – результат сплетен, раздуваемых некоторыми зловредными, противными женщинами. Вряд ли кто-нибудь поверил бы этим слухам, если бы сам лорд Филдинг не был таким надменным и необщительным. Конечно, трудно хорошо относиться к людям, которые верят распускаемым о тебе сплетням, так ведь? Поэтому, вероятно, он считал ниже своего достоинства разубеждать нас. Роберт говорит, что лорд Филдинг – гордый человек и потому не может унижаться перед лицом враждебно настроенного общества, в особенности когда оно так несправедливо!

Виктория подавила смешок, видя, как искренне ее подруга отстаивает человека, которого совсем недавно боялась и осуждала, но это было характерно для Кэролайн. Она вообще отказывалась видеть какие-либо изъяны в людях, которые ей нравились, и, наоборот, не желала признавать наличие каких-либо добродетелей в тех, кто ей не нравился. Эта черта ее живого характера, однако, делала ее весьма лояльной по отношению к друзьям, и Виктория чувствовала глубокую благодарность за ее самоотверженное дружеское отношение.

– Спасибо, Нортроп, – сказала Виктория, когда дворецкий принес им поднос с чаем.

– Даже не могу понять, почему он казался мне таким пугающе мрачным и опасным человеком, – говорила подруга, пока Виктория разливала чай. До смерти желая снять с Джейсона все свои прежние обвинения, она продолжала: – Я ошиблась, когда позволила своему воображению взять верх над здравым смыслом. Наверное, его внешность произвела на меня подавляющее впечатление: он очень высок, а его волосы – такие черные... Но из-за этого бояться его? Это было так абсурдно с моей стороны! Да, знаешь ли ты, что он сказал, когда уходил от нас сегодня утром? – спросила она, сияя в ожидании предстоящего эффекта.

– Нет, – ответила Виктория, едва удерживая улыбку: Кэролайн проявляла твердую решимость переqualифицировать Джейсона из дьявола в святого. – Что же он сказал?

– Он сказал, что я всегда напоминаю ему красивую бабочку.

– Как славно, – искренне согласилась девушка.

– Да, это так, но не идет ни в какое сравнение с тем, что он сказал о тебе.

– Обо мне? С чего бы это?

– Ты имеешь в виду, почему он расщедрился на комплименты? – Когда Виктория кивнула, Кэролайн продолжила рассказ: – Я как раз говорила, как счастлива, что ты выходишь за англичанина и будешь жить здесь, что даст нам возможность оставаться близкими друзьями. Лорд Филдинг на это рассмеялся и заявил, что мы идеально дополняем друг друга, потому что я всегда напоминаю ему прелестную бабочку, а ты подобна полевому цветку, который цветет даже в чуждой для него среде и радует сердца всех и каждого. Ну не замечательный ли он после этого?

– Абсолютно с тобой согласна, – подтвердила девушка, понимая, как мало значила бы эта история в глазах враждебно настроенного общества, и все же довольная.

– Думаю, он гораздо более влюблен в тебя, чем выказывает это, – доверительно сказала Кэролайн. – В конце концов, он дрался из-за тебя на дуэли.

К тому времени, когда Кэролайн распрощалась, Виктория уже была почти убеждена в том, что Джейсон на самом деле любит ее, отчего пришла в прекрасное настроение. Таковым оно оставалось и на следующее утро, когда начали приезжать только что узнавшие о новости друзья и знакомые, чтобы пожелать ей счастья в предстоящей семейной жизни.

Виктория развлекала нескольких молодых леди, прибывших с визитом как раз по этому случаю, когда объект их оживленной романтической беседы быстрыми шагами вошел в салон. Громкий смех перешел в нервное невнятное бормотание, стоило лишь гостям узреть перед собой впечатляющую фигуру непредсказуемого маркиза Уэйкфилда, облаченного в иссиня-черную куртку для верховой езды и обтягивающие черные бриджи, что придавало ему потрясающе мужественный вид. Ничего не подозревая о том, какой эффект произвело его появление на впечатлительных дам, многие из которых втайне сами лелеяли надежду завоевать его любовь, Джейсон наградил их ослепительной улыбкой.

– Доброе утро, леди, – поздоровался он; затем обратился к Виктории, и его улыбка стала более теплой. – Не могли бы вы уделить мне минутку?

Извинившись перед гостями, Виктория последовала за ним в кабинет.

– Я не задержу вас, – пообещал он, доставая что-то из кармана куртки. Без лишних слов он взял ее руку и надел ей на палец тяжелое кольцо. Виктория воззрилась на перстень, закрывший всю фалангу пальца. Ряд крупных сапфиров с обеих сторон был обрамлен двумя рядами сверкающих бриллиантов.

– Джейсон, это просто сон! – выдохнула она. – Спасибо!

– А где же благодарственный поцелуй? – нежно напомнил он, и когда девушка приблизила к нему лицо, он впился в ее губы долгим жадным поцелуем, от которого она забыла обо всем на свете, а ее тело обмякло, как вата.

Потрясенная его страстью и ответной реакцией на нее своего тела, Виктория устремила вопросительный взгляд на своего визави, пытаясь понять, почему поцелуи Джейсона всегда так ошеломляюще действуют на нее.

Он посмотрел на ее чуть приоткрытые губы.

– Может быть, в следующий раз в вашей душе появится желание поцеловать меня по собственной инициативе?

Сердце Виктории тронула нотка тоскливого разочарования, вроде бы послышавшаяся в его голосе. Ведь он предложил ей выйти за него замуж, а в ответ просил совсем немногого.

Поднявшись на цыпочки, она провела рукой по его мускулистой груди, обняла его за шею, а затем приникла губами к его губам. Дрожь прошла по всему его телу, когда она невинно коснулась губами его теплого рта.

Сама себя не понимая и действуя как бы помимо своей воли, Виктория погрузила пальцы в роскошную темную шевелюру, зарылась в нее, погладила мягкие волосы на его затылке, а ее тело тем временем плотно приникло к нему. Казалось, так прошла вечность. Но вдруг наступила резкая перемена.

Руки Джейсона с поразительной силой сомкнулись вокруг ее талии, его рот впился в ее губы с неистовой жадностью. У него перехватило дыхание, и он еще ближе привлек ее к себе, а все его тело напряглось от неистового желания.

Наконец Джейсон поднял голову и пристально посмотрел на нее странным, как будто одурманенным взглядом.

– Мне следовало подарить вам бриллианты и сапфиры в прошлый раз вместо жемчуга, – заметил он. – Но больше не целуйте меня так азартно до того момента, как мы поженимся.

Еще мать, да и мисс Флосси предупреждали Викторию, что мужчина способен безгранично отдаваться страсти. В результате этого он становится непредсказуемым, что может оказаться весьма опасным для молодой леди, которая по ошибке позволила ему потерять голову. Она поняла слова Джейсона, и ей показалось, что он имел в виду именно это. Все-таки она была женщиной и не могла не ощутить капельку гордости оттого, что ее неумелый поцелуй мог так подействовать на столь опытного в этих делах мужчину. На Эндрю, кажется, ее поцелуй вовсе не оказал подобного

действия. Хотя, с другой стороны, она никогда и не целовала Эндрю так, как Джейсона.

– Вижу, что вы поняли меня, – усмехнулся ее соблазнитель. – Лично я никогда не придавал особого значения целомудрию. Есть даже определенные преимущества, когда вступают в брак с женщинами, уже умеющими доставлять мужчине удовольствие...

Он выждал, пристально глядя на нее, как будто ожидал... рассчитывал... на какую-то реакцию, но Виктория лишь смотрела в сторону, и настроение ее падало. Ее целомудрие, так говорили, должно было бы стать очень дорогим даром для супруга. Конечно, она не могла предложить ему никакого опыта «по ублажению мужчин», что бы под этим ни подразумевалось.

– Мне оч-чень жаль, что я... разочарую вас, – сказала она, чувствуя неловкость оттого, что они затронули такую щепетильную тему. – В Америке все обстоит иначе.

Несмотря на напряжение, чувствовавшееся в усталом голосе Джейсона, его слова прозвучали мягко:

– Вам не за что извиняться и незачем смотреть так жалобно, Виктория. Никогда не бойтесь говорить мне правду, независимо от того, насколько она неприятна. Я могу принять ее и даже восхищаться вами за то, что у вас хватило мужества высказать ее. – Джейсон потрепал ее по щеке. – Это не имеет значения, – утешил он. После этого он быстро спросил: – Скажите, понравилось ли вам колечко? А после бегите к своим подругам.

– Очень. – Она попыталась попасть ему в тон, хотя и не понимала резкой смены его настроения. – Оно такое красивое, что я начинаю волноваться, как бы не потерять его.

Джейсон бесстрастно пожал плечами:

– Если оно потеряется, я куплю вам другое.

Затем он вышел, а Виктория печально посмотрела на свое обручальное кольцо и подумала, что было бы лучше, если бы Джейсон не отнесся так равнодушно к его возможной утрате. Ей бы хотелось, чтобы он придавал кольцу большее значение, не предполагая, что его можно так легко заменить на другое. Впрочем, он отнесся к кольцу так же, как к ней самой, поскольку она не имела для него никакого значения и он так же легко мог заменить ее на другую женщину.

«Он нуждается в тебе, дитя мое», – пришли ей на ум слова Чарльза как бы в противовес ее грустным мыслям. Виктория улыбнулась: по крайней мере тогда, когда она была в его объятиях, казалось, что он очень и очень нуждается в ней...

В какой-то степени уверовав в это, она вернулась в салон, где ее новое колечко было немедленно замечено и восторженно оценено всеми молодыми леди.

За дни, предшествовавшие свадьбе, Викторию навестили, чтобы пожелать ей счастья, почти триста гостей.

Элегантные экипажи, как на параде, дефилировали взад и вперед по улице, выгружая пассажиров и возвращаясь за ними ровно через двадцать минут. В течение этого времени Виктория успела выслушать советы симпатичных цветущих матрон о том, как справляться с трудной задачей ведения хозяйства в больших особняках и устраивать роскошные приемы, принятые у знати. Замужние дамы помоложе беседовали с ней о проблемах поиска подходящих домоправительниц и репетиторов для детей.

И в разгаре всего этого веселого хаоса Виктория почувствовала, как в ней появляется и начинает крепнуть чувство принадлежности к этому кругу людей, которого она раньше вовсе не ощущала.

Должно быть, до сего времени Виктория видела в них состоятельных, избалованных дамочек, которые не могли думать ни о чем другом, кроме платьев, драгоценностей и развлечений. Теперь же они представились в ином свете – в качестве жен и матерей, для которых было чрезвычайно важно образцово исполнять свои обязанности.

Единственный, кого она не видела в эти дни, был Джейсон, но он тем самым соблюдал приличия, и Виктория понимала, что должна быть благодарна ему за это. Хотя временами ее посещало чувство, что она выходит замуж за некоего мифического героя. Часто в салон спускался Чарльз, чтобы занять дам беседой и подчеркнуть, что Виктория находится полностью под его покровительством.

Остальное время герцог оставался в тени, чтобы «набраться сил», как пояснял он девушке, и достойно исполнить роль посаженного отца. Ни Виктория, ни доктор Уортинг не могли отговорить его от этого решения. Что касается Джейсона, то он и не пытался.

Дни шли чередой, и Виктория научилась получать удовольствие от звонкого щебета дам, постоянно заполнявших салон, от цветов и поздравлений, от легкой и веселой суматохи, которая всегда предшествует празднику. Лишь изредка, когда упоминали имя Джейсона, она замечала, как в разговоре повисает тяжелая пауза и гости начинают опасливо переглядываться.

Было очевидно, что ее новые друзья и знакомые восхищались ею самой и той жизнью, которую предстоит вести жене баснословно богатого маркиза, но девушку не покидало ощущение, что мнение о ее будущем

муже в обществе переменилось. Это беспокоило ее, так как окружающие все больше нравились ей и Виктория хотела, чтобы они оценили Джейсона по заслугам.

Были моменты, когда, болтая с одним гостем, она улавливала обрывки разговоров о Джейсоне в другом конце салона, но такие разговоры мгновенно прекращались, как только беседующие замечали, что Виктория слушает их. Это не давало возможности вступить – она не знала, от чего его нужно защищать.

За день до свадьбы тайна раскрылась, и разгадка ее оказалась для Виктории столь неожиданной, что она чуть не упала в обморок. Когда леди Клэпестон, последняя гостья салона, прощалась, то, по-дружески похлопав Викторию по плечу, сказала:

– Вы разумная молодая женщина, моя дорогая. И в отличие от некоторых пессимистически настроенных глупцов, беспокоящихся о вашей судьбе, я абсолютно убеждена, что вы поладите с Уэйкфилдом. Вы ничем не напоминаете его первую жену. На мой взгляд, леди Мелисса полностью заслуживала того, как он, по ее словам, относился к ней. Эта женщина была самой настоящей куртизанкой!

С этими словами леди вышла из салона, а Виктория осталась стоять, как стояла, округлившимися глазами взирая на Кэролайн.

– Его первая жена? – выговорила она так, будто находилась в кошмарном сне. – Так Джейсон уже был женат? Но почему... почему мне никто не сказал об этом?

– Я была уверена, что уж об этом-то ты знаешь! – воскликнула Кэролайн, озабоченная тем, чтобы оправдаться. – Естественно, я полагала, что либо герцог Атертон, либо сам лорд Филдинг рассказали тебе. А если нет, то ты не могла не узнать об этом факте хотя бы из сплетен...

– До меня доносились лишь обрывки разговоров, которые прекращались тотчас же, как только люди замечали мое присутствие, – возразила Виктория, побелев от волнения и гнева. – Я слышала, как, говоря о Джейсоне, упоминали имя леди Мелиссы, но никто не удосужился сказать, что она была его *женой*. Обычно о ней говорилось так неодобрительно, что я решила, что она имела... связь... с Джейсоном, ну, ты понимаешь, – неловко договорила она, – так же, как до последнего времени у него была связь с некоей мисс Сибил.

– Была? – удивленно переспросила Кэролайн, поражаясь, что подруга говорит об этом в прошедшем времени. Но она тут же спохватилась и опустила глаза так, будто рассматривала узор голубого шелка, которым была обита софа.

– Конечно, теперь, когда мы собираемся пожениться, Джейсон не будет... или будет?

– Откуда мне знать? – с несчастным видом ответила подруга. – Некоторые, вроде Роберта, вступая в брак, перестают заниматься амурными делами на стороне, другие – нет.

Виктория потерла виски кончиками пальцев, совершенно сбита с толку этой дискуссией о любовницах.

– Иногда Англия производит на меня такое странное впечатление! У меня на родине мужья не делят ни время, ни свои чувства между разными женщинами, для них существуют только жены. Во всяком случае, я никогда ни о чем подобном не слыхала. Здесь же я постоянно слышу разговоры, из которых следует вывод, что для состоятельных женатых джентльменов вполне приемлемо путаться с... леди, которые вовсе не являются их супругами.

Кэролайн вернула разговор к его отправной точке:

– Неужели тебя так задело, что лорд Филдинг уже был однажды женат?

– Конечно, задело. Во всяком случае, мне так кажется. Что меня особенно задело, так это то, что никто из их семьи не предупредил меня об этом. – Она встала так резко, что Кэролайн подпрыгнула. – Извини меня, но мне нужно пойти переговорить с дядей Чарльзом.

Когда Виктория собиралась постучать в дверь комнаты Чарльза, камердинер герцога приложил палец к губам и сообщил ей, что герцог уснул. Чересчур взволнованная, чтобы ждать его пробуждения, Виктория пошла к мисс Флосси. В последнее время мисс Уильсон фактически уступила роль ее компаньонки супруге Роберта Коллингвуда. В результате Виктория встречалась с экзальтированной маленькой женщиной лишь изредка, за обеденным столом.

Виктория постучалась к ней, мисс Флосси радостно пригласила ее войти, и она оказалась в крошечной уютной гостиной, примыкавшей к спальне матроны.

– Виктория, дорогая, вы так лучезарны, как и подобает настоящей невесте! – отметила пожилая леди с обычной добродушной улыбкой. И как всегда, ее реплика оказалась невпопад: на самом деле девушка была бледна как мел и явно расстроена.

– Мисс Флосси, – сказала она, сразу переходя к делу, – я хотела поговорить с дядей Чарльзом, но он спит. Вы – единственный человек, кроме него, к кому я могу обратиться. Речь идет о Джейсоне. Происходит что-то непонятное.

- Боже мой! – воскликнула матрона, отложив шитье. – Что случилось?
– Я только что узнала, что он уже был женат!

Мисс Флосси склонила голову набок и стала похожа на старенькую фарфоровую куклу в маленьком белом кружевном чепце.

– Господи, я была уверена, что Чарльз или сам Уэйкфилд говорили вам. Ну вот, теперь вы в курсе дела. – Считая, что таким образом проблема решена, мисс Флосси снова заулыбалась и взялась за шитье.

– Но я по-прежнему ничего не знаю. Леди Клэпестон сказала поразительную вещь... Она сказала, что жена Джейсона заслуживала того, как он к ней относился. А как он к ней относился?

– Относился? – моргая, повторила пожилая леди. – Ну, я не знаю ничего определенного. Леди Клэпестон просто глупо поступила, заговорив на эту тему. Что она может знать, если сама не была замужем за ним, а этого, уверяю вас, не было и в помине. Ну, теперь вы успокоились?

– Нет! – взорвалась девушка, чуть ли не впадая в истерику. – Я желаю знать, почему леди Клэпестон считает, что Джейсон плохо относился к своей жене. У нее должны быть причины для того, чтобы так считать, и, если я не ошибаюсь, многие люди думают так же, как она.

– Возможно, – согласилась компаньонка. – Понимаете ли, эта дрянь, его жена, да упокоится ее душа, – хотя не знаю, реально ли это, если учесть, как она себя вела, когда была живой, – на всех перекрестках вопила о том, что Уэйкфилд ужасно обращается с ней.

Некоторые, очевидно, ей поверили, но факт, что маркиз не убил ее, свидетельствует о том, что он обладает потрясающей выдержкой. Если бы у меня был муж, которого у меня, конечно, нет, и я занималась теми же вещами, что и Мелисса, чего я, конечно, не стала бы делать, он наверняка избил бы меня до потери сознания. Так что, если Уэйкфилд бил Мелиссу, о чем я с уверенностью не могу говорить, его вполне можно понять. Уж поверьте мне!

Виктория вспомнила о тех случаях, когда видела Джейсона сердитым, о неистовом гневе, которым светились его глаза, и ужасной, звериной ярости, которая подчас прорывалась из-под его обычной холодной манеры.

В ее мозгу возникла страшная картина: образ визжащей от боли женщины, которую он избивает за какой-то, по его, джейсоновским, понятиям, проступок.

– А что, – охрипшим голосом прошептала она, – что же такого нехорошего делала Мелисса?

– Ну, не знаю даже, как сказать вам об этом. Правда заключается в том, что ее часто видели в компании с другими мужчинами.

Виктория содрогнулась. Ведь любую леди из лондонской знати можно видеть в компании каких-нибудь мужчин. Для замужних дам из высшего общества было обычным делом иметь спутников и провожатых.

– И он за это бил ее? – в отчаянии прошептала она.

– Этого никто *не знает*, – подчеркнула мисс Флосси. – По правде говоря, я сомневаюсь. Как-то раз я слышала, что один джентльмен критиковал Джейсона – конечно, за его спиной, ибо никто не осмелился бы критиковать его в лицо, – за то, что он смотрел сквозь пальцы на поведение Мелиссы.

Неожиданно в затуманенном мозгу девушки родилась идея.

– А что именно сказал тот джентльмен? – осторожно спросила она. – Не могли бы вы точно воспроизвести его слова?

– Точно? Ну, раз вы настаиваете... если я смогу вспомнить... «На глазах у всего Лондона Уэйкфилду наставили рога, и он прекрасно знает об этом, однако продолжает носить рога и смотрит на это украшение сквозь пальцы. Этим он подает плохой пример нашим женам. По моему мнению, он должен запереть эту шлюху на ключ в своем поместье в Шотландии, а ключ выбросить».

Голова девушки устало откинулась на спинку стула, и она закрыла глаза с облегчением и грустью.

– Наставила рога, – прошептала она. Смысл этого выражения ей уже успела объяснить Кэролайн. – Так вот в чем дело... – Она подумала о том, как высоко держит голову гордый Джейсон и какому испытанию подвергла его гордость бывшая жена, изменявшая ему на глазах у всего общества.

– Ну что, хотите ли вы знать что-нибудь еще? – поинтересовалась «фарфоровая кукла».

– Да, – как бы через силу произнесла девушка.

От напряжения, с которым она это сказала, мисс Флосси вздрогнула.

– Ну, надеюсь, речь не пойдет про *то самое*, – нервно зашебетала старая дева, – потому что в качестве вашей ближайшей родственницы по женской линии я понимаю, что на мне лежит ответственность разъяснить это вам, но дело в том, что я полная невежда в этом вопросе. Я лелеяла надежду, что ваша мама успела вам все рассказать.

Виктория с любопытством взглянула на нее, но была настолько измучена всем происшедшим, что смогла лишь тихо сказать:

– Не понимаю, о чем вы толкуете.

– Я говорю про «то самое»... так моя дражайшая подружка Пруденс всегда называла это... что было весьма глупо, так как я никогда не могла понять, что это значит. Однако я могу повторить вам то, что говорила самой

Пруденс ее мать накануне свадьбы.

– Простите меня за назойливость, – извинилась девушка, чувствуя себя весьма глупо.

– Да нет же, вам не за что извиняться. Это я должна просить у вас прощения, что не знаю того, о чем должна была рассказать вам. Но леди не болтают на досуге про «то самое». Вы хотите услышать, что мать Пруденс говорила ей об этом?

Губы Виктории судорожно дернулись.

– Да, конечно, – вежливо сказала она, абсолютно не улавливая, какой предмет они обсуждают.

– Хорошо. В брачную ночь муж придет к вам в постель – или, постойте, кажется, вы пойдете в его постель, – ну, я не помню точно. И ни в коем случае вы не должны ни при каких обстоятельствах показывать свое отвращение или визжать.

Вы должны закрыть глаза и позволить ему сделать *то самое*, что бы это ни значило. Будет больно, будет мерзко и в первый раз будет кровоточить, но нужно закрыть глаза и терпеть. Кажется, мама моей подруги Пруденс говорила, что, пока это происходит, Пруденс нужно попытаться вообразить что-нибудь другое – например, то, что, если муж будет доволен ею, она скоро сможет купить себе новую шубку или платье. Как все это гадко, правда?

От облегчения и волнения на глазах девушки выступили слезы, а плечи затряслись от смеха.

– Спасибо, мисс Флосси, – хихикнула она. – Все, что вы рассказали, очень познавательно.

До этого Виктория не задумывалась о столь интимной супружеской жизни с Джейсоном, но было очевидно, что это неизбежно, раз он хочет иметь от нее сына. Хотя она была дочерью врача, отец чрезвычайно заботился о том, чтобы она оставалась в неведении по поводу столь деликатных вопросов.

И все же Виктория кое-что знала. В домашнем хозяйстве они держали кур, и она не раз наблюдала, как они суматошно хлопали крыльями и отчаянно кудахтали, общаясь с петухом, хотя не понимала, чем вся эта суматоха вызвана. Более того, она всегда отводила глаза, чтобы не смущать влюбленные пары, занятые воспроизводством новых цыплят.

Однажды, когда ей было четырнадцать лет, отца вызвали к фермеру, у жены которого начались родовые схватки. Ожидая отца, она прошла на небольшое пастбище, где держали лошадей. Там она стала свидетельницей страшной картины, когда жеребец огуливал кобылу. Он злобно впился

зубами в ее шею, чтобы она не убегала, а сам делал свое скверное дело, и бедная кобыла стонала от боли.

Образы хлопающих крыльев, кудахтающих кур и испуганных до смерти кобыл вереницей проплыли в ее мозгу, и девушка содрогнулась.

– Моя дорогая девочка, вы сейчас выглядите такой бледной, и я не виню вас, – заметила мисс Флосси, что вовсе не ободрило Викторину. – Однако мне как-то дали понять, что, как только жена выполнила свою супружескую обязанность и произвела на свет наследника, заботливый супруг может завести себе любовницу и делать с ней *то самое*, оставив жену в покое и дав ей возможность наслаждаться жизнью все последующие годы.

Виктория тоскливо скосила глаза на окно.

– Любовницу... – вздохнула она, зная, что у Джейсона уже была Сибил, а до нее – еще много других, причем все они, по слухам, были очень красивы. Подумав, она решила, что, видимо, ей следует пересмотреть свое отношение к джентльменам из высшего общества и их любовницам. До этого она считала, что мужчины поступают гадко, вступая в брак и сохраняя свою связь с любовницей, но, оказывается, суть не в этом. Вероятно, как предполагает мисс Флосси, джентльмены из общества просто таким образом проявляют заботу о своих женах. Вместо того чтобы использовать супруг для удовлетворения низменных страстей, они просто находят для этого других женщин, а жену устраивают в уютном доме со слугами, покупают ей чудесные платья и дают возможность наслаждаться жизнью в покое и счастье.

«Да, – решила Виктория, – видимо, это идеальный выход из положения. Наверняка светские леди думают так же, а уж они-то знают в этом толк получше меня».

– Благодарю вас, мисс Флосси, – искренне сказала она. – Вы очень помогли мне и были удивительно добры.

Мисс Флосси засияла, ее желтые кудряшки запрыгали под белым кружевным чепчиком.

– Это я благодарю вас, моя дорогая девочка! Вы сделали Чарльза таким счастливым, каким я никогда его не видела. И конечно, Джейсона, – вежливо добавила она.

Виктория улыбнулась ей, хотя и весьма сомневалась, что действительно осчастливила Джейсона.

Вернувшись к себе, она села у пустого камина и сделала попытку разобраться в своих чувствах, не пряча, как страус, голову в песок. Завтра – день свадьбы. Ей хочется сделать Джейсона счастливым, так хочется, что

она никак не может справиться со своими чувствами. Тот факт, что он был женат на изменявшей ему женщине, пробудил в ее душе не обиду, а симпатию и сочувствие и даже еще большее желание вознаградить его за все невзгоды в его жизни.

Девушка беспокойно встала и зашагала по комнате, машинально взяла в руки фарфоровую музыкальную шкатулку с туалетного столика, затем поставила ее на место, подошла к постели... Она говорила себе, что выходит за Джейсона потому, что у нее нет выбора. Но, подумав, вынуждена была признаться себе, что это не вся правда. Отчасти ей самой хотелось за него замуж. Ей нравились его взгляд, его улыбка, чувство юмора. Ее волновали властные нотки, то и дело проскальзывающие в его глубоком бархатном баритоне, и уверенная, решительная походка. Волновали его сияющие глаза, когда он смеялся над ней, и искры, вспыхивающие в них, когда он целовал ее. Она любила небрежную элегантность, с которой он носил костюмы, и вкус его губ...

Виктория заставила себя отвлечься от столь опасной темы и бездумно устремила взор на золотистое шелковое покрывало. Ей нравилось в Джейсоне многое, очень многое. Но что она понимает в мужчинах? Доказательством тому служил ее печальный опыт с Эндрю. Она обманывала себя, когда верила, что Эндрю любит ее, но зато она не питает никаких иллюзий относительно чувств Джейсона. Его влечет к ней, и он хочет получить от нее сына. Она ему нравится, это очевидно, но не более того.

Нет, ей нельзя позволить себе полюбить Джейсона.

Ведь ему не нужна ее любовь. Он разъяснил это очень доходчиво и просто.

Долгое время Виктория старалась убедить себя, что испытывает к нему лишь чувства благодарности и дружбы, но теперь она знала, что они превратились в нечто гораздо более глубокое. Иначе с какой стати в ней разгорелось бы такое жгучее желание осчастливить его и заставить полюбить себя? С какой стати она испытала бы такую злость, когда мисс Флосси рассказывала, как его бывшая жена напропалую изменяла ему?

Страх опалил ее сердце, и она вытерла вспотевшие ладони о подол муслинового лимонного цвета платья. Завтра утром она отдаст свою судьбу в руки мужчины, которому не нужна ее любовь, который может воспользоваться ее привязанностью в качестве оружия против нее самой. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, чтобы она не делала этого последнего шага. В мозгу снова прозвучали слова отца, постоянно тревожившие и предостерегавшие ее: *Любить человека, не любящего тебя,*

адская боль!.. Не позволяй никому убедить себя, что можешь быть счастлива с тем, кто не любит тебя... Никого не люби больше, чем он любит тебя, Тори...

Виктория склонила голову, ее тяжелые волосы, как завеса, закрыли ее напрягшееся лицо, видны были лишь руки, сжатые в кулаки. Ее мозг посылал ей сигнал опасности и предупреждал, что она будет несчастна, а сердце умоляло не противиться судьбе, так как это сулит невыразимое счастье.

Ее мозг приказывал ей бежать от него, а сердце велело не быть трусихой.

В дверь постучал Нортроп и с неодобрением доложил:

– Простите, леди Виктория, внизу ждет расстроенная, непричесанная, простоволосая молодая леди без сопровождения, прибывшая в наемном экипаже, но утверждающая, что она... гм... ваша сестра. Поскольку мне ничего не известно о наличии у вас молодых родственниц здесь, в Лондоне, естественно, я предложил ей уехать, однако...

– Дороти? – вырвалось у Виктории. – Где она?

– Я проводил ее в маленький салон, – с явным пренебрежением сказал дворецкий. – Но если она действительно ваша сестра, то я, конечно, провожу ее в Желтый салон и...

Его голос все еще звучал, когда девушка бросилась через холл и вниз по лестнице.

– Тори! – воскликнула Дороти, неистово сжав сестру в объятиях, как бы защищая ее от кого-то; она не могла сдержаться, а голос ее дрожал от радости и слез. – Если бы ты только видела, каким презрительным взглядом твой дворецкий окинул наемный экипаж – почти таким же, каким он смерил меня!

– Почему ты не ответила на мое последнее письмо? – спросила Виктория, крепко обнимая ее.

– Потому что я только сегодня вернулась из Бата. Завтра меня посылают на два месяца во Францию, чтобы приобрести то, что бабушка именует «лоском». Она придет в ярость, если обнаружит, что я была здесь, но я не могла оставаться безучастной наблюдательницей и допустить, чтобы ты вышла за этого человека. Тори, как им удалось заставить тебя согласиться? Они били тебя, или взяли измором, или...

– Ничего подобного, – сказала Виктория, улыбаясь и разглаживая золотистые волосы сестры. – Я хочу выйти за него.

– Я не верю тебе! Ты просто обманываешь меня, чтобы я не беспокоилась...

Джейсон сидел, откинувшись на спинку сиденья своей кареты, похлопывая перчатками по колену и скользя скучающим взглядом по рядам особняков. Он ехал домой, на Аппер-Брук-стрит. Завтра предстояла свадьба...

Теперь, когда он признался себе, что его влечет Виктория, и принял решение жениться, влечение к ней стало и вовсе загадочно непреодолимым. Это заставило Джейсона почувствовать свою уязвимость, ибо из прошлого опыта он знал, каким порочным и вероломным может быть слабый пол. Но все же он не переставал тянуться к ней, так же как не переставал надеяться, хотя это было наивное ребячество, что они сделают друг друга счастливыми.

«Жизнь с ней никогда не будет безмятежной», – думал он с усмешкой. На каждом жизненном повороте она будет забавлять его, разочаровывать и ставить в тупик – в этом он был так же уверен, как в том, что она выходит за него, потому что не имеет иного выбора. Так же, как он не сомневался в том, что ее девственность уже была украдена ее дружкой Эндрю.

Неожиданно улыбка на его губах потускнела. Он надеялся, что она будет отрицать это, когда они разговаривали у него в кабинете. А она вместо этого лишь отвела взгляд и попросила у него прощения.

Он был вне себя, был чертовски зол на нее, но одновременно восхищался ею за то, что она сказала правду. Трудно винить Викторию в том, что она отдалась Эндрю, он легко мог вообразить себе, как это произошло. Самый состоятельный мужчина округа убедил молоденькую неопытную девушку в том, что сделает ее своей женой.

Как только она уверилась в этом, Бэйнбриджу, вероятно, не составило большого труда лишить ее девственности. Виктория – добрая, сердечная девушка, и она наверняка с такой же естественностью отдалась мужчине, которого по-настоящему любила, с какой внимательно относилась к слугам и выказывала свою привязанность Волку.

При той распутной жизни, которую вел он сам, осуждать Викторию, подарившую свою девственность любимому, было бы верхом лицемерия, а Джейсон презирал лицемеров. К сожалению, ему невыносима была даже мысль о том, что Виктория, обнаженная, лежала в объятиях другого мужчины.

«Эндрю оказался хорошим учителем, – мрачно подумал он, когда экипаж остановился у дома номер шесть на Аппер-Брук-стрит. – Он научил, как целоваться и как возбуждать в мужчине страсть...»

Пытаясь выбросить эти мысли из головы, он вышел из экипажа и стал

подниматься по ступеням к парадному. «У Виктории с Эндрю все кончено», – сердито уговаривал он себя.

Джейсон постучал в дверь, сам не понимая, зачем он приехал к собственной невесте вечером накануне свадьбы. По существу, для этого не было никаких оснований. Разве что ему просто захотелось доставить себе удовольствие повидаться с ней и, как он надеялся, обрадовать ее сообщением, что купленный для нее индейский пони уже переправляется на одном из его кораблей из Америки в Англию. Джейсону хотелось преподнести его в качестве свадебного подарка, и, по правде говоря, ему до чертиков интересно было посмотреть на Викторию-наездницу. Он представлял, как чудесно будет смотреться на пони ее грациозная фигура, как ее изумительные волосы будут гореть в лучах солнца...

– Добрый вечер, Нортроп. Где леди Виктория?

– В Желтом салоне, милорд, – ответил Нортроп, – со своей сестрой.

– Сестрой? – Джейсон одновременно обрадовался и удивился. – Значит, старая ведьма разрешила Дороти приезжать сюда, – добавил он, проходя через холл. Довольный, что у него появился шанс познакомиться с молоденькой сестрой Виктории, о которой она ему столько рассказывала, Джейсон открыл дверь в Желтый салон.

– Я не вынесу этого, – утирала Дороти слезы носовым платком. – Я рада, что бабушка не разрешает мне присутствовать на твоей свадьбе. Я бы просто этого не выдержала, видя, как ты идешь к алтарю, и зная, что ты представляешь идущего рядом Эндрю...

– Очевидно, я приехал не ко времени, – протянул Джейсон. Надежда, что Виктория все-таки выходит за него по доброй воле, которую он лелеял в душе, растаяла, как прошлогодний снег. Как больно было узнать: Виктории придется вообразить себе, что она выходит за Эндрю, чтобы заставить себя пройти к алтарю.

– Джейсон! – резко обернулась Виктория, опасаясь, что он услышал глупые стенания сестры. Но, овладев собой, она протянула к нему руки и сказала с мягкой улыбкой: – Я так рада, что вы приехали. Пожалуйста, подойдите и покажитесь. – Понимая, что загладить неловкость можно, только сказав правду, она проговорила: – Дороти слышала весьма критические замечания, сделанные компаньонкой моей прабабушки леди Фолклин в ваш адрес, и у нее сложилось представление о вас как о жестоком чудовище. – Она закусил губу, видя, как Джейсон с сардоническим видом поднял бровь и молча взглянул на Дороти.

Затем Виктория наклонилась к Дороти.

– Сестренка, будь благоразумной и по крайней мере позволь мне

представить тебе лорда Филдинга, чтобы ты собственными глазами убедилась, что не такой уж он страшный.

Оставшись при своем мнении, Дороти подняла глаза на бесстрастное, надменное лицо мужчины, возвышавшегося над ней подобно изваянному из камня исполину, с руками, скрещенными на широкой груди. У нее округлились глаза, и, не говоря ни слова, она медленно встала, но вместо того, чтобы сделать реверанс, пристально посмотрела прямо ему в глаза.

– Лорд Филдинг, – вызывающе отчеканила она, – не знаю, правда ли, что вы не такой уж страшный, или нет. Однако предупреждаю вас, что, если вы посмеете хоть чем-то обидеть мою сестру, я без колебаний... застрелю вас! Я вполне ясно выражаюсь? – От ярости и страха ее голос задрожал, но она смело встретила взгляд его холодных зеленых глаз.

– Вполне.

– Тогда, поскольку мне не удалось убедить сестру бежать от вас, я возвращаюсь в дом прабабушки. Доброй ночи.

И она направилась к выходу, а Виктория – за ней.

– Дороти, как ты *могла*? – вконец расстроившись, спросила она. – Как ты могла так грубо разговаривать?

– Пусть лучше он считает меня грубой, чем беззащитной.

Виктория с ошеломленным видом попрощалась с сестрой и поспешила обратно в салон.

– Простите, – подавленно сказала она Джейсону, стоявшему у окна и наблюдавшему, как отъезжает экипаж Дороти.

Взглянув на нее через плечо, Джейсон поднял бровь.

– Она умеет стрелять?

Не зная, в каком настроении он пребывает, Виктория подавила нервный смешок и отрицательно покачала головой. Когда он снова повернулся к окну и замолчал, она попыталась объяснить:

– У Дороти живое воображение, и она никак не может поверить, что я выхожу за вас вовсе не потому, что горюю после предательства Эндрю.

– Не потому? – съехидничал он.

– Нет-нет!

Тогда он повернулся к ней. Его глаза были подобны осколкам леденяще-зеленого стекла.

– Когда вы завтра пойдете к алтарю, то там вас будет ждать не Эндрю. Там буду я.

Джейсон приехал сказать ей, что достал для нее индейского пони; он хотел обрадовать ее и заставить улыбаться...

Повернувшись, он молча вышел из салона.

Глава 21

Небо было облачное и серое, когда сияющая черным лаком карета Джейсона, запряженная четырьмя породистыми гнедыми лошадьми в великолепной серебряной сбруе, мягко покачиваясь, проследовала по оживленным лондонским улицам. Шесть всадников в зеленых бархатных livreeх возглавляли процессию, а еще четыре в униформе – замыкали.

Виктория сидела съездившись на удобном мягком сиденье кареты Джейсона, облаченная в сказочно красивое и невероятно дорогое платье и погруженная в беспросветные, как небо, мысли.

– Вы не замерзли, моя дорогая? – искательно спросил Чарльз, сидевший напротив.

Она покачала головой, все еще с досадой задаваясь вопросом, почему Джейсон настоял на том, чтобы превратить свадьбу в такое грандиозное зрелище.

А еще через несколько минут она подала герцогу Атертону руку и вышла из кареты, после чего они медленно двинулись вверх по лестнице, ко входу в массивную готическую церковь. В это мгновение Виктория чувствовала себя подобно ребенку, которого родители ведут на какое-то страшное представление.

Вместе с Чарльзом она вошла в церковь и застыла у самого входа, стараясь не думать о чудовищности того, на что согласилась, и бесцельно скользя взглядом по массе собравшихся. В ее смятенном мозгу мелькнула случайная мысль об огромной разнице между разодетыми в шелка и парчу лондонскими аристократами, которые пришли на ее свадьбу, и простыми, добрыми жителями родной деревни, которые пришли бы к ней на свадьбу на родине. Вряд ли она была знакома с большинством присутствующих – некоторых Виктория вообще видела впервые. Намеренно избегая смотреть на алтарь, у которого в ближайшие минуты ее будет ждать не Эндрю, а Джейсон, она огляделась.

В первом ряду справа зияло свободное место, оставленное для герцога, остальные же скамьи были заполнены гостями. С другой стороны от прохода, на первой скамье, которую обычно занимают члены семьи невесты, сидела пожилая леди, опиравшаяся на трость из эбенового дерева; на ее голове красовался ярко-пурпурный шелковый тюрбан.

Фигура леди в тюрбане показалась ей знакомой, но Виктория слишком нервничала, чтобы вспомнить, где она ее видела, а Чарльз отвлек ее

внимание, жестом указав на приближающегося лорда Коллингвуда.

– Джейсон приехал? – спросил герцог, когда Роберт подошел к ним.

Граф, согласившийся быть шафером Джейсона, поцеловал Виктории руку, успокаивающе улыбнулся и ответил:

– Он здесь и ждет, когда вы будете готовы.

У Виктории подогнулись колени. Она не была готова. Она вообще не была готова ко всему этому!

Кэролайн расправила шлейф голубого шелкового с бриллиантовыми блестками платья невесты и улыбнулась мужу.

– Ну что, лорд Филдинг нервничает?

– Говорит, что нет, – ответил тот. – Но ему хотелось бы начать церемонию.

«Как он равнодушен, как бесчувствен», – подумалось Виктории, и ее страх уже стал граничить с паникой.

Чарльз засуетился.

– Мы готовы, – с энтузиазмом объявил он. – Давайте начинать.

Чувствуя себя марионеткой, которую все, кому не лень, дергают за нитки, Виктория взяла Чарльза под руку, и они двинулись по залитому светом свечей проходу, который, казалось, никогда не кончится. Голубой шелк свадебного платья переливался и мерцал, соперничая с блеском искрившихся бриллиантов, подобных крошечным мигающим огонькам, в ее волосах, на шее и на фате. Вверху на хорах запели, но Виктория этого не слышала. Ей казалось, что с каждым шагом все дальше за ее спиной оставались детство, полное родительской любви, тепло родного дома и беззаботные дни девичества. А впереди... впереди ее ждал Джейсон, облаченный во что-то великолепное, дорогое, иссиня-голубое и бархатное... Его лицо было в тени, и он выглядел ужасно высоким и смуглым, даже скорее темным. Темным и непонятным, как... как ее будущее.

Зачем ты это делаешь?! – панически зашептал ее мятущийся рассудок, когда Чарльз повел ее к жениху.

Сама не знаю, молча ответила она. Наверное, потому, что я нужна Джейсону.

Разве это причина?! – возмутился разум. *Ты все еще можешь избежать несчастья. Поворачивай и беги!*

Не могу! – воскликнуло ее сердце.

Можешь. Просто развернись и беги. Именно сейчас, пока не поздно.

Не могу! Я не могу его бросить.

Да почему же?

Это унизило бы его – даже больше, чем его когда-либо унижала первая жена.

Вспомни, что говорил отец: «Не позволяй никому убедить себя, что можешь быть счастлива с тем, кто не любит тебя». Вспомни, как несчастлив был он сам. Беги. Скорее! Улепетывай, пока не поздно!

Сердце девушки проиграло борьбу со страхом, когда Чарльз вложил ее холодную как лед руку в теплую ладонь Джейсона и отступил в сторону. Она уже приготовилась бежать, свободной рукой подобрала свои юбки, дыхание ее участилось. Она уже было попыталась вырвать правую руку из его руки, но в тот самый момент он захватил ее пальцы железной хваткой и резко повернул голову в ее сторону, впиваясь глазами в ее лицо и как бы предупреждая не делать этого шага. Затем его хватка внезапно ослабла, а глаза стали пустыми и равнодушными. Он отпустил невесту, дав ее руке упасть, и взглянул на архиепископа.

«Он собирается прервать церемонию!» – поняла Виктория, когда архиепископ поклонился и сказал:

– Так начнем, милорд?

Джейсон покачал головой и открыл было рот...

– Не делайте этого! – шепнула девушка, пытаясь остановить его.

– Что вы сказали? – улыбаясь, переспросил архиепископ.

Виктория подняла глаза на Джейсона и увидела, как он унижен.

– Я просто испугана, милорд. Пожалуйста, возьмите мою руку.

Он колебался, всматриваясь в ее глаза, и чувство облегчения постепенно проступило сквозь мрачность его лица. Его рука успокаивающе коснулась ее запястья.

– *Итак*, можно начинать? – недовольно спросил архиепископ.

Губы Джейсона шевельнулись:

– Да, пожалуйста.

Пока шла долгая венчальная служба, Чарльз любовался женой и невестой; его сердце готово было разорваться от счастья, но, краем глаза уловив отблеск пурпура, он вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Он посмотрел влево и весь напрягся, когда его взгляд скрестился со взглядом бледно-голубых глаз герцогини Клермонт. Он пристально посмотрел на нее, и на его лице отразился холодный триумф, затем, напоследок презрительно прищутив глаза, он отвернулся и выбросил мысль о ее присутствии из головы.

Он смотрел, как его сын стоит рядом с Викторией; двое гордых, прекрасных людей дают клятву, которая соединит их навечно. Слезы подступили к его глазам, когда архиепископ торжественно произнес:

– А вы, Виктория Ситон?..

«Кэтрин, любовь моя, – шептал про себя Чарльз, – видишь ли ты наших детей? Разве они не прекрасны, стоя здесь вместе? Твоя бабушка не дала нам возможности соединиться, моя дорогая, – это была ее победа, но теперь – победили мы. Теперь у нас с тобой будут внуки, моя радость. Моя родная, прекрасная Кэтрин, у нас будут внуки».

Чарльз наклонил голову, не желая, чтобы старая женщина, сидевшая напротив, увидела, что он прослезился.

Но герцогиня Клермонт не могла ничего увидеть, потому что слезы застили ей глаза и катились по ее морщинистым щекам.

«Кэтрин, любовь моя, – шептала она про себя, – посмотри, что я наделала. В своем глупом, слепом эгоизме я не позволила тебе выйти за него и иметь с ним детей. А теперь получилось так, что вместо этого у вас будут общие внуки. О, Кэтрин, я так тебя любила! Я хотела, чтобы весь мир лежал у твоих ног, и не верила, что для тебя весь мир заключался в одном этом человеке...»

Когда архиепископ попросил Викторию произнести за ним слова клятвы, она вспомнила просьбу Джейсона и постаралась принять влюбленный вид.

Глядя на его лицо, она попыталась говорить ясно и уверенно, но в тот момент, когда прозвучали слова о любви, Джейсон неожиданно возвел глаза к куполу церкви и на его губах появилась сардоническая улыбка. Девушка поняла, что он изучает место, где молния должна пробить свод, и все ее напряжение вылилось в подавленный смешок, отчего архиепископ укоряюще нахмурился.

Но кратковременный приступ веселья тут же прошел, когда на всю церковь прозвучал глубокий, звонкий голос Джейсона, обещавшего быть ей верным в радости и горе. На этом служба окончилась.

– Можете поцеловать невесту, – сказал архиепископ.

Джейсон повернулся и посмотрел на нее, и его глаза сияли таким явным, таким неожиданным и таким пугающим триумфом, что, когда он обнял ее, она вся окаменела. Наклонившись к Виктории, он запечатлел на ее дрожащих губах такой долгий и смелый поцелуй, что архиепископ рассердился, а некоторые гости ухмыльнулись; затем Джейсон поднял голову и взял ее за руку.

– Милорд, – умоляюще шептала она, когда они направлялись по проходу к выходу, – пожалуйста, я не успеваю за вами.

– Называй меня Джейсоном, – бросил он, но шаг замедлил. – И в следующий раз, когда я буду целовать тебя, притворись, что это тебе по

душе.

Его ледяной тон подействовал на нее так, будто ее окатили ведром холодной воды, но ей удалось все же изобразить на напряженном лице улыбку, когда она стояла на паперти между Чарльзом и Джейсоном, приветствуя восемьсот гостей, собравшихся здесь, чтобы пожелать им обоим счастья.

Чарльз повернулся, чтобы переброситься парой слов с одним из друзей, когда из церкви вышла последняя гостья, тяжело опиравшаяся на отделанную драгоценными камнями трость из эбенового дерева.

Не обращая никакого внимания на Джейсона, герцогиня Клермонт, а это была она, приблизилась к Виктории, устремив взгляд прямо в ее синие глаза.

– Вы меня знаете? – без обиняков спросила она, когда Виктория вежливо улыбнулась.

– Нет, мэм, – сказала девушка. – Мне очень жаль, но не знаю. Кажется, я видела вас где-то, потому что ваше лицо мне знакомо, и все-таки...

– Я ваша прабабушка...

Виктория непроизвольно еще крепче ухватила за руку мужа. Так вот какова ее прабабушка, женщина, отказавшаяся дать ей кров и разрушившая счастье ее матери. Виктория вздернула подбородок.

– У меня нет прабабушки, – с ледяным спокойствием произнесла она.

Этот резкий выпад произвел самое странное действие на вдовствующую герцогиню. Ее глаза загорелись восхищением, и суровое лицо смягчила еле заметная улыбка.

– О, моя дорогая, у вас есть прабабушка. Есть, – повторила она почти влюбленно. – Ваша внешность унаследована от матери, но эта вызывающая гордость – это мое. – Она усмехнулась, покачав головой, когда девушка попыталась возражать. – Нет-нет, не трудитесь вновь отрицать мое существование, ибо в ваших жилах течет моя кровь, а в движении вашего подбородка я вижу собственное упрямство. У вас глаза вашей матери, но моя воля и характер...

– Держитесь от нее подальше! – неистово прошипел Чарльз, резко обернувшись. – Уходите!

Герцогиня застыла, словно превратилась в камень, но глаза ее метали молнии.

– Не смейте говорить со мной таким тоном, Атертон, или я...

– Или что? – оборвал Чарльз. – Не пытайтесь угрожать мне. Я больше не в вашей власти. Теперь у меня есть все, что мне нужно для счастья.

Вдовствующая герцогиня Клермонт смирила его с головы до ног

ледяным взглядом, повела своим аристократическим носом и затем победоносно заявила:

– У вас это есть только потому, что я так решила, глупец!

И, не обращая больше внимания на ошеломленный вид и неистово горящие глаза герцога, она вновь повернулась к Виктории, и ее лицо просветлело. Она протянула старческую сухонькую руку и потрепала девушку по щеке, ее глаза увлажнились.

– Надеюсь, вы заедете к нам в Клермонт-Хаус повидать Дороти, когда она вернется из Франции. Было не просто держать ее вдали от вас, но она бы все испортила своей глупой болтовней о старом сканда... о старой сплетне, – тут же поправилась она.

Затем герцогиня повернулась к Джейсону, и ее лицо резко посуровело.

– Я вручаю мою правнучку под вашу опеку, Уэйкфилд, но вы будете головой отвечать за ее счастье, вам понятно?

– Вполне, – торжественно заявил он, но при этом зоркий взгляд со стороны мог бы заметить, что его явно забавляют угрозы маленькой, хрупкой старушки, стоящей перед ним.

Герцогиня пристально взгляделась в его лицо, затем кивнула:

– Поскольку мы поняли друг друга, я ухожу. – Говоря это, она приблизила к его губам тыльную сторону ладони. – Можете поцеловать мне руку.

Сохраняя потрясающее самообладание, Джейсон взял ее крошечную руку и галантно поцеловал в запястье.

Снова обратившись к Виктории, герцогиня печально сказала:

– Наверное, было бы уже сверх меры просить...

Виктории трудно было осмыслить, что произошло за те несколько минут, когда ее прабабушка подошла к ней, но одно ей было совершенно ясно: чувство, которое она видела в глазах старой женщины, было любовью – любовью и неподдельным раскаянием.

– Бабушка, – еле слышно выдохнула она и тут же оказалась в крепких объятиях надменной герцогини.

Герцогиня чуть отпрянула от нее с неловкой, смущенной улыбкой; затем бросила властный взгляд на Джейсона:

– Уэйкфилд, я решила не уходить на тот свет до тех пор, пока не подержу в руках своего праправнука. И поскольку я не могу жить вечно, то не потерплю никаких отсрочек с вашей стороны.

– Я с должным вниманием отнесусь к поднятому вами вопросу, ваша светлость, – со строгим выражением лица ответил Джейсон, но в его малахитово-зеленых глазах искрились смешливые огоньки.

– Я не потерплю никаких промедлений и колебаний и с твоей стороны, моя дорогая, – шепнула герцогиня вспыхнувшей правнучке и, снова потрепав девушку по щеке, задумчиво добавила: – Я решила удалиться в деревню. От Уэйкфилда до Клермонта всего час езды, так что, возможно, ты будешь временами навещать меня.

Сказав это, она сделала знак своему поверенному, ожидавшему у входа в церковь, и величественно произнесла:

– Дай мне руку, Везерфорд. Я увидела то, что хотела увидеть, и сказала то, что хотела сказать.

Бросив последний победный взгляд на застывшего в недоумении герцога, она повернулась и ушла с высоко поднятой головой и расправленными плечами; и ее трость лишь слегка задевала за землю.

Многие гости все еще толпились вокруг, ожидая экипажей, когда Джейсон провел новобрачную через толпу к своей роскошной карете. Виктория через силу улыбалась, отвечала на приветственные взмахи рук, но она была так измучена за это полное душевных потрясений утро, что ничего не видела перед собой до того момента, пока они не подъехали к деревне в окрестностях Уэйкфилда. И только тут, виновато вздрогнув, она вдруг поняла, что за целых два часа езды не проронила и десятка слов.

Из-под ресниц она бросила быстрый взгляд на красивого мужчину, который теперь стал ее мужем.

Он сидел, отвернувшись от нее, его профиль был подобен жесткой, вырезанной из дерева маске, не способной ни посочувствовать, ни понять. Он был зол на нее за то, что она хотела бросить его у алтаря, она понимала это, – зол и не в состоянии простить.

Страх перед неотвратимостью его мести приводил в полное расстройство ее нервы, и без того натянутые до предела. В ужасе она подумала, не стала ли причиной такого разлада между ними, который уже ничем нельзя загладить.

– Джейсон, – начала она, робко назвав его по имени, – прости меня за то, что произошло в церкви.

Он равнодушно пожал плечами.

Его молчание лишь усугубило тревогу Виктории, но вот карета сделала поворот и въехала в живописную деревушку возле Уэйкфилда. Она уже собиралась снова просить прощения, как вдруг зазвонили колокола деревенской церкви, и новоявленная маркиза Уэйкфилд увидела нарядных местных жителей, выстроившихся вдоль дороги.

Женщины и мужчины улыбались и махали им, пока карета проезжала мимо, а маленькие детишки с букетами полевых цветов, крепко зажатыми в

кулачках, выбегали на дорогу и через открытое оконце кареты преподносили цветы новобрачной.

Один малыш лет четырех споткнулся о толстый древесный корень на обочине дороги и растянулся, упав прямо на свой букет.

– Джейсон, – взмолилась Виктория, забыв о натянутости, возникшей меж ними, – попроси кучера остановиться, пожалуйста!

Джейсон остановил карету, и Виктория открыла дверцу.

– Какие прекрасные цветы! – воскликнула она, глядя на малыша, поднимающегося с земли под смех старших мальчишек. – Они для меня? – ласково спросила она, кивнув на поломанные стебли.

Малыш шмыгнул носом, утирая слезы грязным кулачком.

– Да, мэм, они были для вас, пока я на них не упал.

– Можно мне взять их? – улыбнулась Виктория. – Они замечательно подойдут к моему букету.

Малыш робко протянул свои цветы.

– Я их сам собирал, – гордо сообщил он, глядя во все глаза, как прекрасная дама аккуратно вставляет его подарок в свой большой букет. – Меня зовут Билли, – сказал он, глядя на Викторию левым глазом, так как правый смотрел в другую сторону. – Я живу вон там, в сиротском приюте.

Девушка улыбнулась и мягко ответила:

– А меня зовут Виктория. Но мои близкие друзья зовут меня Тори. Хочешь звать меня так?

Малыш гордо выпятил грудь, но прежде чем радостно кивнуть, предусмотрительно взглянул на Джейсона. Джейсон не возражал.

– Хочешь как-нибудь на днях зайти в Уэйкфилд и помочь мне запускать воздушного змея? – продолжала Виктория, а Джейсон задумчиво наблюдал за ней.

Улыбка мальчика увяла.

– Я не умею хорошо бегать, все время падаю, – смущенно признался он.

Виктория понимающе кивнула:

– Вероятно, из-за глаза. Но может быть, мне удастся помочь тебе. Когда-то я знала другого маленького мальчика. Он тоже косил. Однажды, когда мы с ребятами играли в индейцев и белых поселенцев, он упал и повредил здоровый глаз. Мой отец наложил ему повязку, которую тот носил до самого выздоровления. И вот когда здоровый глаз был завязан, больной глаз начал выравниваться, – видимо, больному глазу пришлось поработать сразу за двоих, и он выправился. Хочешь, я заеду к тебе и мы попытаемся повторить тот удачный опыт?

Мальчик заколебался:

– Боюсь, я буду очень смешно выглядеть с повязкой, мэм.

– Да, тот мальчик, Джимми, с повязкой выглядел точно как пират, – рассмеялась Виктория, – и скоро все наши ребята стали носить такие же повязки на одном глазу. Хочешь, я навещу тебя и мы поиграем в пиратов?

Он кивнул и весело улыбнулся стоявшим позади него детям.

– Что, что сказала леди? – наперебой спрашивали его, когда Джейсон дал кучеру сигнал продолжать путь.

Билли сунул руки в карманы штанишек, выпятил грудь и гордо объявил:

– Она сказала, что мы можем звать ее Тори.

Дети и взрослые единой процессией следовали за каретой вверх по холму, и Виктория решила, что, видимо, такова одна из праздничных традиций местных жителей. К тому моменту, когда лошади рысцой въехали в массивные чугунные ворота Уэйкфилд-Парка, за каретой следовала целая толпа деревенских жителей, а еще большее их число ожидало на окаймленной деревьями ведущей через парк аллее. Виктория вопросительно взглянула на Джейсона и могла бы поклясться, что он прячет улыбку.

Замысел его стал еще более очевиден, как только карета приблизилась к большому дому. Ведь она говорила Джейсону, что всегда мечтала венчаться в деревушке и чтоб все жители собрались отпраздновать это событие. И вот этот странный донкихот, загадочный мужчина, с которым она только что обвенчалась, пытается воплотить ее мечту в жизнь, по крайней мере хотя бы часть ее мечты. Он превратил лужайки Уэйкфилда в сказочную цветочную оранжерею. Огромные столы, уставленные серебряными и фарфоровыми блюдами с яствами, затеняли широкие навесы из белых орхидей, лилий и роз. В дальнем конце лужайки возвышался павильон, стены которого были сплетены из цветов и разноцветных лент. Везде ярко горели факелы. Их свет разгонял наступающие сумерки и придавал праздничное, таинственное очарование всему окружающему.

То, что большая часть гостей, присутствовавших на венчании, осталась в Лондоне, Джейсона, по-видимому, не очень огорчало. Праздник на этом не кончался. Он истратил кучу денег, превратив поместье в райскую обитель, да еще пригласил всех жителей деревни присоединиться к торжеству. И, что поразительно, даже природа решила пойти маркизу Уэйкфилду навстречу: тучи начали рассеиваться и лучи заходящего солнца украсили небо ярко-розовыми и багряными сполохами.

Карета остановилась у подъезда, и Виктория огляделась вокруг, еще раз изумившись всему этому великолепию, к созданию которого, несомненно, был причастен Джейсон. В чем его, конечно, трудно было заподозрить, судя по обычно напускаемому им на себя безразличному виду. Она посмотрела на него и заметила еле заметную усмешку, таившуюся в уголках его глаз, и нежно коснулась пальцами его руки.

– Джейсон, – прошептала она дрожащим от волнения голосом, – спасибо, спасибо тебе... – И, вспомнив, что лучшей благодарностью служит поцелуй, приникла к его груди и поцеловала в губы с застенчивой девической нежностью.

Насмешливый мужской голос с ирландским акцентом вернул Викторию из мира грез к реальности.

– Джейсон, дружище, ты что, так и не вылезешь из кареты и не представишь меня своей молодой жене? Или я должен представиться сам?

Джейсон оглянулся, и на его загорелом лице появилась довольная улыбка; он быстро выскочил из кареты и протянул руку мощному ирландцу, однако тот вместо рукопожатия заключил его в свои медвежьи объятия.

– Итак, – наконец вымолвил незнакомец, схватив друга за плечи и глядя на него с нескрываемой нежностью, – ты выбрал себе жену, чтобы в конце концов этот твой огромный, холодный дворец немножко отогрелся. Неужто ты не мог подождать, пока мой корабль придет в порт, чтобы я поприсутствовал на венчании? – поддразнил он.

– Я был уверен, что ты приедешь только в следующем месяце, – сказал Джейсон. – Когда ты сошел на берег?

– Я ждал, пока разгрузят судно, и сегодня вернулся домой. Сюда я приехал час назад, но вместо того чтобы лицезреть тебя за письменным столом, узнаю, что ты присутствуешь на собственной свадьбе. Ну ладно, ты собираешься, наконец, представить меня жене?! – добродушно потребовал он.

Джейсон помог новобрачной сойти с подножки кареты и представил ей капитана Майкла Фаррела. Виктория по его виду решила, что ему, должно быть, лет пятьдесят. У него были густые рыжеватые волосы, изумительно веселые карие глаза и бронзовое от загара лицо, свидетельствовавшее о том, что большую часть жизни он провел в море. Он понравился ей с первого взгляда, но ее впервые назвали женой Джейсона, и это так потрясло ее, что она приветствовала моряка сдержанно и чопорно.

После этого выражение лица капитана изменилось: добродушный одобрительный взгляд исчез, и его манеры по жесткости превзошли то, что

она сейчас так удачно продемонстрировала.

– Приятно познакомиться с вами, леди Филдинг, – отчеканил он с коротким холодным поклоном. – Простите, что я неподобающе случаю одет. Когда я приехал сюда, то даже в мыслях не имел, что попаду на торжество. А теперь, извините, мне пора, так как я пробыл в море полгода и жажду оказаться у своего домашнего очага.

– О, но вы не можете уехать в такой день! – воскликнула Виктория с той неподдельной теплотой, которая была для нее намного естественнее английской чопорности. Она поняла, что капитан Фаррел – очень близкий друг Джейсона, и ей отчаянно захотелось, чтобы он почувствовал себя желанным гостем. – Мы с мужем слишком парадно одеты для этого времени дня, – пошутила она. – Помню, когда я была в море всего каких-то шесть недель, то мечтала пообедать за столом, который не раскачивается туда-сюда. Я уверена, что наш стол будет стоять на месте как вкопанный.

Капитан Фаррел испытующе посмотрел на нее, как бы пытаясь оценить, что же она собой представляет.

– Похоже, вам не очень понравилось путешествовать по морю, леди Филдинг? – непринужденно спросил он.

Виктория с заразительной улыбкой покачала головой:

– Не больше, чем ходить со сломанной рукой или болеть оспой – по крайней мере, в тех случаях меня не тошнило, а в море я целую неделю страдала от морской болезни. Боюсь, из меня вышла бы не очень хорошая морячка: когда начался шторм, я ужасно перепугалась.

– Боже всевышний! – воскликнул с улыбкой начавший оттаивать капитан. – Можете не считать себя трусихой по этому поводу. Даже закаленные моряки во время штормов в Атлантике боятся погибнуть.

– Но я-то, – смеясь, возразила Виктория, – боялась не того, что *погибну*, а что буду вечно испытывать страх и морскую болезнь.

Капитан откинул голову и захохотал так, что кони стали прядать ушами. Затем он взял руку Виктории в свои огромные мозолистые лапы и усмехнулся:

– Мне доставит великое удовольствие остаться с вами и Джейсоном. Простите, что я... мм... колебался.

Виктория радостно кивнула. Затем она отхлебнула вина из бокала, принесенного на подносе одним из лакеев, и пошла поздороваться с фермерами, которые привезли ее когда-то в Уэйкфилд.

Когда она отошла, Майк Фаррел повернулся к Джейсону и тихо сказал:

– Мне она понравилась с первого взгляда, когда я увидел, как она целовала тебя в карете. Но когда она напустила на себя такую важность и

смотрела пустым взглядом, будто сквозь меня, я с ужасом подумал, что ты облюбовал себе еще одну надменную суку вроде Мелиссы.

Джейсон наблюдал, как Виктория дружелюбно общалась со смущенными фермерами, которые после беседы с ней почувствовали себя как дома.

– Понимаешь, Майк, в ней есть что угодно, но только не высокомерие. Ее пес наполовину волк, а она – наполовину робкая маленькая девочка. Мои слуги в ней души не чают, Чарльз обожает ее, а каждый лондонский щеголь спит и видит, что она влюблена в него.

– Включая тебя? – многозначительно улыбнулся Майк Фаррел.

Джейсон смотрел, как Виктория осушила свой бокал и взяла еще один. Она смогла выдержать обряд венчания сегодня утром лишь потому, что представила себе на месте жениха Эндрю, и, несмотря на это, она чуть не бросила его у алтаря на глазах восьмисот гостей. До сих пор она позволяла себе лишь пригубить чуть-чуть вина, а сейчас взялась уже за второй бокал. Джейсон понял: его жена пытается таким образом заглушить свое отвращение к тому, что должно между ними произойти сегодня ночью.

– Я бы не сказал, что ты выглядишь как счастливейший из новоиспеченных мужей, – заметил Майк, обратив внимание на задумчивый вид друга.

– Никогда не был более счастлив, – горько ответил Джейсон и пошел встречать гостей, имен которых не знал, с тем чтобы иметь возможность представить их женщине, которая боялась стать его женой. Он выполнял обязанности гостеприимного хозяина и играл роль счастливого молодого мужа, ежеминутно вспоминая, как она чуть не убежала от него, при всех, в самый последний момент.

Это воспоминание было обжигающе болезненным и унижительным, и ему никак не удавалось выбросить его из головы.

В такт музыке подмигивали звезды, когда Джейсон стоял на краю танцевальной площадки и смотрел, как она танцует с местным эсквайром, затем с Майклом Фаррелом, а потом с несколькими жителями деревни. Он понимал, что она намеренно избегает его, а в тех редких случаях, когда они встречались глазами, Виктория быстро отводила взгляд.

Она уже давно сняла фату и попросила музыкантов играть мелодии повеселее, затем очаровала жителей деревни, попросив их научить ее местным танцам. К тому времени, когда луна стояла высоко в небе, все гости танцевали, хлопали в ладоши и отлично развлекались, включая саму хозяйку, которая уже выпила пять бокалов вина.

«Очевидно, она нарочно пытается упиться до умопомрачения», –

желчно отметил Джейсон, глядя на ее пылающие щеки. Он чувствовал все большее раздражение, когда вспоминал о своих несбыточных надеждах на брачную ночь, на счастливое будущее. А ведь он, глупец, верил, что счастье наконец так близко, что стоит только протянуть руку...

Опершись о ствол дерева, он наблюдал за ней, вновь и вновь задаваясь вопросом, почему женщин так влечет к нему до свадьбы и куда все это девается потом. «Я пошел по проторенной дороге, уже пройденной с Мелиссой, – яростно подумал Джейсон. – Повторил одну и ту же идиотскую ошибку дважды – опять женился на женщине, вышедшей за меня лишь потому, что ей было что-то нужно *от меня*, а не потому, что я сам ей нужен».

Мелиссе был нужен каждый встречный мужчина, кроме него. Виктории – только Эндрю, хороший, добрый, *бесхребетный*.

«Единственное отличие между Мелиссой и Викторией то, что Виктория – гораздо лучшая актриса», – решил он. Джейсон с самого начала знал, что Мелисса была эгоистичной и расчетливой, но Викторию-то он считал чуть ли не ангелом... Конечно, падшим ангелом – благодаря Эндрю, – но сначала он не придавал этому значения. А теперь и это в его глазах выглядело иначе. Он презирал ее за то, что она так легко отдалась Эндрю, а теперь не хочет, чтобы это случилось с законным супругом. Как еще можно объяснить ее желание непременно напиться этой ночью? Она дрожала в его объятиях и избегала его взгляда, когда он танцевал с ней. А потом ее передернуло, будто от отвращения, от его замечания, что пора собираться в дом.

Джейсон с горечью задал себе вопрос: почему он мог заставить своих любовниц стонать в экстазе, а женщины, на которых он женился, не хотят иметь с ним ничего общего с того момента, когда клятвы у алтаря произнесены? Ему было непонятно, почему богатство, казалось, само идет ему в руки, а счастье всегда ускользает от него. Порочная старая ведьма, вырастившая его, очевидно, была права: он – отродье дьявола и не заслуживает не только счастья, но даже и самой жизни.

Три женщины, когда-либо бывшие или ставшие частью его жизни – Виктория, Мелисса и приемная мать, – видели в нем что-то такое, что делало его в их глазах проклятым и уродливым, хотя обе его жены скрывали свое отвращение до дня свадьбы, после которой получали право на все его богатство.

С безжалостной решимостью Джейсон подошел к Виктории и коснулся ее руки. Она резко отпрянула, как будто от ожога.

– Поздно, пора идти в дом, – сказал он.

Даже при свете луны ее лицо заметно побледнело и в глазах появилось выражение затравленности.

– Н-но еще не так уж п-поздно...

– Достаточно поздно, чтобы лечь спать, – сухо отрезал он.

– Но мне совсем не хочется спать!

– Вот и хорошо, – намеренно грубо отреагировал он. Виктория явно поняла, что он имел в виду, потому что все ее тело пронизала дрожь. – Мы заключили сделку, – резко сказал он, – и ты должна выполнять свою роль, как ни противна тебе мысль о том, что придется лечь со мной в постель.

От его холодного, властного голоса Виктория, казалось, застыла. Кивнув, она, едва передвигая ноги, пошла в дом и наверх, в свои новые покои, смежные с покоями Джейсона.

Почувствовав состояние хозяйки, Рут молча помогла ей снять свадебное платье и надеть шелковую с кружевами кремовую ночную сорочку, сшитую мадам Дюмосс специально для брачной ночи.

Тошнота подступила к горлу новобрачной, панический страх обуял ее при виде расстеленной постели. От вина, которое Виктория пила в надежде забыть свои страхи, теперь кружилась голова и тошнило. Вместо того чтобы успокоить ее, как это бывает с другими, вино сделало ее совершенно больной и лишило способности сдерживать свои чувства. Теперь она отчаянно желала, чтобы все предшествующее оказалось сном. Единственный раз, когда она выпила этого зелья, так это после похорон родителей. Тогда вино в качестве лекарства предложил ей доктор Морисон. От этого ее рвало, и доктор пояснил ей, что, видимо, она из тех людей, организм которых не переносит алкоголя.

Виктория еле добралась до постели, в ее голове проносились кошмары, порожденные поучительным рассказом мисс Флосси. Она в отчаянии представляла, как ее кровь вот-вот прольется на белые простыни. Сколько же будет крови? Какую боль предстоит испытать? Ее прошиб холодный пот и закружилась голова, пока Рут взбивала подушки.

Чувствуя себя словно деревянная кукла, она забралась под одеяло, пытаясь взять себя в руки и совладать с подступающей тошнотой. Как бы не забыть напутствие мисс Флосси – не стонать и не выказывать отвращения. Но когда Джейсон открыл дверь смежной комнаты и вошел в ее спальню в своем темно-бордовом парчовом халате, не слишком прикрывавшем его обнаженную грудь и ноги, Виктория не смогла удержаться от возгласа, порожденного страхом.

– Джейсон! – выдохнула она, вжимаясь в подушки.

– А кого ты ожидала увидеть – Эндрю? – сухо поинтересовался он и

стал развязывать шелковый пояс халата, но тут страх Виктории перешел в панику.

– Н-не делай этого! – взмолилась она, пытаясь собраться с мыслями и говорить по возможности связно. – Я уверена, что джентльмен не станет раздеваться на глазах у леди, даже если они ж-женаты.

– Кажется, мы обо всем переговорили раньше, но если ты забыла, то напомним: я не джентльмен. – Он снова потянул за концы шелкового пояса. – Однако если зрелище моего неджентльменского тела оскорбляет тебя в лучших чувствах, ты можешь легко решить эту проблему, закрыв глаза. Я мог бы избрать и другой вариант: залезть в постель и только тогда снять халат, но такая необходимость оскорбляет меня в моих лучших чувствах. – И он распахнул халат и сбросил его, и глаза новобрачной округлились от ужаса при виде его огромного, мускулистого торса.

Чуть раньше в глубине души Джейсон еще питал слабую-слабую надежду, что она добровольно отдастся ему. Но она растаяла, как сон, когда Виктория закрыла глаза и отвернула от него лицо.

Джейсон с яростью взглянул на нее, а затем намеренно грубым движением вырвал одеяло из ее судорожно сжатых рук и откинул в сторону. Улегшись рядом, он, не говоря ни слова, развязал узелок на низком вырезе корсажа ее шелковой с кружевами сорочки. Когда перед его глазами во всем совершенстве предстало ее обнаженное тело, у него перехватило дыхание.

У его жены были полные груди, осиная талия, прелестно округлые бедра, длинные и удивительно стройные ноги с изящными икрами. Когда он оглядывал ее, стыдливый румянец выступил на ее щеках, а стоило коснуться ее нежной груди, как все ее тело напряглось и сжалось, отвергая его касание.

Для опытной женщины она казалась холодной и неподатливой, как камень, лицо ее кривилось от отвращения. Джейсон подумал было попытаться уговорить ее, но затем с презрением отверг эту мысль. Ведь утром она чуть не бросила его с позором у алтаря, а теперь явно не испытывала никакого желания ответить на его ласки.

– Не делай этого! – неистово умоляла Виктория, пока он ласкал ее грудь. – Меня сейчас тошнит! – закричала она, пытаясь выбраться из постели. – Меня из-за тебя тошнит!

Ее слова гвоздями вонзились в его мозг, и Джейсон пришел в ярость. Накрутив на руки ее роскошные волосы, он всей тяжестью навалился на нее.

– В таком случае, – рявкнул он, – лучше нам покончить с этим делом сразу!

Кошмарные видения потока крови и невыносимой боли мелькнули в ее мозгу, мешая ужас с подступающей тошнотой от вина.

– Я не хочу! – жалобно кричала она.

– Мы заключили сделку, и тебе придется смириться с этим, – прошептал он, раздвигая ее одеревеневшие бедра.

Виктория закричала, когда твердая мужская плоть смело вошла в ее чресла, но она понимала, что он прав, напомнив о сделке, и перестала сопротивляться.

– Расслабься, – с горечью предупредил он, возвышаясь над ней в темноте, – может, я и не такой внимательный, как твой дорогой Эндрю, но у меня нет ни малейшего желания причинить тебе боль.

Его злонамеренное упоминание об Эндрю в такой необычный момент поразило девушку, и когда Джейсон прижался к ней вплотную, ее тоска выплеснулась вместе с болезненным стоном. Ее тело извивалось под ним, а слезы сплошным горячим потоком текли по щекам, пока муж овладевал ею без тени доброты или ласки.

Когда он наконец отпрянул от нее, Виктория повернулась на бок, зарыв лицо в подушку; ее плечи тряслись от рыданий, стыда и пережитого ужаса.

– Убирайся отсюда, – захлебываясь плачем, выдохнула она, поджимая колени и свернувшись калачиком. – Убирайся, убирайся!

Джейсон поколебался, затем вылез из постели, подобрал халат и пошел к себе. Он затворил за собой дверь, но ее рыдания все равно доносились до его ушей. Не одеваясь, он подошел к туалетному столику, схватил хрустальный графин с бренди и налил себе полбокала горячительного. Проглотив содержимое одним глотком, он попытался забыть, с каким ужасом и отвращением она сопротивлялась, когда он насиловал ее, и ее до смерти перепуганное лицо, когда она стала вырывать у него свою руку у алтаря.

Как глупо было поверить, что она тогда искренне целовала его! Ведь она ясно сказала, что не хочет выходить за него, когда он впервые предложил ей замужество. Давным-давно, когда Виктория только узнала, что объявлена их помолвка, она высказала ему все, что на самом деле думала о нем. *Вы холодное, бессердечное, высокомерное чудовище... Ни одна женщина в здравом уме не выйдет за вас... Вы недостойны и волоска Эндрю...*

Вот, с ее точки зрения, и вся правда.

Как глупо было поверить, что он привлекает ее... Джейсон повернулся, чтобы поставить бокал на столик, и заметил свое отражение в зеркале. Его бедра были в крови.

Но это же ее кровь!

Значит, ее сердце, возможно, и принадлежало Эндрю, но только не ее тело – она потеряла девственность с Джейсоном. Он всматривался в свое отражение и испытывал к себе все большее отвращение. Он был так дьявольски ревнив, так ранен ее попыткой опозорить его при всем честном народе, что даже не заметил, что она девственница.

Болезненно переживая случившееся, не в силах видеть свое лицо, он закрыл глаза. Да, он проявил по отношению к Виктории не больше нежности или внимательности, чем пьяный матрос – к продажной шлюхе.

Он подумал о том, какой сухой и напряженной она была с ним в постели, какой маленькой и хрупкой казалась в его объятиях, как бесчестно он использовал ее, и его окатила новая волна болезненного раскаяния.

Открыв глаза, он снова всмотрелся в свое отражение – лицо насильника, понимая, что превратил ее брачную ночь в кошмар. Виктория действительно была нежным, мужественным, одухотворенным ангелом, каким он и считал ее с самого начала. А он... он был именно тем, кем называла его приемная мать в детстве, – отродьем дьявола.

Набросив на плечи халат, он вынул из ящика столика бархатную шкатулку и вернулся в спальню жены. Там он встал у ее постели, наблюдая, как она спит, точно ангел, положив ладонь под щеку.

– Виктория, – прошептали его губы.

При звуке его голоса она вздрогнула во сне, и от раскаяния у него сжалось сердце. Какой уязвимой и обиженной она выглядела, какой несказанно прекрасной – с волосами, раскинутыми по подушке и сияющими в свете свечей.

Джейсон в мучительном раздумье смотрел на нее, не желая тревожить ее сон. Наконец он наклонился и нежно прикрыл ее тонкие обнаженные плечи одеялом, а затем откинул тяжелую прядь волос с ее лба.

– Прости меня, – шепнул он спящему ангелу – своей жене.

Загасив свечу, Джейсон положил бархатную шкатулку на прикроватную тумбочку так, что она должна была обязательно увидеть его подарок, когда проснется. Бриллианты утешат ее. За бриллианты женщины прощают все.

Глава 22

Виктория открыла глаза и бездумно уставилась в окно, на темное из-за плотно нависших туч небо. Она еще не отошла ото сна, который окутал ее густой паутиной, путая мысли, когда перевела невидящий взгляд на золотистые шелковые портьеры.

Она чувствовала опустошение и усталость, как будто вообще не спала, однако не испытывала особого желания снова заснуть или окончательно стряхнуть с себя сон. В мозгу мелькали неясные видения... Но вдруг она очнулась.

Боже ты мой, она замужем! Ну да, замужем. Она – жена Джейсона.

Виктория подавила готовый сорваться ошеломленный протестующий вопль и резко села на постели: она вспомнила о том, что произошло ночью. Итак, теперь понятно, о чем ее хотела предупредить старая дева мисс Флосси. Неудивительно, что женщины не любят распространяться на эту тему! Виктория уже было собралась выскочить из постели и поддаться запоздалому желанию бежать куда глаза глядят; но затем взяла себя в руки, поправила подушки и снова улеглась, покусывая нижнюю губу. Перед ее мысленным взором с болезненной четкостью прошли унижительные подробности ее брачной ночи, и она съежилась, вспомнив, как груб был Джейсон, как он не к месту упрекнул ее насчет Эндрю, а затем... Он вел себя с ней так, словно она животное, бессловесная скотина, без чувств и эмоций, недостойная нежности и доброты.

Слезы струились по ее щекам, когда она думала о следующей ночи, и последующей, и обо всех будущих ночах до того момента, когда Джейсон наградит ее ребенком. Сколько для этого потребуются ночей? Дюжина? Две дюжины? Больше? Нет-нет, ради бога, хватит! Она больше не вынесет.

Злясь на себя, она смахнула слезы, негодуя, что поддалась страху и слабости. Ночью он ей сказал, что намерен повторять эту отвратительную, унижительную процедуру, так как она сама дала согласие на их сделку. Но теперь, когда она точно знала, что подразумевалось под этой сделкой, она решила немедленно расторгнуть ее!

Новобрачная откинула одеяло и выбралась из шелкового плена, в котором ей предстояло провести еще много-много мучительных ночей рядом с циничным, бессердечным человеком. Нет. Она далеко не глупенькая англичаночка, боящаяся постоять за себя или встретиться с враждебным миром лицом к лицу. Лучше пусть ее казнят, но она не

допустит больше такого издевательства, как в эту ночь! Лучше она будет жить в бедности, чем платить такую дань за роскошь.

Виктория обвела глазами комнату, силясь придумать план дальнейших действий, и ее взгляд упал на шкатулку из черного бархата на тумбочке. Она подняла ее и открыла крышку, а затем, при виде потрясающего бриллиантового ожерелья, от ярости заскрежетала зубами. Оно было довольно широкое и представляло собой подобие аккуратного цветочного букета; бриллианты были огранены так, что обрели форму лепестков и листьев тюльпанов, роз и орхидей.

От гнева ее глаза застлала красная пелена. Она приподняла ожерелье двумя пальцами, как будто это была ядовитая змея, а затем бесцеремонно бросила его обратно в шкатулку.

Вот теперь Виктория поняла, почему каждый раз, когда Джейсон желал в благодарность получить от нее поцелуй, у нее появлялось тревожное чувство. Он хотел просто-напросто купить ее. Он действительно считал, что ее можно купить, как дешевую портовую проститутку. То есть нет, не дешевую, дорогую, но все равно – проститутку.

После этой ночи Виктория чувствовала себя униженной и больной; ожерелье стало еще одним оскорблением в растущем списке его прегрешений. Ей теперь казалась чудовищной глупостью иллюзия, что она нравится, что нужна ему. Лорд Филдинг никого не любил, и никто ему не был нужен. И чтобы его любили, он тоже не желал.

«Мужчины! – яростно подумала она, и на ее бледных щеках выступили яркие пятна болезненного румянца. – Какие же все они чудовища: Эндрю со своими фальшивыми заявлениями о любви и Джейсон, считавший, что может использовать меня по своей прихоти и заплатить за это дурацкими бриллиантами!»

Поморщившись от боли в паху, она встала с кровати и направилась в выложенную мрамором ванную комнату, примыкавшую к спальне. «Нужно получить развод», – решила Виктория. Она слышала о разводах. Нужно сказать Джейсону, что ей немедленно требуется развод.

Рут вошла в тот момент, когда Виктория вышла из ванной.

Когда маленькая камеристка на цыпочках осторожно входила в спальню, на лице ее блуждала загадочная улыбка. Но зрелище, которое предстало перед ее глазами, заставило ее застыть на месте: хозяйка стремительно, с воинственным видом носилась по комнате, уже одетая, умытая и яростно расчесывавшая волосы. И уж совсем она не ожидала услышать от молодой жены Джейсона Филдинга, который слыл неотразимым любовником, сказанное ледяным тоном:

– Нечего ходить на цыпочках, будто ты боишься своей тени, Рут. Чудовище находится не в этой комнате, а в соседней.

– Ч-чудовище, миледи? – заикаясь, непонимающе повторила бедняжка. – О, – нервно хихикнула она, вообразив, что ослышалась, – должно быть, вы сказали «хозяин»^[8], а мне послышалось...

– Я сказала «чудовище», – резко повторила Виктория. И тут же, услышав свой язвительный тон, опомнилась. – Прости, Рут. Наверное, я просто немного... ну, устала.

По какой-то непонятной причине маленькая камеристка вспыхнула и хихикнула, отчего Виктория, и так находившаяся на грани истерики, пришла в еще большее раздражение, несмотря на все усилия убедить себя, что она хладнокровна, решительно настроена и способна логически мыслить.

Часы на каминной полке показывали одиннадцать, когда Виктория направилась к двери своих покоев, через которую накануне вошел Джейсон. Она на секунду задержалась, взявшись за ручку и пытаясь набраться духу. При мысли о том, что придется стоять лицом к лицу с ним и требовать развода, ее тело обмякло, как желе, но она была настроена решительно, и ничто не могло остановить ее. Как только она сообщит мужу, что с их браком покончено, у него не останется никаких супружеских прав. А позднее она решит, куда уехать и что предпринять.

Сейчас главное – добиться его согласия на развод. Хотя разве требуется его согласие? Поскольку она была в этом вопросе не очень сведуща, то решила вести себя разумно и без необходимости не злить его, чтобы он не отказал в разводе. Но с другой стороны, слишком затягивать решение этого вопроса тоже не стоит.

Виктория расправила плечи, потуже завязала пояс своего бархатного пеньюара, повернула ручку двери и вошла в комнату Джейсона.

подавив желание стукнуть его по голове фарфоровым кувшином, стоявшим возле кровати, она, насколько могла вежливо, поздоровалась.

Джейсон открыл глаза, и лицо его мгновенно приняло тревожное, даже подозрительное выражение. Затем он улыбнулся той своей сонной, чувственной улыбкой, которая раньше могла растопить ее сердце, а теперь заставила от ярости заскрежетать зубами. Но все же ей удалось сохранить на своем лице выражение любезности.

– Доброе утро, – хрипло ответил Джейсон, скользнув взглядом по ее пышным формам, прикрытым мягким мерцающим золотистым бархатом. Вспомнив, как он терзал ее ночью, Джейсон оторвал взгляд от низкого треугольного выреза ее пеньюара и подвинулся, освобождая место подле

себя на постели. Глубоко тронутый тем, что она пришла поздороваться, хотя имела полное право презирать его, он мягко сказал: – Присаживайся.

Виктория была так поглощена репетицией своей будущей речи, что машинально приняла его предложение.

– Благодарю, – вежливо сказала она.

– За что же? – усмехнулся Джейсон.

Это было как раз то, чего ей не хватало, чтобы начать.

– За все. Ты был необычайно добр ко мне. Я знаю, как ты был раздосадован, когда я появилась на пороге твоего дома полгода назад, но, несмотря на это, позволил мне остаться. Ты приобрел для меня чудесные платья, водил в театры и на балы, все это было очень любезно с твоей стороны. Ты дрался из-за меня на дуэли, в чем не было никакой необходимости, но и это было весьма галантно. Ты обвенчался со мной в церкви, что тебе было совсем не по душе, устроил замечательное торжество здесь вчера вечером и пригласил ради меня людей, которых совсем не знаешь. Спасибо тебе за все это.

Джейсон поднял руку и потрепал ее по бледной щеке.

– Пожалуйста, – нежно ответил он.

– А теперь мне нужен развод.

Его рука замерла на месте.

– *Что нужно?* – зловещим шепотом переспросил он.

Виктория в испуге судорожно сжала пальцы, но ее решимость не ослабла.

– Мне нужен развод, – с мнимым спокойствием повторила она.

– Всего-то? – спросил он чересчур ласковым тоном. Еще мгновение назад ему очень хотелось признаться, что он поступил с ней накануне отвратительно и грубо. Но такого он от нее не ожидал. – На следующий день после свадьбы ты хочешь развода?

Виктория заметила, как угольки гнева затлеели в его зеленых глазах, и поспешно встала, однако рука Джейсона мертвой хваткой вцепилась в ее запястье и вернула мятежную жену на место.

– Не вздумай дать волю рукам, Джейсон, – предупредила она.

Филдинг, оставивший ее ночью в таком безутешном состоянии, в котором бывают поранившиеся дети, теперь видел перед собой совершенно другую женщину – хладнокровную, разъяренную, прекрасную амазонку. Вместо извинений, которые он собирался высказать за минуту до этого, он заявил:

– Ты несешь чепуху. За последние пятьдесят лет в Англии было всего несколько разводов, и наш случай не станет следующим.

Виктория с трудом высвободила руку, отчего чуть не вывихнула плечо, сделала шаг назад, чтобы он не смог до нее дотянуться, и, задыхаясь от ярости и страха, заявила:

– Ты животное. Я не несу чепуху, и никто не смеет обращаться со мной как со скотиной!

Она вернулась в свою спальню и с шумом захлопнула дверь, а затем заперлась на замок.

Виктория успела сделать лишь несколько шагов, как позади нее раздался шум: дверь с треском распахнулась и вылетела из косяка, криво повиснув на одной петле. В открытом проеме стоял Джейсон с побелевшим от ярости лицом. Сквозь зубы он прошипел:

– Посмей еще хоть один раз запереть от меня дверь! И никогда не угрожай мне разводом! Этот дом – моя собственность по закону, так же как ты – моя собственность. Тебе понятно?

Виктория судорожно кивнула, съеживаясь от неистового блеска его глаз. Он резко развернулся и стремительно вышел из комнаты, оставив ее дрожащей от страха. Ей еще никогда не приходилось наблюдать такой бешеной ярости. Значит, Джейсон не животное, он просто свихнувшееся чудовище.

Виктория подождала, прислушиваясь к доносившемуся из его комнаты скрипу открываемых и закрываемых ящиков. Ее мысли метались в отчаянном поиске выхода из кошмара, в который грозила превратиться ее жизнь. Когда она услышала, как с громким шумом захлопнулась его дверь, и поняла, что он спустился вниз, она пошла к кровати и прилегла. В таком положении Виктория оставалась почти час, но так и не смогла ничего придумать. Она на всю жизнь оказалась в ловушке. Джейсон сказал правду: она стала его имуществом, в точности таким, как его дом и лошади.

Если он не согласится на развод, то ей от него не уйти. Она даже не была уверена, что у нее найдутся серьезные основания для того, чтобы убедить суд дать ей развод. Зато была абсолютно уверена, что не сможет объяснить мужчинам в судейских париках и мантиях, что с ней сотворил этой ночью Джейсон.

Похоже, спасительная мысль о разводе была лишь иллюзией.

С подавленным вздохом она признала, что это – чистая фантазия. Этот роскошный дом будет для нее западней до того самого момента, когда Джейсон получит сына, которого так хочет иметь. А после этого она будет прикована к Уэйкфилду самым фактом существования сына, потому что она понимала, что никогда не сможет уехать и бросить своего ребенка.

Виктория невидящим взглядом обвела роскошную комнату. Так или

иначе, надо учиться приспосабливаться к новой жизни и постараться совсем не пасть духом, а потом, возможно, вмешается сама судьба.

И главное, следует постараться сохранить здравый рассудок, решила она. Нужно проводить время с другими людьми, почаще выезжать, развлекаться и заниматься собственными делами. Ей следует по возможности разнообразить себе жизнь, чтобы не слишком сосредоточиваться на своих проблемах. И начинать нужно немедленно. Хватит жалеть себя и раскисать от этой самой жалости.

В Англии у нее уже есть друзья; скоро у нее появится сын, которого она будет любить и который будет любить ее. Она наполнит пустую жизнь чем-нибудь таким, что поможет ей не сойти с ума.

Виктория резким движением откинула волосы с бледного лица и поднялась, полная решимости именно так и поступить. Но тоскливые мысли вернулись, когда она позвонила в колокольчик, вызывая камеристку. «Почему Джейсон так презирает меня?» – печально думала она. Ей ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить по душам. Раньше у нее были мать, отец, Эндрю, которые могли поведать ей обо всем и все выслушать.

Когда человек имеет возможность выговориться, это всегда помогает. Но после приезда в Англию у нее не было такой возможности. Чарльз был в таком состоянии, что ей с самого первого дня приходилось делать бодрый вид, чтобы поддержать его.

Кроме того, Джейсон был его племянником, и вряд ли она могла бы поведать герцогу о своих страхах, даже если бы он был здесь.

Кэролайн Коллингвуд – славная и верная подруга, но она живет не так уж близко, и к тому же Виктория сомневалась, поможет ли Кэролайн ей понять Джейсона.

Да, ничего иного не оставалось, кроме как продолжать держать свои мысли при себе, притворяться счастливой и уверенной до тех пор, пока она и вправду не станет такой. Наступит время, мрачно пообещала она себе, когда она будет встречать ночь, не замирая от ужаса, что в спальню может войти Джейсон. Наступит момент, когда она сможет взглянуть на него и не почувствовать ни страха, ни боли, ни унижения, ни одиночества.

Этот день придет, когда-нибудь наступит и на ее улице праздник! Как только она забеременеет, муж оставит ее в покое, и Виктория молила Бога, чтобы это произошло как можно скорее.

– Рут, – напряженно сказала она, когда пришла камеристка, – вели, пожалуйста, запрячь какую-нибудь лошадь в самую маленькую коляску, которая у нас есть, – такую, которой я смогу легко управлять. И пожалуйста, попроси того, кто этим займется, чтобы выбрал для меня

самую покладистую лошадь из нашей конюшни – я еще никогда не управляла коляской. А потом попроси миссис Крэддок упаковать несколько корзинок еды, оставшейся от вчерашнего торжества, чтобы я могла взять их с собой.

– Но, миледи, – нерешительно начала Рут, – взгляните только в окно. Похолодало, и будет гроза. Посмотрите, как потемнело небо.

Виктория выглянула из окна и посмотрела на свинцовое небо.

– Похоже, дождь не окажется затяжным, если будет вообще, – упрямо сказала она. – Я выезжаю через полчаса. Да, лорд Филдинг внизу или уехал?

– Его милость отбыл, миледи.

– Ты не знаешь, он далеко уехал или находится где-то в поместье? – спросила Виктория, не в состоянии скрыть отчаянную тревогу в голосе. Несмотря на ее решимость думать о Джейсоне как о чудовище и относиться к нему с должным равнодушием, ей вовсе не хотелось встречаться с ним именно сейчас, когда ее чувства были в расстройстве. Кроме того, она была почти уверена, что он прикажет ей остаться дома и не позволит выехать в преддверии грозы. А ей обязательно было нужно выбраться хотя бы на время из дома. Обязательно!

– Лорд Филдинг велел запрячь фаэтон и уехал, сказав, что ему предстоит сделать ряд визитов. Я собственными глазами это видела, – заверила ее Рут.

Коляску загрузили едой, и когда Виктория сошла вниз, она уже стояла у входа.

– А что сказать его милости? – спросил Нортроп, подавленный тем, что ему не удалось уговорить миледи остаться дома в столь не подходящую для прогулок погоду.

Виктория обернулась, позволив ему набросить ей на плечи легкую розовато-лиловую накидку.

– Скажи ему, что я попрощалась, – уклончиво ответила она.

Она вышла во двор, зашла за дом, спустила Волка с цепи, затем вернулась к коляске. Старший грум помог ей залезть в экипаж, и Волк тут же оказался позади нее. Он был так счастлив, когда его спустили с цепи, что Виктория улыбнулась и потрепала его по загривку.

– Наконец-то ты свободен, – сказала она огромному зверю. – И я тоже.

Глава 23

Виктория щелкнула вожжами с большей уверенностью, чем чувствовала в себе, и резвая кобыла понеслась вперед, блестя во мраке лоснящимся крупом.

– Ну-ну, не так быстро, – испуганно шептала Виктория. Очевидно, Джейсон не привык держать у себя покладистых упряжных коней – пестрой кобылой, запряженной в коляску, было невероятно тяжело управлять. Она так рвалась вперед, что скоро руки Виктории были стерты и красны от невероятных усилий заставить лошадь идти спокойной рысью.

Когда коляска уже подъезжала к деревне, ветер усилился и молнии прочертили небо голубыми зигзагами, расколов его и оставив по краям зазубренные лохмотья; зловеще зарокотал гром, и небо стало черным как ночь. А еще через несколько минут небеса разверзлись и оттуда хлынули потоки воды, ослепившие Викторию и превратившие одежду в мокрую, прилипающую к телу массу.

До рези в глазах напрягаясь, чтобы различить дорогу, Виктория откидывала мокрые слипшиеся пряди волос с лица и дрожала от холода и страха. Она никогда не была в сиротском приюте, но капитан Фаррел рассказал ей, как туда добраться, а заодно и то, как проехать к его дому. Виктория снова напрягла глаза и затем увидела что-то похожее на дорогу, которую он описал. Дорога поворачивала налево, и Виктория свернула на нее, не зная, ведет ли она к приюту или к дому капитана. В этот момент ей было все равно, лишь бы добраться до теплого, сухого места, где она могла бы обсушиться и согреться. Дорога сделала поворот и пошла на подъем, через все более густеющий лес, затем путь пролег мимо двух заброшенных домов и сузился, вскоре превратившись попросту в зыбкую трясины.

Колеса утопали в грязи, а кобыла с трудом вытаскивала копыта из мокрой глины. Впереди Виктория разглядела горевший за деревьями сумрачный свет. Она повернула на маленькую дорожку, затененную густо посаженными старыми дубами, ветви которых, сплетаясь, образовывали своего рода зонтик. Неожиданно небо озарила молния, высветившая домик, достаточный для размещения небольшой семьи, но наверняка непригодный для того, чтобы приютить два десятка сирот. Над головой оглушительно прогремел гром, и кобыла от страха подалась немного назад. Виктория выпрыгнула из коляски.

– Полегче, полегче, – успокаивала она лошадь, взяв ее под уздцы. Ноги

странницы утопали в грязи, но она решительно подвела лошадь к коновязи перед домиком, где и привязала ее.

Волк, оберегая, бежал рядом, когда Виктория, приподняв влажные юбки, поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

Через мгновение дверь распахнулась, и на фоне весело пляшущего в очаге пламени силуэтом обозначилась могучая фигура капитана Фаррела.

– Леди Филдинг! – ахнул он, быстро протянув руку, чтобы помочь ей войти. Басовитый, зловещий рык Волка остановил его. Капитан опешил, когда увидел рычащего на него мокрого серого зверя, оскалившего огромные белые клыки.

– Волк, перестань! – устало скомандовала Виктория, и зверь подчинился.

С опаской оглядываясь на страшного гостя, капитан Фаррел провел Викторию внутрь. Волк следовал за ними по пятам, его желто-коричневые глаза пристально следили за Майклом Фаррелом.

– Ради бога, что вас привело сюда в такую ужасную погоду? – обеспокоенно спросил он.

– Желание ис-скупаться, – вся дрожа, попыталась отшутиться промокшая маркиза, выбивая зубами дробь, пока хозяин снимал с нее накидку и вешал ее сушиться на стул возле очага.

– Вам придется снять мокрую одежду, не то вы до смерти простудитесь. Этот серый хищник согласится отпустить вас на некоторое время, чтобы вы могли переодеться во что-нибудь сухое и теплое?

Виктория обхватила себя руками и кивнула, посмотрев на своего свирепого телохранителя.

– П-посиди здесь, Волк.

Пес растянулся на полу у самого камина и положил голову на лапы, не спуская глаз с дверей в спальню, куда они удалились.

– А я пока подброшу углей в огонь, – любезно предложил капитан Фаррел, вручая гостье собственные брюки и рубаху. – Это лучшее, что я могу предложить. – Виктория не успела ничего возразить, как он сразу непреклонно заявил: – Не собираюсь выслушивать никаких глупостей, что, мол, неприлично женщине надевать мужскую одежду. Сполоснитесь водой из этого кувшина и напаяливайте на себя это барахлишко, а потом завернитесь для пущего тепла вон в то одеяло. Как только будете готовы, приходите к камину и грейтесь. Если вас волнует, что Джейсон может не одобрить ваш маскарад, то, ради всех святых, не беспокойтесь – я знаю вашего супруга как облупленного еще с той поры, когда он был несмышленьким.

Подбородок девушки взвился вверх.

– Меня совершенно не волнует, что может подумать Джейсон, – заявила она, не в состоянии сдержать мятежную интонацию. – У меня нет ни малейшего желания замерзнуть насмерть ради того, чтобы он меня одобрил. Извините... – спохватилась она, осознавая, что чересчур демонстрирует свое подавленное настроение. Капитан Фаррел, прищурившись, бросил на нее удивленный взгляд, но лишь кивнул:

– Хорошо. Очень благоразумно с вашей стороны.

– Если бы я была благоразумной, то не высунула бы сегодня на улицу и носа, – чуть улыбнулась Виктория.

Когда она появилась в гостиной, капитан Фаррел уже отвел ее лошадь в небольшой сарай возле дома, разжег яркий огонь и налил гостье чашку горячего чая. Передав ей мохнатое полотенце, он посоветовал хорошенько просушить волосы, для чего пододвинул ее стул поближе к огню.

– Вы не будете возражать, если я закурю? – спросил он, вытаскивая трубку и садясь напротив.

– Отнюдь, – вежливо заметила девушка.

Он набил трубку табаком и закурил, небрежно попыхивая, одновременно устремив зоркий взгляд прямо на нее.

– И почему же вы этого не сделали? – наконец спросил он.

– Чего не сделала?

– Не остались сегодня дома?

Боясь, что выглядит именно такой виноватой и несчастной, какой чувствует себя в этот момент, Виктория уклончиво пожала плечами:

– Мне хотелось отвезти еду в приют. Ее так много осталось после вчерашнего торжества.

– Однако ясно было, что вот-вот начнется сильный ливень, и потом, вы могли послать в приют кого-нибудь из слуг – кстати, отсюда до приюта не больше мили. А вместо этого вы решили бросить вызов погоде и под проливным дождем попытаться самой отыскать доселе незнакомое вам место.

– Мне нужно было... то есть мне хотелось уехать на некоторое время из дома, вот в чем дело, – сказала Виктория, чересчур усердно размешивая сахар в чашке.

– Странно, что Джейсон не удержал вас от поездки.

– Я не сочла необходимым спрашивать у него разрешения, – храбрясь, ответила она, впрочем, ощущая неловкость от расспросов и зоркого взгляда капитана.

– Сейчас он, верно, с ума сходит, беспокоясь о вас.

– Сомневаюсь, что он узнает о моем отсутствии. – «Или проявит хоть малейшее беспокойство, если узнает», – тоскливо подумала она.

– Леди Филдинг?

В его вежливом тоне прозвучало нечто, от чего Виктория почувствовала, что ей не стоит продолжать разговор в том же духе. С другой стороны, у нее не было выхода.

– Да, капитан? – устало спросила она.

– Утром мы виделись с Джейсоном.

Виктория ощутила еще большую неловкость.

– Ах вот оно что... – Она с ужасом представила, как Джейсон обсуждает ее со старым приятелем, и почувствовала себя в ловушке.

Судя по всему, капитан уловил ее мысли, так как пояснил:

– Джейсон – крупный судовладелец. Я команду одним из его судов, и ему хотелось поговорить о результатах моего недавнего плавания.

Виктория воспользовалась этим пояснением, чтобы перевести разговор на другую тему.

– А я и не знала, что лорд Филдинг имеет какое-то отношение к флоту, – с удивлением заметила она.

– Странно.

– Что именно?

– Может, я простой и несколько старомодный человек, но мне кажется довольно странным, когда жена не знает, что ее муж провел значительную часть своей жизни в море.

Виктория ахнула. Ей было известно о Джейсоне лишь то, что он английский лорд – надменный, богатый, повидавший мир, испорченный до мозга костей аристократ. Единственное, что отличало его от других ему подобных представителей высшего света, так это то, что он много времени проводил в рабочем кабинете, тогда как другие состоятельные джентльмены, кажется, занимали досуг лишь удовольствиями и развлечениями.

– Видимо, вы просто не интересуетесь его делами, – холодно заметил капитан. С минуту он пыхтел трубкой, а затем прямо спросил: – Почему вы вышли за него?

У Виктории широко раскрылись глаза. Она почувствовала себя как кролик в западне. Это чувство она стала испытывать в последнее время все чаще, и это ужасно задевало ее гордость. Она подняла голову и с почти нескрываемой обидой взглядела в своего мучителя. С максимальным достоинством она уклончиво ответила:

– Причины вполне тривиальные.

– Деньги, влияние и положение в обществе, – подытожил капитан с ядовитым презрением. – Ну что же, теперь у вас все это есть. Мои поздравления.

Этого Виктория не могла стерпеть. На ее глазах, засверкавших яростью, выступили слезы; прижимая к себе одеяло, она воскликнула:

– Капитан Фаррел, я не настолько промокла, не настолько несчастна, и положение мое не так безвыходно, чтобы сидеть здесь и выслушивать ваши обвинения в том, что меня купили и... что я эгоистка и...

– Почему бы и нет? – холодно ответил он. – Несомненно, все это как раз к вам и относится.

– Мне все равно, что вы думаете обо мне. Я... – Голос подвел ее, и она направилась в спальню, намереваясь переодеться в свое платье. Но капитан вскочил и загородил ей дорогу, сердито сверля ее глазами, как будто стремился заглянуть в самую душу.

– Зачем вам понадобился развод? – резко спросил он, но голос его вдруг подобрел, когда он взгляделся в ее прекрасное, тонко очерченное лицо.

Даже завернутая в простое шерстяное одеяло, Виктория Ситон являла собой невероятно прелестное зрелище: ее золотисто-рыжеватые волосы переливались огнем, а глаза беспомощно сверкали от обиды. Она явно была достаточно тонко чувствующим существом, и, судя по слезам, блестевшим на ресницах, ее дух был сильно подорван. Она выглядела так, что казалось, ее вот-вот хватит удар.

– Утром, – настойчиво продолжил он разговор, – я в шутку спросил Джейсона, не бросила ли его жена. Он ответил, что еще не бросила, но уже требует развода. Я решил, что это тоже шутка, но когда вы приехали сюда, я заметил, что вы оба выглядите далеко не как счастливые молодожены.

Тщетно борясь с отчаянием, Виктория взглянула в бронзовое от загара, безжалостное лицо своего мучителя, сдерживая слезы и пытаясь не уронить достоинства.

– Будьте добры, дайте мне пройти, – хрипло сказала она.

Вместо того чтобы отойти, он взял ее за плечи.

– У вас же есть все, ради чего вы вышли замуж – деньги, влияние и положение, – так для чего вам понадобился развод?

– Ничего у меня нет! – взорвалась она, чуть не рыдая. – А теперь пропустите меня!

– Не пропущу, пока не пойму, как я мог так в вас ошибиться. Вчера, когда вы разговаривали со мной, мне показалось, что вы – чудо. Я видел, как искрятся ваши глаза, когда вы говорите, видел, как вы относитесь к

деревенским жителям. Я решил, что вы настоящая женщина – сердечная и одухотворенная, а не продажная испорченная маленькая трусиха!

Теперь, когда ее так несправедливо обвинил совершенно посторонний человек и к тому же близкий приятель Джейсона, Виктория уже никак не могла удержать горячих слез.

– Оставьте меня, черт вас подери! – горестно воскликнула она и попыталась оттолкнуть его.

К ее изумлению, он обнял ее и прижал к широкой груди.

– Поплачьте, Виктория! – мрачно велел он. – Ради всех святых, поплачьте.

Ее плечи тряслись, когда он шептал:

– Выплачьте свое горе, дитя мое. – Он ласково похлопал ее по спине своей широкой ладонью. – Если вы будете носить это в себе, то не выдержите.

Виктория научилась хоть как-то переносить напрасные обвинения, злость и враждебность; но перенести доброты и участия она не смогла. Слезы градом покатались по ее щекам, и все ее тело сотрясли рыдания. Она была как в тумане, когда капитан Фаррел уговорил ее присесть рядом с ним на диван напротив очага и когда начала рассказывать ему о гибели родителей и событиях, приведших к хладнокровному предложению Джейсона. Уткнувшись носом в его широкое плечо, она рассказывала об их отношениях с Джейсоном и о том, почему дала согласие выйти за него. А когда окончила рассказ, почувствовала себя так легко, как ни разу не чувствовала за последние несколько недель.

– Итак, – обаятельно улыбнулся он, – несмотря на его столь мало имеющее общего с любовью предложение и несмотря на то что фактически вы ничего не знали о нем, вы решили, что он действительно нуждается в вас?

Виктория задумчиво вытерла слезы и робко кивнула.

– Очевидно, я заблуждалась, но иногда он казался таким одиноким. Особенно когда я смотрела на него, окруженного людьми – чаще женщинами, – у меня возникало странное ощущение, что он чувствует себя таким же одиноким и потерянным, как и я. И потом, дядя Чарльз тоже говорил, что я нужна ему. Но мы оба ошибались: Джейсону просто нужен сын, и ничего более. Он не нуждается во мне и не хочет меня.

– Нет, – мягко заметил капитан Фаррел. – Джейсону была нужна именно такая женщина, как вы, с самого дня рождения. Вы нужны ему, чтобы залечить глубокие душевные раны, научить любить и взамен получить любовь. Если бы вы знали о нем побольше, то поняли, почему я

так говорю. – Поднявшись с дивана, капитан прошел к маленькому столику и взял бутылку. Разлив содержимое в два стакана, он протянул один ей.

– Может, вы расскажете мне о нем? – попросила Виктория, когда он подошел к камину и встал рядом, поглядывая на нее.

– Ладно.

Виктория посмотрела на виски, которое он вручил ей, и собралась поставить стакан обратно на столик.

– Если хотите послушать о Джейсоне, советую сначала выпить, – угрюмо заметил капитан. – Это сейчас необходимо.

Виктория отпила капельку алкоголя, а могучий ирландец поднял свой стакан и разом проглотил половину содержимого, как если бы также крайне нуждался в этом.

– Я собираюсь рассказать вам о Джейсоне то, что знаю я один. Это такие вещи, которые он скрывает от всех, в противном случае он бы и сам все рассказал. Говоря это, я предаю его, а до сего момента я был одним из немногих близких ему людей, которые никогда его не предавали. Виктория, он для меня как сын, поэтому мне больно делать это, но я считаю крайне необходимым, чтобы вы могли понять его.

Виктория медленно покачала головой.

– Возможно, вы не должны мне ничего рассказывать, капитан. Мы с лордом Филдингом постоянно не в ладах, и мне не хотелось бы, чтобы вы причинили ему боль своим рассказом о нем.

Тень улыбки промелькнула на грустном лице капитана.

– Если бы я хоть на минуту мог предположить, что вы используете то, что узнаете, против него, то не сказал бы ни слова. Но вы не сделаете этого. В вас есть добрая сила, сострадание и понимание, в чем я лично убедился накануне, когда наблюдал, как вы общаетесь с деревенским человеком. Видел, как вы смеетесь вместе с ними, как они перестают чувствовать неловкость, и тогда решил, что вы чудесная девушка и отличная жена для Джейсона. Я и теперь убежден в этом.

Глубоко вздохнув, он начал рассказ:

– В первый раз мы встретились в Дели. Это было много лет назад. Я работал там у богатого купца по имени Напал, который отправлял свои товары морем в разные страны. Помимо товаров, он владел четырьмя судами, на которых перевозили его грузы. Я был старшим помощником на одном из них.

Как-то в течение шести месяцев я занимался очень прибыльными перевозками, и когда мы возвратились в порт, Напал пригласил нас с капитаном к себе на небольшое торжество.

В Индии всегда жарко, но в тот день, казалось, было еще жарче, чем обычно, наверное, потому, что я заблудился в паутине улочек, и когда наконец выбрался оттуда, оказался на убогой маленькой площади, забитой грязными, оборванными индийцами – там повсюду такая нищета, что трудно представить. Я осмотрелся вокруг, теряя всякую надежду обнаружить кого-нибудь, с кем можно переговорить на английском или французском языке, чтобы найти дорогу.

На другом конце площади я увидел небольшую кучку людей, которые наблюдали за чем-то – за чем именно, мне было трудно разглядеть, – и я двинулся к ним. Они стояли возле здания и глазели. Я было повернул назад, но увидел, что снаружи здания прибит неотесанный деревянный крест. Полагая, что это церковь и что там я смогу найти кого-нибудь, кто говорит на моем родном языке, я протолкался через толпу и вошел внутрь, раздвигая локтями сотню оборванных индийцев. Откуда-то доносились дикие вопли женщины, кричавшей на английском языке о похоти и мести Всевышнего.

Наконец я пробрался туда, откуда мне все было видно. Там, на деревянном возвышении, стояла эта женщина с маленьким мальчиком. Она указывала на мальчика и вопила, что он – сам дьявол, что он семя похоти и дьявольское отродье, а потом толчком заставила ребенка поднять голову, и я увидел его лицо.

Я остолбенел, когда понял, что он не индеец, а белый. Женщина кричала всем, чтобы люди посмотрели на дьявола и на то, как Господь его наказывает; затем она повернула мальчика спиной к людям, чтобы они увидели «мечь Бога». Когда я увидел спину мальчугана, то испугался, что меня вырвет.

Капитан Фаррел шумно сглотнул.

– Виктория, спина мальчика представляла собой один сплошной черно-фиолетовый синяк и была покрыта шрамами от прежних многократных избиений. Судя по всему, она только за минуту до этого прекратила бить его на глазах собравшихся – индийцы к такому привыкли.

Когда он продолжил рассказ, у него исказилось лицо.

– Пока я стоял там, потерявшая рассудок ведьма, визжа, требовала, чтобы мальчик встал на колени и просил у Господа прощения. Он молча смотрел ей прямо в глаза, но не сдвинулся с места, и тогда она нанесла ему удар хлыстом по плечам с такой силой, что и взрослый упал бы. Ребенок опустился на колени. «Молись, дьявол!» – визжала она и снова била его. Он ничего не говорил, а лишь смотрел прямо перед собой; вот тогда я и увидел его глаза... они были сухими. В них не было ни слезинки. Но в них была

боль – бог ты мой, какая в них была боль!

Викторию затрясло от жалости к неизвестному ребенку, но она не могла понять, почему капитан Фаррел рассказывает ей эту таинственную историю, перед тем как рассказать о Джейсоне.

Лицо капитана потемнело.

– Никогда не забуду муки в его глазах, – сиплым голосом прошептал он, – и того, какими зелеными они казались в тот миг.

Стакан Виктории упал на пол и разбился вдребезги. Она дико затрясла головой, пытаясь опровергнуть то, что он говорит.

– Нет! – в ужасе воскликнула она. – Нет, пожалуйста...

Не замечая ее состояния, капитан продолжал, глядя прямо перед собой, с головой погрузившись в воспоминания:

– Мальчик начал молиться, сложил руки вместе и произнес: «Преклоняюсь перед Богом и прошу у него прощения». Женщина заставила его повторить это громче, еще и еще, и когда была удовлетворена, поставила его на ноги. Указав на грязных индийцев, она велела ему просить «праведных», чтобы они простили его. Затем она дала ему чашу. И я смотрел, как мальчуган сошел к толпе «праведников», ползал перед ними на коленях и целовал подолы их грязной одежды, прося у них прощения.

– Нет, – застонала Виктория, закрыв руками глаза и пытаясь стереть из памяти облик мальчонки с черными кудрями и знакомыми зелеными глазами, избиваемого свихнувшейся ведьмой.

– Я почувствовал, что не выдержу этого зрелища, – продолжал Фаррел. – Индейцы – фанатики, и я не интересуюсь их образом жизни. Но видеть, что так обращаются с ребенком моей расы, я просто не мог. Однако было тут и еще кое-что. Этот ребенок не мог оставить меня равнодушным – он был грязный, в лохмотьях, худющий, но в его глазах загнанного зверька светились гордость и непокорность – и это разбило мне сердце. Я выждал, пока он ползал перед индейцами, целовал их одежду и просил у них прощения, а они кидали монетки в его деревянную чашу. Затем он принес чашу женщине, и она улыбнулась. Взяла чашу и сказала, что теперь он «очистился», и улыбнулась вновь той своей фанатичной, безумной улыбкой.

А я смотрел на эту мерзкую женщину, стоявшую на самодельном алтаре с крестом в руках, и мне хотелось убить ее. Но я не знал, как относятся к ней ее прихожане, и, поскольку не мог драться с ними в одиночку, спросил, не продаст ли она мальчика мне. Я сказал, что ему требуется такой хозяин, который накажет его по-настоящему.

Отведя глаза от какой-то дальней невидимой точки, капитан Фаррел

сумрачно посмотрел на Викторию.

– Она продала его мне за шестимесячное жалованье, которое я заработал в плавании. Ее муж умер за год до того, и деньги ей были нужны не меньше, чем мальчик для битья. Но еще прежде, чем я ушел оттуда, она начала бросать деньги своим прихожанам и кричать, что Бог через нее посылает им свои дары. Она свихнулась. Окончательно свихнулась.

Голос Виктории превратился в умоляющий шепот:

– Вы думаете, что Джейсону было лучше при жизни отца?

– Его отец жив, – жестко ответил капитан. – Джейсон – незаконнорожденный сын герцога Атертона.

Стены комнаты закружились перед глазами девушки, и она прикрыла рот, опасаясь приступа тошноты.

– Неужели вас так расстроило известие, что вы вышли замуж за побочного сына герцога? – поинтересовался он, наблюдая ее реакцию.

– Как вы можете так говорить! – возмутилась Виктория.

Он усмехнулся:

– Ладно. Я не думаю, что это играет для вас какую-то роль, но, вообще говоря, англичане насчет этого весьма привередливы.

– Что свидетельствует, – горячо поддержала она, – об их лицемерии, поскольку три герцога, имена которых я могу назвать, – прямые потомки трех побочных детей короля Карла. И еще – я не англичанка, а американка.

– Вы прелесть, – мягко сказал он.

– Расскажите, пожалуйста, все остальное, что вам известно о Джейсоне, – попросила Виктория; ее сердце обливалось кровью от сочувствия к мужу.

– Остальное не так важно. В тот же вечер я отвел мальчугана к Напалу. Слуга купца помыл и накормил его, а потом он предстал перед нами. Сначала мальчик не хотел с нами разговаривать, но когда заговорил, стало ясно, что у него светлый ум.

Когда я рассказал Напалу его историю, он сжалился над Джейсоном и взял его к себе в качестве мальчика на побегушках. Денег ему не платили, но он получил ночлег, приличную еду и одежду. Он сам выучился читать и писать – у него было неутолимое желание учиться.

К тому времени, когда ему минуло шестнадцать лет, он узнал от Напала все, что требуется купцу. Помимо того, что он был умен и боек, он еще был невероятно честолобив; может быть, потому, что в детстве его заставляли просить милостыню с деревянной чашей.

Во всяком случае, Напал с годами относился к нему все лучше и лучше, а поскольку у него не было своих детей, то он начал воспринимать

Джейсона скорее как сына, нежели как малооплачиваемого, усердно работающего клерка. Джейсон убедил Напала позволить ему поплавать на одном из его судов, чтобы самолично освоить морское дело. К тому времени я стал капитаном, и Джейсон плавал под моим началом в течение пяти лет.

– А он был хорошим моряком? – мягко поинтересовалась Виктория, невероятно гордясь тем, что из малолетнего подкидыша получился такой видный человек.

– Самым лучшим. Он начинал простым матросом, но в свободное время я обучал его кораблевождению и всему остальному. Через два дня после нашего возвращения из очередного плавания Напал умер. Он был в своей конторе, когда у него остановилось сердце. Джейсон сделал все, что мог, даже пытался делать искусственное дыхание, вдувая воздух изо рта в рот. Остальные клерки решили, что Джейсон спятил, но понимаете, он любил старика. Несколько месяцев он горевал. Но не пролил ни слезинки. Он не умеет плакать. Ведьма, у которой он жил, была убеждена, что дьяволы не плачут, и била его особенно сильно, если он ронял хоть слезинку. Об этом рассказывал мне сам Джейсон, когда ему было девять лет.

Так или иначе, когда Напал умер, все его богатство по завещанию отошло Джейсону. В последующие шесть лет он сделал то, в чем пытался давно убедить Напала, – купил целую флотилию судов и в итоге многократно умножил первоначальное богатство.

Когда капитан замолк и, не шевельнувшись, устремил взгляд на огонь в камине, Виктория сказала:

– А потом он женился, так? Я узнала об этом случайно несколько дней назад.

– А, да, женился, – с гримасой отвращения подтвердил капитан, сходяв за бутылкой и налив себе еще стакан. – Через пару лет после смерти Напала он стал одним из самых богатых купцов в Дели. Этим он завоевал сердце прекрасной, эгоистичной, легкомысленной, продажной особы по имени Мелисса. Ее отец – англичанин, жил в Дели и работал в государственном учреждении. Мелисса, конечно, была красotka – порода, стиль... У нее было все, но больше всего ей нужны были деньги. Она вышла за Джейсона именно из-за этого.

– Но почему Джейсон женился на ней?

Майк Фаррел пожал плечами:

– Наверное, потому, что был моложе ее и в восторге от ее прелестей. А кроме того, у этой леди – это слово я использую в отношении ее весьма

условно – была такая внешность, что любому мужчине казалось, что в ее объятиях он согреется! Она продала Джейсону себя в обмен на все, что могла выжать из него. Он тоже дал ей немало – например, драгоценности, которыми не побрезговала бы и королева. Она взяла их и посмеялась над ним. У нее было прелестное лицо, но по какой-то причине, когда она издевалась над ним, то напоминала мне ту безумную ведьму с деревянной чашей, о которой я вам рассказывал.

Перед мысленным взором Виктории возник образ Джейсона, дарящего Мелиссе жемчуг и сапфиры и молящего поцеловать его в знак благодарности. Видимо, с тех пор, решила она, Джейсон стал считать, что за любовь женщины полагается плата.

Подняв стакан, Майк отпил большой глоток.

– Мелисса оказалась шлюхой, которая занималась тем, что после свадьбы переходила из одной постели в другую. Не мудрено, что она упала в обморок, когда узнала, что Джейсон незаконнорожденный. Я был у них дома в Дели, когда появился герцог Атертон и потребовал свидания с сыном. Мелисса была вне себя от ярости, услышав, что Джейсон его *побочный* сын. Кажется, не в ее привычках было вступать в брак с такими людьми. Зато ей казалось вполне естественным отдаваться первому встречному, который зазывал ее к себе в постель. Вам не кажется, что это несколько странный этический кодекс?

– Весьма!

Капитан ухмыльнулся, а затем сказал:

– Если Джейсон и испытывал к ней что-нибудь вначале, то все испарилось, когда они поженились. Однако она подарила ему сына, и потому он смотрел сквозь пальцы на ее делишки. Честно говоря, не думаю, что она вообще его интересовала.

Виктория, впервые узнавшая, что у Джейсона есть сын, вскочила и устремила взор на капитана Фаррела. А тот спокойно продолжал:

– Джейсон обожал мальчика. Он повсюду брал его с собой. Он даже согласился вернуться сюда и истратил кучу денег на восстановление захиревших поместий Чарльза Филдинга, чтобы когда-нибудь Джейми мог унаследовать настоящее королевство, но все пошло прахом. Мелисса попыталась бежать со своим последним любовником и взяла с собой Джейми, рассчитывая получить впоследствии за него выкуп от Джейсона. Их корабль затонул во время шторма.

Капитан до боли сжал стакан в руке, а на его шее конвульсивно напряглись мышцы.

– Я первым узнал, что Мелисса забрала с собой Джейми. И это я

сообщил ему, что сын погиб. Я плакал, – хрипло сказал Майк. – А Джейсон – нет. Даже тогда. Он просто не умеет плакать.

– Капитан Фаррел, – подавленно попросила Виктория, – мне хотелось бы уехать домой. Уже поздно, и Джейсон, возможно, беспокоится обо мне.

С лица капитана сбежала грусть, и он весело улыбнулся.

– Отличная мысль, – согласился он. – Но сначала я хочу кое-что сказать.

– Что?

– Не позволяйте Джейсону вводить в заблуждение вас или самого себя, что в супружестве ему нужен лишь сын. Я знаю его лучше, чем кого бы то ни было, и я видел, как он накануне не сводил с вас глаз. Он уже почти по уши влюблен, хотя сомневаюсь, что это ему по душе.

– Не могу винить его за то, что ему не хочется влюбляться, – печально сказала Виктория. – Даже не представляю, как он пережил все случившееся и остался в здравом уме.

– Да, он силен духом, – согласился Майк. – Он, пожалуй, самый сильный человек, которого я когда-либо знал. И самый лучший. Научите его любить: в его сердце много нерастроченной любви. Но прежде всего ему придется научиться доверию. Как только вы завоеуете его доверие, он положит к вашим ногам весь мир.

Виктория встала, ничего не видя от волнения.

– Отчего вы так уверены, что все получится именно так?

Голос моряка был тих, и глаза устремлены куда-то вдаль.

– Потому что я знавал давным-давно такую же девушку, как вы. В ней были ваша сердечность и ваше мужество. Она научила меня тому, что значит доверять, любить и быть любимым. У меня нет страха перед смертью, потому что я знаю, что *она* ждет меня за этой чертой. Большинство мужчин часто и легко влюбляются, но Джейсон в этом вопросе подобен мне. Он полюбит только раз, но это будет *раз и навсегда*.

Глава 24

Пока Виктория надевала свою все еще влажную одежду, капитан Фаррел подготовил ее коляску к выезду. Он помог ей забраться в экипаж, а сам оседлал своего коня. К этому времени ливень перешел в мелкий, нудный, морозящий дождь. Так, под дождем, в рано сгустившихся сумерках, они и добирались бок о бок до широкой дороги, ведущей к Уэйкфилду.

– Какой смысл вам провожать меня до самого дома? – спросила девушка, когда они выбрались на большую дорогу. – Здесь я уже не могу заблудиться.

– На это есть свои причины, – строго ответил капитан. – С наступлением темноты женщине здесь ездить небезопасно. На прошлой неделе проезжавшую карету остановили у самой деревни, пассажиров ограбили, а одного застрелили. А двумя неделями раньше одна из воспитанниц сиротского приюта поздним вечером где-то бродила, и потом ее тело нашли в реке. Нечего и говорить, она была испорченной девчонкой, но какой смысл рисковать?

Виктория слушала его одним ухом, но думала совсем о другом – о Джейсоне, ее сердце наполнилось состраданием и благодарностью к человеку, который приютил ее, одарил прекрасными вещами, утешал, когда ей было плохо, и в конечном счете женился на ней.

Да, часто он бывал замкнутым и недоступным, но чем больше она размышляла над происходящим, тем более убеждалась: капитан Фаррел прав – Джейсон любит ее, иначе он ни за что не рискнул бы жениться во второй раз.

Она вспомнила его первые полные страсти поцелуи, и это еще более убедило ее в правильности собственных выводов. Несмотря на муки, испытанные им в детстве во имя «религии», Джейсон согласился венчаться в церкви – потому что она попросила его об этом.

– Думаю, дальше вам ехать не стоит, – сказала Виктория, когда они оказались у чугунных ворот Уэйкфилда.

– Почему?

– Потому что если Джейсон узнает, что я провела это время с вами, он, как только мое отношение к нему переменится, обязательно заподозрит, что вы все рассказали мне.

Капитан Фаррел поднял брови.

– А ваше отношение к нему действительно переменится?

Виктория кивнула:

– Думаю, что да. – И добавила чуть ли не про себя: – Попробую приручить черную пантеру.

– Ну что ж, наверное, вы правы. Лучше не говорить Джейсону, что вы были у меня. По дороге к моему дому – два заброшенных строения. Полагаю, можете сказать, что вы пережидали ливень там. Но предупреждаю: он не переносит лжи, так что смотрите не попадитесь!

– Я тоже не переношу лжи, – вздрогнув, сказала девушка. – И уж совсем не хотелось бы попасться Джейсону на вранье.

– Боюсь, он будет очень обеспокоен и сердит, если, вернувшись, обнаружит, что вы в одиночестве уехали из дома.

Джейсон действительно уже вернулся и был вне себя от ярости. Виктория услышала, как он громко распекал кого-то у парадного, пока она, привязав Волка во дворе, входила через черный ход. Со смешанным чувством тревоги и желания поскорее увидеть его она миновала холл и вошла в его рабочий кабинет. Он расхаживал взад и вперед по комнате, распекая шестерых перепуганных слуг.

Белая, насквозь мокрая рубашка облепила его широкую спину, а коричневые сапоги для верховой езды были по колено заляпаны глиной.

– Повтори, что именно сказала леди Филдинг, – набросился он на Рут. – И перестань наконец реветь! Начни с самого начала и повтори *точно* ее слова.

Камеристка заломила руки.

– Она... сказала, чтобы заложили самый маленький экипаж и запрягли самую послушную лошадь, так как она не очень хорошо умеет управлять ими. Потом сказала, чтобы миссис Крэддок подготовила корзины с едой, оставшейся со вчерашнего вечера, и чтобы их уложили в коляску. Я предупредила миледи, что вот-вот начнется ужасная гроза, но она ответила, что до грозы еще далеко. Потом она спросила, точно ли я уверена, что вы отлучились из дому, и я ответила, что да. После этого миледи уехала.

– И вы отпустили ее? – обрушился он на слуг, испепеляя их презрительным взглядом. – Вы отпустили взволнованную женщину, никогда не державшую в руках вожжей, в грозу, с корзинами, набитыми едой, которой ей хватит на целый месяц, и ни у кого из вас не хватило мозгов задержать ее! – Его взгляд остановился на груме. – А ты слышал, как она сказала псу, что они наконец свободны, и тебе это не показалось странным?

Не ожидая ответа, он устремил острый как кинжал взгляд на

Нортропа, который был похож на приговоренного к расстрелу человека, стоящего перед своими мучителями и готового с высоко поднятой головой встретить ужасную и несправедливую смерть.

– Повтори слово в слово, что она сказала тебе.

– Я спросил, что доложить вам, когда вы вернетесь. И миледи ответила: «Скажи ему, что я попрощалась».

– И это тебе вовсе не показалось странным? – накинулся Джейсон на старого дворецкого. – Что молодая жена на другой день после свадьбы уезжает из дома и просит передать супругу «до свидания»!

Нортроп покраснел до корней седых волос.

– Учитывая все остальное, милорд, мне это не показалось странным.

Джейсон замер на месте и уставился на него в неистовой ярости.

– Что значит «все остальное»?

– То, что вы сказали мне, выезжая из дома за час до отъезда миледи. Учитывая это, я, естественно, посчитал, что вы поссорились и что миледи расстроена из-за этого.

– *Что* именно я сказал, когда выезжал? – тоном палача потребовал Джейсон. – Что же я такого сказал, черт побери?

От обиды губы Нортропа скривились.

– Когда вы утром уезжали, я пожелал вам счастливого пути.

– Ну и дальше? – заскрежетал зубами хозяин.

– А вы ответили, что у вас на этот счет *свои планы*. Естественно, из этого я понял, что вам не улыбается счастливый путь, и потому, когда миледи спустилась в холл, я сообразил, что вы поссорились.

– Чертовски плохо, что ты не «сообразил», что она бросает меня, и даже не попытался остановить ее!

От раскаяния у Виктории сжалось сердце. Джейсон решил, что она бросила его, а признаться в этом слугам для такого гордого человека, как он, равносильно безумию. Она не могла даже представить себе, что он может прийти к такому заключению, но теперь, когда Виктория знала, что натворила Мелисса, она могла его понять. Полная решимости не задеть его гордости, девушка изобразила на лице лучезарную примирительную улыбку и подошла к нему по толстому обюссонскому ковру.

– Нортроп не настолько глуп, чтобы подумать, что я ухожу от вас, милорд, – весело заявила она, нежно касаясь руки Джейсона.

Джейсон так круто развернулся, что чуть не сбил жену с ног. Оправившись, она мягко сказала:

– Может быть, я и «экзальтированная» особа, но не такая уж дурочка, чтобы бросить вас.

Джейсон на секунду расслабился, но тут же снова пришел в ярость.

– Где, черт возьми, ты была? – зашипел он.

Виктория пожалела до смерти перепуганных слуг и сокрушенно сказала:

– Ты, конечно, вправе отругать меня, и я заслуживаю этого, но, надеюсь, не на глазах у прислуги.

Джейсон так лязгнул зубами, что все вокруг застыли, на скулах у него заходили желваки, но он сдержал себя и жестом отпустил слуг. В напряженном молчании те поспешили из кабинета, и последний из них закрыл за собой дверь. В тот же миг Джейсон взорвался.

– Ты идиотка! – сквозь зубы бросил он. – В поисках тебя я обшарил все окрестности.

Виктория смотрела на его прекрасное, одухотворенное, со следами жизненных невзгод лицо с сурово сжатыми чувственными губами, но мысленно видела перед собой беспомощного грязного мальчугана с темными кудрями, которого выпороли за то, что в него «вселился бес». От острой жалости у нее застрял ком в горле, и она невольно коснулась кончиками пальцев его щеки, как бы пытаясь разгладить горестную складку, залегшую у рта.

– Мне очень жаль, – огорченно прошептала она.

Джейсон отшатнулся от нее, и его брови сошлись над злыми зелеными глазами.

– Тебе жаль? – ядовито усмехнулся он. – Кого именно? Людей, которые до сих пор под дождем тебя ищут? – Он отступил, как если бы не мог вынести ее близости, и подошел к окну. – Или лошадь, которую я загнал насмерть, когда искал тебя?

– Ты напрасно подумал, что я уйду навсегда, – дрожа, прервала его Виктория. – Я никогда бы этого не сделала.

Он повернулся к ней и окинул ее ироническим взглядом.

– Учитывая, что вчера ты сделала попытку бросить меня у алтаря, а сегодня утром требовала развода, мне представляется, что твои последние слова как-то не вяжутся с этим. С чего это вдруг такое странное проявление верности?

Несмотря на его напускное желчное безразличие, Виктория различила напряженную интонацию в его голосе, когда он упомянул о том, что она собиралась бросить его у алтаря. От жалости у нее заныло сердце: она так обидела его – он не сможет этого забыть!

– Мой господин... – тихо заговорила она.

– О, ради всех святых! – оборвал он. – Перестань называть меня своим

господином и не пресмыкайся. Терпеть этого не могу!

– Я не пресмыкаюсь! – ответила она, а мысленно видела, как он стоит на коленях под ударами черного свистящего хлыста. Ей пришлось прочистить горло, прежде чем она смогла продолжать: – Я лишь собиралась сказать, что мне очень хотелось отвезти еду в сиротский приют. Мне ужасно жаль, что я доставила тебе столько волнений, и обещаю, что больше это не повторится.

Он смотрел на нее, и по его лицу было видно, что его переполняла злость.

– Можешь делать все, что тебе вздумается, Виктория, – устало сказал он. – Женившись на тебе, я допустил самую большую ошибку в своей жизни.

Виктория поразмыслила над сказанным и, решив, что пока он находится в таком настроении, нет смысла спорить, извинилась и вышла, сославшись на то, что ей нужно переодеться. Джейсон не ужинал с ней в этот вечер, и она ушла спать, предполагая, что он наверняка придет к ней ночью, хотя бы потому, что так хочет сына.

Но Джейсон не пришел ни в ту ночь, ни в последующие три ночи. Он прибегал ко всяческим уловкам, только чтобы не видеть ее. Целыми днями он работал в своем кабинете, диктуя письма секретарю мистеру Бенджамину и встречаясь с людьми, приезжающими из Лондона, чтобы потолковать с ним о капиталовложениях, отправке грузов и самых разнообразных коммерческих сделках. Если он сталкивался с Викторией в столовой или случайно проходя мимо, то здоровался с ней вежливо, но отстраненно, как будто они были чужими друг другу.

Когда через несколько дней он закончил работу, то собрал вещи, переоделся и отбыл в Лондон.

Поскольку Кэролайн находилась на южном побережье у одного из своих братьев, жена которого должна была вот-вот родить, Виктория большую часть времени проводила в приюте, играя с детьми, или посещала жителей деревни, которые чувствовали себя в ее обществе уже достаточно свободно. Но как она ни старалась отвлечься, ей было очень тоскливо без Джейсона. В Лондоне он уделял ей массу времени. Сопровождал почти повсюду, где она бывала, на балы, рауты, в театр, и хотя не часто находился рядом, она знала, что он где-то неподалеку, не спускает с нее глаз и вовремя придет на выручку. Ей не хватало его поддразнивания, заботы и даже грозных взглядов. Ведь с той поры, когда пришло письмо от матери Эндрю, Джейсон стал ее другом, и не просто другом, а, пожалуй, самым близким человеком.

А теперь он вел себя словно вежливый сосед, подчас испытывающий необходимость встретиться по соседским надобностям, но намеренно и упорно держащийся в отдалении. Виктория понимала, что он больше не злится на нее; просто он вычеркнул ее из своей жизни, будто ее и нет вовсе.

На следующий вечер Джейсон снова уехал в Лондон, и Виктория томила без сна, устремив пустой взгляд на шелковый балдахин над кроватью и предавшись мечтаниям, что когда-нибудь снова будет танцевать с ним, как это прежде было не раз. Джейсон изумительный танцор: он движется в танце с такой естественной грацией...

Она подумала: «Интересно, чем он занимается в эти долгие ночи в Лондоне, вдали от дома?» И решила, что скорее всего играет в карты в одном из клубов «исключительно для мужчин», членом которого состоит.

На пятый вечер Джейсон не появился. Утром, за завтраком, взгляд Виктории упал на страницу «Газетт», где в разделе светской хроники объяснялось, чем он занимается в столице.

Оказалось, он вовсе не играет в карты и не проводит деловые встречи. Он был на балу у лорда Мюирфилда, где танцевал с прелестной хозяйкой дома, отличающейся пышными формами. В газете также сообщалось, что накануне лорда Филдинга видели в театре с некоей брюнеткой, танцовщицей оперного театра. И Виктория вспомнила, что любовницу Джейсона зовут Сибил, что она танцовщица и брюнетка.

Виктория почувствовала прилив ревности – настоящей, отчаянной, до головокружения. Это совсем выбило ее из колеи, ибо прежде ей никогда не доводилось испытывать подобного чувства.

К несчастью, именно в этот момент Джейсон появился в столовой, причем в том самом виде, в котором уехал накануне в Лондон. Если не считать того, что его великолепно сшитый фрак был беззаботно расстегнут, а ворот белой рубашки вольно обнажал сильную загорелую шею. Было очевидно, что ночь он провел вне своего лондонского дома, где у него был целый гардероб одежды.

Он сухо кивнул ей, проходя к буфету, и налил себе чашку дымящегося черного кофе.

Виктория медленно поднялась со стула, дрожа от обиды и гнева.

– Джейсон, – холодным и жестким тоном обратилась она к нему.

Он кинул на нее через плечо вопрошающий взгляд и, увидев ее каменное лицо, повернулся.

– Да? – сказал он, поднося чашку ко рту и глядя на жену.

– Ты помнишь, что чувствовал, когда твоя первая жена в Лондоне напропалую изменяла тебе?

Он опустил чашку с кофе, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Прекрасно помню.

Удивляясь самой себе и отчасти гордясь неизвестно откуда взявшейся смелостью, Виктория многозначительно кивнула на газету и гордо подняла подбородок.

– Тогда, надеюсь, это не повторится.

Он мельком глянул на открытую газету и снова перевел взгляд на нее.

– Насколько я помню, меня не очень интересовало, чем она занимается.

– А меня это интересует! – не в силах больше сдерживаться, взорвалась Виктория. – Я прекрасно понимаю, что предусмотрительные мужья заводят... любовниц, но... У вас, англичан, на все случаи существуют правила, и благоразумие – одно из них. Когда афишируют своих... своих подружек, это унижительно и оскорбительно. – С этими словами она быстро удалилась из столовой, чувствуя себя ненужной и отверженной.

Тем не менее выглядела она как гордая и прекрасная королева: длинные волосы золотистыми густыми локонами ниспадали на спину, изящная фигура, удивительно грациозная походка... Джейсон молча смотрел вслед уходящей от него молодой жене, забыв о кофе. Он ощутил, как знакомое горячее желание возникает в нем, то самое желание, которое мучило его в течение многих месяцев, – заключить ее в объятия и утонуть в ней. Но он не тронулся с места. Что бы она ни чувствовала по отношению к нему, это не было ни любовью, ни даже желанием. Оказывается, она считала бы очень «предусмотрительным» и благоразумным с его стороны держать любовницу подальше от людских глаз, чтобы удовлетворять с ней свою мерзкую похоть, горько думал он. Ее гордость страдала лишь оттого, что его видят с этой женщиной на людях.

Значит, страдала ее гордость, и ничего больше. Но когда Джейсон вспомнил, какую встряску получила ее гордость от любимого ею Эндрю, то понял, что она может не выдержать новых подобных потрясений. Он знал, что такое гордость; Джейсон прекрасно помнил, какое унижение и ярость испытал, когда впервые обнаружил, что Мелисса ему изменяет.

Он задержался в кабинете, чтобы взять кое-какие бумаги, затем пошел наверх, на ходу пробегая глазами документы.

– Доброе утро, милорд, – сказал камердинер, укоризненно глядя на небрежно накинутый фрак.

– Доброе утро, Франклин, – ответил хозяин, передавая ему фрак и не

отрывая глаз от свежих документов.

Франклин приготовил бритву, ремень для правки и кружку с пеной, а затем начал чистить одежду хозяина.

– Какой костюм, милорд, вам понадобится вечером: выходной или повседневный?

Джейсон перевернул страницу.

– Повседневный, – рассеянно сказал он. – Леди Филдинг считает, что я по вечерам провожу слишком много времени вне дома.

Он прошел к выложенной мрамором ванной комнате, не замечая довольного выражения, появившегося на лице камердинера. Франклин подождал, пока хозяин скроется в ванной, затем отложил одежду и щетку и поспешил вниз – поделиться радостным известием с Нортропом.

До тех пор пока несколько месяцев назад леди Виктория не вторглась в дом и не нарушила привычный, укоренившийся порядок, Франклин и Нортроп ревниво соперничали в борьбе за доверие хозяина. Целых четыре года они старательно избегали даже намека на какие бы то ни было отношения друг с другом. Однако теперь двое бывших врагов стали союзниками – оба были заинтересованы в том, чтобы в семье хозяев царили лад и покой.

Нортроп полировал стол в холле возле салона. Оглянувшись, дабы убедиться в том, что их не могут услышать, Франклин поспешил к нему, горя желанием сообщить последние новости об отношениях между лордом и миледи – если это можно было назвать отношениями – и взамен узнать что-нибудь новенькое от Нортропа. Он наклонился к дворецкому, не ведая, что в соседнем салоне О’Мэлли уже прижался ухом к двери, чтобы подслушать их разговор.

– Сегодня вечером его милость намерен отужинать дома, мистер Нортроп, – театральным шепотом заговорщика сообщил камердинер. – Полагаю, это хорошее предзнаменование. Очень хорошее.

Нортроп выпрямился, но выражение его лица не изменилось.

– Это действительно важное событие, учитывая, что его милость пять ночей подряд отсутствовал, но я не вижу в нем ничего знаменательного.

– Вы не понимаете: его милость подчеркнул, что остается дома потому, что этого хочет ее милость!

– А вот *это* знаменательно, мистер Франклин! – Нортроп отпрянул от него, бросил осторожный взгляд вокруг и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал: – Полагаю, что причиной такого желания ее милости, возможно, стала статья в «Газетт», которую миледи видела утром. Из нее можно сделать вывод, что его милость, по-видимому, развлекается с

некоей леди определенного сорта... кажется, оперной танцовщицей.

О'Мэлли оторвал ухо от двери, бросился ко второму выходу из салона и понесся по дальнему коридору, через который слуги обычно носили закуски из кухни.

– Она добилась этого! – победоносно заявил он поварам, ворвавшись в кухню.

Миссис Крэддок перестала раскатывать тесто для пирожных, проявив такой интерес к его словам, что не заметила, как он прихватил яблоко с ее рабочего стола.

– Чего добилась?

О'Мэлли оперся о стену и откусил здоровый кусок сочного яблока. Размахивая огрызком в воздухе, чтобы подчеркнуть значение своих слов, он сказал:

– Она показала его милости, где раки зимуют, вот что! Я слышал это от Франклина и Нортропа. Ее милость прочитала в газете, что милорд был с мисс Сибил, и сказала лорду Филдингу, чтобы он сидел дома. И он согласился. Я же говорил вам, что миледи обуздает его. Я понял это еще тогда, когда узнал, что она тоже ирландка по происхождению! Но, скажу вам, она, ко всему прочему, настоящая леди, – доверительно добавил он. – Благовоспитанная и веселая.

– Бедняжка ходила такой печальной в последнее время, – обеспокоенно заметила миссис Крэддок. – Она без него почти не притрагивается к еде, а ведь я готовила ее любимые блюда. Но она всегда так благодарит меня. От всего этого можно волком завывать. Не могу понять, почему он не спит с ней...

О'Мэлли мрачно покачал головой:

– Он не был с ней с самой брачной ночи. Рут говорит, что это именно так. И ее милость не приходит в его постель. Горничные точно знают: на второй подушке его милости ни разу не было ни морщинки.

Опечалившись, он в унылом молчании доел яблоко и потянулся за другим, но на этот раз миссис Крэддок стеганула его полотенцем по руке.

– Хватит с тебя, Дэниел: они мне нужны для десерта. – Но неожиданно ее доброе лицо осветила улыбка. – Хотя нет, бери сколько хочешь. Я решила сделать для хозяев на этот вечер что-нибудь другое, более праздничное.

В этот момент в разговор вступила самая молоденькая судомойка, милая простодушная девушка лет шестнадцати:

– Одна прачка рассказывала мне, что есть такое зелье в виде порошка, которое можно подсыпать в вино мужчине, если у него с этим делом

проблемы. Все прачки в один голос говорят, что, верно, нужно дать чуток этого порошка его милости – ну, просто помочь, чтобы все пошло как по маслу.

Вся кухонная челядь поддержала эту мысль, но О’Мэлли иронически воскликнул:

– Бог ты мой, девушка! Откуда такие глупые идеи? Да его милости не нужны никакие порошки, можешь объявить всей прачечной, что это утверждаю я! Известно ли тебе, что у кучера Джона никак не проходит насморк, который он подхватил зимой, чуть ли не еженощно поджидая в непогоду, пока его милость не вылезет из постели мисс Хоуторн. Мисс Хоуторн, – пояснил он для справки, – была его любовницей до мисс Сибил.

– А он был с мисс Сибил прошлой ночью? – решила уточнить миссис Крэддок, приступая к приготовлению намеченного ею праздничного десерта. – Или это просто сплетни?

Повеселевшее лицо О’Мэлли омрачилось.

– Точно был. Мне говорил об этом один из грумов. Конечно, мы не знаем наверняка, что там между ними происходило. Может, он хотел откупиться от нее.

Миссис Крэддок неуверенно улыбнулась:

– Ладно, во всяком случае, сегодня он остается ужинать со своей женой. Это хорошее начало.

О’Мэлли согласно кивнул и отправился поделиться последними новостями с грумом, который поведал ему о местонахождении хозяина прошлой ночью.

Из всех ста сорока человек, проживавших в Уэйкфилд-Парке, только для Виктории было сюрпризом, когда вечером за ужином к ней присоединился муж.

– Ты сегодня остаешься дома? – вырвалось у нее с изумлением и облегчением, когда он уселся во главе стола.

Он пытливо посмотрел на нее.

– У меня сложилось твердое впечатление, что ты именно этого и добивалась.

– Да, – призналась ревнивая жена, одновременно спрашивая себя, достаточно ли хорошо она выглядит в изумрудно-зеленом платье, и горячо желая, чтобы он не сидел так далеко от нее – на противоположном конце длинного стола. – Только я не была уверена, что ты согласишься. То есть... – Она замолчала, так как О’Мэлли отошел в это время от буфетной стойки и понес к ним поднос с двумя хрустальными бокалами, наполненными игристым вином. Да и, пожалуй, бесполезно было

продолжать этот разговор с Джейсоном, сидевшим за тридевять земель от нее.

Она тяжело вздохнула, когда О'Мэлли решительно направился напрямик к ней со странным блеском в глазах.

– Ваше вино, миледи, – сказал он и «случайно» смахнул бокал с подноса, устроив на скатерти прямо перед дамой небольшую лужицу.

– О'Мэлли! – вскрикнул Нортроп, стоявший на своем посту у буфета, откуда обычно следил за тем, как обслуживают хозяев.

О'Мэлли ответил ему взглядом невинного простака, с шумом отодвинул стул леди Виктории, помогая ей встать, и проводил ее к другому концу стола, где сидел Джейсон.

– Пожалуйста, миледи, – промолвил О'Мэлли с видом раскаивающегося грешника, пододвигая для нее стул рядом с хозяином. – Сию секунду я подам вам вина. А потом приведу в порядок скатерть на том конце стола. Как нехорошо пахнет разлитое вино! Лучше сидеть подальше оттуда. Не пойму, как я мог быть таким неуклюжим, – добавил он, разворачивая льняную салфетку и передавая ее Виктории. – В последнее время у меня побаливала рука, по-видимому, в этом все дело. Можете не беспокоиться – ничего серьезного, просто ноет в том месте, где у меня давным-давно был перелом.

Виктория расправила юбки и сочувственно улыбнулась.

– Мне очень жаль, что у вас болит рука, мистер О'Мэлли.

Затем О'Мэлли обернулся к лорду Филдингу, собираясь также попотчевать его баснями о своей неуклюжести, но у него пересохло во рту, когда он встретился с безжалостным пронизательным взглядом хозяина и увидел, как тот многозначительно пробует пальцем лезвие столового ножа, как будто проверяет, хорошо ли он наточен.

О'Мэлли потянул воротник рубашки, будто он его душит, прочистил горло и торопливо пробормотал:

– С-сейчас я принесу вам другой бокал, миледи.

– Леди Филдинг не употребляет вина к ужину, – протянул Джейсон, но потом в раздумье спросил: – Или ты изменила своим привычкам, Виктория?

Она отрицательно покачала головой, озадаченная немой сценой, произошедшей между Джейсоном и беднягой О'Мэлли.

– Но думаю, что сегодня я немного выпью, – добавила она, пытаясь сгладить возникшую неловкость.

Затем слуги удалились, оставив хозяев в одиночестве посреди угнетающего великолепия огромной столовой. В комнате повисла

напряженная тишина, нарушаемая временами лишь постукиванием золотых ножей и вилок о тарелки из лиможского фарфора. Виктория с ужасом ощущала это молчание, прекрасно понимая, насколько Джейсону было бы веселее в Лондоне, нежели здесь, с ней.

К тому времени, когда тарелки были убраны и они ожидали десерт, ее уныние перешло в отчаяние. Дважды она пыталась нарушить барьер молчания, делая замечания на такие невинные темы, как погода или отменное качество блюд. Ответные реплики Джейсона были вежливы, но настолько коротки, что не вдохновляли на дальнейшую беседу.

Виктория ковыряла ложкой в блюдечке, понимая, что нужно что-то предпринять, причем как можно быстрее, так как с каждой минутой разрыв между ними увеличивался, с каждым днем становился все глубже, грозя тем, что скоро уже вообще ничего нельзя будет исправить.

Но тревога и уныние оставили ее, когда О'Мэлли торжественно внес десерт. С широкой улыбкой поставил он перед ними небольшой чудесный торт, украшенный двумя скрещенными цветными флажками – британским и звездно-полосатым американским.

Джейсон глянул на торт и перевел холодно-изумленный взгляд на взявшего на себя миротворческую миссию лакея.

– Надо думать, у миссис Крэдок сегодня особо патриотическое настроение? – Под недовольным взглядом хозяина О'Мэлли мигом растерял всю свою игривость, и глаза его приобрели затравленное выражение. – Или этот символ должен напомнить мне, что я женат?

Лакей побледнел.

– Что вы, милорд. – Он выждал, все больше бледнея под взглядом хозяина, пока наконец Джейсон не отпустил его коротким кивком головы.

– Если это должно было символизировать наш брак, – с мягкой иронией сказала Виктория, – то миссис Крэдок следовало украсить торт не двумя флагами, а двумя скрещенными шпагами.

– Согласен, – сухо ответил он, не обращая больше внимания на торт и потянувшись за бокалом.

Казалось, Джейсону совершенно безразличны сложившиеся между ними отношения, и Виктория, не в силах больше ждать, сама затронула столь волнующую ее тему:

– Меня это не устраивает! – Она посмотрела прямо на мужа, сидевшего с непроницаемым видом. – Джейсон, пожалуйста... я хочу, чтобы между нами все было иначе.

Ей показалось, что он чуть-чуть удивился, хотя, как обычно, и виду не показал. Лишь откинулся на спинку стула и перевел спокойно-иронический

взгляд на ее лицо.

– Ты не могла бы уточнить, что имеешь в виду?

Его голос звучал так отстраненно, с таким безразличием, что волнение Виктории усилилось еще больше.

– Во-первых, я хочу, чтобы мы снова стали друзьями. Ведь прежде мы могли поболтать и посмеяться вместе.

– Давай поболтаем.

– А есть ли что-нибудь, о чем бы ты хотел со мной поболтать? – серьезно спросила она.

Джейсон поглядел в ее неправдоподобно прекрасное лицо и подумал: «Я хотел бы узнать, почему тебе нужно напиться до чертиков, прежде чем ты ляжешь со мной в постель. Хотел бы выяснить, почему от моего прикосновения тебя мутит». Но сказал он совсем другое:

– Да нет, пожалуй.

– Ладно, тогда начну я. – Поколебавшись, она спросила: – Как тебе нравится мое платье? Это то самое, которое ты заказал для меня у мадам Дюмосс.

Взгляд Джейсона упал на нежные округлости, соблазнительно выглядывающие из-под низкого выреза. «Ей дьявольски идет зеленое, – думал он. – Но для полноты картины не хватает изумрудов». Если бы дела у них обстояли иначе, он отпустил бы слуг и посадил ее к себе на колени, обнажив ее груди для своих губ и рук. Он поцеловал бы каждую из них по очереди, отнес жену наверх и занимался там с ней любовью до полного изнеможения.

– Платье прекрасное. К нему требуются изумруды, – коротко сказал он.

Рука Виктории машинально коснулась шеи, на которой не было никаких украшений. Изумрудов у нее не было.

– Мне кажется, что ты тоже выглядишь неплохо, – проговорила она, восхищаясь тем, как хорошо сидит на его великолепных плечах дорогой, отлично сшитый темно-синий фрак. У него было такое загорелое лицо и такие темные волосы, что белая рубашка ослепительно выделялась на этом фоне.

– Ты очень красив, – мечтательно сказала она.

На его губах появилось подобие неуверенной улыбки.

– Спасибо, – только и нашелся вымолвить он, судя по всему, ошеломленно.

– Пожалуйста, – ответила она и, поскольку Джейсон не оборвал ее, решила, что следует развить эту тему. – Когда я впервые увидела тебя, мне показалось, что у тебя очень грозный вид. Знал ли ты это? Конечно, было

уже темно и я нервничала, но... понимаешь, ты такой высокий, что это напугало меня.

Джейсон поперхнулся вином.

– О чем ты?

– О нашей первой встрече, – невинно пояснила Виктория. – Помнишь, я стояла у подъезда с поросенком в руках, которого потом передала фермеру, а ты втащил меня в дом, где было так темно по сравнению с улицей...

Джейсон резко встал.

– Извини, я грубо с тобой тогда обошелся. А теперь, если не возражаешь, полагаю, что мне пора поработать.

– Нет, – поспешно сказала она, тоже вставая, – пожалуйста, отдохни сегодня. Давай сделаем что-нибудь другое – что-нибудь такое, что мы можем делать вместе. Такое, что тебе нравится.

У Джейсона дрогнуло сердце. Он заметил ее пылающие щеки и увидел мольбу в ее синих глазах. Надежда и недоверие боролись в его душе, а в жилах забурлила кровь, когда он нежно коснулся ее щеки и погладил тяжелые шелковистые волосы.

Дрожь пробежала по телу Виктории. Ей следовало давно попытаться смягчить его, вместо того чтобы молча страдать.

– Мы могли бы сыграть в шахматы, если хочешь, – счастливо сказала она. – Я, правда, не очень хорошая шахматистка, или, если у тебя есть карты...

Его рука отдернулась, а лицо превратилось в застывшую маску.

– Прости, Виктория. У меня есть дела. – Он обошел ее и исчез в кабинете, где и оставался остальную часть вечера.

Разочарованная, снова впавшая в уныние, Виктория попыталась провести вечер за чтением. К тому времени, когда пришла пора спать, она приняла окончательное решение не допустить, чтобы они оставались вежливыми чужаками, и сделать все возможное для того, чтобы изменить нынешнее положение.

Она вспомнила его взгляд, еще перед тем, как она предложила сыграть в шахматы. Точно так же он смотрел на нее прежде, если хотел поцеловать. Может, ему хотелось не в шахматы играть, а целовать ее? Бог ты мой, может, он опять хотел совершить с ней ту ужасную вещь...

Она содрогнулась от одной этой мысли, но ради восстановления отношений между ними готова была согласиться даже на это. У нее заняло под ложечкой, когда она вспомнила, как он ласкал ее, обнаженную, как пристально изучал ее тело в их первую брачную ночь. Может, это не было

бы так ужасно, если бы он был нежен с ней в тот момент – так же нежен, как когда целовал.

Виктория подождала, пока не услышала шум в смежной комнате, затем накинула бирюзовый шелковый пеньюар, отороченный бежевыми кружевами. Она открыла дверь в его спальню и вошла к нему.

– Мой гос... Джейсон, – отрывисто сказала Виктория.

Муж снимал рубашку и не слышал, как она вошла. От неожиданности он резко дернулся.

– Мне нужно поговорить с тобой, – заявила она.

– Выйди отсюда, Виктория, – холодно потребовал Джейсон.

– Но...

– Я не желаю разговаривать! – отрезал он. – И не желаю играть ни в шахматы, ни в карты.

– Но в таком случае *чего* же ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты ушла отсюда. Я ясно выражаюсь?

– Вполне, – с достоинством ответила она. – Я больше не буду тебя беспокоить. – Виктория вышла и закрыла за собой дверь, но не оставила надежды добиться в конце концов того, чтобы их брак стал счастливым. Хотя ей было невдомек, чего он ожидал от нее. Она никак не могла понять, чего же он в конце концов хочет. Зато она знала одного человека, который понимает Джейсона. Мужу тридцать лет, он гораздо старше и опытнее ее, но капитан Фаррел старше и опытнее его и наверняка подскажет ей, что следует предпринять теперь.

Глава 25

На следующее утро Виктория решительно направилась к конюшне и попросила оседлать для нее коня. На ней был новый черный костюм для верховой езды, подчеркивающий полные груди и осиную талию. Белоснежная рубашка оттеняла румянец на высоких скулах, а золотисто-каштановые волосы были собраны на затылке в элегантный узел. Такая прическа помогала ей чувствовать себя старше и мудрее, поддерживала ее уверенность в себе.

Виктория стояла, в ожидании похлопывая хлыстом по сапогу; затем она увидела, что грум выводит из стойла красавца жеребца цвета эбенового дерева, круп которого лоснился, как атлас, и улыбнулась ему.

При виде чудесного коня Виктория пришла в восторг.

– Какой он красавец, Джон. Как его зовут?

– Это Матадор, привезенный из Испании. Его милость пока что определил эту лошадь для ваших прогулок, а затем будет доставлен ваш новый конь. Мы ожидаем его в ближайшие недели.

«Значит, Джейсон купил мне коня», – отметила она, пока грум помогал ей вдевать ногу в стремя. Зачем Джейсону понадобилось покупать для нее еще одну лошадь?

Всем известно, что он и так держит лучших лошадей во всей Англии; но он снова проявил великодушие и щедрость и сделал это в своей обычной манере, не потрудившись даже упомянуть об этом.

Когда она добралась до крутой извилистой тропы, ведущей к дому капитана Фаррела, то перевела Матадора на шаг. Виктория с облегчением вздохнула, увидев, что капитан уже выходит на крыльцо, чтобы помочь ей спешиться.

– Спасибо, – поблагодарила она, оказавшись на твердой земле. – Я так надеялась, что застану вас дома.

Капитан заулыбался:

– Я как раз собирался проехаться сегодня в Уэйкфилд, чтобы посмотреть, как вы с Джейсоном ладили.

– Ну что ж, – печально улыбнулась Виктория, – теперь вам не придется утруждать себя.

– Неужели дела обстоят все так же скверно? – удивленно поднял брови капитан, приглашая ее в дом. Он налил в чайник воды и поставил его на огонь.

Виктория присела и уныло покачала головой:

– Да нет, стало еще хуже. То есть не то чтобы хуже. По крайней мере вчера Джейсон хотя бы остался дома, а не поехал в Лондон к этой своей... ну, вы знаете, кого я имею в виду.

Такой скользкой темы она не собиралась касаться. Ей лишь хотелось поговорить о настроении мужа.

Капитан достал с полки две чашки и озадаченно глянул через плечо.

– Нет, не знаю. О ком вы говорите?

Виктория смутилась.

– Да не стесняйтесь, дитя мое. Я доверился вам, и вы должны знать, что можете всецело довериться мне. С кем же еще вам поделиться?

– Не с кем, – удрученно подтвердила гостья.

– Если вам очень тяжело говорить, то представьте себе, будто я ваш отец или отец Джейсона.

– К сожалению, вы ни тот ни другой. И я вовсе не уверена, что смогла бы рассказать своему собственному отцу о том, что происходит.

Майк поставил на стол чашки и не спеша повернулся к ней.

– Когда я нахожусь в плавании, мне действует на нервы лишь одно-единственное обстоятельство. Знаете какое? – Она недоуменно покачала головой, и он продолжил: – Уединение моей каюты. Иногда меня это устраивает. Но когда меня что-то беспокоит – например, когда я нутром чувствую, что приближается жестокий шторм, – мне не с кем поделиться своими опасениями. Я не имею права сказать о своих ощущениях матросам, потому что они могут удариться в панику. И мне приходится держать это в себе, даже когда тревога разрывает душу. Иногда у меня возникало чувство, что заболела жена или ей угрожает какая-то опасность, и чувство это не оставляло меня, поскольку я находился совершенно один в четырех стенах каюты и никто не мог убедить меня, что все это пустые фантазии. Если вы не можете поговорить с Джейсоном и не поговорите со мной, то никогда не найдете ответов, которые ищете.

Виктория благодарно посмотрела на него.

– Вы один из самых добрых людей, кого я встречала в своей жизни, капитан.

– Тогда почему бы вам не представить, что я ваш отец, и не выложить все, что у вас наболело, и тем самым снять камень с души?

Виктория помнила, что многие люди, включая женщин, доверяли доктору Ситону все, что их беспокоило, без особого смущения или стыда. И если ей обязательно нужно понять мужа, то без доброго совета капитана ей не обойтись.

– Ладно, – решительно сказала она. А он, чтобы ей было легче говорить, повернулся к ней спиной и занялся приготовлением чая. – На самом деле я приехала к вам спросить: уверены ли вы, что рассказали мне все-все о Джейсоне? Вчера он впервые после нашей с вами встречи остался на ночь дома. До этого он уезжал в Лондон, понимаете ли, навещать свою... м-м... – Она глубоко вздохнула и решительно выговорила: – Свою любовницу.

Спина капитана окаменела, но он не обернулся.

– С чего вы это взяли, дитя мое? – наконец сказал он, доставая сахарницу.

– Я абсолютно уверена в этом. Об этой стороне его жизни упоминалось даже во вчерашней газете. Джейсона не было всю ночь, когда он вернулся, я завтракала и как раз перед его приходом прочитала об этом в газете. Меня это расстроило...

– Могу себе представить.

– И я чуть не взорвалась, но постаралась быть рассудительной. Я сказала ему, что понимаю необходимость для предусмотрительных мужей иметь любовниц, но не следует афишировать это и...

Фаррел резко развернулся, широко разинув рот; в одной руке он держал сахарницу, в другой – молочник.

– Вы сказали ему, что весьма *предусмотрительно* держать любовницу, но только не нужно афишировать это?!

– Да. А разве не следовало так говорить?

– Важнее другое – *почему* вы так сказали? Точнее, почему вам это вообще пришло в голову?

Виктория уловила нотку упрека в его голосе, и это слегка смутило ее.

– Мисс Уильсон – Флосси Уильсон объяснила мне, что в Англии принято, чтобы мужья имели...

– Флосси Уильсон? – взорвался капитан, не веря своим ушам. – Флосси Уильсон? – еще раз ужаснулся он. – Да она же старая дева, не говоря уже о том, что у нее куриные мозги! Она же абсолютно безмозглая баба! Джейсон держал ее в Уэйкфилде, чтобы она помогала присматривать за Джейми. Когда сам он уезжал куда-нибудь, он доверял ребенка ее заботам. Флосси и была заботливой, но все-таки однажды эта простофиля прохлопала ребенка. И вы спрашивали у *нее*, как вести себя с мужем?!

– Я не *спрашивала*, она сама рассказала мне, – вспыхнув, попыталась оправдаться Виктория.

– Простите, что я повысил на вас голос, дитя мое, – почесал затылок капитан. – В Ирландии жена огреет мужа сковородой по башке, если он

пойдет налево! Это куда проще, яснее и гораздо эффективнее. Пожалуйста, продолжайте. Итак, вы упрекнули Джейсона...

– Лучше я помолчу, – устало заметила Виктория. – Видимо, мне не стоило приезжать. И как мне только могла в голову прийти такая дикая мысль! Но я надеялась, что вы сможете объяснить мне, почему после свадьбы Джейсон так отдалился от меня...

– Что вы подразумеваете, – прервал ее капитан, – под словом «отдалился»?

– Не знаю, как объяснить это.

Он налил чаю.

– Виктория, – нахмурившись, проговорил Фаррел, – вы имеете в виду, что он редко ложится с вами в постель?

Девушка вспыхнула и отвела глаза.

– Он не приходил ко мне с самой брачной ночи. Хотя и я сама опасалась его прихода: после того как он выломал дверь, запертую мной на ключ...

Без лишних слов капитан Фаррел вернулся к буфету и налил в два стакана виски.

Подойдя к столу, он дал ей стакан.

– Выпейте, – твердо велел он. – Нам легче будет беседовать, а я намерен выслушать все до конца.

– Понимаете, до приезда в Англию я никогда не пробовала алкоголя, разве что мне дали вина после похорон родителей, – призналась Виктория, содрогнувшись при виде виски. – Но когда я приехала в эту страну, мне постоянно советуют выпить то вина, то бренди, то шампанского, говоря, что я почувствую себя лучше. Но мне вовсе не становится лучше!

– Ну хоть попробуйте.

– Да я пробовала. Понимаете, я так нервничала в день свадьбы, что попыталась удрать от Джейсона, когда мы стояли у алтаря. Поэтому, когда мы приехали в Уэйкфилд, я думала, что вино поможет мне пережить брачную ночь. Я выпила целых пять бокалов в тот вечер, но от этого меня просто тошнило, когда мы... когда я легла спать.

– Вы хотите сказать, что чуть не бросили Джейсона у алтаря на глазах у всех собравшихся?

– Да, но они не заметили этого. А Джейсон заметил.

– Боже праведный!

– А в брачную ночь меня чуть не вырвало...

– И на следующее утро вы заперлись от Джейсона в своей спальне?

Она кивнула, чувствуя себя очень несчастной.

– А вчера вы заявили ему, что считаете весьма предусмотрительным то, что он встречается со своей любовницей?..

Виктория вновь кивнула, и Майк Фаррел молча, словно зачарованный, уставился на нее.

– Но вчера вечером я пыталась помириться, – попробовала оправдаться она.

– Ну и что же?

– Да, я предложила ему заняться чем угодно из того, что ему нравится.

– И у него сразу исправилось настроение, – предсказал капитан, чуть улыбаясь.

– Да, мне тоже вначале так показалось. Но когда я добавила, что мы могли бы сыграть в шахматы или в карты, он...

– Так вы предложили сыграть в шахматы? Боже праведный, почему именно в шахматы?

Виктория обиженно посмотрела на него.

– Я постаралась припомнить, чем занимались мои родители, когда бывали вместе. Я бы предложила прогуляться, но во дворе было немного прохладно.

Капитан, видимо, не знавший, смеяться или плакать, покачал головой.

– Бедный Джейсон, – хмыкнул он. Затем, совершенно посерьезнев, он снова обратился к госте: – Уверяю вас, что ваши родители занимались... гм... и другими вещами.

– Например? – спросила она, вспоминая, как они сидели друг против друга у камина с книгами на коленях. Кроме того, мать готовила отцу его любимые блюда, содержала дом в чистоте и порядке и штопала его одежду, но ведь у Джейсона для этих целей имеется целая армия слуг... Она посмотрела на капитана, погрузившегося в неловкое молчание. – Так что вы имели в виду?

– Я говорю о тех вещах, которыми занимались ваши родители, когда вы спали, – прямо сказал он.

Перед ее мысленным взором возникла та картина, когда родители стояли у дверей спальни матери и отец, державший мать в объятиях, умолял: *«Не отказывай мне, Кэтрин. Ради Бога!»*

«Так, значит, мать не пускала его в свою постель», – наконец поняла Виктория. Девушка вспомнила, какой обиженный вид был у отца в тот вечер и как она сама сердилась на мать за то, что та обижает его. Ее родители, конечно, дружили, но мать не любила отца. Кэтрин была влюблена в Чарльза Филдинга и потому после рождения Дороти не поддерживала больше с мужем супружеских отношений.

Виктория закусила губу, вспомнив, каким грустным подчас казался отец. Она задала себе вопрос, все ли мужья грустят, если их жены не хотят делить с ними постель.

Она знала, что мать не любит отца, но они были друзьями. Друзьями... И она тоже стремится сделать Джейсона своим другом, вдруг поняла Виктория, в точности так же, как это было у ее матери с отцом.

– Вы сердечная женщина, Виктория, полная жизни и мужества. Забудьте о тех семейных отношениях, которые вы наблюдали в высшем обществе, – они пустые, поверхностные и бесцветные. Лучше подумать о семейном счастье родителей, ведь они были счастливы?

Когда она надолго замолчала, капитан нахмурился и резко изменил тактику:

– Ладно, оставим ваших родителей в покое. Но я знаю мужчин, знаю вашего мужа и хочу, чтобы вы запомнили одно. Если женщина запирается от мужа в своей спальне, то муж запрет от нее на ключ свое сердце. Если, конечно, речь идет о человеке, знающем себе цену. А Джейсон относится именно к таким людям. Он не станет унижаться и выпрашивать милостыню. Вы сами отстранились от него, теперь от вас же зависит убедить его, что это была ошибка.

– Как же я смогу это сделать?

– Только не предлагая ему сыграть в шахматы и не считая, что он поступает предусмотрительно, когда посещает других женщин, – коротко подытожил капитан Фаррел. – Я даже не представлял себе, как мужчине тяжело воспитывать дочь. Есть вещи, которые просто невозможно обсуждать с людьми противоположного пола.

Виктория беспокойно поднялась.

– Я подумаю над всем, о чем вы говорили, – пообещала она, пытаясь скрыть неловкость.

– Можно мне задать вам один вопрос? – с сомнением сказал на прощание капитан.

– Еще бы, – улыбнулась девушка. – В конце концов, я же задала вам массу вопросов.

– С вами никто никогда не говорил о браке?

– О таких вещах можно говорить только с матерью, – снова вспыхнула она. – Конечно, иногда говорят о каких-то супружеских обязанностях, но это так непонятно.

– Обязанностях! – презрительно повторил он. – В моей стране девушки *мечтают* о брачной ночи. Поезжайте домой и соблазните своего мужа, моя девочка, а он позаботится об остальном. После этого вы не

будете считать это обязанностью. Уж я-то Джейсона знаю, можете мне поверить!

– А если я... сделаю это, он будет счастлив со мной?

– Будет! – мягко, но решительно подтвердил капитан Фаррел, улыбаясь. – И будьте уверены, что он и вас сделает счастливой.

Виктория поставила на стол нетронутый стакан с виски.

– Я мало знаю о браке, еще меньше о том, как быть женой, и абсолютно ничего о том, как соблазнить мужчину.

Капитан Фаррел посмотрел на застенчивую красавицу, стоящую перед ним, и его плечи затряслись от с трудом сдерживаемого смеха.

– Не думаю, что вам придется долго изучать эту трудную науку, моя милая! Как только Джейсон поймет, чего вы хотите, не сомневаюсь, что он примчится к вам на крыльях.

Виктория стала пунцовой, как роза в уэйкфилдском саду, улыбнулась и направилась к двери.

Обратный путь она проделала, настолько глубоко погрузившись в собственные мысли, что не заметила, как приехала. К тому моменту, когда Матадор остановился у чугунных ворот Уэйкфилд-Парка, Виктория точно поняла одно: она не хочет, чтобы Джейсон чувствовал себя с ней так же одиноко, как одиноко было ее отцу.

В конце концов, провести с Джейсоном ночь не такая уж страшная перспектива. В особенности если бы он поцеловал ее так же страстно и смело, как это уже бывало, так, что у нее закружится голова и все тело станет горячим и мягким. Вместо того чтобы, лежа рядом с Джейсоном, думать о новых платьях, как советовала мисс Флосси, она лучше будет думать о том, как он ее целовал. Найдя такое удачное решение проблемы, она даже посмела признаться себе, что обожает его поцелуи. «Как жаль, что в постели мужчины не целуются, – подумала она. – Все бы тогда было иначе. Конечно, днем они целуются, но в постели они занимаются совсем другим».

«Ну и пусть!» – вздохнула про себя Виктория, когда грум выбежал из конюшни и помог ей спешиться. Она готова вытерпеть все, лишь бы муж был счастлив и восстановились их близкие, дружеские отношения. Если верить капитану, все было предельно просто, нужно лишь намекнуть Джейсону, что она хотела бы делить с ним ложе.

Виктория вошла в дом.

– Дома ли лорд Филдинг? – поинтересовалась она у Нортропа.

– Да, миледи, – поклонился дворецкий. – Он у себя в кабинете.

– Один?

– Да, миледи.

Виктория поблагодарила и пошла через холл. Отворив дверь кабинета, она тихонько проскользнула внутрь. Джейсон сидел за столом в дальнем конце большой комнаты. Она видела лишь его профиль и большую стопку бумаг на столе. Виктория взглянула на него, на этого бедного, не единожды битого мальчугана, превратившегося в красивого, богатого, сильного мужчину. Он скопил кучу денег, купил поместья, простил своего отца и приютил у себя сироту из Америки. И тем не менее был одинок.

«Я люблю тебя», – подумала она, и от этой новой мысли у нее чуть не подогнулись колени. Ведь она любила и Эндрю. Но если это так, то почему же она никогда не ощущала такого отчаянного желания осчастливить его? Она любила Джейсона, несмотря на предупреждение отца, несмотря на слова самого Джейсона о том, что ему не нужна ее любовь, а нужно лишь ее тело. Как странно, что Джейсон имеет не то, что хочет. Как же ей хочется сделать так, чтобы он пожелал и то и другое!

Виктория бесшумно подошла к нему – ее шаги заглушались толстым обюссонским ковром – и остановилась позади его стула.

– Почему ты так много работаешь? – мягко спросила она.

Он подскочил при звуке ее голоса, но не обернулся.

– Мне это доставляет удовольствие, – коротко ответил Джейсон. – Тебе что-нибудь нужно? Я очень занят.

Начало не предвещало ничего хорошего, и долю секунды Виктория раздумывала, не сказать ли ему прямо, что ей хочется, чтобы он пришел к ней ночью. Но для этого ей не хватило храбрости, и потом, ей вовсе не так уж хотелось немедленно отправиться в спальню – в особенности теперь, когда он настроен по отношению к ней еще прохладнее, чем в день их свадьбы. В надежде разговорить его она мягко заметила:

– Если ты будешь целыми днями сидеть, у тебя появятся боли в спине. – Набравшись смелости, Виктория обняла его за плечи, намереваясь помассировать ему спину.

В тот же миг все его тело напряглось.

– Что ты делаешь?

– Я хотела растереть тебе спину.

– Мне не требуются твои растирания.

– Почему ты так резок со мной? – спросила Виктория и обогнула письменный стол, наблюдая, как проворно движется его ручка по странице, и восхищаясь его смелым, твердым почерком. Джейсон не ответил, она подошла к нему сбоку и присела на край стола.

Джейсон недовольно отбросил перо и откинулся на спинку стула,

пристально глядя ей в лицо. Ее нога оказалась в опасной близости от его руки. Невольно его взгляд прошелся по ее груди, шее, ямочке на подбородке и остановился на соблазнительном изгибе ее губ. Рот жены просто напрашивался, чтобы его целовали, а ресницы были такими длинными, что отбрасывали тени на щеки.

– Отойди от стола и уходи отсюда! – бросил он.

– Как хочешь, – весело сказала жена и поднялась. – Я просто зашла пожелать доброго утра. А что бы ты хотел на ужин?

«Тебя», – подумал он. Но вслух сказал:

– Мне все равно.

– Тогда, может быть, тебе хочется что-нибудь особенное на десерт?

«То же, что и на ужин».

– Нет, – заявил он вслух, борясь с непреодолимым желанием, охватившим его.

– Как ты неприхотлив, – поддела она и протянула руку, чтобы погладить его прямые брови.

Джейсон схватил ее кисть своей железной хваткой на полпути и отвел ее в сторону.

– Какого дьявола, что ты себе позволяешь? – процедил он.

В душе Виктория струсила, но не подала виду, пересилила себя и просто слегка пожала плечами:

– Между нами постоянно возникают какие-то преграды вроде дверей. Я думала, что открою дверь кабинета и посмотрю, чем ты занимаешься.

– Нас разделяют не только двери, – возразил он, отпустив ее руку.

– Я знаю, – печально согласилась жена, нежно глядя на него синими глазами.

Джейсон с трудом оторвал взгляд от ее глаз.

– Я очень занят! – резко заявил он и снова взялся за бумаги.

– Я вижу, – с необычной нежностью подтвердила она. – Слишком занят, чтобы заняться мной. – И она тихо вышла.

К ужину она спустилась в гостиную в шифоновом платье персикового цвета, подчеркивавшем все великолепие ее форм, почти прозрачном. Глаза Джейсона превратились в щелки.

– Это платье тоже оплачивал я?

Виктория увидела, как его взор застыл на вызывающе низком треугольном вырезе лифа, и улыбнулась:

– Естественно. У меня же нет ни пенни.

– Не выходи в нем за пределы дома. Это неприлично.

– Я знала, что оно тебе понравится, – усмехнулась она, инстинктивно

чувствуя, что оно действительно пришлось ему по вкусу, иначе его глаза не заблестели бы так.

Джейсон смотрел на нее так изумленно, что ей стало смешно, но она не показала виду. Затем он потянулся к хрустальному графину.

– Тебе налить шерри?

– Ни за что на свете! – рассмеялась она. – Должно быть, ты уже убедился, что от вина мне становится плохо. Так было всегда. Вспомни, что получилось, когда я выпила его в день свадьбы.

И, не ведая, насколько важную вещь она только что сказала, Виктория повернулась, чтобы поглядеть на бесценную китайскую вазу эпохи династии Минь, которая украшала золоченый столик, инкрустированный мрамором. Но думала она о другом: она была полна решимости добиться своего.

– Мне хочется завтра съездить в Лондон, – сказала она, подходя к нему.

– Зачем?

Она присела на ручку его кресла.

– Чтобы потратить немного твоих денег.

– А я и не знал, что выдал тебе какую-то сумму, – пробормотал он, косясь на изящное бедро, покачивавшееся совсем рядом. В романтическом свете свечей легкий шифон был совсем прозрачным и казался окрашенным в цвет плоти.

– У меня еще остались карманные деньги, которые ты выдавал мне все последнее время. Ты не поедешь со мной? После магазинов мы могли бы сходить в театр и переночевать в твоём лондонском доме.

– Послезавтра утром у меня здесь намечена встреча с людьми.

– Тем лучше, – не раздумывая ответила она. – В карете мы в течение нескольких часов будем одни, и у нас будет масса времени для мирной беседы. А завтра вечером мы вместе возвратимся.

– Я не смогу выкроить для этого время, – коротко заметил он.

– Джейсон... – нежно проговорила она, собираясь коснуться его густой шевелюры.

Он соскочил с кресла и, возвышаясь над ней, звенящим от презрения голосом воскликнул:

– Если тебе нужны деньги для покупок, то так и скажи! Но перестань вести себя как дешёвка, а то я поступлю с тобой соответственно, и дело закончится тем, что ты окажешься вон на той софе с юбками, задранными на голову.

Виктория воззрилась на него, пылая яростью от унижения.

– К твоему сведению, я скорее предпочту быть портовой проституткой, чем шарахаться от собственной тени, как это делаешь ты, не видеть дальше собственного носа и все, что происходит, выворачивать наизнанку!

Джейсон уставился на нее.

– Ты не могла бы высказаться яснее?

Виктория в отчаянии и гневе чуть не топнула ногой.

– Сообрази сам! Ты очень любишь делать умозаключения на мой счет, к сожалению, всегда ошибочные! Но должна сказать, что, будь я шлюхой, я бы померла от голода, если бы выбор был за тобой! Можешь ужинать в одиночестве и унижать слуг вместо меня. А я завтра еду в Лондон одна.

И ее как ветром сдуло. Джейсон ошеломленно проводил ее взглядом.

Виктория ворвалась в свою спальню, сбросила прозрачный шифон и, накинув шелковый пеньюар, устроилась за туалетным столиком. Гнев остывал, в изящном изгибе ее губ появилась усмешка. Изумленное лицо Джейсона было поистине комичным, когда она заявила ему, что если бы была проституткой и дело было бы за ним, то она умерла бы с голоду.

Глава 26

На следующее утро Виктория отправилась в Лондон на рассвете, а когда вернулась, были уже сумерки. В руках она бережно держала предмет, который увидела в одном магазине несколько месяцев назад, впервые попав в столицу.

Он напоминал ей о Джейсоне, но казался ужасно дорогим, и кроме того, покупать для него подарок в тот период было бы неудобно. Все последние недели ее мысли то и дело возвращались к этому предмету и изводили ее, пока она не решила, что больше ждать нельзя, поскольку его могут продать кому-нибудь еще.

Она еще не знала, когда представится подходящий момент для вручения подарка; но, конечно, не теперь, когда отношения между ними так обострились. Однако долго ждать она не намеревалась. Вспомнив о стоимости покупки, она вздрогнула. Джейсон дал ей невероятно большую сумму на карманные расходы, до которой она до сих пор практически не дотрагивалась. Но подарок стоил этих денег, да, по существу, стоил даже гораздо дороже, и хозяин лавчонки был безмерно счастлив записать разницу в цене на счет, который с радостью открыл на имя маркизы Уэйкфилд.

– Его милость в кабинете, – сообщил ей Нортроп, открывая парадную дверь.

– Он хотел видеть меня? – спросила Виктория, несколько озадаченная тем, что Нортроп ни с того ни с сего вдруг сразу же сообщил ей о его местонахождении.

– Не знаю, миледи, – поеживаясь, ответил старый дворецкий. – Просто он... м-м... интересовался, не появились ли вы еще.

Виктория всмотрелась в смущенное лицо Нортропа и вспомнила, как Джейсон обеспокоился, когда она как сквозь землю провалилась, а на деле провела день у капитана Фаррела. Поскольку ее поездка в Лондон заняла вдвое больше времени, чем ей потребовалось бы, зная она точно, где расположен магазин, девушка решила, что, видимо, Джейсон опять распекал бедного дворецкого.

– Сколько раз он справлялся обо мне?

– Три, миледи. Только за последний час.

– Понятно, – улыбнулась она, отчего-то умилившись тому, что Джейсон еще помнит о ее существовании.

Освободившись с помощью Нортропа от накидки, она пошла к кабинету. Не имея возможности постучать в дверь, поскольку ее руки были заняты подарком, она нажала на ручку и осторожно открыла дверь плечом. Оказалось, что Джейсон не сидит за столом, как она предполагала, а стоит у окна, опираясь на раму, и уныло взирает на зеленую лужайку. При скрипе двери он оглянулся и тут же выпрямился.

– Вернулась, – сказал он, сунув руки в карманы.

– А разве ты сомневался? – вопросительно взглянула она на него.

Джейсон устало пожал плечами:

– Честно говоря, я даже не представляю, что тебе может взбрести в голову в любую минуту.

Памятуя о своих выходках в последнее время, Виктория могла понять, почему он считает ее самой импульсивной и непредсказуемой женщиной в мире. Взять хотя бы вчерашний день: то она флиртowała с ним и нежничала, то вдруг с безумной яростью выбежала из гостиной, оставив его одного. А в эту минуту она ощутила неистовое желание обнять его и попросить прощения. Но вместо этого, опасаясь, что он так же резко отвергнет ее ласку, как и в прошлый раз, она подавила свой порыв и решила, что нет смысла откладывать, а лучше вручить подарок именно теперь.

– Мне нужно было купить кое-что в Лондоне, – сияя, сказала она. – Я давно присматривалась к этой вещице, но мне не хватало денег.

– Могла бы попросить у меня, – заметил Джейсон, уже направляясь к столу и явно намереваясь снова зарыться в свои бумаги.

Виктория покачала головой.

– Мне не очень удобно было просить у тебя денег на подарок для тебя же. Вот, – протянула она руки, – это тебе.

Джейсон застыл на месте и уставился на продолговатый предмет, завернутый в серебряную бумагу.

– Что? – недоуменно переспросил он, как будто не понял сказанного.

– Я ездила в Лондон, чтобы купить тебе подарок, – объяснила его жена, с загадочной улыбкой протягивая ему тяжелый сверток.

Он смятенно смотрел на него, все еще не вынимая рук из карманов. В мозгу Виктории пронеслась мысль: да получал ли он вообще когда-нибудь подарки? Вряд ли до этого додумались его первая жена или его любовницы, не говоря уже о жестокосердой женщине, воспитывавшей его.

Порыв прижать его к своей груди был почти непреодолимым. Но Джейсон наконец вынул руки из карманов. Он взял сверток и вертел его в руках, как будто не зная, что с ним делать дальше. Скрывая рвущуюся

изнутри нежность под лучезарной улыбкой, Виктория присела на край письменного стола и невинно поинтересовалась:

– А ты не хочешь развернуть его?

– Что? – запинаясь, переспросил он. Затем, справившись с собой, снова спросил: – Ты хочешь, чтобы я развернул его сейчас?

– А когда же еще? – При этом она указала на свободное место на столе возле своего бедра. – Можешь поставить его сюда, пока разворачиваешь, но будь осторожен: это хрупкая вещица.

– Тяжелая, – заметил муж, чуть улыбнувшись и осторожно развязывая шнур и разворачивая фольгу. Он снял крышку с большой кожаной шкатулки, изнутри выложенной бархатом.

– Эта вещица напоминает мне тебя, – продолжая улыбаться, заметила Виктория, пока он с кислой миной доставал из коробки изумительно выточенную из массивного оникса фигурку пантеры с глазами из мерцающих изумрудов. Создавалось впечатление, будто живую дикую кошку с помощью волшебства остановили в момент прыжка, а затем превратили в кусок оникса; в каждой плавной линии ее гладкого тела таилось движение, ее фигура была полна силы и грации, а огромные зеленые глаза – угрозы и ума.

Джейсон, чья коллекция картин и антикварных вещей считалась одной из лучших в Европе, с таким благоговением рассматривал пантеру, что Виктория чуть не прослезилась, наблюдая за ним. Конечно, это была изумительная фигурка, но он отнесся к ней так, словно это было бесценное сокровище.

– Удивительная вещь, – мягко произнес он, поглаживая пантеру по спине. С предельной осторожностью Джейсон поставил подарок на стол и обернулся к Виктории. – Не знаю, что и сказать, – признался он с кривой усмешкой.

Виктория посмотрела на его сохранившее след пережитого, но прекрасное лицо, на его мальчишескую ухмылку и подумала, что еще никогда он не выглядел таким подкупающе красивым. Чувствуя невероятное облегчение, она сказала:

– Ничего и не нужно говорить, кроме «спасибо», если сочтешь нужным.

– Спасибо, – странным, охрипшим голосом произнес он.

«Поблагодари меня поцелуем», – вдруг подсказало что-то внутри ее, и не успела она и глазом моргнуть, как у нее непроизвольно вырвалось:

– Поблагодари меня поцелуем.

Джейсон тяжело выдохнул, будто ему предстояло нечто невыносимо

трудное; затем оперся ладонями о стол и коснулся ее. Их губы соединились, и она растаяла, она просто не могла вынести нежности его прикосновения! Под его тяжестью Виктория отклонилась назад, и когда Джейсон поднял голову, ей пришлось схватиться за его руку, чтобы не упасть. Для Джейсона ее непроизвольная попытка удержаться была приглашением изголодавшегося человека на банкет. Он впился в ее губы с нежной неистовостью, а когда она ответила на поцелуй, прикосновения его стали еще более настойчивыми. Он раздвинул ее губы языком, дразня ее и призывая ответить тем же.

Ее язык робко коснулся его, и Джейсон утратил самообладание. Он застонал и обхватил ее за талию, поднял и крепко прижал к себе. Он почувствовал, что ее руки скользнули по его груди и обвились вокруг шеи. Ее нежность возбудила в нем такую бурю страсти, что Джейсон чуть не потерял рассудок.

Против воли его рука скользнула вверх, накрыв ладонью опьяняющую своей пышностью округлость. Виктория задрожала, но, вместо того чтобы попытаться вырваться, как он ожидал, она крепко прильнула к нему, так же, как и он, одурманенная их страстным поцелуем.

В холле, почти у входа в кабинет, прогремел бодрый голос капитана Фаррела:

– Не беспокойся, Нортроп, я знаю дорогу.

Дверь распахнулась, и Виктория резко высвободилась из объятий мужа.

– Джейсон, я... – начал капитан, входя в комнату, но тут же осекся с извиняющейся ухмылкой, когда заметил пылающие щеки Виктории и нахмуренное лицо Джейсона. – Мне нужно было постучаться.

– Ничего, мы закончили беседу, – сухо ответил приятель.

Не в силах посмотреть в глаза капитану, Виктория улыбнулась мужу и промямлила что-то насчет того, что идет переодеться к ужину.

Капитан Фаррел протянул руку:

– Как дела, Джейсон?

– Пока не знаю, – рассеянно сказал лорд, глядя вслед жене.

Майк Фаррел чуть не расхохотался, но тут же озабоченно посмотрел на друга, который повернулся и медленно подошел к окну и начал массировать застывшие мышцы шеи, не отводя глаз от оконного стекла.

– Что-то случилось?

Джейсон мрачно рассмеялся:

– Ничего плохого, Майк! Ничего такого, чего бы я не заслужил. И ничего такого, с чем я бы не мог справиться.

Когда часом позже Майк уехал, Джейсон откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Желание, возбужденное женой, все еще пылало в нем, как всепожирающее пламя. Он так хотел заняться с ней любовью! Ему так этого хотелось, что пришлось крепко сжать зубы и всеми силами бороться с порывом взбежать вихрем по ступенькам и овладеть ею прямо сейчас. Ему хотелось задушить ее в объятиях за то, что она советовала ему быть «предусмотрительным» мужем и иметь любовниц.

Его молодая жена, похожая на ребенка, вязала из него узлы. То ей хотелось сыграть с ним в шахматы или карты; теперь она взялась за более возбуждающие игры – начала его поддразнивать.

Она постоянно стремилась раздражать и одновременно возбуждать его и превосходно преуспела в этом, руководствуясь своим природным инстинктом. Она, покачивая ногой, сидела на ручке его кресла, расположилась на письменном столе, привезла ему подарок, попросила поцеловать ее. В его мозгу возникла жестокая мысль: а не представляла ли она себе, что он – Эндрю, когда только что целовала его, как воображала это у алтаря?

Презирая себя за неутолимое желание овладеть ею, он резко встал и стремительно поднялся по широкой лестнице. Он знал, что женится на женщине, принадлежавшей другому, но не ожидал, что это будет так терзать его душу.

Только гордость мешала ему заставить ее снова быть с ним. Гордость и сознание того, что тогда он почувствует не больше удовлетворения, чем чувствовал в их брачную ночь.

Виктория услышала его шаги в спальне и постучалась к нему. Он пригласил ее войти, но ее улыбка тут же угасла, когда она увидела, что камердинер Франклин упаковывает саквояж, а Джейсон набивает кожаный портфель документами из стопки лежащих на столе перед камином.

– Куда ты собираешься? – ахнула она.

– В Лондон.

– Но... почему? – Виктории не удалось скрыть своего разочарования.

Джейсон повернулся к камердинеру:

– Остальное я упакую сам, Франклин. – Подождав, пока тот выйдет и закроет дверь, он коротко сказал: – Мне там лучше работается.

– Но ведь вчера ты говорил, что не можешь поехать со мной в Лондон и переночевать там потому, что завтра утром тебе предстоит встреча с людьми здесь.

Джейсон перестал затапливать документы и выпрямился. С нарочитой грубостью он сказал:

– Виктория, известно ли тебе, что может случиться с мужчиной, испытывающим в течение длительного времени неутоленное желание?

– Нет, – призналась жена и для пущей значимости покачала головой.

– Тогда мне придется объяснить тебе это.

Виктория опасливо затрясла головой.

– Д-думаю, не нужно... в особенности когда ты в таком настроении.

– До встречи с тобой у меня не бывало такого настроения. – Повернувшись к ней спиной, он оперся на каминную полку и уставился глазами в пол. – Предупреждаю, отправляйся в свою комнату, пока я не забыл, каким «предусмотрительным» мужем мне следует быть, и не перестал беспокоиться о поездках в Лондон.

У нее заныло сердце.

– Так ты едешь к своей любовнице, не так ли? – захлебнувшись от отчаяния, выговорила она, вспомнив, не веря самой себе, каким нежным он казался, когда она вручила ему подарок.

– В твоем тоне звучат неприятные нотки, характерные для ревнивой жены, – сквозь зубы процедил он.

– Ничего не поделаешь, я и *есть* жена.

– У тебя весьма странное представление о том, что значит быть женой, – презрительно усмехнулся Джейсон. – Ладно, а теперь уходи.

– Черт тебя подери! – вспыхнула Виктория. – Я *не знаю*, как быть женой, неужели ты не видишь этого? Я умею готовить, шить, ухаживать за мужем, но тебе этого не требуется, у тебя для этого много челяди. Вот что я тебе еще скажу, лорд Филдинг, – продолжала она в неистовстве. – Может быть, я не очень хорошая жена, но ты просто невозможный муж! Когда я предлагаю тебе сыграть в шахматы, ты злишься. Когда я пытаюсь соблазнить тебя, ты становишься несносным...

В этот миг она увидела, как голова Джейсона резко вздернулась вверх, но была так сердита, что не обратила внимания на изумленное выражение его лица.

– А когда я привожу тебе подарок, ты отбываешь к своей любовнице в Лондон!

– Тори, – судорожно сказал он, – иди ко мне.

– Нет, еще не все! – вырвалось у нее от переполнявшего ее чувства унижения и гнева. – Отправляйся к своей любовнице, если тебе нужно именно это, но не обвиняй меня в том, что у тебя никогда не будет сына. Может, я и наивна, но не настолько, чтобы считать, что могу произвести на свет ребенка без... ну, без твоей помощи!

– Тори, пожалуйста, иди ко мне, – хрипло повторил он.

Интонация его голоса наконец дошла до нее и сразу же погасила ее ярость, но Виктория все еще опасалась, что будет отвергнута, если подойдет к нему.

– Джейсон, мне кажется, ты сам не знаешь, чего хочешь. Ты говорил, что хочешь сына, а...

– Я прекрасно знаю, чего хочу, – возразил он, открывая свои объятия. – Если ты подойдешь ко мне, я докажу это...

Загипнотизированная горящим взглядом зеленых глаз и бархатными нотками чуть охрипшего голоса, Виктория медленно прошла вперед и тут же очутилась в таких крепких объятиях, что у нее затрещали кости. Его губы приникли к ее губам в таком бешеном, возбуждающем поцелуе, что ее обдало нестерпимым жаром. Она ощутила его возбуждающую близость, его руки, по-хозяйски гладящие ее спину и грудь...

– Тори, – прерывисто прошептал он, нежно касаясь губами ее шеи, отчего ее снова пробрала дрожь. – Тори, – судорожно повторил он и снова впился губами в ее рот.

Он целовал ее неспешно, а затем с ненасытной жаждой скользил руками по ее телу, обхватил ее и крепко прижал, чем вызвал у нее стон, свидетельствовавший о том, что она трепещет от того же, что и он, желания.

Не отрывая губ от ее рта, он подхватил жену на руки и поднял. Она поняла, что он осторожно несет ее в постель. В мире не существовало ничего и никого, кроме ее мужа. Виктория крепко зажмурила глаза и стала ждать. Потом почувствовала, что он лег рядом. Панический страх, как и раньше, охватил ее.

Но он нежно поцеловал ее зажмуренные глаза и обнял, мягко привлекая к себе.

– Принцесса, – шепнул он, и хриловатый его голос прозвучал так же сладко, как сладки были его ласки, – пожалуйста, открой глаза. Я не собираюсь набрасываться на тебя, обещаю.

Виктория сглотнула комок в горле и открыла глаза; она тут же почувствовала невыразимое облегчение оттого, что он предусмотрительно загасил все свечи, кроме тех, которые стояли на каминной полке в другом конце комнаты.

Джейсон заметил страх в больших синих глазах жены. Опершись на локоть, он протянул руку, чтобы нежно погладить раскинувшиеся по всей подушке золотисто-каштановые локоны.

«Ни один мужчина, кроме меня, в жизни не касался ее», – благоговейно подумал он. Эта мысль вселила в него гордость. Эта

прелестная, храбрая, неиспорченная девушка отдалась ему, и только ему. Джейсону хотелось оправдаться перед ней за случившееся в брачную ночь, сделать так, чтобы она стонала от восторга и любила его так же сильно, как мечтал это делать он.

Джейсон коснулся губами маленького уха.

– Не знаю, о чем ты думаешь, – мягко сказал он, – но выглядишь ты до смерти напуганной. Ведь ничто не изменилось по сравнению с тем, что было несколько минут назад, когда мы целовались.

– Если не считать того, что на тебе нет никакой одежды, – дрожа, поправила его жена.

Джейсон спрятал улыбку.

– Верно, но зато ты одета.

«Это ненадолго», – подумала она и услышала его сдавленный смешок, как будто он прочитал ее мысли.

Он поцеловал ее в уголок глаза.

– Хочешь остаться одетой?

Жена, у которой он так по-скотски, грубо отнял девственность, погладила его по щеке и мягко шепнула:

– Я хочу доставить тебе удовольствие, вряд ли одежда поможет мне в этом.

С тихим стоном Джейсон наклонился и поцеловал ее с неизъяснимой нежностью, невольно содрогнувшись, когда она ответила ему со всем своим невинным пылом, отчего желание в нем возросло донельзя. Он оторвал губы от ее рта.

– Тори, – прошептал он, – если ты доставишь мне еще большее удовольствие, чем когда целуешь меня, я умру.

Он прерывисто выдохнул и развязал бархатный поясок ее пеньюара, но когда начал снимать его, тонкая рука судорожно вцепилась в его запястье.

– Я не стану этого делать, если ты не хочешь, радость моя, – пообещал он, не отнимая руку. – Просто мне хотелось, чтобы нас больше ничто не разделяло – ни недопонимание, ни двери, ни даже одежды. Я снял свою, чтобы показать тебе, что ничего страшного во мне нет.

Она дрогнула от его объяснения и убрала руку; затем, к его несказанной радости, жена обняла его за шею и полностью отдала себя в его власть.

Одежды отлетели прочь, и он наклонился и стал покрывать поцелуями ее жаркое, нежное, полное страсти тело, одновременно поглаживая ее напрягшиеся под его ласками соски. Затем Джейсон наклонил голову и

приблизил губы к ее груди.

Виктория напряглась и попыталась отодвинуться, недоуменно глядя на мужа, и он, в свою очередь, изумленно посмотрел на нее, но затем сообразил, что ни один мужчина в мире никогда не трогал и не целовал ее так, как он.

– Я не сделаю тебе больно, дорогая, – успокаивающе прошептал он и прижался губами к маленькой, твердеющей под его поцелуями вершине, венчающей нежный холмик.

Издалека, словно в тумане, Виктория с удивлением услышала собственный стон несомненного наслаждения, а тело сотрясли конвульсии желания. Ее пальцы погрузились в густую черную шевелюру, и она так прижала его голову к груди, словно боялась, что их вот-вот разлучат. Но вдруг Виктория почувствовала, как его рука скользнула вниз.

– Нет! – невольно вырвалось у нее. Но и тут муж вовсе не разозлился, как она ожидала; на ее сопротивление он лишьотреагировал приглушенным хриплым смешком.

По-кошачьи мягким движением он переместил голову вверх, к ее лицу, и с ненасытностью поцеловал ее в губы.

– Да, – шепнул он. – О да... – Его рука снова скользнула вниз, нежно поглаживая, уговаривая и щекоча до тех пор, пока ее тело не обмякло и не отдало себя полностью в его власть, поддавшись его ласке и настойчивости. Джейсон почти утратил самообладание. Страсть, которой пылало это невинное существо, отдавая себя ему целиком, без остатка, будила в нем восторженное изумление и удесятворяла неистовство желания. Горящим взором, возвышаясь над ней, он обводил эти прелестные черты, эти золотые локоны... А ее тело тем временем нежно изгибалось под его рукой.

Ее сердце екнуло от безумного наслаждения и кошмарного страха, когда она почувствовала настойчивый жар его плоти. Но вместо того чтобы войти в нее, Джейсон лишь крепче прижал ее к себе. Исчезли последние слезы страха, и ее желание достигло изумительных, запредельных высот.

– Не бойся, – хрипло простонал он. – Не бойся ничего.

Виктория медленно открыла глаза и посмотрела в его лицо. Оно было суровым и, казалось, еще потемнело от страсти, сильные, мускулистые плечи и руки напряжены... Он, словно ее подарок – фигурка пантеры, застыл на излете движения, готовый в любую минуту совершить этот последний, отчаянный прыжок. С восторженной нежностью она притронулась кончиками пальцев к его горячим чувственным губам, понимая, как отчаянно он желал ее и сколько самообладания ему

требовалось, чтобы удержаться от последнего порыва.

– Ты такой нежный, – не в силах больше сдержать себя, шепнула она, – такой нежный...

Тихий стон вырвался из груди Джейсона, и его сдержанность оказалась под угрозой. Забыв обо всем, он погрузился в ее чудесное тело. Ее голова металась по подушке, когда она, дрожа от неутоленного желания, стремилась еще больше, еще полнее, совсем раствориться в нем. Он услышал ее жалобный тихий стон.

– Сейчас, сейчас, Тори, – хрипло пообещал он.

Сильнейшая дрожь охватила все ее тело, волны наслаждения стали накатывать одна за другой, пока все не кончилось... Взрыв! Белый свет померк в ее глазах, и из горла вырвался счастливый крик. Джейсон наклонился к жене и запечатлел на ее лбу нежный поцелуй.

Избавляя ее от своей тяжести, он повернулся на бок, все так же крепко прижимая жену к себе. Отдышавшись, он снова поцеловал ее и откинул с ее лба спутавшиеся пряди атласных волос.

– Как ты себя чувствуешь? – нежно спросил он.

Бледные веки дрогнули, и он встретил изумленный, полный истомы и покоя взгляд бездонных глаз, подобных глубоким синим озерам.

– Я чувствую себя как жена, – прошептала Виктория.

Он издал хриплый смешок и провел пальцем по крутому изгибу ее скулы. Она снова прильнула к нему.

– Джейсон, – сказала она все еще дрожащим от возбуждения голосом и подняла на него глаза. – Я хочу тебе что-то сказать.

– Что? – нежно улыбаясь, спросил он.

Просто и не ощущая никакой неловкости, она сказала:

– Я люблю тебя.

Его улыбка погасла.

– Да, я люб...

Он прижал палец к ее губам, заставив ее замолчать, и покачал головой.

– Нет, это неправда, – со спокойной, неумолимой твердостью сказал он. – Да это от тебя и не требуется. Ты не должна давать мне больше того, что действительно чувствуешь, Тори.

Виктория отвела от него глаза и промолчала, но его слова обидели ее до слез. И теперь, когда она лежала в его объятиях, в ее памяти возникло: ... *Мне не нужна твоя любовь. Я не нуждаюсь в ней.*

А в это время Франклин прошел в холл и постучал к лорду, намереваясь узнать, не нужно ли помочь упаковаться. Не получив ответа, он решил, что хозяин отлучился в другую комнату, и, как обычно, смело

вошел в спальню.

Когда он сделал еще шаг и начал что-либо различать в слабо освещенной комнате, его изумленный взгляд остановился на тесно сплетенных обнаженных телах в огромной кровати под балдахином, затем в смятении – на одежде, которую Джейсон достал из гардероба и которая теперь бесформенной кучей валялась на полу возле кровати. Усердный камердинер закусил губу, ощутив непреодолимый порыв подойти на цыпочках и убрать на место изумительно сшитый вечерний костюм лорда, валявшийся на штанах из оленьей кожи. Но, одумавшись, Франклин попятился и выскочил из комнаты, захлопнув с мягким щелчком дверь.

Когда он оказался в коридоре, его недовольство беспорядком сменилось запоздалой радостью по поводу другого увиденного зрелища. Повернувшись, он помчался через холл и выскочил на внутреннюю галерею.

– Мистер Нортроп! – громко шепнул он, перегнувшись через перила и неистово делая знаки дворецкому, стоявшему у парадного. – Мистер Нортроп, у меня потрясающие новости! Подойдите ближе, чтобы нас не подслушали...

Слева от Франклина, в холле, две взволнованные горничные выскочили из комнат, где они производили уборку, столкнулись друг с другом и застыли в предвкушении тех самых новостей. А справа, невидимый камердинеру, неожиданно материализовался лакей, начавший с неподдельным энтузиазмом полировать зеркало пчелиным воском и лимонным маслом.

– Это свершилось! – коротко прошипел Франклин Нортропу, чтобы ни одна душа, даже что-то услышав, не могла понять, о чем идет речь.

– А ты уверен?

– Еще бы, – обиженно ответил камердинер.

Мгновенная улыбка смягчила будто навек застывшие черты старого дворецкого, но он тут же взял себя в руки, и на его лице вновь появилось обычное выражение невозмутимости и даже некоторой надменности.

– Благодарю вас, мистер Франклин. В таком случае я прикажу вернуть карету на место.

С этими словами Нортроп повернулся и проследовал к парадному входу. Открыв дверь, он вышел во двор, где уже темнело и у подъезда ожидала роскошная темно-бордовая карета с золотым гербом Уэйкфилда на дверце. Четыре великолепных лоснящихся гнедых переступали копытами, потряхивая тяжелыми гривами, звеня упряжью и порываясь поскорее пуститься вскачь. Поскольку кучера в ливреях не заметили его, Нортроп

спустился по ступенькам на дорожку.

– Его милости, – сказал он кучерам самым холодным, самым властным тоном, – сегодня не потребуются ваши услуги. Можете вернуть экипаж на место, а лошадей в конюшню.

– Ему не потребуется карета? – пораженно выдохнул кучер по имени Джон. – Но всего час назад он сам велел мне запрячь лошадей, да побыстрее!

– Его планы, – непреклонно заявил Нортроп, – изменились.

Джон раздраженно вздохнул и сердито посмотрел на необщительного дворецкого.

– Говорю вам, это какая-то ошибка. Он *намерен* ехать в Лондон.

– Идиот! Он *намеревался* ехать в Лондон. Но теперь вместо этого лег спать.

– В половине восьмого вече...

Однако Нортроп уже не слушал, он повернулся и величественно проследовал в дом. И тогда на лице кучера появилась широкая улыбка, означавшая, что наконец-то ему все стало ясно. Ткнув товарища под ребро, кучер хитро усмехнулся и многозначительно сказал:

– Кажись, леди Филдинг выведет брюнеток из моды!

После этого мудрого заявления он пустил лошадей вскачь по направлению к конюшне, чтобы поскорее поделиться новостью с гругами.

Нортроп направился прямо в столовую, где О’Мэлли бодро, но почти неслышно насвистывал мотив ирландской песенки и убирал на место хрупкую фарфоровую посуду, приготовленную им для одинокой трапезы леди Виктории, когда он узнал о неожиданном намерении хозяина уехать в Лондон.

– Произошли изменения, О’Мэлли, – сказал Нортроп.

– Угу, мистер Нортроп, – весело согласился нахальный лакей, – безусловно.

– Можете убрать посуду.

– Угу, я это уже сделал.

– Однако лорд и леди Филдинг, возможно, пожелают поужинать позднее.

– Наверху, – с храброй ухмылкой предсказал О’Мэлли.

Нортроп посуровел и, до предела выпрямив спину, пошел к выходу.

– Чертов наглый ирландец! – в бешенстве пробормотал он.

– Напыщенное чучело! – бросил тот в спину дворецкому.

Глава 27

– Доброе утро, миледи, – проворковала Рут с сияющей улыбкой.

Виктория повернулась в огромной кровати Джейсона, сонно улыбаясь.

– Доброе утро. Который час?

– Десять часов. Вам принести что-нибудь надеть? – спросила камеристка, удивленно оглядывая предательскую кучу сброшенной одежды и покрывал.

Лицо Виктории потеплело, но в ней разлилась такая лень, такая чудесная усталость, что она не ощущала даже некоторой неловкости оттого, что ее застали в постели Джейсона, рядом с разбросанными по всей комнате предметами одежды. Он занимался с ней любовью еще дважды до того, как они заснули, и еще раз рано утром.

– Не беспокойся, Рут, – пробормотала она. – Кажется, я еще немного подремлю.

Когда камеристка ушла, Виктория перевернулась на живот и зарылась лицом в подушки, не переставая улыбаться. Так, значит, в обществе считают Джейсона Филдинга холодным, циничным и недоступным человеком, вспомнила она, таинственно ухмыляясь. Как они поразились бы, узнав, каким нежным, страстным и неутомимым любовником он становится в постели. А может, это вовсе и не тайна? От этой мысли ее улыбка несколько увяла. Она сама не раз наблюдала, как алчно замужние женщины поглядывают на Джейсона, и, поскольку вряд ли все они жаждали брака с ним, должно быть, им хотелось побывать в его постели в качестве любовниц.

Размышляя об этом, она вспомнила, как неоднократно слышала упоминание его имени в связи с прекрасными замужними дамами, чьи мужья достигли преклонного возраста или были некрасивы.

Нет сомнения в том, что до нее в его жизни было немало женщин: он слишком хорошо знает, как с ними обращаться.

Виктория постаралась избавиться от этих бередящих душу и бросающих тень на ее мужа мыслей. Не важно, сколько женщин до этого познали его неистовую любовь. Отныне он принадлежит ей, и только ей.

Виктории совсем не хотелось открывать глаза, но наконец она все-таки сделала это и тут же заметила плоскую черную коробочку на тумбочке у кровати. Без особого интереса она вытащила руку из-под шелковой простыни и, взяв футляр, открыла его. Там оказалось чудесное ожерелье с

изумрудами и записка от Джейсона: «Спасибо за незабываемую ночь».

Виктория нахмурилась. Как ей хотелось, чтобы он не оспаривал ее слов о любви к нему! Ей хотелось, чтобы и Джейсон говорил ей о своей любви. И особенно хотелось, чтобы после всех безумств и волшебства взаимного обладания он перестал дарить ей драгоценности, холодно расплачиваясь за доставленное удовольствие. В частности, эта последняя вещь казалась особенно неприятной.

Виктория проснулась от испуга. Был уже почти полдень, а Джейсон говорил ей, что к этому времени его деловая встреча должна закончиться. Горя желанием увидеть его и насладиться теплом его улыбки, она быстро надела нежное бледно-лиловое платье со свободными длинными рукавами, собранными на запястьях в широкие манжеты.

Она нетерпеливо ерзала, пока Рут колдовала над ее прической, расчесывая волосы, укладывая их тугими локонами и подвязывая бледно-лиловыми шелковыми лентами.

Как только эта процедура завершилась, Виктория поспешила в холл, но затем заставила себя перейти на более величавый шаг – когда спускалась вниз по парадной лестнице. Нортроп широко улыбнулся, когда она справилась о Джейсоне, а когда она проходила мимо О’Мэлли, то могла бы поклясться, что он подмигнул ей. Она все еще удивлялась этому, когда постучала в дверь кабинета и вошла.

– Доброе утро, – весело сказала она. – Я подумала, может, ты захочешь пообедать со мной?

Джейсон едва глянул в ее сторону.

– Извини, Виктория, я занят.

Чувствуя себя кем-то вроде надоедливого ребенка, которого только что вежливо, но твердо поставили на место, Виктория, поколебавшись, спросила:

– Джейсон, почему ты так усердно работаешь?

– Я люблю работать, – холодно ответил он.

Было очевидно, что работу он любит больше, чем ее, поскольку в деньгах он, конечно, не нуждался.

– Прости, что я оторвала тебя от дел, – спокойно сказала она. – Больше этого не повторится.

Когда она выходила, Джейсон уже собрался было позвать ее и сказать, что передумал, но, сумев погасить свой порыв, снова уселся за письменный стол. Ему хотелось пообедать с ней, но было бы неразумно проводить с женой чересчур много времени. Он позволит Виктории быть приятной частью своей жизни, но не допустит, чтобы она стала ее центром. Такой

власти над ним он не давал и не даст никогда ни одной женщине.

На поляне возле приюта Виктория смеялась до упаду, наблюдая, как маленький Билли орудует игрушечной шпагой и приказывает одному из приятелей «пройтись по доске»^[9]. С черной повязкой на глазу обаятельный маленький крепыш выглядел самым настоящим пиратом.

– Вы считаете, что повязка поможет? – спросил викарий, стоявший рядом.

– Надеюсь. Такая повязка помогла избавиться от косоглазия одного малыша из моей родной деревни. Тогда папу заинтересовало, не являются ли главной причиной дефекта не сами глаза, а их мышцы. Если это так, то, завязав здоровый глаз, можно заставить мышцы больного глаза работать и, следовательно, укрепиться.

– Мы с супругой хотели спросить, не окажете ли вы нам честь, отужинав с нами, после того как дети покажут свой кукольный спектакль. Позвольте сказать, миледи, что детям в нашем приюте поистине повезло, что у них такая щедрая и внимательная опекунша, как вы. Осмелюсь утверждать, что в Англии не сыскать другого сиротского приюта, где дети имели бы лучшую одежду и питание, чем наши сиротки, и все это благодаря вашей щедрости.

Виктория улыбнулась и уже хотела было с благодарностью отказаться от любезного приглашения на ужин, но затем вдруг передумала и согласилась. Она послала одного из старших ребят в Уэйкфилд с запиской, в которой сообщала, что остается на ужин у викария, затем облокотилась о ствол дерева и стала наблюдать, как дети играют в пиратов, одновременно размышляя, как отреагирует Джейсон на ее отсутствие в этот вечер.

По правде говоря, она не имела ни малейшего представления, озаботит ли это его. Жизнь с ним становилась все непонятнее. Помимо драгоценностей, которые он подарил ей раньше, у нее теперь были изумрудные сережки и браслет под стать ожерелью, бриллиантовые подвески, рубиновая брошь и набор бриллиантовых заколок для волос – по одной вещице за каждую из пяти ночей, когда он занимался с ней любовью. Каждую ночь он был полон страсти и нежности. Наутро он оставлял ей какую-нибудь драгоценность, а после этого напрочь вычеркивал ее из сердца и своей жизни до того момента, когда садился с ней ужинать или снова ложился в постель. В результате такого поведения мужа Виктория чувствовала все большую обиду на него и все большее презрение к драгоценностям.

Возможно, ей было бы легче вынести его странное отношение, если

бы он постоянно работал, но это было не так. У него находилось время для совместных верховых прогулок с Робертом Коллингвудом, для визитов к соседям и множества других вещей. Виктории же уделялось время лишь за ужином и позднее – когда они ложились спать. Мысль о том, что так отныне будет проходить вся ее жизнь, сначала опечалила ее, а затем разозлила. И сегодня она была достаточно сердита для того, чтобы намеренно поужинать вне дома.

Было ясно, что Джейсона устраивает семейная жизнь, типичная для светского общества, когда каждый из супругов живет сам по себе. Она понимала, что умудренные жизненным опытом люди не станут стеснять свободу друг друга, это считалось вульгарным и низменным. Они также не говорили друг другу о любви, но в этом отношении Джейсон повел себя очень странно.

Он не велел ей любить его, однако каждую ночь часами занимался с ней любовью, заставляя ее терять голову от наслаждения и каждый раз, без надежды на взаимность, произносить слова любви. Чем настойчивее она старалась удержать при себе слова «я люблю тебя», тем более неистовым он становился в любовной игре, пока снова не добивался от нее ненужного ему признания. И только тогда он позволял ей насладиться бурным апофеозом любви, что всецело зависело от него.

Получалось так, что он вроде бы хотел, жаждал услышать от нее эти слова, но ни разу, даже в самом ярком беспамятстве, не ответил тем же. Ее тело и ее сердце были порабощены им, он привязывал ее к себе – преднамеренно, умно, успешно, обволакивая ее путами неистового, страстного наслаждения, – однако сам отстранялся от нее. После недельных раздумий Виктория решила так или иначе заставить его разделить ее чувства и признаться в этом. Она не верила, не могла поверить, что он не любит ее, – она чувствовала это по нежности его рук и страстности его губ. Кроме того, если бы он не хотел ее любви, то с какой стати намеренно заставлял ее повторять любовные слова?

После рассказа капитана Фаррела ей стала понятна боязнь Джейсона довериться кому бы то ни было. Она могла понять это, но была полна решимости изменить такое положение вещей. Капитан Фаррел говорил, что Джейсон полюбит только раз... раз и навсегда. Ей отчаянно хотелось, чтобы именно она стала для него единственной любовью. Может быть, если она не будет так легкодоступна, он поймет, что ему недостает ее, и даже признается ей в этом. По крайней мере на это она надеялась, когда послала мужу вежливую записку с уведомлением о том, что не вернется домой к ужину.

Виктория сидела как на иголках во время кукольного спектакля и позднее, за ужином в доме викария, и с нетерпением ждала момента возвращения в Уэйкфилд, чтобы посмотреть, как Джейсон переносит ее отсутствие. Несмотря на ее протесты, викарий все-таки поехал проводить ее домой и всю дорогу рассказывал об опасностях, которые ожидают безрассудных женщин, рискующих в одиночестве совершать поездки по ночам.

Мысленно ей уже рисовалась чудесная, хотя и маловероятная картина, как Джейсон, встав на одно колено, признается ей в любви, говорит, как ужасно скучал без нее за ужином... Настроив себя таким образом, она буквально вихрем ворвалась в дом.

Нортроп сообщил ей, что, узнав о ее намерении поужинать в гостях, лорд Филдинг поехал навестить соседей и еще не вернулся.

Разочарованная, она ушла к себе, приняла ванну и помыла голову. Он все еще не возвращался, она легла и без всякого интереса полистала журнал. «Если Джейсон решил таким образом отомстить мне, – с обидой думала она, – то ему это удалось, но просто не может быть, чтобы он пустился во все тяжкие, лишь бы меня проучить».

Уже был двенадцатый час, когда Виктория наконец услышала его шаги в соседней комнате. Она мгновенно схватила журнал и сосредоточенно уставилась в него, как будто это было самое захватывающее чтение. Через несколько минут Джейсон стремительно вошел к ней. На нем не было галстука, белая рубашка была наполовину расстегнута и открывала поросль темных волос, покрывавших бронзовую от загара мускулистую грудь. Он выглядел таким мужественным и прекрасным, что у Виктории пересохло во рту, но муж сохранял полную невозмутимость.

– Ты не вернулась домой к ужину, – проговорил он, встав возле ее кровати.

– Да, – согласилась она, пытаясь быть такой же невозмутимой.

– А почему?

Она невинно посмотрела на него и повторила его собственное объяснение:

– Я люблю общаться с людьми так же, как ты любишь работать. – Но, не выдержав спокойного тона, запальчиво добавила: – Я думала, что ты не будешь возражать!

– А я и не возражаю вовсе, – сказал муж, к ее разочарованию, и, целомудренно поцеловав ее в лоб, удалился к себе.

Виктория уныло смотрела на подушку, на которой обычно покоилась его голова. Она не могла поверить, что ему совершенно безразлично,

ужинает она с ним или нет. И еще ей не хотелось верить, что в эту ночь он намерен спать один. Поэтому она провела полночи без сна, прислушиваясь и надеясь, но он так и не пришел.

Она ужасно чувствовала себя, когда проснулась на следующее утро. Джейсон же, напротив, бодрый, свежевыбритый и прямо-таки излучающий жизненную энергию, вошел к ней и походя предложил:

– Если тебе скучно без компании, Виктория, может, тебе следует на денек-другой съездить в город?

Ее охватило отчаяние, и щетка для волос выскочила из неловких пальцев, но спасли упрямство и гордыня, и она изобразила на лице радостную улыбку. Независимо от того, блефовал он или действительно хотел избавиться от жены на время, она решила поступить так, как он советует.

– Отличная мысль, Джейсон! Наверное, я так и сделаю. Спасибо, что предложил.

Глава 28

Виктория поехала в Лондон и пробыла там четыре дня в надежде, что муж приедет за ней, но когда поняла, что этого не произойдет, час от часу стала чувствовать себя все более одинокой и разочарованной.

Она посетила три мюзикла и оперу и навестила друзей. Ночью она бодрствовала, пытаясь понять, как человек может быть таким душевным по ночам и таким бессердечным в дневное время. Ей не верилось, что он любил только ее тело. Этого просто не может быть! Ведь он постоянно засиживался с ней за ужином, шутил и с удовольствием беседовал на самые разные темы.

Один раз он даже сделал ей комплимент по поводу ее ума и проницательности. Было несколько случаев, когда он интересовался ее мнением о самых разнообразных предметах. Например, не изменить ли интерьер гостиной и будет ли целесообразно отправить на покой пожилого управляющего и нанять более молодого.

На четвертый вечер в театр ее сопровождал Чарльз. После спектакля она вернулась в городской дом Джейсона на Аппер-Брук-стрит, чтобы переодеться перед балом, на который была приглашена. «Нет, хватит, завтра утром еду домой», – решила она в отчаянии. Она была готова признать свое временное поражение, но собиралась по приезду возобновить битву за его привязанность.

Облаченная в изумительное бальное платье из кисеи с серебристым стеклярусом, она вошла в бальный зал в сопровождении маркиза де Саль и барона Арноффа.

Все взгляды обратились в их сторону. Виктории вновь бросилось в глаза, с каким странным интересом люди смотрят на нее. Накануне в театре у нее было такое же неловкое ощущение. Ей не верилось, что повышенное внимание к ее особе вызвано тем, что она посещает увеселительные мероприятия без мужа. К тому же взгляды элегантных дам и джентльменов отнюдь не были укоряющими. Скорее, за ней наблюдали с пониманием, а может быть, даже с жалостью.

К концу вечера появилась Кэролайн Коллингвуд, и Виктория отвела ее в сторонку, намереваясь спросить о причине такого пристального внимания. Но она не успела даже рта открыть, как Кэролайн опередила ее.

– Виктория, – озабоченно справилась она, – все ли у тебя дома в порядке – я имею в виду ваши семейные отношения? Вы еще не

разошлись?

– Разошлись? – непонимающе повторила Виктория. – Так люди думают, что мы с Джейсоном разошлись? Значит, поэтому они так странно смотрят на меня?

– В твоём поведении нет ничего дурного, – поспешно заверила ее Кэролайн, с опаской оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что спутникам Виктории не слышен их разговор. – Просто при данных обстоятельствах люди делают определенные умозаключения – считают, что ты не в ладах с лордом Филдингом и что ты, ну, словом, бросила его.

– Что-что? – поперхнулась Виктория. – С чего им пришла в голову такая мысль? Ведь и леди Кэллипер здесь без мужа, и графиня Грэвертон, и...

– Я тоже пришла без мужа, – в отчаянии перебила ее Кэролайн. – Но пойми, у наших мужей мы первые жены, до этого они не были женаты, а твой – был.

– И это играет какую-то роль? – изумилась Виктория, поняв, что нарушила очередное негласное правило. У светского общества всегда находятся таковые, регулирующие поведение при всех обстоятельствах. Но есть и длинный список исключений из этих правил, из-за чего может возникнуть ужасная путаница. И все равно ей было трудно поверить, что «первым» женам в обществе дозволяется поступать, как им заблагорассудится, а «вторым» – запрещается.

– Играет, – вздохнула подруга, – потому что первая леди Филдинг рассказывала ужасные вещи о жестокости лорда по отношению к ней, и некоторые ей верили. А ты замужем менее двух недель, а теперь ты здесь, одна, и выглядишь далеко не самой счастливой из женщин, поверь мне, Виктория. Люди, слышавшие рассказы Мелиссы Филдинг, запомнили их и теперь повторяют то, что она говорила, и в подтверждение этого указывают на тебя.

Виктория ошеломленно смотрела на леди Коллингвуд и чувствовала себя подавленной.

– Я и в мыслях ничего похожего не имела и уж никак не могла себе представить, что это будет так воспринято. Я собиралась обязательно вернуться домой завтра. Если бы не было так поздно, то уехала бы даже сегодня.

Кэролайн коснулась руки Виктории.

– Если у тебя что-то происходит, что-то такое, о чем ты не хочешь говорить, то знай, что всегда можешь пожить у нас. Со мной тебе будет хорошо.

Покачивая головой, Виктория поспешно ответила:

– Я хочу завтра уехать домой. Сегодня, к сожалению, я уже ничего не могу изменить.

– Не считая того, что можешь хотя бы постараться выглядеть немножко более счастливой, – усмехнулась подруга.

Виктория решила, что это отличный совет, и начала следовать ему, чуть изменив свое поведение. В последующие два часа она постаралась побеседовать как можно с большим кругом людей, каждый раз мастерски заговаривая о Джейсоне как о весьма достойном человеке.

Когда лорд Армстронг заметил приятелям, что становится прямо-таки невозможно договориться с арендаторами, Виктория тут же привела в пример мужа, который, по ее словам, был с ними в наилучших отношениях.

– Лорд Филдинг так мудро управляет поместьями, – заключила она тоном восхищенной жены, – что его арендаторы обожают его, а слуги – просто боготворят!

– Неужели? – потрясенно переспросил лорд Армстронг. – Надо поговорить с ним. Не знал, что он ублажает своих арендаторов, но раз вы это утверждаете, значит, я ошибался.

Леди Бримуорти, отпустившей Виктории комплимент по поводу ее сапфирового ожерелья, Виктория ответила:

– Лорд Филдинг обожает покупать мне драгоценности. Он так щедр, добр и внимателен. И у него такой отменный вкус, не правда ли?

– Истинная правда, – согласилась леди Бримуорти, восторгаясь баснословно дорогими бриллиантами и сапфирами, украшающими изящную шею молодой графини. – Моего супруга бросает в жар, когда я покупаю драгоценности, – уныло добавила она. – В следующий раз, когда он начнет браниться по поводу моей расточительности, я приведу в пример щедрость Уэйкфилда!

Когда пожилая графиня Дреймор напомнила о том, что приглашает Викторию следующим утром на завтрак, леди Филдинг ответила:

– К сожалению, не могу, графиня. Я вдали от мужа уже целых четыре дня и, честно говоря, очень скучаю. Поистине он – само совершенство во всем, что касается внимательности и доброты!

У графини Дреймор от изумления открылся рот. Когда Виктория отошла, она повернулась к своим подругам и ошеломленно пожала плечами.

– Само совершенство? – повторила она. – А я почему-то думала, что она вышла замуж за Уэйкфилда.

В эту минуту в доме на Аппер-Брук-стрит Джейсон метался по

комнате, как тигр по клетке, проклиная своего старого лондонского дворецкого, который неверно объяснил ему, где миледи проводит этот вечер, и проклиная себя за то, что примчался за ней в Лондон, как ревнивый, снедаемый любовью юноша. Он уже успел съездить к Берфордам, у которых, по словам дворецкого, она могла быть, но не нашел ее среди собравшихся на балу. Не обнаружил он ее и в трех других местах, указанных дворецким.

Виктория настолько преуспела в стремлении оповестить всех о совершенствах своего мужа и доказать свою преданность ему, что к концу вечера гости уже смотрели на нее скорее восхищенно-одобрительно, чем озабоченно. Ее это настолько позабавило, что когда незадолго до утренней зари она вошла в дом на Аппер-Брук-стрит, на ее лице все еще мелькала улыбка.

Она зажгла свечу, оставленную слугами для нее на столе в прихожей, и не спеша поднялась по ковровой дорожке к себе. Она еще зажигала свечи в своей спальне, когда ее внимание привлек тихий звук, донесшийся из смежной комнаты. Моля Бога, чтобы там оказался один из слуг, а не грабитель, она потихоньку подошла к двери. Подняв свечу повыше, она трясущейся рукой собиралась взяться за ручку, как вдруг дверь распахнулась перед ее носом с такой силой, что она вскрикнула.

– Джейсон! – переводя дух, воскликнула Виктория. – Слава богу, это ты. Я д-думала, что это вор, и уже собиралась проверить это.

– Смелый поступок, – усмехнулся он, глядя на высоко поднятую свечу. – Ну и что бы ты сделала, если бы я оказался вором? Пригрозила, что опалишь свечой ресницы?

Виктория постаралась сдержать смешок, заметив зловещий огонек в зеленых глазах. Она поняла, что за иронией Джейсона скрывалась невообразимая злоба. Она невольно попятилась, когда Джейсон двинулся вперед. Несмотря на вполне светскую внешность, ее супруг еще никогда не казался таким грозным и мощным, как в эту минуту, когда наступал на нее обманчиво неторопливыми, но широкими шагами.

Виктория собралась было укрыться за кроватью, но затем застыла на месте и подавила свой безумный, безосновательный страх. Ведь она не сделала ничего плохого, а ведет себя как трусливое дитя! Она решила, что следует обсудить все спокойно и разумно.

– Джейсон, – начала она чуть-чуть дрожащим голосом, – ты на что-то сердит?

Он остановился перед ней, агрессивно уперев руки в бока и широко

расставив ноги.

– Еще бы! – злобно процедил он. – Где, черт побери, ты была?

– У... у леди Дануорти на балу.

– До утренней зари? – усмехнулся он.

– Да. А что в этом необычного? Ты прекрасно знаешь, как поздно кончаются эти...

– Нет, не знаю! – жестко оборвал он. – Интересно, почему как только ты вырываешься на свободу, то разучиваешься считать?

– Считать? – повторила Виктория, еще более напуганная. – Что считать?

– Дни, – кисло пояснил он. – Я позволил тебе отлучиться на два дня, а не на четыре!

– Я не нуждаюсь в твоём разрешении! – безрассудно воскликнула она. – И не притворяйся, что тебе небезразлично, где я нахожусь, – здесь или в Уэйкфилде!

– Еще как *небезразлично*, – нарочито мягким тоном заявил он, демонстративно медленно снимая фрак и расстегивая пуговицы белой рубашки. – И на каждое свое действие ты должна испрашивать моего разрешения. Ты стала ужасно забывчивой, радость моя, – я твой супруг, помнишь? Раздевайся.

Виктория в ужасе отрицательно покачала головой.

– Не доводи меня до крайности, – прошипел он. – Иначе тебе не поздоровится, можешь быть уверена.

Она ни минуты не сомневалась в этом и дрожащими руками с трудом начала расстегивать малюсенькие застёжки на спине.

– Джейсон, ради бога, в чем дело? – взмолилась она.

– В чем дело? – ехидно повторил он, бросая рубашку на пол. – Я ревную, моя дорогая. – Его руки потянулись за брючным ремнем. – Я ревную, и это чувство для меня не только ново, но и крайне досадно.

При иных обстоятельствах Виктория обрадовалась бы сверх меры от такого признания. Теперь же она была еще более напугана и напряжена, а ее пальцы совсем запутались в застёжках.

Видя, что у нее ничего не получается, Джейсон развернул ее и легко расстегнул крючки на спине, наверное, сказывался большой опыт в раздевании женщин.

– Ложись в постель, – велел он, подтолкнув ее в спину.

Виктория сама себе казалась дрожащей, до смерти испуганной, взятой в плен мятежницей, когда он лег рядом и грубо притянул ее к себе. Он жестко впился губами в ее рот, и она, ахнув от такого напора, стиснула

зубы.

– Открой рот, черт тебя дери!

Виктория уперлась руками в его грудь и отвернулась.

– Нет! *Так* я не буду. Я не позволю тебе!

Он только усмехнулся – такой суровой, жестокой улыбкой, от которой у нее кровь застыла в жилах.

– Позволишь, моя радость, – неестественно нежным голосом шепнул он. – До того как я сделаю свое дело, ты еще *попросишь* меня.

Взбешенная, Виктория с неожиданной силой, порожденной страхом, оттолкнула его и высвободилась. Она уже почти слезла с кровати, когда он схватил ее за руку, резким движением рванул к себе, завел ее руки над головой и удержал их там, а сам положил на нее ногу.

– Это было очень глупо с твоей стороны, – шепнул он и не спеша наклонил голову.

От страха на глазах пленницы выступили слезы. Она лежала, распростертая на спине и обездвиженная, как связанный заяц, и смотрела, как губы Джейсона приближаются к ней. Но вместо нового грубого напора его губы плотно и надолго приникли к ее рту, а свободная рука пустилась в путешествие по телу, пока оно, это предательское тело, не начало отвечать на его умелые маневры. Виктория сделала еще одну судорожную попытку освободиться, но бесполезно – он добился своего.

Ее обдало жаркой волной, отчего она почувствовала слабость, перестала сопротивляться и ее губы раздвинулись. Перед такой невыносимой атакой она не могла устоять. Со стоном, означавшим сдачу крепости, она отдалась ему, повернувшись лицом и вдохновенно отвечая на его поцелуи. Как только это произошло, Джейсон освободил ее руки.

Его голова склонилась ниже, и он поцеловал ее шею, продвигаясь губами к холмистой прелести ее груди. Языком он чертил на ее горячей коже крошечные круги, затем его рот сомкнулся на ее соске, отчего она счастливо охнула и, схватив его темную кудрявую голову, прижала к себе. Когда он остановился, все тело Виктории пронизывали неведомые ощущения, и она отчаянно жаждала удовлетворения желания. С мучительной медлительностью он погрузился в ее влажное тепло, затем осторожно отпрянул назад и снова погрузился, и так с каждым разом все глубже и глубже, слегка отклоняясь и затем углубляясь, пока она не обезумела от неуголенного желания. Ее лицо пылало, грудь вздымалась и опадала в такт частому, прерывистому дыханию. Внезапно он вошел в нее с такой силой, что она громко застонала от предельного наслаждения, – и так же неожиданно отпрянул.

– Нет! – воскликнула Виктория, пораженная неожиданной остановкой, обнимая его за талию.

– Ты хочешь меня, Виктория? – шепнул он.

Ее затуманенные глаза открылись, и она увидела над собой суровое лицо Джейсона.

– Хочешь? – повторил он.

– Я никогда не прощу тебе этого, – приглушенно ответила она.

– Хочешь меня? – снова повторил он. – Скажи.

Волна вожделения сотрясла ее тело, разъедая ее слабеющую волю и подталкивая сдаться. Он ревнует. Он равнодушен к ней. Его рассердило ее долгое отсутствие. Губы Виктории сложились так, что на них можно было прочесть слово «да», но даже нестерпимая страсть не смогла заставить ее произнести это вслух.

Удовлетворенный этим молчаливым согласием, Джейсон дал ей то, чего она так хотела. Как если бы стремясь искупить свою вину за унижение, которому он подверг ее, он отдался ей целиком, давая максимальное наслаждение и подавляя настойчивые требования своего собственного невыносимого желания.

Когда все было кончено, наступила гробовая тишина. Джейсон долго лежал неподвижно, уставясь в потолок; затем спрыгнул с кровати и ушел в свои покои. Если не считать брачной ночи, впервые он ушел от нее сразу после любовных утех.

Глава 29

Виктория пробудилась с тяжелым сердцем и таким ощущением, будто не спала вовсе. От горького отчаяния у нее встал комок в горле, когда она вспомнила об унижительной, грубой мести Джейсона прошедшей ночью. Откинув спутанные пряди волос с лица, она облокотилась о подушку и пустым взглядом окинула спальню. Затем ее взгляд упал на кожаную шкатулку, стоявшую на тумбочке.

Ее охватила такая бешеная ярость, какой она еще в жизни не испытывала. Она вихрем вылетела из постели, накинула халат и схватила шкатулку.

Полы бледно-зеленого шелкового одеяния смерчем закручивались вокруг ее ног, когда она рванула дверь в апартаменты Джейсона и влетела к нему.

– Посмей только еще хоть раз подарить мне драгоценности! – прошипела она.

Джейсон полураздетый стоял возле кровати. Он вовремя поднял голову, чтобы увидеть брошенную в него шкатулку, но не сдвинулся с места и не шевельнул ни единым мускулом, чтобы увернуться. Шкатулка со свистом пролетела мимо его лица, чудом не задев его.

С громким стуком она упала на полированный пол и скользнула под кровать.

– Я никогда не прощу тебе того, что случилось ночью! – крикнула воительница, впиваясь ногтями в свои ладони и задыхаясь от неистовой ярости. – Никогда!

– Конечно, нет, – безо всякого выражения согласился он, взяв рубашку.

– Я ненавижу твои драгоценности, ненавижу то, как ты обращаешься со мной, и ненавижу тебя! Ты не знаешь, что такое любовь, – ты циничный, бессердечный ублюдок!

Последнее слово сорвалось с ее губ непроизвольно, но его реакция оказалась абсолютно неожиданной.

– Ты права, – с серьезным видом подтвердил он. – Ты дала совершенно точное определение. Извини, что я не оправдал твоих иллюзий на мой счет, если таковые были, но правда заключается в том, что я появился на свет в результате мимолетной, бездумной связи между Чарльзом Филдингом и давно позабытой танцовщицей, которую он содержал в качестве любовницы в далекой юности.

Он натянул рубашку на широкие мускулистые плечи и просунул руки в рукава, а в это время до Виктории начало доходить, что он сказал.

– Я вырос в нищете в доме золовки Чарльза. Потом моим домом стало складское помещение. Я самостоятельно научился грамоте; мне не довелось учиться в Оксфорде или заниматься иными вещами, которые привычны для твоих поклонников – рафинированных аристократов. Короче говоря, я вовсе не тот, каким ты меня себе представляешь; во мне нет ничего хорошего или благородного. – Глядя в пол, он начал застегивать рубашку. – Я не гожусь тебе в мужья. Я недостойн того, чтобы прикасаться к тебе. Я занимался такими вещами, от которых тебя стошнило бы, если бы ты о них узнала.

В памяти Виктории всплыли слова капитана Фаррела: *Эта ведьма заставляла его вставать на колени и умолять этих грязных индийцев о прощении.* Виктория смотрела на гордое худое лицо Джейсона, и у нее защемило сердце. Только теперь она, кажется, поняла, почему он не принимал, не мог принять ее любви.

– Я ублюдок, – мрачно закончил он свою тираду, – в самом настоящем значении этого слова.

– В таком случае ты оказался в отличной компании, – дрожащим от прилива чувств голосом сказала она. – У короля Карла было трое побочных сыновей, и он всех троих возвел в сан герцогов.

На минуту Джейсон растерялся, затем пожал плечами:

– Ты говорила мне, что любишь меня, а я не могу допустить, чтобы ты так думала. Ты любишь не меня, а свое иллюзорное представление обо мне. Ты меня даже не знаешь.

– О нет, ты ошибаешься, я знаю тебя, – вырвалось у Виктории, которая поняла, что от того, что она скажет, зависит все их будущее. – Я знаю о тебе все – капитан Фаррел рассказал мне еще неделю назад. Я знаю, что с тобой было, когда ты был мальчуганом...

На минуту глаза Джейсона блеснули яростью, но затем, остыв, он пожал плечами:

– Он не имел права рассказывать.

– Это должен был рассказать *ты*, – всхлипнула Виктория, не в силах больше сдерживать слезы. – Но ты не сделал этого, потому что тебя мучает стыд. А ты должен из-за того, что пережил и выжил, бог знает как гордиться! – Неистово вытирая глаза, она горестно сказала: – Лучше бы он не рассказывал. До того я любила тебя лишь немного. А после того, когда поняла, какой ты смелый и... сильный, я так полюбила тебя, что...

– Что? – прерывистым шепотом спросил он.

– До того дня я никогда не восхищалась тобой, – захлебываясь от душивших ее слез, сказала она, – а теперь восхищаюсь и не могу устоять перед...

Через завесу слез она увидела, что Джейсон шагнул к ней, ощутила, что он прижал ее к своей широкой груди, и все сдерживаемое до той поры выплеснулось наружу.

– Мне все равно, кто твои родители, – рыдала она в его объятиях.

– Не плачь, родная, – уговаривал он, – пожалуйста.

– Я ненавижу, когда ты обращаешься со мной как с безмозглой куклой, наряжаешь м-меня в бальные платья и...

– Больше я ни за что не куплю тебе ни одного платья, – попытался пошутить он, но голос его был хриплым и взволнованным.

– И потом ты д-даришь мне эт-ти драгоценности...

– Больше ни одного подарка, – сказал он, прижимая ее еще крепче к сердцу.

– А когда кончаешь ночные забавы, отталкиваешь меня прочь...

– Я тупой осел, – дрогнувшим голосом сказал он, глядя ее и зарывшись губами в ее волосах.

– Ты никогда не делишься со мной своими мыслями и чувствами, и я н-не знаю, что у тебя на уме...

– У меня нет ума, – хрипло заметил он. – Я потерял его очень давно.

Виктория поняла, что победа за ней, но чувства так переполняли ее, что ее тоненькая фигурка снова затряслась от рыданий.

– Боже, пожалуйста, успокойся! – застонал Джейсон, беспомощно глядя трясущиеся плечи и спину и отчаянно пытаюсь утешить ее. – Я не выношу, когда ты плачешь. – Расчесывая пальцами волосы жены, он повернул заплаканное лицо к себе и нежно коснулся ее щек. – Тебе больше никогда не придется плакать, – с раскаянием шептал он. – Клянусь, никогда. – Он наклонился к ней и нежно, но жадно поцеловал. – Пойдем ляжем, – пробормотал он хрипло и торопливо, – ляжем, и я помогу тебе забыть о том, что произошло ночью...

В ответ Виктория ухватила за его шею, и Джейсон поднял ее на руки, полный решимости загладить свою вину тем единственным способом, который знал. Он оперся коленом о матрас, мягко опустил жену на постель и крепко и горячо поцеловал ее.

Когда он оторвал от ее губ свои уста, чтобы скинуть рубашку и снять панталоны, Виктория, не смущаясь, с гордостью любовалась его великолепным торсом, длинными мускулистыми ногами и узкими бедрами, сильными руками и широкими плечами, узловатыми мышцами,

выделявшимися на спине, когда он повернулся. В этот момент из ее груди вырвался приглушенный вопль.

Джейсон одеревенел, поняв, что она увидела.

Шрамы! Он совсем забыл о проклятых шрамах. В его памяти живо возник эпизод, когда он забыл о них в последний раз; он вспомнил ужас женщины, лежавшей в его постели, презрение и отвращение, появившиеся на ее лице, когда она увидела, что он позволил высечь себя, как пса. Поэтому он никогда не поворачивался к Виктории обнаженной спиной и всегда гасил свечи, перед тем как они ложились спать.

– О боже! – захлебнулась в отчаянии Виктория, в ужасе взирая на белые шрамы, крест-накрест пересекавшие его прекрасную спину. Их были десятки. Ее пальцы дрожали, когда она протянула руку, чтобы потрогать их. Когда она коснулась его спины, кожа на спине дрогнула.

– Тебе все еще больно? – шепнула она.

– Нет, – напряженно ответил он. Ему стало нестерпимо стыдно, когда он беспомощно ждал ее неотвратимой реакции на наглядное свидетельство его унижения.

Он не мог поверить самому себе, когда она обняла его сзади и прижалась губами к исполосованной спине.

– Каким же сильным нужно быть, чтобы выдержать это, – гордясь им, прошептала девушка, – каким смелым, чтобы перенести и продолжать жить!..

Когда она начала целовать каждый шрам по очереди, Джейсон повернулся и обнял ее.

– Я люблю тебя, – прерывисто шептал он, запуская руки в ее роскошные волосы и повернув ее лицом к себе. – Я так тебя люблю...

Его поцелуи обжигали, как горячее тавро, рот, шею и грудь Виктории. Он приподнялся над ней, его голос был хриплым от возбуждения:

– Пожалуйста, потрогай меня, дай мне почувствовать твои руки.

Ей никогда не приходило в голову, что он может захотеть ощутить то же, что чувствовала она, когда он трогал ее тело, и осознание этого было захватывающим. Она положила ладони на его загорелую грудь, не спеша развела пальцы, изумившись, что такое простое касание заставило его чуть не задохнуться от возбуждения. Она приникла губами к его крошечному соску и поцеловала его так, как он целовал ее соски, и из его груди вырвался стон.

Опьяненная неожиданно открытой для себя властью над его телом, она уложила его на спину и приникла к его рту полураскрытыми губами. Под собой она живо ощущала пульсирование его твердой мужской плоти,

огненные прикосновения горячей кожи и неистовый стук его сердца у своей груди. Но вместо того чтобы овладеть ею, как она ожидала, он смотрел на нее с вожделением, горящим в глазах, и униженно повторил те слова, которые пытался выжать из нее ночью.

– Я хочу тебя, – шепнул он. И так, будто не считал, что достаточно унизил себя, добавил: – Пожалуйста, дорогая.

Чувствуя, что сердце вот-вот разорвется от любви, Виктория ответила страстным поцелуем. Этого было достаточно. Джейсон крепко обхватил ее, перевернул навзничь и быстро и уверенно вошел в нее. Его руки, обхватившие ее плечи и бедра, еще плотнее прижали ее тело к нему, в результате чего они слились воедино, и это повторялось вновь и вновь.

Мощное тело Джейсона содрогнулось, и он вошел в нее в самый последний раз. Его тело изгибалось в конвульсиях, сотрясаясь до основания; он ощутил, как куда-то исчезают вся горечь и отчаяние, накопленные за годы жизни, а вместо них приходит радость, разделенная с женой. Волны радости заполнили его сердце до самого края, так что он боялся, что задохнется от блаженства.

После всех своих крупных финансовых достижений и бессмысленных подвигов с женщинами он наконец обрел то, к чему все это время бессознательно стремился: свое место в жизни. У него было шесть поместий в Англии, два дворца в Индии и флотилия судов, на каждом из которых имелась его личная каюта, и все же он никогда не ощущал, что у него где-то есть дом. А теперь он был дома. Вот эта самая прелестная девушка, мирно лежащая в его объятиях, была его домом.

Все еще не отпуская ее, он перевалился на бок, затем прошелся пальцами по ее растрепанным шелковистым волосам и нежно поцеловал жену в висок.

Ее ресницы дрогнули, и ему показалось, что он тонет в глубоких синих озерах этих глаз.

– Как ты себя ощущаешь? – улыбаясь, пошутила она, задав тот же самый вопрос, который он задал ей когда-то в аналогичной ситуации.

И он ответил с нежным торжеством:

– Как супруг. – Наклонившись, Джейсон запечатлел на ее губах долгий, трепетный, сладкий поцелуй, а затем заглянул в ее блестящие синие глаза. – И подумать только, я считал, что никаких ангелов не существует на свете, – вздохнул он, вольготно откидываясь на подушки и наслаждаясь просто тем, что она лежит в его объятиях, а ее голова покоится у него на плече. – Господи, какой же я глупец!..

– Ты прелесть, – доверчиво заявила жена.

– Да вовсе нет, – криво усмехнулся он. – Если бы у меня была хоть толика ума, я должен был переспать с тобой с самого начала, а потом настоять, чтобы ты вышла за меня.

– А когда тебе захотелось в самый первый раз? – поддразнила она.

– В тот день, когда ты приехала в Уэйкфилд, – признался он, улыбнувшись. – Кажется, я влюбился в тебя в ту минуту, когда увидел, как ты стоишь с поросенком в руках и твои волосы развеваются на ветру, как расплавленное золото.

Виктория решила быть объективной и покачала головой.

– Пожалуйста, давай никогда не будем лгать друг другу, Джейсон. Ты не любил меня ни тогда, ни когда женился на мне. Но это не важно, правда же. Важно, что теперь ты любишь меня.

Джейсон приподнял ее голову за подбородок и заставил встретиться с собой взглядом.

– Нет, радость моя, я говорю правду. Я женился на тебе именно потому, что люблю тебя.

– Джейсон! – Она была польщена, но тем не менее полна решимости договориться быть честными и искренними и на будущее. – Ты женился на мне, потому что таково было желание умирающего человека.

– Желание умирающего! – И, к изумлению жены, Джейсон откинул назад голову и расхохотался; затем он обхватил ее за талию и привлек к своей обнаженной груди. – О, дорогая, – хмыкнул он, нежно поглаживая ее щеку, – этот «умирающий человек», который позвал нас к «смертному одру», в руке держал игральные карты.

Виктория с ошеломленным видом приподнялась.

– Что такое?! – не зная, смеяться или плакать, воскликнула она. – Ты это серьезно?

– Именно так! – продолжал смеяться ее супруг. – Я заметил их, когда чуть сдвинулось одеяло. У него было четыре дамы.

– Но зачем ему нужно было вводить нас в заблуждение?

Джейсон пожал плечами:

– Видимо, он счел, что мы чересчур медлим с вопросом о браке.

– Я готова просто убить его; выходит, я напрасно слезно молилась о его выздоровлении.

– О чем ты? Разве ты не довольна конечным результатом его хитроумной интриги?

– Ладно, это, конечно, так, но почему ты не сказал мне об этом раньше или по крайней мере ему – о том, что знаешь о его коварстве?

Джейсон чуть прикусил ее ухо.

– Что? Испортить такую великолепную интригу? Никогда!

Виктория окинула его возмущенным взглядом.

– Ты обязан был предупредить меня. Ты не имел права это от меня скрывать.

– Согласен.

– Так в чем же дело?

– А разве ты вышла бы за меня, если не считала бы это абсолютно необходимым?

– Нет.

– Поэтому-то я и не сказал тебе правду.

Виктория рухнула на его грудь, беспомощно смеясь над его беспринципной решимостью во что бы то ни стало добиться своей цели. И главное – он отнюдь не раскаивался!

– Так у тебя вообще нет принципов? – сделав суровую мину, требовательно спросила она.

Он ухмыльнулся:

– Судя по всему – нет.

Глава 30

День клонился к вечеру, Виктория сидела в гостиной в ожидании мужа, у которого были дела в городе. Неожиданно в дверях появился пожилой дворецкий, управлявший прислугой в лондонском доме Джейсона.

– Ее светлость герцогиня Клермонт желает встретиться с вами, миледи. Я сказал ей...

– Он сказал, что ты не принимаешь сегодня, – резко продолжила ее светлость, к ужасу дворецкого, уверенно входя в гостиную. – Безмозглое чучело, видимо, не понимает, что я – член семьи, а не гостя!

– Бабушка! – воскликнула Виктория, стремительно вскочив с кресла навстречу старой леди.

Украшенная тюрбаном голова герцогини повернулась к шокированному дворецкому.

– Вот так-то! – резанула она, помахивая тросточкой перед его носом. – Слыхал? *Бабушка!* – удовлетворенно подчеркнула она.

Униженно бормоча извинения, дворецкий с поклоном удалился, оставив хозяйку наедине с ее грозной родственницей, которая устроилась в кресле и водрузила испещренные голубыми жилками руки на украшенную драгоценными камнями ручку трости, зорко вглядываясь в лицо правнучки.

– Сдается мне, что ты довольно счастлива, – с некоторым удивлением заключила она.

– Так вы приехали в город, чтобы убедиться в этом? – спросила девушка, садясь напротив.

– Я приехала повидать Уэйкфилда, – многозначительно заявила прабабушка.

– Его нет, – обеспокоенно сказала Виктория.

Лицо герцогини стало еще более хмурым.

– Так я и думала. Уже всем известно, что он отстранился от тебя! Я сотру его в порошок и задам ему хорошую трепку, даже если мне для этого придется прочесать всю Европу, чтобы найти его!

– Меня просто потрясает, – посмеиваясь, процедил Джейсон, входя в гостиную, – что все мои знакомые побаиваются меня, за исключением моей миниатюрной жены, ее младшей сестры и вас, герцогиня, дамы вдвое старше меня и вдвое меньше меня весящей. Из этого я могу сделать лишь один вывод: по наследству передаются не только физические особенности,

но и мужество или, если хотите, опрометчивость. Однако, – усмехаясь, закончил он тираду, – продолжайте: я готов получить от вас нахлобучку прямо здесь, в своей собственной гостиной.

Герцогиня поднялась и сердито уставилась на него.

– Итак, вы наконец вспомнили, что к чему и что у вас есть жена! – властно заявила она. – Я говорила вам, что на вас ложится ответственность за счастье моей внучки, а вы не делаете ее счастливой. Абсолютно не делаете!

Джейсон удивленно оглянулся на жену, которая отрицательно покачала головой и беспомощно пожала плечами.

Удовлетворенный тем, что она здесь ни при чем, он обнял жену за плечи и спокойно сказал:

– Так в чем же заключается невыполнение моих супружеских обязанностей?

Герцогиня пораженно открыла рот.

– В чем?! И вы еще спрашиваете, стоя передо мной как невинный агнец, в то время как я располагаю абсолютно достоверными сведениями, что вы с ней спали в Уэйкфилде всего шесть раз!

– Бабушка! – в ужасе взмолилась молодая хозяйка.

– Молчи, Виктория, – продолжала прабабушка, пронзая Джейсона презрительным взглядом. – Двое ваших слуг – родственники двух моих, и они рассказали мне, что весь Уэйкфилд-Парк погрузился в траур, когда вы целую неделю после свадьбы не посещали постели своей жены.

У Виктории невольно вырвался стон, и Джейсон покровительственно прижал ее к себе покрепче.

– Итак, – резко потребовала герцогиня, – что вы на это скажете, молодой человек?

Джейсон задумчиво приподнял одну бровь.

– Скажу, что, по всей вероятности, мне придется перекинуться парой ласковых слов со своей прислугой.

– Посмейте только легкомысленно подойти к этому вопросу! Уж вам-то хорошо известно, как вести себя с женой в постели. Кто не знает, что все эти последние годы половина замужних дам Лондона вздыхала по вас. Если бы вы были напыщенным хлыщом с воротничком, упирающимся в подбородок, тогда я могла бы понять, что вы не знаете, как произвести для меня наследника...

– В мои намерения входит сделать главной целью своей жизни именно появление на свет вашего наследника, – твердо и в то же время забавляясь, заявил Джейсон.

– Я больше не потерплю хождений вокруг да около... – предупредила герцогиня, чуточку смягчившись.

– Вы и так были чересчур снисходительны, – весело согласился он.

Пренебрегая его шутливым тоном, старая леди величественно кивнула:

– Ну вот, поскольку мы поняли друг друга, я не буду возражать, если вы пригласите меня отужинать. Но имейте в виду, что у меня мало времени.

С озорной улыбкой Джейсон предложил ей руку.

– Можно не сомневаться, что вы намерены нанести нам более продолжительный визит чуть позднее – скажем, месяцев через девять?

– Тютелька в тютелку, – серьезно подтвердила она, но Виктория уловила в ее глазах смешинку. Когда они направились в столовую, старая леди приникла к уху правнучки и шепнула:

– Дьявольски красив, правда, дорогая?

– Невообразимо! – согласилась Виктория, погладив руку герцогини.

– И несмотря на всякую болтовню о вас, ты счастлива, не так ли?

– Нет слов.

– Мне бы хотелось, чтобы ты навестила меня в ближайшие дни. Клермонт-Хаус находится всего в пятнадцати милях от Уэйкфилда, по дороге, идущей вдоль реки.

– Я обязательно приеду.

– Можешь взять мужа.

– Благодарю.

В последующие дни маркиз и маркиза Уэйкфилд побывали на самых блестящих приемах, где собиралось высшее общество. Больше не было никаких толков о его «жестоком» обращении с первой женой, так как все видели своими собственными глазами, что Джейсон, лорд Филдинг, – самый преданный и щедрый из мужей.

Достаточно было взглянуть на эту пару, чтобы убедиться, что леди Виктория искрится от счастья, а ее высокий красивый муж обожает ее. По правде говоря, было трудно поверить своим глазам, когда прежде высокомерный, сдержанный Джейсон Филдинг самозабвенно улыбался своей молодой жене, вальсируя с ней, или громко смеялся, сидя с ней в театральной ложе и услышав ее реплику, сказанную ему шепотом на ухо.

Очень скоро все сошлись во мнении, что маркиза оклеветали, недооценили и неправильно понимали. Лорды и дамы, прежде с опаской относившиеся к нему, теперь усиленно искали его дружбы. Через пять дней после того, как Виктория постаралась пресечь зловредную болтовню за спиной мужа, говоря о нем с восхищением и благоговением, лорд Армстронг нанес Джейсону визит с целью получить от него дружеский

совет по поводу обращения с прислугой и арендаторами. Сначала лорд Филдинг был несколько обескуражен, но потом понял, где собака зарыта, и предложил лорду Армстронгу лучше посоветоваться на этот счет с *леди* Филдинг.

А на приеме в доме Уайта в тот же вечер за игрой в карты лорд Бримуорти добродушно поставил в вину Джейсону последнюю покупку своей супруги – безумно дорогой гарнитур из сапфиров. Лорд Филдинг бросил на него плутоватый взгляд, поставил пятьсот фунтов на следующую взятку, а через минуту обыграл лорда Бримуорти на всю сумму.

На следующий день в Гайд-парке, где Джейсон учил Викторию управлять великолепным новым фаэтоном с высоким верхом, купленным специально для нее, напротив них резко затормозил экипаж и три пожилые леди воззрились на лорда Филдинга.

– Поразительно! – сказала графиня Дреймор своим спутницам, рассматривая Джейсона в монокль. – Она и впрямь замужем за Уэйкфилдом! – И обернулась к приятельницам: – Когда леди Виктория сказала, что ее муж – воплощение благородства и доброты, я подумала, что она говорит о ком-то другом!

– Он не только благороден, но и храбр, – прокудахтала самая пожилая леди, наблюдая, как экипаж супружеской пары с опасным креном делает поворот. – Они уже дважды чуть не перевернули фаэтон!

Для Виктории жизнь превратилась в сплошное наслаждение. По ночам Джейсон доставлял ей океан удовольствия и учил ее делать то же самое. Он добивался от нее такой бурной страсти, о существовании которой она даже не подозревала, а затем делил ее с ней. Она же, в свою очередь, научила его доверять ей, и теперь он целиком отдался жене – всем телом, сердцем и душой. Он дарил ей всю свою любовь и внимание, делал невообразимые подарки.

Свою роскошную яхту он переименовал в «Викторию» и уговорил супругу совершить на ней прогулку по Темзе. Когда Виктория отметила, что путешествие по реке ей понравилось несравненно больше, чем по морю, он затеял постройку новой яхты, исключительно для нее, с интерьером в бледно-голубых и золотистых тонах и почти дворцовой обстановкой для пущего комфорта жены и ее подруг.

Эта причуда заставила мисс Уильбер ревниво сказать своим приятелям на балу:

– Теперь остается только сидеть как на иголках и ждать, что же такого еще Уэйкфилд надумает купить ей, что превзойдет по своей экстравагантности яхту!

Роберт Коллингвуд поднял бровь и ухмыльнулся, глядя на завистливую даму.

– Возможно, Темзу?

Для Джейсона, который прежде не знал, что можно быть любимым и обожаемым не за богатства, которыми владеешь, и не за положение в обществе, жизнь с Викторией стала сплошной чередой праздничных дней. По ночам не было предела их близости и длительности утех. Днем он брал ее на пикники и купался с ней в речушке Уэйкфилд-Парка.

Когда Джейсон работал, жена все равно занимала его мысли, заставляя улыбаться. Ему хотелось положить к ее ногам весь мир, но ей был нужен только он сам; сознание этого наполняло его глубочайшей нежностью. Он внес крупную сумму на строительство больницы вблизи Уэйкфилда, назвав ее именем Патрика Ситона, а затем начал готовиться к постройке еще одной – в Портидже (штат Нью-Йорк), которая должна была также носить имя отца Виктории.

Глава 31

Когда со дня их свадьбы прошел месяц, Джейсон получил сообщение, потребовавшее его присутствия в Портсмуте, куда как раз пришел один из его кораблей.

Утром в день отъезда он на прощание поцеловал жену на ступеньках у входа в дом с таким пылом, что она сконфузилась, а кучер незаметно ухмыльнулся.

– Как мне не хочется, чтобы ты уезжал, – сказала Виктория, прижавшись к его широкой груди и обнимая его за талию. – Шесть дней – это целая вечность, а мне без тебя будет ужасно одиноко.

– Ничего, Чарльз составит тебе компанию, радость моя, – улыбнулся он, скрывая свое собственное нежелание уезжать. – Майк Фаррел живет совсем рядом, и ты можешь навещать его. И можешь съездить к прабабушке. А во вторник к ужину я уже буду дома.

Она кивнула и приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в гладко выбритую щеку.

Виктория решительно взялась за дела, постаравшись максимально занять себя работой в приюте и в поместье, но время без мужа все равно тянулось чертовски медленно, а иногда казалось, и вовсе стоит на месте. А ночами было еще тяжелее. Вечера она проводила с Чарльзом, приехавшим погостить, но когда он уходил спать, становилось невыносимо скучно.

Накануне возвращения Джейсона она бродила по спальне, не испытывая никакого желания лечь в пустую холодную постель. Она прошла в покои Джейсона, улыбаясь контрасту между его сугубо мужской, выдержанной в строгом стиле обстановкой темного цвета и интерьером своей спальни, несшей отпечаток влияния легкомысленных французов – с легкими, прозрачными шелковыми портьерами и розово-золотистым балдахином. С любовью она погладила инкрустированную золотом щетку для волос, принадлежащую мужу. Затем неохотно вернулась к себе и наконец улеглась в постель.

Утром Виктория проснулась ни свет ни заря; возбужденная ожиданием предстоящего приезда любимого, она начала обдумывать, что бы такое особенное приготовить к его возвращению домой.

Вечерние тени сгустились в сумерки, а затем стало зябко и совсем темно, и на небе засверкали звезды, когда она ждала в гостиной, прислушиваясь, не стучат ли по дорожке колеса кареты супруга.

– Он едет, дядя Чарльз! – восторженно воскликнула она, увидев в окно огни кареты, приближающейся к дому.

– Должно быть, это Майк Фаррел. Джейсон появится не раньше чем через два-три часа, – заметил герцог, с любовью глядя на свою красавицу родственницу, в волнении расправлявшую юбки. – Я знаю, сколько времени уходит на эту поездку, а он и так сократил пребывание в Портсмуте на один день, чтобы вернуться сегодня, а не завтра.

– Наверное, вы правы, но сейчас только половина восьмого, а я просила капитана Фаррела приехать на ужин к восьми. – Ее улыбка увяла, когда экипаж остановился у подъезда и она поняла, что это вовсе не карета мужа. – Пожалуй, попрошу миссис Крэддок задержаться с ужином, – сказала она, когда в дверях гостиной появился Нортроп, которому, казалось, изменила его обычная сдержанность.

– Вас спрашивает джентльмен, миледи, – объявил он.

– Джентльмен? – удивленно переспросила она.

– Некий мистер Эндрю Бэйнбридж из Америки.

Виктория протянула враз ослабевшую руку к спинке ближайшего кресла и схватилась за нее побелевшими от напряжения пальцами.

– Пригласить его?

Она резко кивнула, пытаясь взять себя в руки и не показать горечи, совладать с незабытой обидой, которую он причинил ей своим бессердечным отказом, и молясь о том, чтобы не выдать своих чувств. Она была так поглощена всем этим, что не заметила неожиданно побледневшего лица герцога и того, как он медленно встал и какой взгляд устремил на дверь, как будто готовился к казни.

А еще через минуту в гостиной появился Эндрю. Его прекрасное лицо было таким до боли знакомым, что от воспоминания о его предательстве у нее защемило сердце.

Он остановился возле нее, удивленно глядя на элегантную молодую красавицу в роскошном шелковом платье, подчеркивавшем ее пышные формы, на ее чудные волосы, волнами ниспадавшие на плечи и стройную спину.

– Тори! – выдохнул он, заглянув в ее глубокие синие глаза. И без предупреждения протянул руки и чуть ли не рывком привлек ее к себе, заключил в объятия и зарылся лицом в ее дивные волосы. – Я уже подзабыл, как ты прекрасна, – хрипло прошептал он, притягивая ее еще ближе.

– Еще бы! – воскликнула девушка, приходя в себя и отталкивая его. Она сердито смотрела на него, пораженная тем, что он приехал, как будто

ничего и не было, и к тому же обнял ее с такой страстью, какой никогда прежде не выказывал. – Видимо, тебе присуща забывчивость, – ехидно сказала она.

К ее изумлению, Эндрю ухмыльнулся:

– Ты рассердилась потому, что я приехал на две недели позднее, чем обещал в письме, так? – И, не ожидая ответа, продолжал: – Через неделю после отплытия наше судно отклонилось от курса, и нам пришлось застрять на ремонт на одном из островов.

Ласково обняв застывшую в недоумении Викторию, он повернулся к Чарльзу и, улыбаясь, протянул руку.

– Должно быть, вы Чарльз Филдинг, – в непринужденной дружеской манере проговорил он. – У меня не хватит благодарственных слов за то, что вы приютили Викторию до моего приезда. Естественно, я охотно оплачу вам все расходы, в том числе и это роскошное платье. – Эндрю снова обратился к ней: – Я должен, к сожалению, поторопить тебя, Тори, потому что взял билеты на судно, отплывающее через два дня. Капитан уже дал согласие провести церемонию бракосочетания...

– Письмо? – прервала его Виктория, находясь в полуобморочном состоянии. – Какое еще письмо? Ты не написал мне ни слова с тех пор, как я уехала.

– Я написал тебе несколько писем, – нахмурился он. – Как я объяснил тебе в последнем из них, я продолжал посылать их в Америку потому, что моя вечно во все вмешивающаяся мать ни разу не переслала твоих писем мне, я даже не знал, что ты находишься в Англии. Тори, я же написал обо всем в своем последнем письме – том, которое послал тебе в Англию через курьера.

– Я не получала никаких писем! – настаивала она, чувствуя, что у нее вот-вот начнется истерика.

От гнева губы Эндрю сжались в прямую линию.

– Перед тем как мы с тобой уедем, мне придется заглянуть в лондонское агентство, которому я уплатил колоссальные деньги за то, чтобы мои письма были доставлены лично тебе и герцогу Атертону. Интересно, что они скажут в свое оправдание?

– Они скажут, что передали их мне в руки, – признался Чарльз.

Виктория потрясенно покачала головой – ее мозг уже начал осознавать то, с чем не могла смириться душа.

– Нет, дядя Чарльз, вы не получали писем. Вы ошибаетесь. Вы думаете о письме, полученном мной от его матери, где она сообщала, что он женился.

Глаза Эндрю засверкали яростным гневом, когда он увидел виноватое выражение на лице старика. Он схватил Викторину за плечи.

– Тори, выслушай меня! Я написал тебе дюжину писем, когда был в Европе, но посылал их в Америку. Я не знал о гибели твоих родителей, пока не вернулся два месяца назад домой. С того самого дня, когда погибли твои родители, мать перестала пересылать мне твои письма. Когда я приехал, она сообщила мне, что доктор и миссис Ситон погибли, а тебя забрал в Англию состоятельный родственник, предложивший тебе свою руку и сердце. Она сказала, что не имеет ни малейшего представления, где ты и как тебя найти. Но я-то знаю тебя слишком хорошо, чтобы поверить, что ты откажешься от меня из-за какого-то старого титулованного аристократа. На это ушло какое-то время, но в конце концов я связался с доктором Морисоном, и он сказал мне правду о твоём местонахождении и дал мне твой адрес. Когда я сообщил матери, что еду за тобой, она призналась в обмане и рассказала о своём письме тебе, в котором сообщила, что я якобы женился на Мадлен в Швейцарии. После этого у нее сразу случился сердечный приступ, причем на этот раз настоящий. Я не мог оставить ее, она вот-вот могла умереть, поэтому написал тебе и твоему родственнику... – Эндрю бросил убийственный взгляд на Чарльза, – который по какой-то причине не сообщил тебе ничего. В письмах я объяснил, что случилось, и уведомил вас обоих, что приеду за тобой, как только смогу.

Его голос потеплел, когда он взглянул на изумленное лицо девушки.

– Тори, – нежно улыбнулся он, – ты была моей путеводной звездой с того самого дня, когда я увидел тебя верхом на индейском пони. Я вовсе не женился, моя милая.

Виктория сглотнула, пытаясь говорить, несмотря на ком, стоявший в горле и душивший ее.

– Зато я замужем.

Эндрю убрал руки с ее плеч, как будто обжегся.

– Что ты сказала? – не веря своим ушам, переспросил он.

– Я сказала, – глядя на его обожаемое лицо, повторила она раздиравшие ее сердце слова, – что я замужем.

Он окаменел, как будто ему дали пощечину. Потом презрительно глянул на Чарльза.

– За ним? За этим стариком? Продалась за драгоценности и платья, так, что ли? – яростно спросил он.

– Нет! – закричала она, дрожа от гнева, боли и печали.

Наконец заговорил Чарльз; его голос был невыразителен, а лицо

бледно.

– Виктория вышла за моего племянника.

– За вашего сына! – выкрикнула она. Она резко повернулась к дяде, ненавидя его за обман и ненавидя Джейсона за сговор с ним.

Эндрю схватил ее за запястье, и ей передались его боль и отчаяние.

– Но почему? – потрянул он ее. – Почему?

– Это моя вина, – голосом, звенящим от напряжения, сказал Чарльз. Он выпрямился во весь рост и устремил глаза на Викторию, молча умоляя понять его. – Я опасался этого с того дня, когда получил письма мистера Бэйнбриджа. А теперь, когда этот момент настал, вынести это оказалось еще тяжелее, чем я предполагал.

– Когда вы получили эти письма? – потребовала ответа Виктория, хотя в душе уже знала, что скажет старик, и это разрывало ее сердце.

– В тот вечер, когда у меня был приступ.

– Притворный приступ! – поправила Виктория голосом, дрожащим от горечи и злости.

– Именно так, – неловко признался Чарльз, а затем обратился к Эндрю: – Когда я узнал, что вы собираетесь забрать у нас Викторию, то сделал то единственное, что мог придумать, – изобразил сердечный приступ и умолял ее выйти за моего сына, чтобы она не осталась одна, без средств к существованию.

– Вы подлец! – процедил Эндрю.

– Можете не верить мне, но я очень искренне считал и считаю, что Виктория и мой сын вместе будут несказанно счастливы.

Эндрю оторвал горящий взгляд от своего врага и посмотрел на любимую.

– Поедем домой со мной, – с отчаянием в голосе сказал он. – Никто не заставит тебя остаться с человеком, которого ты не любишь. Это незаконно – они принудили тебя. Пожалуйста, Тори. Поедем домой, и я найду какой-то выход. Судно отчаливает через два дня. Нас все равно поженят. Никто и никогда не узнает...

– Не могу! – Эти слова были произнесены шепотом, и в них была вся мука, переполнявшая ее душу.

– Пожалуйста...

Ее глаза набухли от слез; она покачала головой:

– Не могу.

Эндрю тяжело вздохнул и медленно направился к выходу.

Ее рука, протянутая к нему в молчаливом беспомощном порыве, безвольно упала, когда он вышел из комнаты. Из дома. Из ее жизни.

В зловещей тишине прошла минута, еще минута. Ее пальцы скручивали складки платья, пока не побелели от напряжения; образ искаженного от горя лица Эндрю навсегда отпечатался в ее мозгу. Она вспомнила, как чувствовала себя, узнав, что он женат, вспомнила каждодневные муки, которые испытывала, пытаясь изобразить на своем сведенном судорогой горя лице улыбку.

Неожиданно ее сотрясли боль и злоба, и она круто повернулась к Чарльзу.

– Как вы могли?! – в неистовстве крикнула она. – Как вы могли поступить так с людьми, которые не сделали вам ничего дурного! Вы видели его лицо? Вы понимаете, что он пережил? *Понимаете?*

– Да, – сокрушенно ответил Чарльз.

– А знаете ли вы, что пережила я в тот период, когда думала, что он предал меня и что я осталась одна? Я чувствовала себя нищенкой в вашем доме! Знаете ли вы, что я пережила, полагая, что выхожу за человека, которому не нужна, и что делаю это, не имея иного выбора...

Ее голос затих, она смотрела на герцога сквозь завесу слез, с которыми тщетно боролась и из-за которых не могла видеть ужасного отчаяния на его лице.

– Виктория, – тихо сказал Чарльз, – не обвиняйте в этом Джейсона. Он не знал, что я притворялся, и ничего не знал о письме...

– Вы лжете! – дрожащим голосом выкрикнула она.

– Нет, клянусь!

Она гордо подняла голову – это было уж слишком; ее глаза горели от возмущения.

– Если вы думаете, что я поверю еще хоть единому слову, сказанному вами или Джейсоном... – Виктория осеклась, заметив мертвенно-серую бледность лица Чарльза, и выбежала из комнаты.

Спотыкаясь, она промчалась по лестнице и бросилась в свою спальню, не вытирая слез, градом катившихся по ее щекам. В спальне она облокотилась спиной о закрытую дверь; ее голова откинулась назад, зубы были до боли стиснуты: она пыталась совладать с отчаянием.

Перед ее мысленным взором вновь возникло перекошенное от боли лицо Эндрю, и она громко застонала от жалости и отчаяния. *Ты была моей путеводной звездой с того самого дня, когда я увидел тебя верхом на индейском пони... Тори, пожалуйста! Поедем со мной...*

Значит, она была разменной пешкой в игре, затеянной двумя себялюбивыми, бессердечными людьми, с горечью решила она. Джейсон прекрасно знал, что Эндрю собирается приехать, как прекрасно был

осведомлен и о том, что Чарльз премило играл в карты в ночь притворного «приступа».

Виктория собралась с силами, сбросила с себя платье и надела верховой костюм. Если она останется в этом доме еще хоть минуту, то сойдет с ума. На Чарльза она не может кричать: если он сойдет в могилу, это останется на ее совести. А Джейсон – он должен вернуться к ночи. Она наверняка вонзила бы ему в сердце нож, если бы увидела его сейчас.

Виктория набросила на себя белую шерстяную накидку и сбежала вниз по ступенькам.

– Виктория, постойте! – крикнул Чарльз, когда она мчалась через коридор в заднюю часть дома.

Виктория резко развернулась, дрожа всем телом.

– Оставьте меня! – крикнула она, пятясь. – Я уезжаю в Клермонт. Хватит вам того, что вы натворили!

– О’Мэлли! – отчаянно рывкнул Чарльз, когда она выбежала через черный ход.

– Да, ваша светлость?

– Ты, конечно, подслушал, что произошло в гостиной...

О’Мэлли, которому подслушивание было присуще по натуре, мрачно кивнул, даже не пытаясь отрицать это.

– Ты едешь верхом?

– Да, но...

– Поезжай за ней, – торопливо сказал Чарльз. – Не знаю, поедет ли она в коляске или верхом, но поезжай за ней. Она хорошо к тебе относится и прислушается к твоим словам.

– Ее милость сейчас не в настроении слушать кого-нибудь, и, пожалуй, ее можно понять.

– Не важно, черт подери! Если она не захочет вернуться, то хотя бы проводи ее до Клермонта и убедись, что она благополучно добралась туда и находится в безопасности. Клермонт отсюда в пятнадцать миль к югу, по дороге вдоль реки.

– А если она поедет в Лондон и попытается бежать с американцем?

Чарльз почесал в затылке, затем энергично затряс головой:

– Нет! Если бы она решилась на это, то уехала бы с ним сейчас.

– Но я не умею так хорошо ездить верхом, как леди Виктория.

– В темноте она не будет гнать коня. А теперь беги в конюшню и действуй!

Виктория уже неслась галопом на Матадоре, и Волк бежал рядом, когда О’Мэлли еще только мчался к конюшне.

– Подождите, пожалуйста! – крикнул он, но она, казалось, не слышала. Низко наклонившись к шее могучего коня, она гнала его так, будто за ней гонится дьявол. – Седлай самую быструю лошадь, которая у нас есть, и поскорее! – приказал О’Мэлли груму, взглядом провожая колыхавшуюся на ветру белую накидку, исчезающую за поворотом извилистой аллеи.

Матадор успел не то что проскакать, а буквально пролететь целых три мили, звонко щелкая копытами по покрытой щебнем дороге, когда Виктории пришлось замедлить темп – из-за Волка. Верный пес старался не отставать, но в конце концов рухнул в изнеможении. Она подождала, пока он отдышится, и уже собиралась сломя голову нестись дальше, как вдруг услышала позади топот копыт и едва доносившийся крик.

Не будучи уверена, преследует ли ее разбойник с большой дороги, нападающий по ночам на одиноких путников, или Джейсон, возможно, уже вернувшийся, Виктория повернула Матадора и быстро поехала прямо через заросли, меняя направление, чтобы сбить преследователя, кто бы он ни был, с толку. Но тот настырно мчался за ней, ломая кусты и уже почти догоняя ее, несмотря на все ее уловки.

Паника и ярость разрывали ее грудь, когда она выбралась из-под покрова леса, служившего хоть какой-то защитой, и пустила коня галопом по дороге. Если за ней гонится Джейсон, то она скорее погибнет, чем даст себя загнать, как кролика. Он слишком часто обманывал ее. Хотя вряд ли это Джейсон. Выезжая из Уэйкфилда, она не встретила кареты, не видела ее и тогда, когда выехала на дорогу, идущую вдоль реки.

Но тут ярость всадницы сменилась ужасом, от которого мурашки забегали по спине. Беглянка приближалась к той самой реке, где таинственным образом утонула девушка из приюта. Виктория вспомнила леденящие душу рассказы викария о кровожадных бандитах, нападающих ночью на путников, и, подъезжая к одному из мостов, проложенных через извилистую речку, бросила обезумевший от страха взгляд через плечо. Она заметила, что преследователь временно исчез из виду за поворотом дороги, но слышала топот его коня. Он неслся за ней так, словно видел ее в темноте. Накидка! Ее белая накидка развевалась позади нее, заметная, как мигающий маяк в темноте.

– О боже! – вырвалось у Виктории, когда копыта Матадора зацокали по настилу моста. Справа от нее была тропинка, шедшая вдоль реки, дорога же шла прямо. Она резко остановила коня, выбралась из седла и растегнула накидку. Неистово молясь, чтобы ее хитрость удалась, Виктория перебросила предательскую одежду через седло, повернула коня на тропинку, шедшую вдоль берега реки, и сильно стегнула Матадора по

крупу, отчего он вихрем помчался вперед. Сама же вместе с Волком побежала в лес и спряталась в кустарнике. Биение собственного сердца громом отдавалось у нее в ушах. Через минуту беглянка услышала, как копыта чужого коня зацокали о настил моста. Она попыталась разглядеть лицо преследователя, но не сумела: он быстро свернул на тропинку, бегущую вдоль берега.

Она не видела, как Матадор в конце концов перешел с галопа на шаг, а затем медленно спустился к реке, чтобы попить. Не знала она и того, что течением ее накидку смыло с седла и понесло вниз по реке, где она и зацепилась за ветки полузатонувшего дерева.

Виктория не видела ничего этого. Она уже бежала через лес к дороге, улыбаясь про себя: разбойник попался на тот самый хитрый трюк, которому когда-то научил ее индеец. Чтобы обмануть преследователя, нужно просто направить коня в одну сторону, а самой убежать в другую. Что касается накидки, то это была талантливая импровизация самой Виктории.

О'Мэлли, увидев Матадора, резко остановил своего коня. Он вертел головой во все стороны, безумным взглядом окидывая крутой берег, выискивая следы миледи и в конце концов предположив, что, должно быть, конь скинул ее в каком-нибудь другом месте.

– Леди Виктория! – звал он, оглядывая берег впереди, лес слева и, наконец, реку – справа...

И тут перед его взором предстала жуткая картина: в реке покачивалась на волнах белая накидка, зацепившаяся одним концом о сучья упавшего дерева.

– Леди Виктория! – в ужасе крикнул он, спешиваясь. – Проклятый конь! – задыхаясь, добавил верный слуга, с ходу скидывая куртку и сапоги. «Проклятая лошадь сбросила ее с моста в реку...» И он кинулся в мрачную стремнину и поплыл к полощущейся, словно белый флаг на ветру, накидке. – Леди Виктория! – крикнул он снова и нырнул на глубину. Затем вынырнул, опять позвал ее и, набрав воздуха, снова нырнул.

Глава 32

Когда карета Джейсона подъехала по аллее к дверям, дом был залит огнями свечей. Желая поскорее увидеть Викторину, он взбежал по низеньким ступенькам террасы.

– Добрый вечер, Нортроп! – улыбнулся он, хлопнув дюжего дворецкого по спине и отдавая ему плащ. – Где моя супруга? Все уже отужинали? Меня задержала сломанная в дороге ось.

Лицо Нортропа было похоже на застывшую маску, а голос осип до шепота:

– В гостиной вас ждет капитан Фаррел, милорд.

– Что у тебя с голосом? – добродушно спросил хозяин. – Если у тебя что-то с горлом, поговори с леди Викторией. Она дока в этих делах.

Нортроп судорожно сглотнул и промолчал. Бросив на него слегка недоуменный взгляд, Джейсон повернулся и живо зашагал через холл к гостиной. Он резко распахнул дверь и бодро улыбнулся:

– Привет, Майк, где моя супруга?

Он оглядел уютную комнату, в которой было тепло от огня, полыхавшего в камине, ожидая, что вот-вот из тени появится жена, но на глаза ему попала лишь мокрая накидка Виктории, висевшая на спинке стула; с нее капала вода.

– Прости меня за невежливость, дружище, – сказал он Майку Фаррелу, – но я уже несколько дней не видел Викторину. Позволь я схожу за ней, а потом мы все вместе присядем и приятно поболтаем. Она, должно быть, наверху...

– Джейсон, – еле вымолвил Майк, – случилось несчастье...

В голове Джейсона мелькнуло болезненное видение: такая же ночь, когда он приехал домой, рассчитывая увидиться с сыном, и Фаррел тогда тоже ждал его в этой самой гостиной... Как если бы желая избавиться от кошмара и боли, уже рвавших его сердце, он потряс головой, отступая назад.

– Нет! – Из шепота его голос превратился в раздирающий сердце крик. – Нет, проклятие! Только не говори мне, что...

– Джейсон...

– Посмей только сказать! – судорожно крикнул он.

Майк Фаррел заговорил, но опустив глаза: он не мог смотреть в перекошенное от невыносимой муки лицо друга.

– Лошадь сбросила ее с моста в реку приблизительно в четырех милях отсюда. О’Мэлли поехал за ней, но не смог найти ее. Он...

– Уходи, – выдавил из себя Джейсон.

– Мне очень жаль, Джейсон. Я просто не могу выразить словами, как мне жаль.

– Уходи!

Когда Майк ушел, Джейсон протянул руку к мокрой белой накидке, коснулся влажной шерсти, потянул промокший кусок материи к себе. Лицо его свела судорога отчаяния, когда он прижал ее к груди и нежно погладил; потом он зарылся в нее лицом и потерся щекой. Его тело содрогнулось от невыносимой боли, и слезы, до той поры неведомые его глазам, ручьями полились по щекам.

– Нет! – рыдал он в отчаянии, проклиная свою судьбу.

Глава 33

– Ну-ну-ну, успокойся, моя милая! – сказала герцогиня Клермонт, похлопывая правнучку по плечу. – У меня разрывается сердце, когда я вижу тебя в таком угнетенном состоянии.

Виктория закусила губу, глядя на подстриженные газоны, простирающиеся перед окном, и промолчала.

– Я просто не могу понять, почему твой муж до сих пор не явился с извинениями за их с Атертоном непростительный обман, – раздраженно заявила герцогиня. – Хотя, возможно, он позавчера так и не вернулся домой. – Она беспокойно зашагала по комнате, опираясь на трость, а ее живые глаза то и дело устремлялись на окно, как будто и она нетерпеливо ожидала, что с минуты на минуту должен нагрянуть Джейсон Филдинг. – Когда он появится, мне доставит большое наслаждение, если ты заставишь его встать на колени!

Печальная улыбка тронула губы Виктории.

– Тогда я вынуждена разочаровать вас, бабушка: уверяю вас, Джейсон никогда этого не сделает. Скорее всего он войдет и попытается поцеловать меня и... и...

– И соблазнит тебя вернуться домой? – просто закончила герцогиня.

– Именно так.

– И ему это удастся? – поинтересовалась старая леди, склонив голову набок. Несмотря на нахмуренное лицо, в глазах ее появились веселые искорки.

Виктория вздохнула и прислонила пылающий лоб к холодному оконному стеклу.

– Вероятно.

– Тем более он что-то затягивает с приездом. Ты действительно считаешь, что он знал о письмах мистера Бэйнбриджа? Если это так, то с его стороны было ужасно беспринципно не поставить тебя в известность.

– У него нет принципов, – устало и сердито заявила Виктория. – Он в них не верит.

Герцогиня снова начала в задумчивости мерить шагами комнату, но резко остановилась, случайно подойдя к Волку, лежавшему возле камина. Она содрогнулась и сменила направление.

– Не знаю, какой грех на мне лежит и почему я должна терпеть этого злобного хищника в качестве гостя!..

У Виктории вырвался грустный смешок.

– Привязать его во дворе?

– Боже правый, нет! Он уже порвал бриджи Майкельсона, когда тот утром собирался покормить его.

– Он не доверяет мужчинам.

– Мудрый зверь, хотя его вид оставляет желать лучшего.

– Мне кажется, он красив какой-то особенной, хищной красотой... – «Как Джейсон», – подумала она, ей стало не по себе, и она поспешно выкинула эту мысль из головы.

– Перед тем как я отправила Дороти во Францию, она успела приютить двух кошек и воробышка со сломанным крылом. Они тоже мне были не по душе, но, во всяком случае, они хотя бы не зыркали на меня, как этот зверь. Говорю тебе, он ждет не дождется, когда можно будет меня слопать. Даже в эту минуту он размышляет, какова я на вкус.

– Он следит за вами, потому что охраняет вас, – смеясь, объяснила правнучка.

– Он охраняет свой очередной обед! Нет-нет, – поспешно сказала герцогиня, протестуя подняв руку, когда Виктория направилась к Волку с намерением отвести его во двор. – Умоляю тебя, не ставь снова под угрозу жизнь моих слуг. А кроме того, – чуть расслабившись, призналась она, – со дня смерти твоего прадеда я еще никогда не чувствовала себя в такой безопасности.

– Тебе теперь не нужно беспокоиться, что в дом могут забраться воришки, – согласилась девушка, снова занимая свой наблюдательный пост у окна.

– Забраться? Дорогая, да вор теперь не войдет в эту комнату, даже если ему заплатят.

Виктория постояла у окна еще с минуту, а затем повернулась и бездумно побрела к забытой книге, лежавшей на полированном столике.

– Сделай одолжение, присядь, Виктория, и дай мне походить немного. Какой смысл нам постоянно натекать друг на друга, бродя по ковру. Интересно, что мешает этому твоему дьяволу-красавчику пожаловать в нашу берлогу?

– Возможно, он действительно еще не возвратился из поездки, – сказала Виктория, усаживаясь в кресло и уставившись на свои ладони. – Только теперь я немного успокоилась.

Герцогиня прошла к окну и выглянула во двор.

– Ты думаешь, он любит тебя?

– Мне так казалось.

– Конечно, да! – настойчиво подтвердила ее светлость. – Весь Лондон говорит об этом. Он без ума от тебя. Именно по этой причине он вступил в сговор с Атертоном и скрыл от тебя письмо твоего обожаемого Эндрю. Уж я постараюсь сказать Атертону все, что думаю по этому поводу. Хотя, – задумчиво добавила она, все еще вглядываясь в окно, – вероятно, в сложившихся обстоятельствах и я поступила бы так же.

– Не верю.

– Конечно, да! Если бы передо мной был выбор, позволить ли тебе выйти за какого-то неизвестного мне человека из некоей заморской колонии или выдать тебя за лучшего жениха страны – состоятельного, титулованного и красивого, – конечно, я вполне могла поступить так же.

Виктория не стала напоминать, что именно подобная логика не дала возможности ее матери и Чарльзу Филдингу насладиться счастьем любви.

Голос герцогини стал чуть напряженнее:

– Ты абсолютно уверена в том, что хочешь вернуться в Уэйкфилд?

– Я не собиралась уезжать насовсем. Мне кажется, я лишь хотела наказать Джейсона за горе, причиненное Эндрю. Бабушка, если бы ты только видела лицо Эндрю в этот момент, то поняла бы. Мы с детства были самыми большими друзьями! Эндрю научил меня плавать, стрелять и играть в шахматы. Кроме того, меня взбесило, что Джейсон и Чарльз отнеслись ко мне как к игрушке, пешке, бесчувственному предмету. Ты не можешь представить себе, какой одинокой и несчастной я чувствовала себя, когда думала, что Эндрю отказался от меня.

– Ну, моя дорогая, – задумчиво сказала герцогиня, – тебе недолго осталось чувствовать себя одинокой. Уэйкфилд как раз приехал за тобой... Хотя нет, постой, он прислал эмиссара! Кто это такой?

Виктория пулей бросилась к окну.

– О, это капитан Фаррел, старинный друг Джейсона.

– Хм! – весело сказала герцогиня, постукивая тростью об пол. – Хм! Он прислал секунданта. Этого я не ожидала от Уэйкфилда, но пусть будет так! – Она махнула рукой, сделав знак Виктории. – Беги в салон и не показывай своего хорошенького личика, пока я не позову тебя.

– Что? Нет, бабушка! – упрямо воскликнула девушка.

– Да! – ответила старая леди. – Сейчас же! Если Уэйкфилд желает рассматривать это как дуэль и посылает секунданта обсудить условия, то пусть так и будет! Я буду твоим секундантом. И уж я-то не уступлю! – весело подмигнула она.

Виктория неохотно подчинилась и ушла в салон, но, естественно, ни при каких обстоятельствах она не допустила бы, чтобы капитан уехал, не

поговорив с ней. «Если прабабушка не позовет в ближайшие пять минут, то я все равно пойду в гостиную и поговорю с капитаном», – решила она.

Прошло всего три минуты, как дверь в салон с шумом распахнулась и на пороге появилась прабабушка, выражение лица которой представляло комическое сочетание недоумения, смеха и ужаса.

– Дорогая моя, – объявила герцогиня, – кажется, ты все-таки невольно заставила Уэйкфилда ползать на коленях.

– А где капитан Фаррел? – перебила ее правнучка. – Он еще не уехал?

– Нет-нет, он здесь, успокойся. Бедняга сейчас отдыхает с дороги в ожидании закуски, которую я любезно предложила ему. Подозреваю, что он теперь воспринимает меня как самую жестокосердную женщину в мире, потому что, когда он сообщил мне привезенную им новость, я весело предложила ему подкрепиться, вместо того чтобы выразить глубочайшее соболезнование.

– Бабушка! О чем вы говорите? Разве Джейсон не послал капитана Фаррела, чтобы просить меня вернуться? Разве он не для этого сюда прибыл?

– Позволь заверить тебя, что вовсе не для этого, – заметила герцогиня, подняв брови. – Чарльз Филдинг послал его сюда, чтобы сообщить мне невыносимо печальное известие о твоей безвременной кончине.

– Что?!

– Оказывается, ты утонула, – коротко сказала леди. – В реке. Или по крайней мере утонула твоя накидка. – Прабабушка взглянула на Волка. – А этот паршивый зверь удрал себе в лес, откуда и явился, когда ты подружилась с ним. В Уэйкфилде все в трауре. Чарльз слег – так ему и надо, – твой дражайший супруг заперся у себя в кабинете и не позволяет никому туда приближаться на расстояние выстрела.

От ужаса и волнения Виктория чуть не потеряла сознание; затем оправилась и стрелой помчалась в соседнюю комнату.

– Виктория! – крикнула ей вслед вдовствующая герцогиня и поспешила, насколько ей позволяли силы, за правнучкой, которая бурей ворвалась в гостиную вместе с неотступно следовавшим за ней Волком.

– Капитан Фаррел!

У сидевшего с удрученным, пасмурным видом капитана дернулась голова, и он уставился на девушку так, будто видит привидение, потом перевел взгляд на другое, четвероное «явление с того света», которое встало в угрожающую позу и обнажило клыки.

– Капитан Фаррел, я вовсе не утопленница! – воскликнула Виктория, торопясь поскорее прервать затянувшееся молчание. – Волк, фу!

Капитан засиял и вскочил с дивана не веря своим глазам, но затем пришел в бешенство:

– Значит, это у вас такие шуточки?! А знаете ли вы, что Джейсон с ума сходит от горя...

– Капитан Фаррел! – резким властным тоном оборвала его герцогиня, приосанившись и встав во весь свой малюсенький рост. – Попрошу вас следить за своими выражениями, когда вы обращаетесь к моей правнучке. До этой самой минуты Виктория совершенно резонно предполагала, что Уэйкфилду известно о ее присутствии в Клермонте. О чем она, кстати, благоразумно предупредила перед отъездом.

– Но накидка...

– За мной кто-то гнался – верно, один из тех разбойников, о которых вы мне говорили, – и я набросила накидку на седло своего коня и отправила его по тропинке вдоль реки в расчете на то, что это отвлечет внимание разбойника.

Капитан расслабился и покачал головой:

– Разбойником, преследовавшим вас, был О’Мэлли. Он чуть не утонул, когда нырял в воду, разыскивая вас на дне реки, тогда и нашел эту проклятую накидку.

Виктория понурила голову и в глубоком раскаянии закрыла глаза; затем ее длинные ресницы затрепетали, и она неожиданно засуетилась. Девушка заключила в горячие объятия прабабушку и скороговоркой поблагодарила ее:

– Бабушка, спасибо вам за все. Нужно спешить. Я еду домой...

– Ты никуда не поедешь без меня! – возразила герцогиня. – Такого возвращения домой я бы в жизни не пропустила. Такого волнения я не испытывала с тех пор... а впрочем, не важно.

– Вы можете ехать за мной в экипаже, – уточнила Виктория, – а я поскачу верхом: так будет быстрее.

– Ты поедешь в экипаже со мной! – властно заявила старая леди. – Тебе еще не пришло в голову, что когда твой благоверный оправится от первой радости, то отреагирует точно так же, как только что реагировал его эмиссар, продемонстрировавший ужасно неприличные манеры? – Прежде чем продолжить, она бросила уничтожающий взгляд на бедного капитана Фаррела. – Только реакция твоего супруга будет куда более впечатляющей. Короче говоря, мое дорогое дитя, после того как он расцелует тебя, в чем я не сомневаюсь, ему наверняка захочется тебя убить за то, что он, несомненно, считает чудовищным издевательством с твоей стороны. Поэтому я должна быть рядом, чтобы прийти к тебе на помощь и

засвидетельствовать правдивость твоих объяснений. Вот так-то! – сказала герцогиня, громко постучав тростью об пол, что означало немедленный вызов дворецкого. – Нортон, сию минуту – мой экипаж к подъезду!

Обернувшись к капитану, она, видимо, немного поостыв, величаво и весьма милостиво объявила:

– Вы тоже можете ехать вместе с нами в экипаже... – Но чтобы он не считал, что слишком легко отделался, добавила: – Это для того, чтобы я могла не выпускать вас из виду. Нельзя допустить, чтобы Уэйкфилд был предупрежден о нашем приезде и ждал нас у подъезда с топором в руке.

К тому времени, когда, уже в темноте, их экипаж наконец подъехал к дому Уэйкфилда, Виктория боялась, что у нее выскочит сердце из груди.

Никто не вышел из дома, чтобы откинуть подножку экипажа и помочь пассажирам сойти на землю, а среди множества окон, выходящих в парк, свет горел лишь в нескольких. Казалось, что дом обезлюдел, но тут, к своему ужасу, Виктория заметила, что окна нижних этажей завешены черным, а над парадным входом висит венок.

– Джейсон ненавидит траур! – вырвалось у нее, и она начала неистово толкать дверцу экипажа, пытаясь отворить ее. – Скажите Нортропу, чтобы он немедленно снял все это!

Впервые за всю дорогу нарушив молчание, обиженный капитан Фаррел взял ее за руку и мягко сказал:

– Это сделано по указанию Джейсона, Виктория. Я же говорил, что он почти помешался от горя. Ваша прабабушка отчасти права – я даже не представляю, что с ним сейчас будет.

Виктории было все равно, что ее ждет, лишь бы он узнал, что она жива. Она выскочила из экипажа, оставив капитана поухаживать за прабабушкой, и кинулась к парадному. Увидев, что дверь заперта, она подняла молоточек и начала колотить им по тяжелой двери. Казалось, прошла вечность, пока дверь медленно отворилась.

– Нортроп! – крикнула Виктория. – Где Джейсон?

Дворецкий попытался в тусклом свете разглядеть, кто это, протер глаза, потом снова взглянул в нее и опять протер глаза.

– Пожалуйста, не гляди на меня как на привидение. Произошло недоразумение! Нортроп, – в отчаянии сказала она, касаясь теплой рукой его мертвенно холодной щеки, – я не утопленница!

– О-он... в-в кабинете, – наконец вымолвил Нортроп. – Он в своем кабинете, миледи, и позвольте сказать, как я счастлив, как...

Не в состоянии выслушать до конца заверения дворецкого, Виктория бросилась через холл к кабинету, по пути приглаживая волосы.

– Виктория? – изумленно воскликнул Чарльз, заглядывавший сверху через перила лестницы. – Виктория!!!

– Бабушка вам все объяснит, дядя Чарльз! – крикнула она на ходу.

У кабинета она дрожащей рукой взялась за ручку, на секунду застыв и осознав всю неисправимость того, что она натворила; затем перевела дыхание и вошла внутрь, закрыв за собой дверь.

Джейсон сидел в кресле у окна, сложив руки на коленях и уткнувшись в них головой. На столе стояли две пустые бутылки из-под виски и ониксовая пантера, подаренная ею.

Виктория в отчаянном раскаянии сглотнула душивший ее комок в горле и тихо подошла к нему.

– Джейсон... – нежно сказала она.

Он медленно поднял голову и уставился на нее. Лицо его было полно трагизма и страдания, глаза смотрели сквозь нее, будто она была его бредом, видением.

– Тори!.. – с невообразимой мукой застонал он.

Виктория от ужаса замерла на месте. Он откинул голову на спинку кресла и с усилием зажмурился.

– Джейсон! – пронзительно крикнула она. – Посмотри на меня!

– Я вижу тебя, дорогая, – не открывая глаз, прошептал он. Его рука потянулась к пантере и любовно погладила ее спину. – Поговори со мной, – взмолился он болезненно-прерывистым голосом. – Все время разговаривай со мной, Тори. Пусть я спятил, лишь бы слышать твой голос...

– Джейсон! – взвизгнула Виктория, бросаясь вперед и схватив его за широкие плечи. – Открой глаза. Я жива. Я не утонула. Слышишь, я не утонула!!!

Его остекленевшие глаза открылись, но он продолжал говорить с ней так, будто она была обожаемым видением, которому он должен что-то объяснить.

– Я ничего не знал о письме твоего Эндрю, – горестно говорил он. – Теперь ты знаешь это, правда же, дорогая? Знаешь...

Неожиданно он устремил измученные глаза в потолок и начал молиться, при этом его тело судорожно изогнулось, как от боли.

– О, пожалуйста! – застонал он так, что у нее сжалось сердце. – Пожалуйста, скажи ей, что я не знал о письме. Черт тебя подери! – рычал он на Бога. – Скажи ей наконец, что я не знал!

Виктория в панике попятилась.

– Джейсон! – истерично завопила она. – Подумай! Я же в воде чувствую себя как рыба, помнишь? Фокус с моей накидкой предназначался

для разбойников. Я слышала, что за мной гонятся, но не знала, что это О'Мэлли. Я думала, это разбойник, и поэтому сняла накидку, набросила на лошадь, а сама побежала к бабушке и... О боже!

Схватившись за голову, она оглядела тускло освещенную комнату, пытаюсь сообразить, как привести его в чувство, затем бросилась к письменному столу. Она зажгла настольную лампу, потом кинулась к камину и зажгла первую попавшуюся пару ламп на каминной полке. Она уже собиралась зажечь вторую пару, когда ее плечи стальными обручами охватили пальцы мужа. Он волчком развернул ее лицом к себе и резко прижал к груди. Она успела увидеть, что в его глазах блеснуло сознание, а затем он бешено впился губами в ее рот; его руки метались по ее спине и бедрам, прижимая так сильно, словно он хотел слиться с ней воедино. Судорога пробежала по его телу, когда жена приникла к нему, жадно обнимая за шею.

Прошло несколько долгих минут, пока он вдруг резко не отпрянул от нее, отцепив ее руки от шеи, и не уставился на нее пристальным взглядом. Виктория поспешно попятилась, мгновенно узрев зловещий огонь, разгорающийся в его прекрасных зеленых глазах.

– А теперь, когда мы покончили с этим, – мрачно сказал он, – я собираюсь устроить тебе такую трепку, что ты долго не сможешь садиться.

Из ее горла вырвался не то смешок, не то тревожный вопль, когда он выбросил вперед руку. Она отпрыгнула назад, чтобы он не достал до нее.

– Нет, не устроишь! – задыхаясь, сказала она, настолько радуясь его возвращению в нормальное состояние, что не могла удержаться от чуть заметной улыбки.

– Давай держать пари. Сколько ставишь на кон? – тихо спросил он, все больше наступая на нее, по мере того как она отступала назад.

– Немного, – дрожащим голосом ответила Виктория, нырнув за угол стола.

– А когда я покончу и с этим, то прикую тебя к себе.

– Это тебе удастся, – пробурчала она, огибая стол.

– И уж теперь я никогда не упущу тебя из виду.

– Я... не виню тебя за это. – Виктория кинула взгляд на дверь, как бы измеряя расстояние.

– И не пытайся, – предупредил он.

Она увидела зловещий блеск в его глазах и не вняла его предупреждению. Чувствуя головокружение от счастья и одновременно острую необходимость спастись, пока не поздно, она бросилась в дверь, подхватила юбки и метнулась через холл к лестнице. Джейсон почти

поспевал за ней, чему немало способствовала длина его ног.

Не в силах удержать смеха, Виктория понеслась через холл, мраморную залу, мимо Чарльза, капитана Фаррела и прабабушки, которые выскочили из салона, чтобы получше рассмотреть происходящее. Виктория добежала до середины лестницы, потом повернула и пошла обратно, прямо навстречу Джейсону, который уже нагонял ее.

– Ладно, Джейсон, – сказала она, не в состоянии изобразить серьезное выражение на лице, и примирительно протянула ему руку, прилагая все силы, чтобы выглядеть кающейся Магдалиной. – Пожалуйста, будь благоразумным...

– Не задерживайся, моя милая, ты идешь в правильном направлении, – сказал он, шаг за шагом приближаясь к ней. – Выбор за тобой: моя спальня или твоя.

Виктория повернулась и стремглав побежала по лестнице и коридору к своей комнате. Пробежав через его покои, она уже была у своей спальни, когда он вошел и запер дверь на ключ.

Виктория обернулась к нему; ее сердце разрывалось от любви.

– Ну вот, моя радость... – произнес он тихим многозначительным тоном, поглядывая, куда она собирается метнуться на этот раз.

Беглянка с обожанием взглянула на его прекрасное бледное лицо, а затем метнулась... прямо к Джейсону, прикинув к нему и крепко обняв.

С минуту Джейсон стоял абсолютно неподвижно, борясь с раздирающими его сердце чувствами, затем потихоньку расслабился. Его руки обхватили тонкую талию, с невероятной силой сжали ее, и он трепетно прижал жену к себе.

– Я люблю тебя, – хрипло прошептал он, зарывшись лицом в ее волосы. – О господи! Я так тебя люблю!

А внизу, у подножия лестницы, капитан, герцогиня и Чарльз облегченно заулыбались, когда наверху наступила полная тишина.

Первой заговорила герцогиня.

– Итак, Атертон, – сухо заметила она. – Осмелюсь сказать, что теперь вы знаете, что значит вмешиваться в жизнь молодых людей и нести ответственность за последствия, как это произошло в свое время со мной.

– Мне нужно подняться наверх и поговорить с Викторией, – заявил герцог, устремив взор на безлюдную площадку верхнего этажа. – Я должен объяснить, что был уверен: она будет счастливее с Джейсоном. – Не успел он сделать и шага, как тросточка герцогини преградила ему путь.

– Даже и не думайте мешать им! – надменно, повелительным тоном

сказала она. – Я мечтаю получить праправнука, и, если не ошибаюсь, они уже сейчас прилагают усилия, чтобы произвести его на свет. – Смиловитившись, она добавила: – Однако я не буду против, если вы предложите мне рюмку шерри.

Чарльз оторвал взгляд от верхней площадки и пристально посмотрел на старую леди, которую ненавидел всеми фибрами души последние двадцать лет и даже чуть дольше. Его нынешние переживания длились всего два дня, в то время как ей довелось переживать целых двадцать два года. После минутного колебания он предложил ей руку.

Герцогиня долго смотрела на нее, понимая, что речь идет о мире, затем медленно положила свою сухонькую руку на его рукав.

– Атертон, – заявила она, когда он повел старую леди к гостиной, – Дороти пришла в голову блажь никогда не выходить замуж и стать пианисткой. Я же решила выдать ее за Уинстона, так что у меня созрел план...

notes

Примечания

Река в Нью-Йорке. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

1 фут равен 30,48 см.

3

Да ($\phi p.$).

Игра слов «my lord» – милорд, а «my Lord» – Боже мой (*англ.*).

Ссылка на американскую поговорку, означающую «признать свою вину».

Сплетен (*φρ.*).

7

Очко в вашу пользу (*фр.*).

Monstre – чудовище; master – хозяин (*англ.*).

Пираты, развлекаясь, заставляли пленников идти с завязанными глазами по доске, одним концом закрепленной на палубе судна, пока они не падали в море.